

А. Е. Крымский

Письма
из
Ливана

1896-1898

А. Е. Крымский
Фотография 90-х годов XIX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК УССР
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Е. Крымский

ПИСЬМА
ИЗ ЛИВАНА
(1896—1898)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Составители:
Н. П. ВИЗИРЬ и И. М. СМЛЯНСКАЯ

Книга представляет собой публикацию писем украинского востоковеда и писателя А. Е. Крымского, знакомящих с бытом, укладом и состоянием общественной мысли Ливана конца XIX в.

К $\frac{10603-054}{013(02)-75}$ — 58-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Находясь в Сирии и Ливане с октября 1896 по май 1898 г., А. Е. Крымский вел обширную переписку. Для публикации сам А. Е. Крымский отобрал только письма к родным — отцу, брату, жене брата, старшей сестре. Эти письма, по его собственному определению, заменяли ему дневник¹.

В архиве сохранились машинописные экземпляры писем к родным, которые готовил к печати сам автор в 30-е годы XX в., снабжая их примечаниями (примечания приводятся в сносках). К сожалению, основная часть оригиналов писем не сохранилась. До нас дошли только 32 оригинала публикуемых в настоящем издании писем, которые хранятся в архиве А. Е. Крымского в Отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР (31 ед. хр.) и в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (6 ед. хр.).

В Центральной научной библиотеке АН УССР хранятся оригиналы писем, которые в настоящей публикации приводятся под номерами 3, 5, 6, 9, 11, 13, 15, 16, 19—21, 23, 25, 26, 28, 29, 33, 34, 40 — 42, 46, 47, 49—51. В Институте литературы АН УССР находятся оригиналы писем, включенные в настоящую публикацию под номерами 76—78, 93, 117—119.

Тексты прочих писем воспроизводятся по машинописным авторизованным копиям, хранящимся в Центральной научной библиотеке АН УССР под шифром I, 23634.

Подготовка настоящего издания была затруднительна в силу того, что только часть писем выправлена рукой А. Е. Крымского. В ряде писем имелись пропуски (обозначенные < . . . >), описки. В оригиналах писем ряд терминов и отдельные фразы давались в арабской графике. В машинописном тексте они переданы в диалектной форме, сохраненной в настоящей публикации. Поскольку

¹ В Шуэйре (Горный Ливан), откуда почта доставлялась значительно реже, чем из Бейрута, ученый чаще обращался к ежедневным записям (иные из них позже обрели форму писем), которые нередко адресовал родственникам.

ученого интересовали особенности диалекта, он стремился воспроизвести разговорную речь, сохраняя часто те ее особенности, а иногда и многообразие звучания, которые воспринимались им на слух. В передаче арабских имен и терминов Крымский прибегал к дополнительным надстрочным и подстрочным знакам, однако строгой системы начертания через все письма не провел. Поэтому для облегчения набора издатели решили снять эти знаки, сохранив лишь знак ' , передающий букву «айн».

Поскольку настоящее издание не носит мемориального характера, в отличие от публикации писем в Сочинениях А. Е. Крымского (см. А. Ю. Крымский, Твори, т. V, ч. II, Київ, 1973), составители сочли целесообразным исключить материал, не имеющий прямого отношения к востоковедным темам или к научной и общественной деятельности А. Е. Крымского: не представляющие специального интереса семейные сюжеты и интимные подробности родственной переписки, сообщения о перипетиях личных взаимоотношений А. Е. Крымского с Гагариным и другими дипломатическими представителями, сентенции, продиктованные минутным житейским раздражением (рассуждения о неаккуратности старика Ю. Атая, о торгашеских наклонностях купеческой части бейрутинцев и т. п.). Устранены также явные повторения. Купюры обозначены [. . .].

Из 143 писем, отобранных А. Е. Крымским для печати, в настоящем издании публикуются (отчасти в сокращении) 123. Наибольшее количество писем адресовано брату ученого Ефиму Ефимовичу, с которым А. Е. Крымского связывала дружба и которого в письмах к другим родным он именует Симой (эти письма не имеют обращения к адресату).

Во время пребывания А. Е. Крымского в Сирии Е. Е. Крымский учился в Московском университете, который он окончил в 1898 г. Позже преподавал русский язык и литературу в Звенигородском училище. Там же, в Звенигородке, он и умер в 1956 г. Остальные письма А. Е. Крымский адресует сестре — Марии Ефимовне Крымской (1863—1951), отцу, Ефиму Степановичу (1838—1915), учителю звенигородской гимназии, автору ряда учебников и литературных работ, жене брата Марии Фердинандовне Крымской (урожденной Орчинской).

Свои письма А. Е. Крымский датировал старым стилем, иногда старым и новым. Это объяснялось тем, что он жил в православной среде (как отмечал А. Е. Крымский в «Бейрутских рассказах», православные арабы «держатся старого стиля»).

Название публикации — «Письма из Ливана» (хотя сам А. Е. Крымский предполагал назвать «Письма из Сирии») — дано составителями в соответствии с современными географическими и по-

литическими понятиями. (Во времена Крымского Бейрут и прилегающее к нему Средиземноморское побережье рассматривались как часть Сирии и только горный район имел название Джебель Любнан — Горный Ливан.)

К письмам даны комментарии, составленные И. М. Смилянской и Н. П. Визирем.

Цель настоящей книги не только познакомить читателей с ливанскими письмами А. Е. Крымского, но ввести в научный оборот неизвестные до сих пор этнографические и фольклорные записи ученого, хранящиеся среди его рукописного наследия, а также расширить представления о Ливане 90-х годов XIX в. Публикация сопровождается «Очерком востоковедного творчества А. Е. Крымского».

Составители книги выражают искреннюю благодарность ужгородскому ученому К. И. Гурницкому, московским арабистам Ю. Н. Завадовскому и Д. И. Юсупову, иранисту Н. А. Кузнецовой, сотрудникам рукописных отделов Центральной научной библиотеки АН УССР А. Г. Адаменко и Е. И. Николоевской и Института литературы АН УССР К. М. Секаревой и выпускнику Университета дружбы народов им. Лумумбы Маруану Хабibu Абдо (Ливан) за помощь и полезные замечания, высказанные в процессе подготовки публикации и написания комментариев и очерка творчества А. Е. Крымского.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Привлеченный именем известного востоковеда, читатель тщетно будет искать в публикуемых письмах размышления ученого, отражение его научных поисков. Лишь в своих последующих работах А. Е. Крымский изложит зрелые заключения о наблюдаемых им фактах, даст анализ разнообразных явлений жизни Сирии¹ второй половины XIX в. Он подведет итог собственным многосторонним исследованиям истории арабской культуры периода Нахды (Возрождения) в последней работе — «Истории новой арабской литературы», которая без преувеличения знаменует вершину его творчества и которая в силу особого стечения обстоятельств увидела свет только в 1971 г. К сожалению, замыслу издать собранный в Ливане фольклорный материал так и не суждено было исполниться².

Публикуемые письма не представляют собой историко-литературного жанра типа «*Lettres sur la Turquie*» Убичини или «Листи з Сирії», опубликованных Крымским в черновицкой газете «Буковина» (1897, №№ 70—72). Это частные письма, предназначенные выполнить роль заметок для себя и сообщить близким людям — отцу, сестре, брату и невестке — о пребывании в стране, столь отдаленной географически и инородной в культурном отношении. «Не рви моих бейрутских писем, а сохрани их. Я покамест не веду никаких дневников. Что меня больше поражает, я того касаюсь в письмах», — обращается А. Е. Крымский к брату. Молодой ученый рассчитывает на свою поразительную память: «По возвращении в Россию конверты ты дашь мне, а письма позволишь перечитать, и я вспомню по ассоциации множество таких вещей, о которых нет ничего и в письмах».

¹ Политическое и географическое понятия «Сирия» в XIX в. были иными, чем в настоящее время. Современные Ливан и Сирия составляли одну провинцию Османской империи — Сирию, включавшую несколько вилайетов. Только Горный Ливан, пользовавшийся с 1861 г. автономией, иногда выделялся как политическая единица — Ливанская мутасаррифийа — или географическая — Джебель Любнан. Современное ливанское побережье рассматривалось в XIX в. как часть Сирии.

² См. стр. 320 настоящего издания.

Действительно, сведения, сообщаемые в первых письмах, поверхностны и фрагментарны. Однако со временем записи становятся более пространными и связными, а впечатления — глубокими. Особенно это относится к письмам из Шуэйра (Горный Ливан), где А. Е. Крымский, почти лишенный общества образованных людей, тоскуя по родине, сохранял связь с привычным ему миром посредством переписки.

У А. Е. Крымского мало времени для обстоятельных записей своих наблюдений. Он чрезвычайно занят. Изучение разговорного языка, сбор этнографических и фольклорных материалов, переписывание рукописных арабских сочинений, изучение литературы («Ох, арабські фоліанти! Вже несила вас читати!» — восклицает он в одном из стихотворений бейрутского цикла «Пальмове гілля» — «Пальмовые ветви»), посылка корреспонденций в львовскую и московскую периодику, сотрудничество в галицийских изданиях (в эти годы он участвует в издании собрания сочинений украинского поэта-демократа Степана Руданского), составление статей для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, написание работы «Мусульманство и его будущее. Прошлое ислама, современное состояние мусульманских народов, их умственные способности, их отношения к европейской цивилизации» (с пометой: «с. Шуэйр на Ливанских горах 10/22.IX.1897. Бейрут 1/13.III. 1898), наконец создание сборника «Бейрутські оповідання» («Бейрутские рассказы») — вот далеко не полный перечень его занятий.

Впрочем, такой режим для ученого, очевидно, привычен³. Благодаря настойчивой работе (мы не говорим об одаренности) А. Е. Крымский к двадцати пяти годам, ко времени, когда он оказался в Ливане, энциклопедически образован, владеет семнадцатью языками. Им уже создан сборник «Повістки і ескізи з українського життя» (Коломия — Львів, 1895), написано множество обзоров и рецензий для львовских, киевских, московских изданий, выполнены переводы на украинский язык из арабской и персидской поэзии, переведена с английского языка книга Клоустона и т. д.

Столь интенсивная работа (в Москве и в Бейруте) объясняется вместе с тем нуждой А. Е. Крымского в литературном заработке. Правда, постоянные жалобы в ливанских письмах на денежные затруднения, педантичная расчетливость, забота о сохранении своего весьма скудного гардероба, скромность быта в значительной степени были также следствием страсти ученого к собиранию книг, выписыв-

³ В письме к отцу зимой 1903 г. А. Е. Крымский писал: «Одна отрада — работа: она заполняет жизнь, дает наслаждение» (цит. по: О. Б а б и ш к і н, Агатагел Крымський, Київ, 1967, стр. 24).

ваемых из Европы, и арабских рукописей. Позже, в Москве, он передаст часть своего собрания древностей в московские хранилища, а перед Отечественной войной всю собранную им огромную, редкую по составу библиотеку — Академии наук УССР. Актом передачи А. Е. Крымский продолжит патристическую традицию тех русских ученых, путешественников, дипломатов, чьими трудами были созданы богатые рукописные, книжные и этнографические коллекции России.

Итак, времени на письма у Крымского остается мало и пишет он далеко не обо всем, что видит, что поражает его. Возникает вопрос: представляют ли эти письма научный интерес?

Филолог, изучающий пути проникновения восточных мотивов в украинскую литературу (в частности, в связи с оценкой «Бейрутских рассказов» А. Е. Крымского и его сборника «Пальмовые ветви»), найдет в письмах ценный материал. Немало примечательного почерпнет в них и исследователь, занимающийся проблемами психологии творчества.

Читая их, мы как бы присутствуем при первичном отборе фактов из хаотической массы непосредственных впечатлений. Наблюдаем живой интерес ученого к точной фиксации факта (бытовой детали, пословицы как фольклорного элемента социальной ситуации). На следующих этапах творческого мышления, на уровне научного обобщения или художественного синтеза, он использует эти наблюдения для раскрытия общественной психологии, арабского национального характера. А через впечатления от природы и пейзажа Ливана А. Е. Крымский выразит эмоциональный настрой лирического героя своей поэзии⁴.

На уровне первичного отбора фактов (в письмах) еще преобладают непосредственные реакции, вкусовые оценки, ассоциативные связи. Естественно, что многие из отмеченных ученым фактов — житейского характера. Обстоятельная информация о питании объясняется перенесенной Крымским в 1892 г. холерой и необходимостью в связи с этим умерить беспокойство близких. Забота о бытовом устройстве вполне естественна, если учесть, что ученый оказался вне привычных для европейца условий жизни (кстати, Крымский крайне непритязателен: шорба, умывальник, лампа и отдельная комната для занятий — вот, пожалуй, и все, что требуется ему, чтобы иметь возможность работать). Немало утомительных подробностей сообщает А. Е. Крымский и о взаимоотношениях внутри маленькой орди-

⁴ В возникшем в Ливане цикле «Пальмовые ветви» современники А. Е. Крымского высоко ценят страницы, посвященные описаниям природы (И. Франко, Рец. на кн.: А. Крымский, Пальмовые ветви. — Сочинения, т. IX., М., 1959, стр. 343).

нарной по составу русской колонии в Бейруте, это приобретает особый смысл для человека, оторванного от родины. Но и в этих подчас скучных описаниях нередко содержится материал, полезный для этнографа и историка⁵. Особое внимание ученого привлекают различные стороны общественной жизни, этнографические данные, народное творчество Ливана.

Готовя по возвращении из Сирии сообщение для Московского археологического общества, А. Е. Крымский запишет в черновых набросках: «Во время своего двухлетнего пребывания в Сирии я был поставлен в такое положение, что мог познакомиться с Востоком с очень многих сторон. Но должен признаться, и до жизни на Востоке и во время пребывания меня всегда занимало только то, что имеет в себе более или менее живую струю, большее или меньшее отношение к общечеловеческим интересам — например, литературе, философии, религии, социальной жизни, этнографии... Я с охотой занимался арабской филологией, но здесь меня больше всего интересовало отношение староарабской фонетики к фонетике современной арабской речи — опять предмет не архивный»⁶. В письмах же он отмечал более лаконично, что в беседах со своим учителем арабского языка Наджибом Традом всегда старался коснуться вопросов восточных нравов, воззрений, истории и т. п.

Благодаря ярким и очень подробным описаниям со множеством незначительных на первый взгляд деталей в сознании читателя писем постепенно вырисовываются образы Бейрута и Горного Ливана.

В Бейруте А. Е. Крымский поселился в православном квартале Рмейль. По свидетельству Ламартина, за шестьдесят лет до этого здесь располагались бейрутские сады. Друско-маронитские столкновения в Ливане и христианские погромы в Дамаске летом 1860 г. повлекли за собой миграцию христиан. В Бейрут, население которого с 30-х годов XIX в. и без того увеличилось более чем в четыре раза, хлынули тысячи беженцев. Возникли новые кварталы — Рмейль,

⁵ Обратим внимание хотя бы на сезонное изменение пищевого рациона ливанцев (и самого Крымского по мере его акклиматизации), на различный режим питания обитателей средней полосы Европы и восточного Средиземноморья.

Растянутые описания бесед с российскими дипломатами в Сирии дают представление о кругозоре, деловых и нравственных качествах чиновников, которым было поручено представлять российские экономические и политические интересы на Ближнем Востоке. Зарисовки Крымского подтверждают справедливость критики некомпетентности бюрократического аппарата даже со стороны буржуазно-либеральной российской прессы (в связи с устремлением развивающейся российской буржуазии к завоеванию восточных рынков).

⁶ Рукописный отдел Центральной научной библиотеки АН УССР (далее: ЦНБ), архив А. Е. Крымского, ф. I, ед. хр. 25213.

Ашрафийа, Мар-Митри... Новые обитатели принесли с собой свои говоры, заметно отличающиеся от диалекта прибрежной полосы, свои традиции (иными словами, уровень социально-экономического развития был еще таков, что даже при изменении условий жизни население воспроизводило свой традиционный образ существования). Приезд в Бейрут чужестранца привлек всеобщее внимание. «Известие о прибытии „москобия“, да еще понимающего по-арабски, облетело весь квартал Рмейль... В течение первых дней меня посетила едва не тысяча православных арабов», — не без преувеличения отмечал А. Крымский⁷.

Распорядок городской жизни во многом оставался традиционным. широко отмечались мусульманские, христианские и дохристианские праздники (байрам, пасха, «понедельник монаха» и т. п.); сохранялись древние обряды и обычаи; соблюдались средневековые запреты в одежде (османские подданные обязаны были носить тарбуш — головной убор, отличающий их от европейцев), издавна заведенный режим жизни (с заходом солнца город погружался в сон) и исчисление времени (не деление суток на двадцать четыре часа — от полуночи до полуночи, а отсчет часов или от заката или от восхода солнца: «полночь никому не нужна, тогда все люди спят и не работают»⁸).

Особенности традиционного мышления А. Е. Крымский наблюдает и у людей, получивших европейское образование: «Араб-сириец при западной вышkolке не любит строгой и скучной логики и объективных доказательств, а больше всего ценит афоризмы, правила, меткое слово и т. п. Пословица для него есть большее доказательство, чем самый правильный силлогизм»⁹. И ученый придает большое значение собиранию пословиц. Позже в своих работах по арабской филологии и языку он использует их для характеристики психологического склада и мировосприятия средневековых арабов.

В письмах А. Е. Крымского содержатся сведения об экономической и социальной жизни Бейрута, хотя как филолога его больше занимают проблемы общественного сознания.

Бейрут обладал единственным на побережье Восточного Средиземноморья современным портом, построенным и введенным в эксплуатацию в 1893 г. французской компанией, он был связан пароходными линиями с городами Европы, Египтом, Константинополем, располагал почтовой службой, телеграфом. За два года до приезда в

⁷ А. Крымський, Листи з Сирії, — газ. «Буковина», 27. III. 1897.

⁸ См.: А. Ю. Крымський, Бейрутські оповідання, — Твори, т. I, Київ, 1972, стр. 564.

⁹ См. стр. 150 настоящего издания.

Бейрут А. Е. Крымского франко-бельгийской компанией была сооружена железнодорожная линия Бейрут—Дамаск. Тем не менее экономическая жизнь города сохраняла немало архаических черт: производственные процессы нередко осуществлялись прямо на улице, денежная система была сложна и запутанна, торговые сделки заключались по принципу «не обманешь — не продашь», что вызывало бесконечное раздражение А. Е. Крымского.

Социальное расслоение городского населения еще не обрело отчетливо выраженной формы и не породило классовых конфликтов: взаимоотношения домовладельцев и бедных обитателей их домов были патриархальны; в семейных ритуальных обрядах, которые, правда, уже существенно упростились в Бейруте¹⁰, принимают участие соседи и жители всего квартала.

Но глаз востоковеда-европейца уже замечает множество явлений, свидетельствующих о ломке старых традиций, о модификации общественного сознания и социальных связей, о переменах в политической жизни и экономике. А. Е. Крымский наблюдал Ливан в переломный период развития, и ценность его наблюдений заключается в том, что он сумел запечатлеть картину общественной трансформации.

Бейрут переживает бурный экономический подъем (преимущественно в области торговли). Почти все население города, численность которого превысила 100 тыс., так или иначе втянуто в сферу торговли. Это напоминает Крымскому атмосферу Одессы. Бейрут охвачен капиталистической лихорадкой, поднимается торговая и ростовщическая буржуазия — Сюрсоки, Бустросы, Твейни, Фрнейни, Трады, — не чуждая и промышленного предпринимательства (Шагуры), вкладывающая средства в городское строительство. Не страшась обнаружить свое состояние, бейрутские богачи возводят современные виллы, изменяющие архитектурный облик города. Именно они, а не землевладельческий слой составляют теперь городскую знать («notre haute société», «notre noblesse», «акебирна» — наши вельможи)¹¹.

Крупные операции осуществляются во внешней торговле. В стране укоренился европейский торговый капитал, начавший с 30-х годов интенсивно осваивать рынки Сирии. Строятся порт, шоссейные и железные дороги, открываются филиалы или конторы крупнейших европейских банков. Особо укрепляются позиции Франции. Фран-

¹⁰ А. Е. Крымский отмечает сокращение свадебного обряда в Бейруте, еще сохранившего свою полноту в провинции, упрощение традиционной церемонии приветствий (см. А. Ю. Крымский, Бейрутські оповідання, — Твори, т. I, стр. 542).

¹¹ См.: А. Ю. Крымский, Бейрутські оповідання, — Твори, т. I, стр. 570.

цузский язык становится языком деловой жизни, ему обучают детей, что в условиях Сирии не представляет больших трудностей. «Едва ли можно найти другую провинцию не только в Турции, но и в европейских государствах, где бы было столько разнообразных и общедоступных образовательных учреждений, как в Сирии. Таким исключительным положением Сирия обязана католическим и протестантским миссиям разных иностранных государств, не жалеющих никаких жертв для успешной пропаганды, религиозной и политической, посредством школ и благотворительных учреждений», — писал русский генеральный консул в Бейруте К. Д. Петкович¹².

Европейская культура усваивается на первых порах в основном поверхностно и наиболее активно арабами-христианами в силу их старых экономических и религиозных связей с Европой. Не без иронии описывает А. Е. Крымский в «Бейрутских рассказах» увлечение в имущей среде парижскими и марсельскими туалетами, балами, французской бульварной литературой. Но и эти невинные новшества вызывают ужас у палестинца-провинциала, которому повсюду чудится «растление нравов».

Однако европейская культура пустила в Сирии и более глубокие корни, возник слой европейски образованной интеллигенции. (К нему принадлежит и учитель французского языка в православной школе «Трех святителей» Наджиб Трад, увлекающийся европейской философией, особенно Контом, человек, причастный к деятельности, направленной на национальное возрождение¹³.)

Серьезному освоению европейской культуры в условиях пробуждения национального самосознания (вопреки политическим задачам иностранной пропаганды) сопутствуют повышенный интерес к национальному культурному наследию, зарождение политического мышления. Связь между этими явлениями чутко уловил К. Д. Петкович. «В городах молодые сирийцы говорят по-французски свободно, а также по-английски, — пишет он, — а потому из газет и книг на этих языках они усваивают себе не только европейские идеи и принципы вообще, но и взгляды на турецкое правительство и турецкую империю и всякого рода суждения о будущей ее судьбе». (Иными словами, процесс национального самосознания стимулируется посредством восприятия внешних оценок.) Новые идеи не остаются достоянием узкого круга интеллигенции. «Между молодыми сирийцами, — продолжает К. Д. Петкович, — образовались в последнее время раз-

¹² Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. «Посольство в Константинополе», 1895, д. 1343, л. 35.

¹³ См. письмо Наджиба Трада от 24.XII.1898 к А. Е. Крымскому о деятельности Сирийского научного общества православных (Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. 1, ед. хр. 25873).

ные явные и секретные общества, в которых рассуждают не только о филологии, географии и археологии, но и о древнем величии арабского племени и будущей судьбе исламизма и халифата турецких султанов. Эти общества имеют возможность действовать на народ и общественное мнение и влияют сильно на расположение умов в том и другом смысле»¹⁴. По-видимому, передача новой информации облегчается наличием тесных связей между интеллигенцией и народом в обществе, где не завершен еще процесс классовой дифференциации.

Описание Крымским публичных диспутов просветительского характера дает некоторое представление о развитии национальной общественной мысли. Судя по тематике и характеру аргументации, уровень оглашаемых рефератов ненамного выше аналогичных докладов на собраниях 50—60-х годов XIX в. (связанных с деятельностью Бутруса аль-Бустани и протестантских миссионеров). Однако теперь подобного рода собрания широко популярны и даже выполняют функцию общественно-развлекательную. На диспутах присутствует вся культурная публика Бейрута, высшие турецкие чиновники и женщины (в том числе мусульманки). Предмет всеобщего внимания (в рамках дозволенного турецкими властями, опасавшимися даже разговоров о славном прошлом арабов) — роль науки в обществе, моральные ценности и достижения цивилизации, соотношение разговорных диалектов и литературного языка. Вопрос о значении освоения научных достижений Европы в условиях экономической и научной отсталости арабов не требует комментариев. Отметим другое — традиции средневековой науки еще неподвластны насущным требованиям времени, связанным с экономико-политической перестройкой общества: научные рефераты, по замечанию А. Е. Крымского, были «скорее упражнением в стилистическом красноречии», а заседания — «упражнением в риторике, а не в науке». Однако, при всей ограниченности и даже наивности доводов, характер споров, обсуждаемые темы так или иначе были следствием веяний времени. Живейший интерес на публичных диспутах и в частных беседах вызывает проблема языка. Естественно и внимание к ней Крымского. В Бейруте и в Горном Ливане он столкнулся с разрывом между литературным языком и народными диалектами. Преодоление этого разрыва было важно для народного просвещения, для судеб национальной культуры¹⁵.

¹⁴ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1343, л. 36.

¹⁵ Несколько лет спустя, в 1903 г., А. Е. Крымский изложит свой взгляд на эту проблему. Стремления арабов утвердить в литературе разговорный язык, полагает он, «в высшей степени симпатичны, потому что прокладывают дорогу к просвещению народных масс». «Но мы не должны, однако, забывать, — продолжает ученый, — что араб-

Сирийские наблюдения А. Е. Крымского позволяют сделать заключение, что в общественном сознании городских слоев происходит вытеснение конфессиональных проблем интересами политическими и экономическими. Характерно, например, сообщение Крымского о том, что одной из причин ослабления престижа России среди православного населения Сирии (вопреки русской официальной версии о неизблемом авторитете российской державы на православном Востоке) была враждебность российской дипломатии проведению реформ в Османской империи. «В январе, как видно, — сообщал Крымский в „Письмах из Сирии“, — державы начали вырабатывать проекты реформ для Турции: самые либеральные предложения исходили от Англии. Россия же, напротив, поддерживала султана. Был момент, когда Россия сказала, что она не допустит принуждения султана к реформам. Помню: в тот самый день, когда газеты принесли об этом известие, я зашел в аптеку Хелу. Хозяин, узнав, что я из России, начал чуть ли не кричать, стискивая кулаки: „...Ваш франко-русский союз — самая мерзкая подлость, это враг всякого прогресса!“»¹⁶. Не входя в обсуждение вопроса о реформах и политике держав, заметим лишь: наблюдение Крымского свидетельствует о том, что понятие общественного прогресса уже утвердилось в сознании средних слоев населения и влияет на их политические симпатии и антипатии.

Вновь недовольство политикой России и европейских держав вспыхнуло среди христианского населения Бейрута в связи с их поддержкой Турции в подавлении критского восстания. «Я не могу описать всего того волнения, которое тут возобладало. Был такой день, когда я не мог никуда выйти из дома. Потому что всякий, кто меня замечал, сразу начинал укорять... Я молчал в ответ на каждый такой упрек, ибо что я мог сказать? Разве я мог объяснить кому-нибудь, что российская дипломатия не представляет ни великорусской нации, ни тем более украинской?»¹⁷.

ским писателям, желающим возвести свой живой язык на степень литературного, приходится трудная задача: считаться с тем многовековым литературным „красноречивым“ языком, который является общей связью, объединяющей всех арабов-мусульман целого мира, да в большей или меньшей степени и всех мусульман. Попыткам разорвать эту связь противостанет не один лишь закоренелый консерватизм, но и соображение благоразумия. Положение арабов в этом отношении труднее даже, чем православных славян, которым тоже не легко удалось сбросить многовековое иго церковного языка и образовать отдельные литературы: русскую, малорусскую, болгарскую, сербскую» (А. Е. Крымский, Лекции и пособие к лекциям по истории семитских языков, М., 1903, литогр. стр. 186).

¹⁶ А. Крымский, Листи з Сирії, — газ. «Буковина», 29.III. 1897.

¹⁷ Там же.

Подобное положение свидетельствует о накале общественных страстей, отнюдь не объяснимых лишь южным темпераментом. Источником возбуждения была ненависть к турецкому господству. Вспомним, что 90-е годы XIX в. приходятся на эпоху «зулюма» (тирании), характеризующуюся тяжелым полицейским гнетом, подавлением национальных движений, разложением бюрократического аппарата.

Обратимся к свидетельствам очевидцев. «В турецкой администрации господствует непостоянство и произвол, — сообщал в консульских донесениях К. Д. Петкович за год до приезда А. Е. Крымского в Бейрут, — в турецких судах — подкуп и лицемерие, вместо закона и справедливости. Личная и имущественная безопасность не ограждена полною законною защитой. Сверх того, соображения высшей турецкой политики стремятся постоянно к тому, чтобы разжигать и поддерживать религиозную рознь и вражду как в среде христианских общин, так и между христианами и мусульманами. Порта, возбуждая в арабах-мусульманах дикий религиозный фанатизм, когда того требуют ее интересы, в то же время отказывает им упорно в равенстве политических прав с господствующим турецким племенем, устраняя их ревниво от занятия более или менее важных постов, как в администрации, так и в армии. Арабы-мусульмане в Сирии возмущаются особенно тем, что турецкие власти подчиняют строгой цензуре издания арабских газет и арабских книг и запрещают им говорить, вспоминать и писать о славном прошлом арабского племени»¹⁸.

А. Е. Крымский и сам имел столкновения с турецкой цензурой, несколько позже он описал цензурный гнет в Сирии: «У себя на родине, в Сирии и Палестине, араб-сириец поставлен по отношению к издательству в самые отвратительные условия: более обскурантной и стеснительной цензуры, чем цензура турецкой империи, представить себе нельзя, и самые строгие времена русской цензуры являются радикально-либеральными в сравнении с тем, что проделывает нынешняя османская цензура.

Ограничить свою деятельность участием в раболопных, смиренных и карнаемых газетах Сирии (а их тоже много) талантливые литераторы-сирийцы не могли и не могут, а потому, наряду с массой сирийских арабов, устремлявшихся и устремляющихся в Египет в силу причин экономических — для материального поправления и для жизни, туда направилось и продолжает направляться множество так-

¹⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1343, л. 38.

же литераторов, со специальной целью заняться в Египте свободным журнальным издательством или сотрудничеством»¹⁹.

Трудно сказать, почему письма Крымского хранят молчание по поводу подпольной политической деятельности арабских националистов. Всего лишь за год до приезда Крымского К. Д. Петкович сообщал о листовках, секретно распространяемых среди населения, о египетских и европейских газетах, тайно доставляемых в страну и не позволявших турецкому правительству изолировать Сирию от общего неудержимого течения политической жизни.

«В арабских газетах и летучих листках, печатаемых в Каире не без ведома, конечно, английской власти и посылаемых секретно в Сирию, высказывались желания о созвании в Константинополе парламента (Medjliss Mabussah), о необходимости для султана совершить паломничество в Мекку по примеру его предшественников — халифов исламизма, требовались также радикальные реформы турецкой администрации в либеральном и автономном духе и проводилась идея о группировке всех народов арабского племени около одного политического центра, которым был бы Египет»²⁰, — писал К. Д. Петкович.

В письмах Крымского мы не встретим и намека на это движение и на подобные направления общественной мысли. Причину следует искать главным образом в условиях цензуры, но также и в источниках информации Крымского, в его оценках политических проблем Османской империи, научных представлениях и ориентации кругов, с которыми он общался в Сирии. В одном из писем брату Крымский замечал: «Я, вращаясь всегда среди арабов, конечно, имею самое полное понятие о их воззрениях; чтение арабских газет и толки о прочитанном позволили мне понять настроение арабской мысли как нельзя точнее; прибавить нужно, что о всех внутренних процессах жизни арабской общины, ее политической, духовной и умственной жизни, я имею самое точное понятие... я ведь сам живу интересами арабов и принимаю ближайшее участие в их внутренней жизни»²¹.

Из писем становится ясно, что А. Е. Крымский был посвящен в дела русского консульства, осведомлен о настроениях православной общины, ее отношении к России, к Палестинскому православному обществу, сам оказывался втянут в интриги общины и консульства; порой это тешило самолюбие молодого ученого, порой он страдал

¹⁹ А. Е. Крымский и Б. В. Миллер, Всемусульманский университет при мечети Азхар в Каире, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная деятельность, — «Древности восточные», т. II, 1903, вып. 3.

²⁰ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1343, л. 36.

²¹ См. стр. 202—203 настоящего издания.

от мелочности засасывающих его интересов. «Глупо и недостойно человека науки. Но это тебе опять наглядные плоды провинциальной жизни... — писал он брату, оправдываясь и искренне признавался: — Я здесь читаю книги, читаю украинские и арабские газеты, пишу журнальные и ученые статьи и тем не менее я чувствую, что все это не охраняет человека от разминивания на мелочи, которыми отягчает нас окружающая обстановка. Занимаясь своими книгами и записями, я живу в одном мире, а оторвавшись от занятий — вижу себя в другом; и в этом другом мире у меня являются другие интересы, которые я откровенно должен считать пошлыми»²².

К сожалению, общественные события, не касавшиеся непосредственно узкой сферы жизни, интересов христианского населения Бейрута, отчасти проходили мимо Крымского. Надо сказать, что и в донесениях консула А. А. Гагарина, в которых подчас чувствуется рука Крымского, слабо представлена информация о политическом брожении в Сирии. Этим донесениям (в отличие от сообщений К. Д. Петковича) недостает политического чутья и широты кругозора. Не случайно русская учительница М. А. Каменская характеризовала Гагарина как человека ограниченного, а сам Крымский отмечал реакционность его взглядов.

Какие проблемы общественной жизни Сирии представлялись А. Е. Крымскому главными и каково было, по его мнению, их решение? Разумеется, в письмах упоминается об этом лишь вскользь, но в работе «Мусульманство и его будущность» достаточно ясно изложены взгляды Крымского по этому поводу.

Как и сирийцев, его волнует отставание арабского мира от Европы, которое он рассматривает как разрыв культурных уровней этих регионов и пути преодоления которого видит в усвоении достижений европейской цивилизации. Однако Крымский далек от идеи культурной ассимиляции. Напротив, он негодует по поводу того, что в школах Российского православного палестинского общества не внушают учащимся уважения к национальной арабской культуре. Он предвидит в ходе культурного возрождения возобновление «блестящего периода умственной жизни персов и арабов, нарушенного монголами и турками»²³.

Что же, на взгляд А. Е. Крымского, мешает народам Османской империи догнать Запад? Ученый решительно отвергает гипотезу о реакционной роли ислама в истории арабов. «Сама по себе исламская религия настолько же не должна считаться помехой прогрессу и цивилизации, насколько и всякая другая религия», — пишет он.

²² См. стр. 267 настоящего издания.

²³ А. Е. Крымский, Мусульманство и его будущность, М., 1899, стр. 115.

«Может ли исламский мир, оставаясь исламским, двигаться вперед и догнать мир западный?» — задает вопрос Крымский и отвечает: «Ответ должен быть положительным»²⁴.

Поскольку проблему отставания ученый рассматривает лишь в области интеллектуальной и общественной жизни, то и преодоление отсталости он видит в сфере надстроечной. «Тормозом прогресса» на Ближнем Востоке является, по его мнению, турецкое господство. Но и этот вопрос А. Е. Крымский трактует в рамках тех научных представлений, какие были распространены в мировом востоковедении конца XIX в. Согласно им характер турецкого господства был следствием не стадияльных черт общественного развития, но лишь этнических, т. е. якобы присущих туркам косности взглядов и фанатизма. Этому взгляда придерживался А. Мюллер, так полагал и А. Е. Крымский. Впрочем, подобная оценка не исключала уважения А. Е. Крымского к турецкой культуре. Поднимаясь до осмысления проблем национальной культуры, он всегда выступал как гуманист. В российской дореволюционной ориенталистике можно назвать не много имен ученых, столько сделавших для популяризации и пропаганды культуры народов Востока — арабов, персов, турок²⁵. Крымскому принадлежат слова: «Культура каждого народа ценна. Пропагандируя культуру арабов, я обогащаю культуру своего родного народа»²⁶.

Веря в созданный европейской наукой миф о косности турок, А. Е. Крымский не разделяет надежд на скорое преобразование общественного строя Османской империи и облегчение положения угнетенных народов. Но поскольку он полон сочувствия к народам, которые «будут томиться под турецким игом, лишенные возможности просвещаться, лишенные надежды на безопасность своего имущества, своей личности, чести своих жен, сестер и дочерей», то полагает, что существует единственный справедливый выход из положения — освобождение от турецкого господства, которое возможно лишь (здесь

²⁴ Там же, стр. 111, 114.

²⁵ Приведем несколько авторитетных свидетельств. И. Ю. Крачковский упоминал, что «Л. Толстой, по его собственным словам, „изучал Коран по Крымскому“» («Очерки по истории русской арабистики», М.—Л., 1950, стр. 169). В письмах Леси Украинки неоднократно говорится о живом интересе ее и ее близких к работам Крымского по Востоку (Л е с я У к р а и н к а, Собрание сочинений, т. 4, М., 1957). В письме в Академию наук УССР в 1929 г. И. Ю. Крачковский признавал: «Украинскому востоковедению я обязан очень многим, в среде Отделения находится мой духовный учитель акад. А. Е. Крымский, первые труды которого пробудили мой интерес к арабскому миру» (Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. 1, ед. хр. 23184).

²⁶ Цит. по: О. К и л и м н и к, Агатангел Юхнмович Кримський, — «Вітчизна», 1961, № 1, стр. 167.

А. Е. Крымский разделяет взгляды христиан) посредством вмешательства европейских держав.

В среде ливанских христиан подобные политические концепции возникли еще в 60-е годы XIX в. и получили развитие в 900-е годы. Основывались они на иллюзиях о преобразующей роли европейских держав и вместе с тем были следствием тесных экономических, политических и культурных связей бейрутских буржуазных кругов с Европой. Такая ориентация была чужда, однако, мусульманскому населению, что объяснялось разнообразными экономическими, идейными и психологическими факторами.

Экономическая экспансия иностранного капитала, вызвавшая перестройку хозяйственной жизни, тяжело отразилась на положении мусульманского большинства населения Сирии: пришло в упадок городское ремесло, пошатнулись позиции мусульманского купечества и т. п. Сирийские мусульмане были знакомы с политическими последствиями захвата европейскими державами Алжира и Египта; не следует забывать, что в Дамаске долгие годы жил почитаемый арабским миром герой освободительной войны алжирцев Абд эль-Кадер. Отношение мусульман к завоеванию Египта Англией достаточно ясно характеризовал К. Д. Петкович: в Сирии не могут простить султану, что он «допустил, по своей слабости, занятие этого богатого арабомусульманского края неверными англичанами, видя в этом крайнее унижение исламизма, упадок престижа халифата и самое серьезное препятствие к осуществлению своих заветных помыслов и стремлений» — объединения арабов вокруг Египта²⁷. Таким образом, в Сирии 90-х годов XIX в. религиозная принадлежность существенно влияла на политическую ориентацию. Этим обстоятельством успешно пользовались консервативные круги мусульманского духовенства и турецкая бюрократия, тайно направлявшие недовольство мусульманского населения в русло панисламистских настроений, потворствовавшие враждебности к христианскому населению, которая приводила к мусульманско-христианским столкновениям.

Характерно, что наиболее открытые проявления мусульманской нетерпимости в Сирии совпадали с подъемом национальных или иных освободительных движений в провинциях империи. Ранняя и наиболее слабая волна антихристианских выступлений относится к 20-м годам XIX в., ко времени греческого восстания. Далее последовали вспышки 40—60-х годов — на фоне антифеодальной борьбы в Ливане. Вновь атмосфера накалилась в 90-е годы, в период армянского восстания. «Армянские дела производят большое влияние на возбуждение религиозного фанатизма между сирийскими арабами-

²⁷ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1343, л. 36.

мусульманами», — сообщал К. Д. Петкович и замечал, что в этом же направлении действует египетская пропаганда (по-видимому, панисламистского толка), рассматривающая христианское население как заложников на случай европейского вмешательства и содержащая угрозы истребления христиан при условии оккупации восставшей Армении. Панисламистская пропаганда, в которой отразились просултанские настроения части египетских политических деятелей, приобретала не предусмотренное ее организаторами опасное влияние в массах мусульман, восстанавливая их против суверенных прав армянского и христианского населения империи вообще.

Крымский, интересовавшийся общеполитической атмосферой в стране, состоянием общественного сознания и психологии, видел в те годы в антихристианских настроениях лишь проявление мусульманского фанатизма, который неоднократно пожинал в Сирии свою кровавую жатву. Поэтому проблема социального прогресса стояла для ученого всегда однозначно: он ориентировался на достижения современной ему европейской цивилизации, недооценивая империалистической угрозы национальным интересам Сирии и соответственно не замечая зарождения национального политического движения (пока еще в русле панисламизма, паносманизма и панарабизма) или не придавая значения этому факту.

И еще один аспект писем — образ самого А. Е. Крымского. В отличие от своего «духовного ученика» И. Ю. Крачковского Крымский не обладал внутренней душевной гармонией. Его терзали противоречия, он был раздражителен, уязвим, легко переходил в состояние экзальтации, переживал периоды меланхолии, трудно приспосабливался к новой обстановке.

Небезынтересно привести характеристику, которую дает Крымскому Иван Франко, безусловно не только исходя из анализа сборника его стихов, но и основываясь на дружеских взаимоотношениях: «А. Крымский — высокооригинальное явление в нашей литературе. Пишет ли он чисто филологические статьи или литературно-критические, прозаические рассказы или стихи — всюду он вносит собственное „я“ в такой мере, как мало кто из наших писателей. И это не в силу какого-то принципиального субъективизма, напротив. Он старается быть как можно объективнее, правдивее, не утерять ни крупницы той правды, которую постиг душой, и передливает ее на бумагу со всеми, иной раз совершенно случайными аксессуарами, к каким, разумеется, в первую голову принадлежат личные настроения и чувства. И хотя эти аксессуары не затемняют самой объективной правды, но придают ей определенную субъективную окраску, обдают ее жарким дыханием индивидуальности автора, индивидуальности во всяком случае необычайной, впечатлительной, нервной, способной на горячие

порывы чувства, и прежде всего искренней и ясной до глубины души. Эти порывы авторской искренности производят иной раз впечатление педантизма, даже наивности, и все же не перестают вызывать симпатию, ибо открывают перед нами душу писателя, горячо преданную исканию правды, далекую от всякой тени кокетства, от всякой маскировки»²⁸.

Сам А. Е. Крымский пишет о себе: «К сожалению, у меня характер очень мнительный и пессимистический, и я не в состоянии утешать себя мыслью: „Э, авось как-нибудь дело уладится“. Напротив: если есть малейший повод к сомнению... то мои сомнения растут с каждым днем и прямо давят меня»²⁹. Мы уже цитировали письмо А. Е. Крымского к брату, в котором он с неудовольствием отмечал свою способность существовать как бы в двух различных мирах.

Люди, близко знавшие А. Е. Крымского, — Иван Франко, Леся Украинка, акад. В. Ф. Миллер — ценили его за мягкость, искренность, правдолюбие, доверчивость.

Привлекательны и такие его качества истинного ученого, как бескомпромиссность научных взглядов, отчетливо выразившаяся в его рецензиях, бескорыстная преданность избранному делу. «В том могу с полной совестью признаться, — пишет Крымский из Бейрута своему учителю, известному украинскому филологу П. И. Житецкому, — что никогда еще не работал ради какой-нибудь карьеры, материальных выгод и т. п.; сколько себя помню, я работал только над тем, что мне было дорого»³⁰.

Публикуемые письма проливают свет и на гражданские позиции их автора. Обратим внимание на вздох облегчения, вырвавшийся у Крымского в момент отправления парохода из Одессы: «Теперь я свободен».

Настроения Крымского были порождены ситуацией, в которой он оказался. С первых лет пребывания в Москве он попадает под надзор полиции за сотрудничество в украинских галицийских изданиях и распространение запрещенной в России издаваемой во Львове литературы. Он тяготится этим надзором, часто меняет адреса, на которые получает львовскую корреспонденцию. В письмах из Сирии Крымский выражает заботу о пересылке в Россию подцензурных изданий.

²⁸ И. Франко, Рец. на кн.: А. Крымский, Пальмовые ветви, — Сочинения, т. IX, стр. 342.

²⁹ Там же, стр. 379.

³⁰ Рукописный отдел ЦНБ, Архив А. Е. Крымского, ф. I, ед. хр. 48488.

Между тем он вовсе не предполагал эмигрировать из России, и в Сирии его нередко охватывала ностальгия, отразившаяся и в его поэзии ливанского периода. Этим чувством проникнуто, например, стихотворение «Горді пальми. Думні лаври...» (1898 г.):

Пальмы гордые и лавры,
Кипарисы до небес,
Океан цветов роскошных,
Померанцев дивный лес.
Я шатаюсь, опьяненный
Ароматною весной.
Вдруг смотрю — в тени под пальмой
Колосок простой ржаной.
«Гей, земляче! — шепчет колос,
Наклонясь тяжело. —
Раю этому мы чужды,
Что сюда нас занесло?»

(Перевод Максима Богдановича)

По поводу этого стихотворения М. Рыльский писал: «Это — то же самое чувство, которое водило пером Шевченко, когда на безлюдном Кос-Арале писал он о калине и крещатом барвинке, об оборванных и голых украинских детишках; те же самые чувства заставляли Адама Мицкевича прислушиваться к аккерманским степям, не слышно ли голоса Литвы, а Юлию Словацкому продиктовали слова: „Даже слепой узнал бы те степи по запаху родных цветов“, чувства, родившие летописную легенду о евшан-зелье: любовь к родной земле»³¹.

Мы не исчерпали всех аспектов содержания писем, заслуживающих внимания, как, впрочем, и недостатков, из которых, возможно, не последним является известная мелкомасштабность описаний А. Е. Крымского — то, что И. Франко называл «Kleinigkeiten» (мелочностью)³². Но преувеличенное внимание к частному, мелкому факту имеет и положительный смысл. Оно помогает раскрыть повседневную жизнь той среды, в которой оказался молодой ученый; придает почти документальную точность описаниям. Редкая и примечательная ценность писем заключается в том, что они содержат сведения, характеризующие уровень общественного сознания широких беirutских слоев, дают материал для изучения проблем этнической и социальной психологии. Историку эти письма раскрывают внутреннюю жизнь Ливана под новым углом зрения.

И. М. Смелянская

³¹ Цит. по: О. Климиник, Выдающийся деятель культуры, — «Радуга», 1971, № 1.

³² И. Франко, Сочинения, т. X, стр. 648.

ПИСЬМА

Е. С. Крымскому

1 октября
[13 октября] 1896 г.,
Одесса

Дорогой папа!

Уже два дня в Одессе. Пароход отходит не сегодня, а завтра, 2-го октября, так как не успел запастись провиантом. Я нахожусь уже на пароходе, но чувствую себя очень скверно, потому что срок моему паспорту истек сегодня (даже вчера, пожалуй) *. Переменить сегодня нельзя по случаю праздника Покрова; может быть, успею сделать что-нибудь завтра с утра; но вероятнее всего мне придется хлопотать о новом паспорте. Выдадут ли его из Одессы — кто знает? Опять обращаться в Киев?

На душе у меня очень тяжело. Я мало спал две ночи, а тут еще эта история!

Маленький луч надежды: быть может, Киевская губерния считается у здешних полицейских не пограничной. Завтра наведу все справки, но сегодня-то я просто убит.

И еще неприятность: с меня взяли за билет не 66 р., как значилось по тарифу, а 91 р. 50 к., потому что от Константинополя до Бейрута счет идет на золото по прежнему расчету, когда золотой рубль содержал 4 франка, а не по девальвированному курсу. Сегодня утром я Вам послал заказную бандероль. Если не получите, то заметьте себе это в памяти, а потом об этом меня известите **.

* Канцелярия Киевского губернатора поздно прислала заграничный паспорт в Звенигородку, а по закону Российской империи паспорт быстро утрачивал свою силу, особенно в пограничных губерниях, в случае если человек вовремя не выезжал.

** По цензурному закону, каждая бандероль с печатной продукцией, отправляемая почтой из Одессы во внутренние губернии России, подлежала предварительному цензурному просмотру, как и заграничные.

Итак, быть может, я завтра поеду по морю, а быть может, и назад в Звенигородку по железной дороге. В таком случае приеду в Звенигородку послезавтра.

Ваш Ф.

Пишу на пароходе «Одесса», в котором еще нет пассажиров, кроме меня.

2

Е. С. Крымскому

2 октября
[14 октября] 1896 г.,
пароход «Одесса»

Дорогой папа!

Еду на пароходе «Одесса». Вышли в 4 часа пополудни, а теперь половина одиннадцатого вечера.

Как это случилось, и сам не опомнюсь. Утром сегодня я был в Одесском паспортном отделении, и мне сказали, что, конечно, есть основания признать Киевскую губернию за невнутреннюю, но скорее она внутренняя, а положиться нужно будет на суд того жандармского офицера, который на пароходе будет просматривать паспорта пассажиров после первого звонка.

Я, услышавши это, окончательно пал духом. Нервы напряжены стали до крайнего предела. Когда пробил первый звонок, я пошел с другими на палубу, но, не дождавшись своей очереди, ушел вниз в каюту и лег на койку: меня знобило от лихорадки, а мысль, что меня вот-вот выведут сейчас из парохода на берег, положительно производила полный упадок сил. Наконец я встал, поднялся на палубу; едва я взошел, меня остановил один мекканский араб, с которым я уже раньше познакомился, еще до начала проверки паспортов. Я с ним поговорил минут пять и вдруг среди разговора замечаю, что пароход уже не стоит, а отходит!.. Оказалось, что жандарм входил в общую залу и, не слыша нигде в каютах ни шороха, подумал, что там и нет никого и что все пассажиры, как водится, стоят на палубе.

Таким образом я уехал, не имея требуемой законом пометки на паспорте от береговой стражи. Если меня и

притянут впоследствии к ответственности, то разве уж через два года; а теперь я свободен.

3 октября [15 октября]

Море прекрасно. Качка порядочная, и все девицы-пассажирки (среди них пять учительниц Палестинского общества, возвращающихся в Иерусалим) уж давно страдают морской болезнью. У меня только вчера, и то больше от изнурения, кружилась голова, а сегодня, хоть качка и усилилась, я вполне здоров. Небо ясно, светит солнце, волны огромные, сверкают; вокруг стада дельфинов прыгают по поверхности воды. Если что и неприятно, так это шум от парохода: гораздо несноснее, чем от поезда.

Стол очень хорош, но я подозреваю, что некоторые тонкие блюда умышленно поставлены буфетчиком в меню с той целью, чтоб у пассажиров возникала скорее морская болезнь. Например, сегодня за завтраком была подана прекрасная рыба с подливкой из рубленых яиц. Одна пассажирка и заболела после этого блюда, хоть оно было чрезвычайно вкусно.

4 октября 1896 г.

Приехали в Константинополь. Качка вчера к ночи была ужаснейшая. [...]

А. К.

3

М. Е. Крымской

5/17 октября 1896 г.,
пароход «Одесса»

Дорогая Маша!

Вчера я отправил на имя папы письмо из Константинополя. Оно пошло вчера же, но не морем, а по железной дороге. Придет ли это письмо раньше того, не знаю.

По случаю опоздания в отъезде из Одессы мы провели в Константинополе не два дня, как полагалось бы по расписанию, а только один. Со стороны моря — величественный город. Внутри — грязь, вонь, кривые улицы и

ни малейшего величия. Храм (мечеть) святой Софии и некоторые отдельные здания представляют исключение. Мечеть святой Софии снаружи невзрачна, но внутри прекрасна. Следы икон есть еще до сих пор. У серафимов крылья оставлены, но вместо головы нарисована, или, лучше сказать, намалевана, звезда. Золото потемнело, но храм берет не блеском, а изяществом и величием. Кроме того, я с другими пассажирами побывал у русского консула, и мы выпросили себе рекомендательные билеты на султанский выход в мечеть («селямлик»). Для иностранцев устроен возле дворца (Йылдыз-кёшк) особый павильон, из которого они и наблюдают парадную процессию. Меня принимали за чиновника министерства иностранных дел. В ожидании султана публику, находившуюся в павильоне, угощали кофе и чаем. Всех нас, включая туда и тех иностранцев, которые имели рекомендации консулов австрийского и французского, было человек 30.

Я в течение двух часов любовался из павильона и видом Золотого рога, и прекрасной мечетью (новой постройки; она называется — Хамидье), и Йылдыз-кёшком, и турецкими войсками, и целым сонмом генералов и важных духовных лиц, и пестрой толпой народа. Султана и Османа-пашу, героя Плевны, я рассмотрел великолепно. Вообще, если я в течение этих дней и испытал прелести путешествия, то только в Константинополе. А до тех пор мог сказать только, что не скучаю. [...]

Пишу на палубе. Мы едем уже шесть часов по Мраморному морю. Погода прохладная. Сейчас есть маленькая качка, потому что слева остров (Мармара) и оттого прибой.

Мы в Дарданелльском проливе. По обе стороны земля: желтые горы, подернутые от морских испарений легкой голубой дымкой. Очень жарко, но легкий ветерок спасает. Вода темно-голубая. Воздух необычайно приятен.

Русских пассажиров уже маловато. Много турков, испанцев, итальянцев. Господствующий язык теперь — французский, но я предпочитаю разговаривать по-итальянски, потому что все по-итальянски произносят очень ясно, а французский язык коверкают.

Через два часа, под вечер, мы будем в Дарданеллах, и я отправлю письмо. Пожалуйста, сохраняй конверты

целыми, не вырезая марок. В заключение просьба: веди перепись всему тому, что будет получаться на мое имя в Звенигородку, и уведомляй меня.

Ф.

4

М. Е. Крымской

6/18 октября 1896 г., воскресенье,
между Афоном и Салониками,
пароход «Одесса»

Дорогая Маша!

Предыдущее письмо я послал из Дарданелл, а это вышло из Салоник. Сегодня мы стояли шесть часов у Афона, видели монастырь Пантелеймона (русский), Ксеропотам (греческий) и пещеры схимников в северо-восточной горе. Залив великолепен, гора подымается выше облаков, а замечательно красивое зрелище — смотреть, как вершина одной из гор отрезывается от своей середины бело-голубоватым облаком. У другой горы верхние скалистые уступы затянуты облаками, но вершина не отделяется от целого. Каждая гора покрыта густым зеленым лесом. Вода в заливе — цвета синьки (разведенной, такой, какою синят белье). Много богомольцев высадилось здесь. На пароходе стало просторнее, чему я радуюсь, так как сегодня ночью спал только час. [...]

Ф.

5

Е. С. Крымскому

20—22 октября
[1—3 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Прежде всего объясню Вам здешние почтовые порядки. На дом писем здесь не разносят. Каждый, кто ждет писем, приходит сам и справляется на почте у порта. В портовой почте есть отделение австрийское, фран-

цузское, русское, английское, и в каждом надо справиться. Вы пишете, что выслали мне моих сто рублей*, но по какому же адресу? Я ничего не получил. Может быть, они пошли русским пароходом, а не австрийским — в таком случае есть надежда, что они придут в среду. Во всяком случае известите меня в точности, в консульство или на имя Юсифа Агаи послали Вы деньги. Я должен навести справки. Это будет ужасно, если деньги пропали, потому что я мог доехать сюда только с деньгами, взятыми в долг в Одессе.

Когда понадобится еще раз пересылать деньги (моя стипендия за октябрь придет еще, вероятно-таки, в Звенигородку, на Ваше имя) и вообще для всяких денежных посылок — помните покамест такой адрес: Вена, Via Vienna. Syrie. Beyrouth. Au consulat général de Russie, à m-r Agath. Krymski.

В Бейрут (Сирия)

В русское генеральное консульство, А. Е. Крымскому. Держитесь этого адреса точно и не упоминайте слова «Турция» на адресе, чтобы письмо не пошло на Одессу. Сделаю маленькую добавку: посылайте не в конверте с Вашим штемпелем и не с фамилией, а в обыкновенном конверте без всяких штемпелей, чтобы конверт не имел никакого коммерческого вида. Так мне сказал консул (собственно, не консул, а его временный заместитель молодой князь Гагарин, с которым я успел хорошо познакомиться). Если почта примет, то лучше всего посылать сюда деньги русскими золотыми монетами: разменивать бумажки — невыгодная возня, а золотые наши, безусловно, ходят везде по 20 франков, и их менять не нужно.

Для обыкновенных писем адрес такой:

Вена, Via Vienna. Beyrouth (Syrie) à m-r Agath. Krymski.

Бейрут (Сирия)

А. Е. Крымскому.

* Командировочные деньги, выделенные А. Е. Крымскому Лазаревским институтом восточных языков, были незначительны: 50 руб. в месяц. В 1896 г. состоялась дорогостоящая коронация Николая II, в связи с чем все платежи по заграничным командировкам были аннулированы, но институт добился выделения для А. Е. Крымского двух вакантных стипендий по 25 руб. Прожить за границей на 50 руб. в месяц было трудно, и А. Е. Крымскому пришлось зарабатывать статьями в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

Не прибавляйте сюда имени Юсифа Атаи, потому что старик не умеет читать ни по-французски, ни по-русски, а между тем на почте, куда он пошел за справкой, Ваше письмо ко мне отдали ему. Он, не понимая адреса, вообразил, что письмо к нему от его сына Михаила из Москвы, и распечатал; потом бегал по Бейруту, искал себе переводчика; наконец, когда и я пришел домой, он попросил меня перевести ему письмо «от сына» и тогда выяснилось дело.

Русские пароходы ходят из Одессы сюда редко. Поэтому по русской почте письмо сюда приходит через 18 — 20 дней. А по австрийской (через Вену) на 8—10 день.

Теперь о себе.

[...] В бейрутской таможне турецкая цензура конфисковала было мои книги (по истории ислама), но исполняющий должность консула, к которому я прибегнул, заявил таможне, что это книги не мои, а его, консульские, и цензура пустила без рассмотрения¹. Случай этот послужил поводом к моему знакомству с кн. Гагариным; так называется молодой заместитель консула. Он оказался чрезвычайно обязательным человеком. Впрочем, мне было в таможне объяснено, что за хороший бахшиш (рубля три-четыре) я мог бы и без консула провезти книги.

Бейрут — замечательно красивый город. Он весь тонет в садах (пальмы, фиги, апельсины); улицы в нем почти европейские; чудесный вид на море; изящные здания. Стиль зданий преимущественно мавританский². Однако жители в массе не мусульмане, а преимущественно христиане. Они легко поддаются европейской культуре.

Первые три дня я жил в австрийском «Hôtel Allemand», где платил в день за номер (с бельем) и за полный стол по 8 франков. Говорят, что есть отели с номерами и по 6 франков. Пока я жил в отеле, я не чувствовал никаких неудобств. Наконец я разыскал старика-врача Юсифа Атаю* и переехал к нему, как этого желал его сын Михаил Осипович Атая³, преподаватель арабского языка в Москве. Исполнил я его желание; но я себя чувствую пренесчастливым человеком. Так себя чувствуют сре-

* Подлинная фамилия есть «Атая», но московский араб Михаил для отгнетения особой звучности звука «т» решил писать «тт», т. е. «Атая».

ди арабов и другие европейцы, если живут не в домах собственной постройки или не в отелях. Мои хозяева — люди бедные, квартира плохая. Полы везде каменные, и мой ревматизм возобновился. От этих полов при невыносимой здешней жаре я получил еще ревматизм левой руки и спины. Дело в том, что если на дворе жарко и если войти вспотевшему в комнату с холодным полом и открыть окно для ветра, — то вот и готов ревматизм⁴. Этой болезнью страдают и туземцы; простуды с ревматизмом боятся и они. И они в самый даже разгар лета предусмотрительно носят фланелевые сорочки. Сырость в Сирии по ночам невообразимая. Русские учительницы школы «Бакурет эль-ихсан», с которыми я здесь познакомился, все жалуются и на свой ревматизм и на заплесневение книг. Князь Гагарин с женой также больны ревматизмом, хотя у них каменные полы покрыты плотными коврами.

Но пока что не это горе, а непривычная пища. Чаю здесь нет, супу нет, борщу нет. Говядины здесь не едят, не любят, а едят баранину, и то в самом малом-малом количестве. Почти вся пища растительная. Первые дни (два дня) мне это очень нравилось, но наконец я заболел самым страшным расслаблением желудка и в настоящую секунду нахожусь в полуотчаянии. Как же далее быть? Все эти капустные зразы с рисом, баклажаны, набитые рисом, гарбузики — кабачки, начиненные рисом, бобы с сливками и перцем — все это очень вкусно, но, оказывается, что этого мне есть нельзя [...]. На третий день я отправился к доктору-европейцу, и дело выяснилось. В России я привык пить чай, т. е. кипяченую воду. Здесь чаю не пьют (утром пьют чашечку кофе, в полдень завтракают, в 6 часов обедают), супу тоже нет, поэтому за горячей нежидкой едой приходится пить много воды (некипяченой и холодной) [...]. Доктор сказал мне пить ежедневно вместо воды красное вино (бутылка здесь стоит, если вино хорошее, 2¹/₂ пиастра, т. е. 18—19 колеек). [...] Подожду еще неделю: если не привыкну, то буду здесь у арабов только жить, а завтракать и обедать придется в европейском ресторане, хоть это будет стоить рублей 25 или 26 в месяц. Несчастье для непривычного здесь и с хлебом. Такого хлеба, как у нас, здесь нет: вместо того пекут лепешки, вроде коржей или блинов; они тягучи и неудобоваримы. Я, впрочем, не те-

ряю надежды, что еще свыкнусь со столом здешним. Русские учительницы (гимназистки из Петербурга, из гимназии Стоюниной) долго плакали от голода, пока наконец не стали сами себе готовить обед. Им противна растительная пища. Но я все же не могу сказать, чтоб здешняя пища была и мне противна: напротив, повторяю, все эти бобы, зеленая фасоль, капуста с рисом и прочее сами по себе очень недурны [...]. Кстати, замечу, что жарят здесь все далеко не на одном коровьем масле, а и на оливковом или на какой-то смеси того и другого.

Плоды здесь необыкновенно дешевы. Око винограда (три фунта) стоит полпиастра, т. е. $3\frac{1}{2}$ копейки. Виноград прекрасный. Апельсины уж и теперь по копейке, но еще подешевеют. Бананы (необычайно приятный плод), которые в России в Москве продаются полтора рубля*, здесь стоят полкопейки. Яблоки здешние вовсе не так плохи, как говорил в Москве М. О. Атаия, а напротив. Груш я еще не пробовал, да и не видел их. Но я плоды решался есть только в первые дни, пока жил в отеле и не страдал желудком.

Несчастье и с арабским языком. Я знаю литературный, старый язык, а здесь говорят новоарабским. Я понемножку к нему привыкаю, но очень часто приходится написать вопрос на бумажке и просить ответа также на бумажке. Чистая беда! Поселиться в семье, где знают французский язык, я не хочу: мне нужна арабская практика.

Народ здесь в массе невыносимо плутоватый. Меня обманывают со всех сторон.

В семействе старого Атаи ко мне как будто относятся хорошо, но соседи (арабы же) уверяют, что и на него нельзя положиться. Комната со столом (без вина, конечно) обходится мне 5 ливров, т. е. $37\frac{1}{2}$ рублей. Говорят, будто можно было бы достать комнату со столом дешевле. Но где искать? Я ведь пока здесь почти без языка. К французящим арабам я не могу идти. И не могу же я с карандашом в руках пойти искать комнату у нефранцузящих. Умывальника нет, умываться нужно на дворе или в кухне, из грязного таза. Сегодня я умывался, положил очки на стол, а дочь [Ю. Атаи] поставила на них жаровню и изогнула. Пойду завтра искать в магазинах

* В Одессе, конечно, много дешевле.

умывальник, чтоб поставить в комнате. Приходится самому купить себе и лампу, так как у меня сейчас едва глаза не вылезают, пока пишу при мерцающем свете сквернейшей лампочки. Ни малейшего подобия этажерки нет в моей комнате, книжки лежат под столом. Вдобавок комната моя служит также гостиной для более важных гостей самого врача Атаи; пациентов он, впрочем, не имеет. Какие там занятия могут пойти при таких условиях! Разве что закрою уши и продолжаю шопотом зубрить учебник живого арабского языка (книжка, которая у меня не выходит из рук). Мне обещано, что через десять дней хозяева отыщут другую квартиру, где я буду иметь совсем особую комнату. Увы! мои русские знакомые уверяют меня, что на языке арабов «10 дней» значит «два месяца», да и то лишь тогда, когда я буду ежедневно напоминать об обещании.

Как видите, печально.

Я, судя по началу, вижу, что мне придется терпеть всю зиму. На лето я уеду в Ливан, в деревню, значит, с Атаями расстанусь *, а по возвращении уж сумею себе найти сносную квартиру.

Вполне безусловно говорить новым арабским языком я, боюсь, никогда не научусь (он страшно далек от усвоенного мною из книг литературного языка), но все же буду в состоянии тогда свободно объясняться обо всем и не буду связан по рукам и по ногам всяким, кто только захочет меня обмануть.

Кстати, все уверяют, что на Ливане горцы — чудный, честный народ, совсем не похожий на горожан-торговцев. Здесь, имея дело с меркантильными бейрутинцами, я вспоминаю жалобы Ал. Авг. Левицкого на одесситов. Возможно, что во всех приморских городах с их калейдоскопической сменой всевозможных международных типов, в частности авантюристских, вырабатывается у населения не во всем приятный характер.

Ну довольно о своих бедствиях. Еще придется о них писать и в следующих письмах. Теперь изложу свои просьбы.

Во-первых, уведомляйте меня о всякой корреспонденции, которая придет на мое имя в Звенигородку. Отдавайте ее Маше, и она уж будет вскрывать и сортировать

* Не расстался.

у себя. Если будет ко мне какое-нибудь письмо или список слов «Энциклопедического словаря», то это немедленно пересылайте (Via Vienna), а о книжках, газетах и прочем только уведомляйте.

Во-вторых, я познакомился дорогою на пароходе с директором Археологического института в Константинополе Ф. И. Успенским⁵, и он уж сделал мне несколько полезнейших услуг. Я обещал ему, что Вы пришлете ему кое-что мое. Выберите один экземпляр моего «Очерка развития суфизма», один экземпляр рецензии на Гаури и один экземпляр «Иоанна Вышенского» (с вклеенным списком опечаток; такие экземпляры у меня есть)⁶ [...].

Князь А. А. Гагарин, заместитель генерального консула, успел уж мне подарить старую сирийскую рукопись, несколько дорогих книг (его отец был ориенталист), предоставил пользоваться своей ценной библиотекой, а жена его, крестная дочь Як. Лазаревского, подарила мне редчайшую афганскую марку.

Ну, на этом и кончу. Ваш Ф.

6

Е. Е. Крымскому

23 октября
[4 ноября] 1896 г.,
Бейрут

[...] Всех русских в Бейруте всего семь-восемь человек, и живут они по разным углам. К счастью, возле меня находится девичье училище «Бакурет эль-ихсан» под патронатом госпожи Амелии Сюрсок, где есть четыре русские учительницы из петербургской гимназии Стоюниной; над ними есть русская начальница Е. И. Шмидт, а над всей школой — полумонашка, арабка Лябиба Жакшан⁷. Я чуть ли не каждый день бываю там.

Обыкновенно наши разговоры заключаются в том, что мы все время ругаем арабов (т. е. торгашей-горожан), ругаем здешний климат и некоторые странные для нас здешние обычаи.

С деньгами у меня большое неудобство [...].

Если бы здесь была европейская пища да деревянные полы, то Бейрут был бы прекраснейший город для зимы. Когда я здоровее, я с наслаждением прогуливаюсь. Жар-

ко между октябрём и ноябрём, что-то вроде бабьего лета, но вполне сносно⁸. Летом, говорят, здесь жгучий ад; но я летом уберусь в горы, где, пожалуй, все тоже страдают обязательно ревматизмом (так я слышал), но зато не умирают от жары.

[...] Русские пароходы привозят почту каждые 10 — 12 дней; но ведь, по сознанию здешнего почтового чиновника, болтливое старичка араба Дагира, русская почта существует, собственно, здесь не для дела, а для марочных коллекционеров. Отсюда (из Бейрута) еще можно отправлять русские письма с удобством (в день прихода российского парохода), но сюда из России ни за что не следует посылать писем, иначе как по австрийской почте, т. е. адресуя сперва на Вену. [...]

Австрийский почтовый пароход, отправляемый из Триеста (через Бриндизи и Александрию), приходит в Бейрут два раза в неделю. По австрийской почте письмо из России получится на 10-й день, а по русской иногда и на 24-й. Для денег, говорят, лучшее средство пересылки — Лионский кредит: там тебе объяснят, как пересылать: или чеком, или иначе. Но русские бумажки ходят тут с трудом. Известия меня, доставлены ли недостающие томы «Словаря»⁹.

Многое печально. Ничем, кроме практического арабского языка, не занимаюсь теперь: негде сосредоточиться. Моя комната — это гостиная хозяев. Более важные гости обязательно идут в мою комнату. Впрочем, и вся окрестность, по собственному побуждению, стекается ежедневно смотреть на «москоба» (т. е. меня). Придет то тот араб, то другой, станет возле меня и молча любуется мною. Ходят арабы-бейрутинцы (кроме стариков) обычно в европейских костюмах, но лоск европейский — чисто внешний [...]. По-французски болтают многие, сказал бы, большинство [...]. По мнению здешних детей-школьников, *la langue française se partage en grammaire, géographie et arithmétique*^{*}. Из этой фразки (одного малого ученика иезуитов) видишь, кстати, насколько здесь сильно влияние французов: понятие «*la langue française*» равносильно с понятием «наука».

Что Боря? Что Маруся? Кланяюсь обоим.

Фаня.

* Французский язык подразделяется на грамматику, географию и арифметику (франц.). — Прим. ред.

Е. С. Крымскому

25 октября
[6 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Последние дни стояла жара, невыносимая даже: по крайней мере когда я прошел пять минут по совершенно неотененному месту, то мне казалось, что спина моя обожжена. Но несомненно, что или завтра, или даже сегодня (я ждал вчера еще) будет гроза и принесет с собою сырость. Впрочем, для меня не столько страшна даже сырость, сколько ужасный сквозняк в комнате. Щели между окнами и рамами — шириною в мизинный палец, а так как у меня четыре окна (с трех сторон), то всегда при дожде мои ноги обдуваются ветром. Замазать или заклеить окна немислимо, так как при малейшем прекращении дождя я их открываю для освежения комнаты.

Ф.

Моих книжек князь Гагарин не получил. Вы их выслали позже, чем письмо ко мне?

Е. С. Крымскому

25 октября
[6 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Главный предмет моего нынешнего письма — вопрос о здешней зиме и о средствах перенести ее. От тех семи русских, которые тут живут в Бейруте, я узнал, что здешние жители никакой зимы не понимают и, хотя дрожат от холода, не заводят нигде печек (груб, или каминов): считают это излишней вознею. Больших холодов здесь действительно и не бывает: термометр не только не опускается никогда ниже нуля, но даже редко опускается ниже +5° (тепла), и то лишь когда солнца нет на небе. Однако отсутствие печек действует на непривыч-

ных русских ужасно: зимняя сырость проникает все, стены покрываются влагой и плесенью, постель всегда влажная, а ревматизм, который даже теперь многих беспокоит (легкие приступы ошущаю и я), зимою появляется почти у всех — туземцев ли, приезжих ли. Поэтому и консул и другие мне советуют поскорее запастись валенками и теплым одеялом. Вторую вещь можно бы купить и здесь, но валенок здесь, безусловно, нет. Прошу Вас поэтому переслать мне сюда и то и то: мое теплое одеяло и валенки [...].

[...] Как посылать, этого я не знаю в точности, т. е. не знаю, нужно ли посылать почтой, или же можно и железной дорогой. Все обыкновенно устраиваются так: из России отправляют вещи по железной дороге до Одессы, а там в Одессе уж у них есть свой агент Палестинского общества, который сдает вещи на пароход Русского общества пароходства и торговли¹⁰. Такая переправка вещей чрезвычайно дешева (если не ошибаюсь, то морская часть пересылки стоит 9 или 10 копеек с пуда); но ведь у Вас-то нет агента в Одессе. Говорят, будто возможно возложить перегрузку ящиков (с железной дороги на отплывающий пароход) на самую железную дорогу, т. е. что сразу можно сдать на станции Звенигородка место в Бейрут и уж больше ни о чем не заботиться. Но это лишь толки, и об этом надо Вам самому справиться. Не знаю в точности, можно ли железнодорожные клади посылать через Вену, а не через Одессу. Если узнаете, что можно, то на ящике сделайте приписку: *Via Vienna*. [...]

Очень жалею, что я не запасся в России калошами. Здесь калоши выписываются из России, и они очень дороги. Но так как пора дождей уж наступает (сегодня ночью был первый дождь), то мне придется купить калоши здесь же.

На дворе, несмотря на выпавший ночью дождь, очень тепло. Солнце греет, как у нас летом. Так как в течение целого лета здесь совсем не бывает дождей, вода после вчерашнего дождя вмиг вобралась в землю и земля совершенно сухая. Но еще несколько дней — будет с новым дождем уж и грязь.

Мое здоровье несколько лучше. Я узнал, что в здешних краях изредка готовят себе похлебку из рису и мяса («шораба»), и попросил, чтобы мне такую похлебку делали каждый день. Хозяева очень изумлены этим жела-

нием (по их мнению, похлебку приятно съесть иногда, изредка, а не каждый день), но мою просьбу исполняют. И вот я уж два дня при этой горячей пище чувствую себя лучше.

8 ноября
[20 ноября] 1896 г.,

[...] Сегодня ночью дождя не было. Небо совершенно ясно. Быть может, сухая погода продержится еще с полмесяца.

Ваш Ф.

P. S. В 39-м номере «Недели» помещено мое письмо «О мусульманском фанатизме»¹¹. Так как мне по многим причинам очень важно сохранить этот номер «Недели», то я обращаюсь к Вам с просьбой отделить его (весь номер целиком) и спрятать. [...]

9

Е. Е. Крымскому

4 ноября
[16 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Письмо твое и Маруси пришло для меня совершенно неожиданно: я думаю, что Вы не напишете, пока сперва не получите моего вполне точного адреса. Я вас часто вспоминаю. С моим арабским учителем я занимаюсь по Оллендорфу, по тексту французско-итальянскому, точь-в-точь такому, по какому мы занимались летом. [...]

Я очень рад, что Зак дал наконец недостававшие книги «Энциклопедического словаря». За все хлопоты спасибо! Когда принесут деньги за статьи мои в «Словаре» или когда выручатся какие-нибудь деньги от продажи книг или вещей, откупленных у Фрейтага, то разужнай, пожалуйста, в Лионском кредите Москвы, как пересылаются сюда деньги, т. е. нельзя ли, высылая даже небольшую сумму, дать чек на бейрутский Оттоманский банк? Кстати, скажу: здешний банк (он, собственно, французский) — первостепенный мошенник, и меня уж два раза обманули. Особенно нагл был второй обман: за

размен сторублевой ассигнации взяли с меня 16 франков, т. е. 6 рублей! Единственные русские деньги, которые здесь ходят чудесно, — это золотые. Русский полуимпериал (7½ рублей) считается здесь за 20 франков, и так как в нем чуть-чуть больше золота, принимается охотнее, чем даже французский наполеон. Кажется, русские империалы можно посылать сюда по почте.

Я здесь устроился уже. Из моего предыдущего письма к тебе сквозило отчаяние, но теперь я очень спокоен. Во-первых, моя комната перестала быть гостиной для хозяев и в ней сижу только я и только мои гости. Во-вторых, мне дали умывальник. Вот уже неделя прошла, как у меня есть умывальник, а я все-таки не могу вспомнить об этом событии без радости. От здешней жары я принужден умываться раза три-четыре в день, и проделываю всю эту операцию не в кухне уже, не в виду громадной собирающейся публики, с особенным интересом следившей за процедурой чистки зубов, ибо здесь зубов никто не чистит, а вместо того жуют мастику. Нет. Умываюсь уже у себя в комнате. Что касается пищи, то с нею я отчасти уже свыкаюсь. [...]

Говядины здесь не любят, она гораздо дешевле баранины, и я без труда упросил хозяйку жарить мне говядину. Никто не может здесь понять, что можно больше любить говядину, чем баранину. Умная моя хозяйка, воображая, что я совсем ничего не понимаю по-новоарабски, объяснила гостям (собравшимся смотреть, как интересно я ем вилок), что у нас в России баранов нет, баранину привозят издали, она в дороге портится и не бывает у нас вкусна, и оттого мы любим больше говядину. Вообще я не дотрагиваюсь к некоторым здешним наиболее любимым блюдам (есть, между прочим, тут большая мерзость, субстанция которой — оливки, и ее запивают холодной водой). Зато большинство блюд (правда, арабами менее любимых) — превкусные. Главная же моя пища — прекрасный виноград после обеда и ужина. Я его ем с хлебом... Виноват! Не с хлебом! Здесь того, что мы называем хлебом, нет ведь. Я ем виноград с «хубзом». Слово «хубз» переводится, пожалуй, словарями, как «раpis», но на самом деле «хубз» — это корж, очень вязкий. С сочным виноградом «хубз», однако, очень недурен. Ем я три раза в день: утром кофе, в полдень обед, в 6 часов ужин: и я никогда не голоден. Первые дни мне

казалось, что я пропаду без чая, но теперь я не чувствую никакого лишения.

Приучаюсь вразумительно говорить по-новоарабски. До сих пор, однако, не могу отвыкнуть от языка IX—X вв., и оттого курьезы еще встречаются на каждом шагу. Вчера еще, когда уличный чистильщик сапог, мальчишка, предложил мне свои услуги, я ему сказал: «иф'аль, ма важиб», т. е. «сотвори, еже есть на потребу» (язык мой ведь вроде нашего церковнославянского), и он, подумавши, решил, что я его прогоняю. Но «образованные» люди приходят в восторг от моего архаического языка и стараются меня затащить почаще к себе, чтобы услышать, как «москоб» говорит по-древнему. Я поставил «образованные» в кавычках, так как я еще не видел подлинно образованных арабов старшего поколения. Я наблюдал наиболее богатые дома (например, Традов): все члены семьи одеты по-европейски, все болтают по-французски даже между собою, но неразвитость и малая интеллигентность поражают. Любимое времяпровождение — собраты вечером большой компанией и петь песни, привезенные из Египта. Поют хором, гнут невыносимо. Я записал одну из модных песен: бесцветная или банальная по содержанию, важна она для певцов как набор красивых слов и словосочетаний. Посредине сядет египетский певец, одетый еще по-азиатски; богачи третируют его, но тем не менее очень прилежно учатся у него песням¹². О чтении книг частенько и понятия не имеют, кроме мальчиков, воспитавшихся у иезуитов¹³. Это будет новое поколение. У более старых людей разговор вертится на торговле и на религии: православные ругают маронитов, описывают гнусность пропаганды иезуитов, ждут много благ от России. Международной политикой интересуются все усердно¹⁴.

Я не хожу в церковь, и это производит сенсацию. Моя хозяйка заставляла меня перекреститься перед ней, чтобы убедиться, христианин ли я. Прошное воскресенье я утром занимался, вдруг какая-то девочка подходит и стучит мне в окно. Я подымаю голову: «Шу битриди?» (Чего тебе?) — спрашиваю. А она: «Йахуди» [иудей] — и пошла дальше. Я остался с разинутым ртом.

Знакомых арабов всяких слоев общества у меня масса. На весь Бейрут есть лишь восемь русских («москобов»); из них учительницы полумонашеского института-

пансиона и консул недоступны для разговоров простым арабам, остаюсь один я*, — ну и осаждают же!

В последние пять дней я начал очень бесцеремонно спрашивать прохожих. А то ведь, — придет в мою комнату, стоит молча и смотрит молча. Спросишь: чего нужно? Отвернется и уйдет (это кто поскромнее) или скажет: «так» и продолжает молча глазеть. А уж нагло меня надувают в деньгах, так этого всего и описать нельзя. Здешняя рыночная денежная система благоприятствует надувательству.

Счет в Сирии ведется на те деньги, для которых нет соответствующей монеты. Чекающаяся в Турции официальная монета, не имеющая, кстати сказать, никаких цифровых надписей на себе (только орнаментацию и герб), рассчитана не на здешние, а на константинопольские турецкие пиастры, на так наз. пиастры «настоящие», «саг». Этот константинопольский (не сирийский) пиастр имеет ценность в восемь копеек по нашей валюте и делится на сорок парá. 20 константинопольских пиастров составляют собою крупную серебряную монету «межидие», или «риял», величиною побольше русского серебряного рубля; в нашей валюте ценность рияла будет 1 р. 60 коп. И что же делает Сирия? Торговые сирийские города не желают вести базарный счет в цифрах константинопольских пиастров. В Сирии базар каждого крупного города (Алеппо, Бейрута, Дамаска) продолжает придерживаться своего старинного пиастра (так наз. «шюрок»), делящегося тоже на 40 парá, но исчисляемого не в восемь копеек, как в Константинополе, а выше или ниже этой стоимости. Бейрутский пиастр «шюрок» ниже восьми копеек; он в нашей валюте равняется только семи копейкам. Но так как монеты, которая стоила бы семь копеек, не существует на свете, то как же бейрутинцу расплачиваться? Приходится употреблять официальную турецкую константинопольскую монету, неуклюже и не вполне с арифметической точностью применяя ее к бейрутской норме, т. е. считая турецкую однопиастровую монету за один бейрутский пиастр с дробью, или с «медяшкою» («нхасе»), иначе — считая ее за один бейрутский пиастр и два с половиною парá. Соответственно этой норме расцени-

* Есть еще М. А. Черкасова, богомольная старушка, заведующая школкой Палестинского общества, но она сидит дома и никуда не выходит.

ваются и прочие монеты, с тою же неудобною неуклюжестью. Если чеканенный в Константинополе «междиде», или «риял» (1 р. 60 коп.), вполне удобно и округленно делится у константинопольцев на 20 пиастров — «саг» или на 800 парá, то здесь, в Бейруте, где однозвучное понятие «пиастр» имеет смысл не «8 копеек», а только «7 копеек», эта серебряная монета, риял, признается за содержащую в себе 23 бейрутских пиастра и 10 парá, или всего вместе — 930 бейрутских парá (помни, что термин «парá» это $\frac{1}{40}$ часть любого пиастра, и, следовательно, в разных городах цена «парá» тоже разная). Цифра 23 — и нечетная и некратная; без привычки она в высшей степени непрактична для всяких высчитываний. В Алеппо и в Дамаске «кратность» для монеты рияла не лучше, чем в Бейруте; там в турецком рияле арабы насчитывают или 19, или 21 местный пиастр — обе эти некратные цифры одинаково неудобны в базарных математических расчетах. И все-таки арабы не бросают своего старобазарного счета; бейрутинцы преспокойно мирятся с тем, казалось бы, архинеудобным фактом, что чеканная монетная единица, риял, делится на 23 части. Что касается денежной мелочи, то, как я сказал, чеканная монета в один константинопольский пиастр признается в Бейруте не за пиастр, а за пиастр с «медяшкою», иначе сказать за 1 бейрутский пиастр и два с половиною парá. Та же дробность и нецельность в оценке прочих мелких монет. Пятипиастровая константинопольская монета оценивается пятью бейрутскими пиастрами и тремя четвертями пиастра (иначе, она составляет 5 бейрутских пиастров и 30 парá). Есть устарелая и истертая монета «бешлик»; она составляет три бейрутских пиастра с «медяшкою», т. е. три здешних пиастра и два с половиною парá; другая истертая монета, «полубешлик», — полтора пиастра и два с половиною парá. Есть еще очень ходовая (мы бы сказали, двухкопеечная) монетка «металик»; в ней двенадцать с половиною парá, или пять «медяшек» («нхасов»). Самая же мелкая монета оценивается в два с половиною парá: ее-то и называют «медяшка», по-арабски «нхасе»; это я условно позволил себе переводить русским термином «денежка» *. И вот при такой счетной

* Монетка эта, «денежка», ходит только в провинциях Османской империи. В столице Константинополе ее уже не принимают, и там самая мелкая единица — металик, по-нашему две копейки.

системе вообрази себе, что ты купил у разносчика пять пирожков с кедровыми орехами, по металику за пирожок. Металик — это двенадцать с половиною парá. Помножь на пять — выходит 62 парá с половиною, т. е. полтора пиастра и два с половиною парá. Ты вручаешь торговцу турецкую полумежидовую монету (80 копеек), чтобы он дал тебе сдачу. Полмежида заключает в себе 11 пиастров и 25 парá. Вычти отсюда полтора пиастра и два с половиною парá (стоимость пяти пирожков); остаток выходит 9 с половиною пиастров и два с половиною парá. Это столько тебе причитается сдачи. Торговец даст тебе сдачу, конечно, сборною мелочью, где каждая монетка имеет по бейрутскому счету не округленную ценность, не в целых числах, но непременно ценность, смешанную с дробями. Он даст тебе, например, два бешлика, один полубешлик, пять металиков и два ихаса. Сосчитай-ка все в уме, на улице! Не возьмешь же ты в руки, на улице или на базаре, карандаш и бумагу, чтобы подсчитать сумму сдачи правильно. Хорошо, если продавец попадется честный, т. е. мусульманин; этот тебе сам вразумительно поможет разобраться и в сдаче, и в операциях умножения, вычитания и сложения. Если же продавец будет христианин (а это обычнее всего), то почти наверное он постарается тебя запутать в счете. Я всегда запутываюсь. Во-первых, я с непривычки затрудняюсь делать быстро в уме сложение, вычитание и умножение с дробями; во-вторых, по близорукости, я сплошь да рядом не распознаю стертых монет бешлика и полубешлика, а в-третьих, дело осложняется тем, что курс турецких денег частенько на бирже меняется, а я ж не в состоянии аккуратно следить за курсом. Продавец, если он мошенник, всегда мне назовет ложный курс. Если платить должен я торговцу, а не он мне, то пиастр у него может оказаться по сегодняшнему курсу подешевевшим («нызыль» — опустился); а если выплата (сдача) причитается мне от него, а не ему от меня, то, глядь, через несколько минут курс пиастра способен бесстыдно возрасти до таких размеров, о которых, пожалуй, даже грезить не смеет турецкий министр финансов.

Европейцы, вполне солидные, уверяют меня, что через какой-нибудь месяц я вполне освоюсь с бейрутской денежной системой и буду легко по ней считать; тогда, конечно, никто меня не обманет даже на денежку, разве

что соврёт малость насчет текущего биржевого курса *. Поверить этому можно. Все дается привычкой. Я уж и сам без чужой помощи подметил, что слишком дробный счет на пара и полупара я отчасти могу заменять счетом на нхасы. Ведь нхасовую монету (два с половиною пара) можно не раз применить за основную денежную мелкую единицу, памятуя, что в металике содержится ровно пять нхасов, а в пиастре — 16 нхасов (иначе — три металика и один нхас). Этот расчет представляет некоторую аналогию с тем, когда мы при русской монетной системе умеем считать не на мелкие копейки, а сразу на пяточки, гривенники, двугривенные, полтинники — и не сбиваемся.

Покамест, однако, приходится тонуть в бейрутской базарной денежной «неразберихе» и сердиться на юрких продавцов, которые мошеннически пользуются моей «неразберихой».

Мои хозяева (родители московского М. О. Агтан), пожалуй, симпатичнее других. Правда, за квартиру они содрали с меня дорогонько: пять наполеонов, т. е. почти 40 рублей (учителю я плачу около 15 рублей в месяц; так что институтской стипендии мне не хватает); но зато они дорожат мною (люди они бедные) и стараются угодить. [...] Отец — самоучка-доктор, ветхий старик, без зубов, впадает в детство. Он (как и вся семья) ни слова не понимает ни на каком языке, кроме народного арабского (высокого литературного он не знает и не всегда его понимает). Так как он без зубов, то я не улавливаю от него почти ни одного звука, а он, на беду, говорлив. Обыкновенно наши разговоры переходят в переписку; клочки бумаги с исписанными моими вопросами и его ответами я храню как сувениры. Жена — почти не постаревшая женщина (хотя ей за 50), говорливая, бойкая и симпатично-продувная. Неграмотная. С нею мы так-сяк чудесно разговариваем, но так как я об обыденных для нее вещах говорить еще не умею хорошо (в исторических книгах я ведь не встречал, например, слов: «простыня», «швейная иголка», «соус» и т. п.), то она вполне убеждена, что еще более сложных разговоров я, понятно, и не в состоянии понимать. А у меня дело как раз наоборот. Отвлеченный разговор для меня вразумительнее. И вот она, в то время как я обедаю с хозяином (тут жена с

* Что и имело место месяца два спустя.

детьми обедает позже), а публика глазает, — она, говорю, беседует с публикой обо мне в моем же присутствии и объясняет людям, что я ученик ее сына Михаила (собственно, пасынка, а не сына), и если я много знаю, то пусть же публика судит, сколько знает ее сын. Публика спрашивает: «А кто же его научил так хорошо говорить по-французски?»—«Да все же Мухайль: ведь он < . . . > (тут голос хозяйки делается заносчивым) чудесно знает французский язык». Увидали у меня мою визитную карточку с обозначением, что я член Общества археологического и Общества этнографического, — причиной, конечно, оказывается «Мухайль». Вообще, по ее представлению, в люди меня вывел «Мухайль»... Я эти разговоры чудесно понимаю, но упорно молчу. Обожает она своего пасынка Мухайля до безумия. Детей ее я не могу еще распознавать: кажется, их всех есть штук семь, но все, они, кроме двух старшеньких, до неузнаваемости смахивают один на другого. Самых старших (взрослых) детей нет дома. Дочь Асма замужем за столяром, сын Нуля (Николай) — в Египте, сын Журжи — тоже там.

Нравы. Тут во дворе есть один эпилептик. Когда с ним припадок, тогда весь двор сходится смотреть: преимущественно дети, женщины; из них некоторые с грудными детьми. Так как каждый поросенок во дворе считает своей обязанностью при встрече со мною показывать на какой-нибудь предмет и называть его по-арабски, то, понятно, при первом же припадке этого эпилептика вспомнили меня, чтобы научить меня, как по-арабски называется тот или другой болезненный симптом. Я, понятно, умчался со всех ног от подобного урока, бьющего по нервам, но матери с младенцами преспокойно любовались эпилепсией.

Наступила зима, «щита»¹⁵. Это не значит, что наступил холод, — только дожди. Пока дождь идет, до тех пор и прохладно; чуть прекратится, опять зной. Наш двор — прекрасный сад, и по вечерам в нем прелестно. Чудные лунные ночи. Лучшее время — или за час перед заходом солнца (тогда нет палящей жары, весь город полон ароматов от цветов и цветущих деревьев), или через полчаса после захода солнца. Сразу наступает ночь, луна светит ярко-голубым светом, вид на море и на Ливанские горы выше всяких описаний. Далее делается сыро, и приступы ревматизма не позволяют уже любовать-

ся природой. Да и в какое угодно время дня Бейрут великолелен. Даже в полдневную жару, покрываясь потом, невольно любуешься всем окружающим. Это самый красивый из всех восточных городов, виденных мною. Если бы в нем завести комнаты с полами деревянными, а не каменными, и с печками для отопления (против сырости), то это был бы рай. Константинополь красив с моря, но безобразен внутри, а Бейрут и внутри красив и (чего нет нигде) — чист. Говорят, будто зимою здесь бывает сильная грязь, но я пока что не замечаю этого.

Есть тут, как я уже сообщал, полурусская школа (институт) для девочек-арабов: «Бакурет эль-ихсан» под патронатом г-жи Сюрсок. Начальница — Лябиба Жакшан, а над русскими учительницами — Е. И. Шмидт; учительницы окончили гимназию Стоюниной в Петербурге. Между половиной четвертого и половиной шестого они свободны, и я туда часто захожу. Ненавидят они Бейрут и сердятся на меня, если я говорю, что пальмы красивее березы. Исполинские кактусы, которые служат живой оградой для многих садов, приводят учительниц в негодование. Кипарисы и кедры не могут, по их мнению, равняться с северной елью. Друг друга мы не убедим. *De gustibus non est disputandum* *.

Но когда мы заведем речь о качествах арабов, понимая под арабами тех торгашей, с которыми нам придется иметь дело, то тут наши несогласия кончаются, и мы с удивительным единодушием ругаем этих мошенников. Я, впрочем, иногда позволяю себе высказывать перед ними дерзкую мысль, что есть же и между арабами очень и очень порядочные люди, а только мы припуждены иметь дело с худшим элементом; то тогда бурное негодование девиц заставляет меня умолкнуть.

Встретил я знакомых Муркоса, братьев Бехази. Оказывается, по их словам, что в 1892 году Муркос¹⁶, вздумавши выписать отсюда колоссальную партию апельсинов для продажи в Москве, потерпел громадные убытки.

Ad hoc! [...] тут круглый год есть плоды. Виноград около Рождества прекратится, но тогда будет много апельсинов, так наз. «ананасов» ** и фиников (хоть это и теперь

* О вкусах не спорят (лат.) — *Прим. ред.*

** Но это не ананасы.

есть). Хороши финики только привозные, багдадские и египетские. Потом наступит сезон мандаринов, потом ягоды разных сортов (мушмала — «икиди́юйя»), а в марте абрикосы и т. д. Но нет здесь вишен, и их привозят из Константинополя.

Для Маруси небезынтересно: шелк здесь дешевле полотна. Я бы очень хотел купить для нее что-нибудь, но на свой вкус не полагаюсь. Я вчера купил себе новый галстук, так как мой (прежний твой) поистерся, и полагал, что с меня сдерут много. Оказывается, взяли пять пиастров (35 копеек кредитными). Да и то мои знакомые Шагури, у которых самих есть шелковая фабрика, говорят, что с меня взяли за галстук бессовестно.

Сегодня ровно три недели, как я в Бейруте. Из них я только последнюю неделю занимаюсь хорошо, а первые полмесяца я больше наблюдал город и быт. Бытовых наблюдений я сделал массу. Бывал также у здешних представителей русской дипломатии. Семейство молодого заместителя консула (кн. Гагарина) меня очень хорошо приняло, и сам князь любезен до обворожительности; но я боюсь, что я для них — аристократов лишь «на безрыбье рак». Княгиня Мария Яковлевна Гагарина — как будто украинка: по удочерению она «урожденная» Лазаревская, якобы дочь черниговского Якова Лазаревского, который был близко знаком с Шевченко. На деле же она вовсе не украинка. От директора Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенского и его жены, когда я с ними ехал на пароходе до Константинополя, я услышал, что подлинный ее отец вовсе не Яков Лазаревский, а барон Вревский, туркестанский генерал-губернатор, всемогущий в Средней Азии человек. Мать — англичанка. Образование княгини М. Я. Гагариной — блестящее, европейское, и она очень любит чтение, притом не пустое. В обращении с кем бы то ни было она вполне вежлива, заносчивости не проявляет; но скрытой, я бы сказал «английской», гордости у нея, по-моему, есть довольно много. Ее муж, князь Ал. Ал. Гагарин, производит впечатление значительно менее гордого человека. Между тем его крестный отец — великий князь Сергей Александрович — нынешний московский генерал-губернатор. Все это достаточные причины для того, чтобы я не слишком полагался на обворожительность князей Гагариных со мною, а держался бы на-

стороже. Все-таки я очень дорожу этим знакомством, так как у князя оказалась прекрасная библиотека, для меня крайне важная; он мне даже подарил оттуда несколько ценных книг (дублетов), а его жена подарила драгоценную афганскую марку. Любят вести разговор по-французски. Да и мой главный язык теперь — французский, а не русский. Арабский я больше слушаю, чем сам употребляю. Однако обстоятельства так слагаются, что вскоре он заменит мне французский; среда — до крайности арабизирующая. А летом, в горах, я буду слышать только арабский язык.

5 ноября
[17 ноября] 1896 г.

Описывая вчера прелести Бейрута, я забыл одну, своеобразную, но утром сегодня вспомнил. Умылся я, взял полотенце, чтобы отереться и вдруг — о ужас! — на полотенце сидит отвратительная гадина длиною и величиною в средний палец. Это здешняя сороконожка, или «сколопендра»*. Я не мог ее раздавить: очень противно, и притом сок ее испортил бы всю половую циновку. Пришлось утопить сколопендру в умывальнике. У девиц Института дело было похуже: они уж поймали у себя несколько летучих тараканов («сарсур») и скорпиона. Я видел этих гадин в спирту у них. Хотя Маруся очень хорошо знает, что наши звенигородские «скорпионы» (они же «уховертки») достигают «двух футов» (пусть не сердится за напоминание о шутке), но этот бейрутский скорпион, величиною не в два фута, а лишь в ладонь, произвел на меня самое отталкивающее впечатление: я две секунды посмотрел на гадину, а затем отвернулся — такая мерзость. Летом для избежания жары и комаров я буду жить на Ливане, а там-то и есть пристанище этих гадин. Ужаление скорпиона не смертельно, но страданий причиняет много. Змея от человека убегает, а скорпион сам нападает. Третьего дня я убил у себя в комнате тарантула, но малого, величиною с две горошины.

Пора, однако, закончить письмо. Марусе сообщи, что «наизусть» происходит не от «на из уст», а от существительного женского рода «изусть». Ср. «впрямь», «вкривь», «вкось», «наискось».

Далее — сделай для меня одолжение: не рви моих

* По-арабски — «араб'а у арба'ин».

бейрутских писем, а сохрани их. Я покамест не веду никаких дневников. Что меня больше поражает, я того касаюсь в письмах; но ведь только на первых порах меня может поражать что-нибудь здешнее, а через два года я ко всему привыкну. И вот, по возвращении в Россию, я надеюсь воссоздать свои первые впечатления, если вновь перечитаю свои же письма. Может быть, составлю по ним и бесполезную статейку. Ты делай так: сохраняй мои письма в тех же конвертах, в каких я буду их присылать; по возвращении в Россию конверты ты дашь мне, а письма позволишь перечитать, и я вспомню, по ассоциации, множество таких вещей, о которых нет ничего и в письмах.

Марусе я не пишу отдельного письма, так как это предназначается и для нее и для тебя одинаково... Нет, впрочем: не совсем. Когда вы будете разводиться, тогда мой письма возьми себе ты, потому что в таком случае я ими скорее воспользуюсь. Поклон Марусе и Боре.

А. К.

[.] P. S. Я наклеил марки русской «восточной корреспонденции», две по 7 коп. голубые, одну пятикопеечную лиловую и одну копеечную желтую (а если вес будет больше лота, то наклею еще какую-нибудь). Пожалуй-ста, посмотри, не сорвали ли их московские почтальоны, и если да, то пожалуйся директору почтамта. Марок этих нет в продаже на русской почте в Бейруте, и я их с расходами выписал из других почтамтов (Афона, Салоник), так что ими дорожу очень.

Посылаю русской почтой, потому что завтра (6 ноября) идет русский пароход. Извести, когда именно получилось это письмо.

10

М. Е. Крымской

6/18 ноября 1896 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Письмо твое от 17 сентября пришло сегодня. Шло 20 дней. Если бы послать «через Вену», то я б его получил 1 ноября.

[...] Прежде всего о деле. Посылаю доверенность папе на получение присланной (из Москвы?) посылки. Думаю, что отправитель — Янчук¹⁷, и, вероятно, в этой посылке заключается «Этнографическое обозрение». Во всяком случае опиши мне точно содержание ее; быть может, в ней есть что-нибудь и кроме «Этнографического обозрения»¹⁸, а то, пожалуй, найдутся и письма. Письма перешли. Если же это из Академии наук (программа для собирания малорусских говоров), то попроси папу переслать сюда. На присылаемых мною отсюда закрытыми письмами стихотворениях Руданского¹⁹ есть внизу каждого листка пометка, к какому тому лист относится. Рассортируй все, что мною прислано, и сообщи, от какой до какой страницы из каждого томика (3-го и 4-го) прислано. Когда пишешь, что прислан № какого-нибудь журнала, то непременно отмечай, какой же №, не то я все равно останусь в неизвестности. Что за каталог International? из какого города и от какого магазина прислали его на мое имя в Звенигородку?

[...] Ну пока что об этом довольно.

Устроился я здесь в общем очень недурно, а в частности все-таки еще скверно [...].

Но понемногу все такие неудобства я устраняю. К кушаньям восточным, я думал, никогда не привыкну; но, оказалось, понемногу вполне привык или почти привык. Ем я три раза в день [...]. Кофе я пью с козьим молоком, и оно-то, по-моему, и есть самое худшее слабительное. Что касается обеда и ужина, то здесь готовят всего вместе около четырех блюд, но я выбираю себе лишь два: первое — рис, или похлебка из рису, или особая яичница с травами; второе — кусок мяса (к сожалению, не всегда в чистом виде, а с приправами), а третье — виноград, который я ем с хлебом (вернее: с лепешкой, так как, ты уже знаешь, здесь нашего хлеба не пекут). До остальных блюд вроде вареного перцу, сырых баклажанов с деревянным маслом, помидоров, набитых какой-то подозрительной смесью, гарбузов с рисом и т. п. я стараюсь не дотрагиваться. Но иногда бывает так, что нет на первое блюдо ни рису, ни похлебки; тогда приходится есть чисто азиатские блюда. Впрочем, главная моя пища — это виноград, и я, собственно, только им и живу. Я уж сказал, что ем его с хлебом: хлеб этот круто-вязкий («глевкий») в виде тоненькой лепешки, так что если он вчерашний, то

зубы с трудом грызут; но с виноградом — хорошо. Далее, в винограде есть сок, и это мне заменяет чай. И еще, в винограде есть сладость. Иногда я сам себе (не хозяева уж) покупаю бананов копеек на пять или багдадских фиников* и тогда уж окончательно доволен. Голоден никогда не бываю, и здоровье мое — прямо в прекрасном состоянии, если только изредка исключить желудок. Говорю, «здоровье в прекрасном состоянии» потому, что есть и достаточно сил, есть и сон, и нервы спокойны. Чего ж лучше желать?

[...] С наступлением периода дождей жара начинает спадать. Сегодня я ходил на почту в два часа пополудни без зонтика и, при солнечной погоде, не изнемог. Правда, я старался больше идти в тени. Около четырех часов дня — время совсем прекрасное: конечно, скоро ходить еще нельзя, не то покроешься потом, но если идти медленно, то выходит приятнейшая прогулка. Квартал, где я живу, далек от рынков, в нем всё сады и сады, и под вечер пройтись — великолепно. Хорошо здесь и при луне, но жаль, вечером ходить опасно. Недавно еще на нашей улице какой-то мусульманин ни за что ни про что пырнул христианина, шедшего по улице вечером. Ночью я часто слышу выстрелы. Все здесь ходят с револьверами.

По ночам, если бывает дождь, то бывает и гулкая гроза. Это неприятно, потому что спать мешает. [...]

Попрошайничество тут развито до крайности. Если просят профессиональные нищие, это еще не поражает. Но здесь всякий не нищий просит. Когда я иду куда-нибудь, я стараюсь заранее выучить дорогу по плану, потому что за малейшее указание дороги требуют платы. На днях я искал один дом и обратился с вопросом к кузнецу. Тот мне сказал: «Третий налево» — и я пошел; но вдруг возле искомого дома нагнал меня его мальчишка и показал на ворота, в которые я и так хотел войти. Я вхожу в ворота, а мальчишка начинает орать: «Бахшиш!». Чтобы избавиться от него, я дал ему «металик» (2 копейки с чем-то). Он мне швырнул под ноги и с ругательствами требовал больше. Я спасся в ворота. Но третьего дня было хуже. Я пришел к дому, где турецкая почта, и не знал, в которую дверь войти. Спросил одного человека. Тот мне

* Здешние финики мало сахаристы и не могут по вкусу сравниться с египетскими и багдадскими.

показал и побежал за мной по лестнице. Я ему несколько раз повторил, что не нуждаюсь в его провожательстве, но он упорно шел за мною и подождал, пока я сдал заказное письмо. Выходим — он требует бахшиш. На этот раз я отказался дать. Тогда он три улицы шел вслед за мною, изрыгая самые грубые площадные ругательства в виду тысячной публики (дело было в торговых рядах).

Счастье еще, что нахал был не мусульманин; иной мусульманин, пожалуй, просто выстрелил бы. Пять дней тому назад драгоман русского посольства Салим Шхаде²⁰ ехал на извозчике и встретился с мусульманским извозчиком. Разъехаться было трудно, и мусульманский извозчик принялся ругаться. Христианский на это ответил что-то, и его противник выхватил из кармана револьвер и дал два выстрела, задевших за задок экипажа. Правда, Шхаде — турецкий подданный (это можно узнать и по его феске, так как шляпу носить турецкие подданные по обычаю не имеют права), а меня всегда можно узнать как европейца и русского подданного по моей фуражке; но если здешний дикарь обозлится, то может забыть о том строгом наказании, которое ждет за убийство европейца, и убьет. Так меня пугали учительницы, может быть, преувеличивая дело.

Чтоб тебя не обеспокоить, объясню, что, на мое счастье, Бейрут — город чуть не сплошь христианский и мусульман здесь довольно мало; а христиане все же народ трусливый. Кроме того, я, как русский подданный, меньше всего в данный момент имею причины опасаться. Мусульмане знают, что Турция держится теперь одной лишь Россией, а православные арабы знают, что православие держится Россией. Что же касается маронитов и католиков (униатов)²¹, то [...] у них есть хорошие школы, чего почти нет у православных, и я их не боюсь. Нужно только не заводить ссор [...]

11

Е. Е. Крымскому

9 ноября
{21 ноября} 1896 г.,
Бейрут

[...] Здесь баранину перед варкой не моют. Корова считается нечистым животным (в некоторых домах, более богатых, даже вид коровьего мяса способен возбу-

дуть рвоту, как хвастаются), и потому говядину, принесши с базару, моют. А баран считается чистым животным, и потому его мясо, провисевшее несколько часов в лавке и обсиженное мириадами мух, не нужно мыть: его сразу жарят или (если для похлебки) варят.

Пишу через несколько часов после ужина. Я в полуотчаянии. Мне объявили, что по случаю жары, которая держится дольше, чем ей полагалось бы, виноград вялится и обращается в изюм еще на ветках. Я и сегодня уж ел виноград, похожий на изюм; а через неделю, говорят, и такого не будет. Значит, мне хоть с голоду пропадать. До сих пор моя главная пища была именно виноград с хлебом, и я полагаю, что апельсины его не заметят.

От этой печальной вести я сегодня совсем повесил нос. [...]

Здесь аптекарь (немец или поляк, не разберу; я-то с ним говорю по-польски) предлагает мне у себя комнату за 30 франков, но без стола. Страшно согласиться на его предложение: во-первых, обидится мой нынешний хозяин (ль-хаким Атая) и через него обидится московский М. О. Атая, а, во-вторых, обед в ресторане едва ли мне по карману; в-третьих, по словам аптекаря, его комната дает «*cidny widok na morze*» *, стало быть, в ней ревматизм скрывается в каждой щели; а четвертое и главное — я лишусь арабской практики. Будем же терпеть. [...]

10 ноября
[22 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Сегодня воскресенье, у меня нет урока с учителем, и я решил отправиться погулять за город. Со мной пошли две учительницы «русского» института. За городом песок, и потому сегодняшней ливень не произвел там грязи. Мы карабкались по горам, ходили среди рощ маслин, тутов, лимонов и пальм, растущих на берегах загородных ручьев, были в молоденьком кедровом лесу. Солнце не очень жгло, а, наоборот, напоминало собою московское майское солнце. До самой вершины какой-нибудь из гор, откуда вид наиболее был бы просторен, мы не добрались, потому что боялись, что не успеем вернуться домой до

* Прекрасный вид на море (польск.). — Прим. ред.

заката солнца; но и те виды, которые нам открывались, оставили в моей памяти волшебное впечатление. Я за нынешние эстетические впечатления готов простить Бейруту и его ревматизм, и скверную пищу, расстраивающую желудок [...]. В кедровом лесу учительницы перепугались, так как встретили двух мусульманских охотников с ружьями. Но те по нас не стреляли. Да и зачем?

Мы гуляли от двух часов дня до половины шестого. Устали страшно, но я готов был бы идти подряд еще столько же. Не могу описать того изумительного подъема духа, какой мне дала эта прогулка. Быть может, урву на неделе еще денек, чтобы еще раз походить по узким горным тропинкам среди этих садов, огородов и полей, возле этих горных избушек, где с каждой открывается чудный вид или на дальние горы, или на море. Дальние горы усеяны белыми домиками; сами они, горы, издали голубовато-фиолетовые, а изблизи — зеленые, от лесов и садов. Вершины же их коричневые, скалистые.

Мне все еще представляется, что я слышу шелест придорожных бамбуков, или что топчусь-пробираюсь по кактусам, или слышу журчание горных ручьев.

У вас, конечно, снег, мороз. А мне не верится и кажется, будто лето затянулось и у вас.

В следующее воскресенье мы решили не любоваться придорожными видами, а сразу взойти на одну из высоких Ливанских гор. Говорят, что там где-то есть старый кедровый лес. Кроме того, увидеть окрестность с высокой горы будет, вероятно, очаровательно.

12 ноября
[24 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Вставши сегодня утром (в 7 часов, как обыкновенно) и открывши окно, я почувствовал свежесть, какая у нас бывает летом перед восходом солнца. Я вздрогнул несколько раз. Небо было затянуто черными тучами, и гремел гром. Я решил, что наступила зима. Но через час ветер разогнал тучи, солнце взошло, и опять на дворе тепло.

В городе возбуждение. Мусульмане убили в своем квартале двух христиан, а христиане одного мусульманина. По ночам вообще здесь никто не ходит, а теперь еще более. Я вчера шел вечером в половине седьмого. Темень

была страшная. Тишина немая. Мои шаги глухо отдавались среди ночной тишины, и было жутко. На улице ни фонарика, ни света из окна.

12 ноября
[24 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Я собрался к консулу днем на минутку, чтобы отнести ему его книги; но едва прошел по улице пять минут, как меня встретил кавас * и передал письмо, в котором консул приглашает меня заехать сегодня вечером на обед. Конечно, я возвратился сейчас же домой (дело было в 3 часа дня), где меня еще не ждали. И вот сцена: двери моей комнаты настежь; целое семейство Атай расположилось в ней и тщательно разглядывает мои вещи, а старый отец дома, для большего удобства, захватил с собою свой наргиле (кальян), важно переглядывает мои книги и курит наргиле **.

C'était épatant! ***

При моем входе все поспешно удалились; только старик отец продолжал пыхтеть, потягивая дым из наргиле. Наконец он, чтобы выпутаться из неловкости, спросил меня: «Каталог американской книготорговли на арабском языке даром раздается?». Получивши утвердительный ответ, он, пытая, вышел.

Ce fut épatant!

Эти добрые люди, значит, всегда у меня хозяйничают в мое отсутствие. А я-то, наивный, и не догадывался, почему это у меня вещи и книги как будто не в порядке очень часто.

13 ноября
[25 ноября] 1896 г.,
Бейрут

[...] Сегодня у меня ужин впервые, кажется, обошелся без всяких гадостей. Первое блюдо — барашек с рисом, второе — жареная говядина, натертая перцем, и

* Стражник, вооруженный слуга. — *Прим. ред.*

** Тут выговаривают не «наргиле», а «архиле». Название же «кальян» я тут не слышал.

*** Это поразительно! (франц.). — *Прим. ред.*

третье — виноград. Я остался вполне доволен. Кажется, у меня собираются просить вперед плату за следующий месяц. В конце обеда энергично повторили, что в горах стало холодно и мороз (?? сказано слово «бард» — froïdur) извятил виноград, так что сегодня он последний раз. Но я в городе видел его очень много. Словом, для продолжения винограда придется мне или заплатить вперед, или самому покупать. Это полбеда.

На море бури. Австрийский почтовый пароход опоздал уже на пять дней, и неизвестно, когда он придет. Говорят, в пятницу, но не наверное. На душе тягостно, что нет ниоткуда никаких писем уж так давно (две недели).

Я был сегодня в институте Сюрсок, или, как его часто называют, в школе Лябибы Жахшан. Одна из русских учительниц, Мария Алексеевна Каменская, уж не может дальше выносить бейрутской жизни (она совсем больна, больше всего ревматизмом) и едет после 25 ноября в Россию, быть может, в начале декабря. Дорогою она будет в Москве, и я воспользуюсь этим случаем, чтобы что-нибудь тебе передать из здешних изделий. Может, у вас найдется место, чтобы она могла переночевать до следующего петербургского поезда? Я ей сказал сегодня так: «Если вы посетите семью моего брата, то, пожалуй, вас пригласят даже переночевать». Она на это ответила: «Нет, зачем же! Я просто передам вашу посылку и поболтаю с вашим братом и невесткою, не рассчитывая ни на какие ночеванья». Но, кажется, в ее голосе слышалось желание, чтоб мое предположение исполнилось. Все-таки она прибавила: «Не вздумайте ничего писать им обо мне заранее: я лучше нагряну к ним неожиданно и принесу известия о вас». Я, конечно, обещал, что ни слова не напишу тебе. Будешь разговаривать с ней, не верь ее словам о Бейруте. Она ненавидит Бейрут от всей души, не желает ходить любоваться здешними видами, ругает пальмы, уверяя, что от них мало тени, называет Сирию страню «пальм, кактуса и хубза» [...]. Если я ей сообщу, что я нашел новое очаровательное место здесь в Бейруте, она приходит в неистовство, заявляет, что только в России могут быть очаровательные места и что я — бесхарактерный человек. Так как она прехорошенькая, то неистовство к ней очень идет. И извинить ее можно, потому что Бейрут наделил ее катаром кишок (она только и мечтает о русской пище) и сильнейшим ревматизмом,

отнявшим у нее возможность пройти каких-нибудь две улицы. При ее живом темпераменте (она объехала чуть ли не всю Европу из страсти к путешествиям) лишение ног, конечно, является тяжким бедствием. От нее ты слушаешься достаточно проклятий Бейруту и, если уменьшишь все вчетверо, получишь точное понятие о тех невзгодах, которые я и все европейцы здесь терпим. Надеюсь, впрочем, что и без сообщений о Бейруте разговор с нею будет тебе очень интересен. Она, говорю, много путешествовала, училась в Женеве, сотрудничает в разных изданиях, разговор с нею очень занимателен, несмотря на ее некоторую энергично-нетерпеливую вспыльчивость. Я после ее отъезда буду себя чувствовать в Бейруте вдали от всяких российских интересов и, вероятно, вскоре совсем одичаю.

14 ноября
[26 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Характерная сцена сегодня. Я еще ужинал, как пришел заниматься мой учитель. Хозяйка воспользовалась этим случаем: «Спроси москоба, нравится ли ему наша пища».

Я, разумеется, понял этот арабский ее вопрос очень и очень хорошо и сообразил, что ответить. Когда учитель меня спросил о том же по-французски, я ему рубанул: «Каждый день проклиная эту пищу и изумляюсь нечистоплотности жителей».

— Да, но что же я должен ответить хозяйке?

— Что хотите.

— Тогда учитель сказал: «Москоби говорит, что ваши блюда ему чрезвычайно нравятся и хотя он еще не привык к ним, но надеется, что вскоре полюбит их больше всего на свете».

Сцена.

15 ноября
[27 ноября] 1896 г.,
Бейрут

[...] Возвращаясь с почты, я в задумчивости попал не на ту дорогу, куда следовало, пошел гораздо выше и заблудился. Неожиданно для себя я вдруг очутился за го-

родом, на высокой возвышенности, и остолбенел от изумления. Слева — весь Бейрут как на ладони, а справа, внизу, Бейрутинский залив глубоко врезывается в Ливан; тут впадает речка Бейрутинка, «Нахр Бейрут»; вдоль залива лежат загородные сады, плантации и дачи, и я со своей вышки с трудом различаю внизу беленькие хатки среди зелени. А далее, за долиной, цепь гор, опоясанных туманами. Туманы ютятся по уступам. Вершина одной из гор гораздо выше туманов. Я смотрел и забылся: смотрел, вероятно, больше часу, стоя неподвижно и не двигаясь с места.

[...] Три дня нет ни капли дождя. Улицы уж совершенно высохли (я говорю о низменных, а на горных и никогда нет грязи. Я живу на горной улице). В воздухе чувствуется близость сильнейшей грозы.

16 ноября
[28 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Я половину ночи не мог спать. Раскаты грозы были невыносимы; ветер, казалось, хотел снести весь дом; дождь лил как из ведра. Пароходы, конечно, опять опоздают на несколько дней. Днем (утром) два раза прошел град, и стало очень свежо, по крайней мере в комнатах. На дворе, напротив, едва лишь прекратился дождь, как стало тепло. Я, чтобы согреться, выбегаю из комнаты наружу то и дело. В комнате у меня, как в погребе: чувствуется сырость; из оконных щелей поддувает в ноги, от чего в ногах колотье. Приблизительно такое ощущение, как в моей московской комнате в сентябре, когда и при теплой погоде у меня в ногах была ломота от пола с его щелями. Левая рука тоже поражена ревматизмом. Нытье во всех суставах.

На дворе зато чудесно. Листья деревьев совершенно мокры, блещут на солнце и сверкают. Цветы пахнут. Под деревом лампоцветом («кандиль», из породы датур) навалена целая куча преждевременно облетевших белых цветов в форме лампочек с абажуром, величиною с два-три кулака каждый. Под апельсиновыми деревьями земля совершенно пожелтела: целый ковер из сбитых апельсинов. Солнце играет. Небо голубое-голубое. [...]

Я болен. Правда, солнце уж было в моей комнате, и

ревмы прекратились, но все же ноги как деревяшки. А сверх того, я оглох; в ушах даже не звон, а просто мертвая тишина. Заниматься с учителем я сегодня не в состоянии.

18 ноября
[30 ноября] 1896 г.,
Бейрут

Вчера князь письмом пригласил меня к завтраку. Он в большом затруднении насчет своих восточных дел: драгоман (Салим Шхаде) его обманывает, и он не в состоянии его проверить. Я взял у него ряд арабских документов (секретного содержания) и сегодня весь день их читал. Когда я узнал, что здесь творится, в Турции, у меня волосы дыбом стали. Между прочим, я открыл, что драгоман утаивает от князя имена виновных мусульман, с которых получает взятки. Дипломатические эти дела так меня заинтересовали, что я намерен предложить князю свои услуги по части арабских переводов: кстати, это и для меня практика, а кроме того, таким образом перестаю себя чувствовать чужим в Бейруте.

[...] В комнате у меня наводнение. Сегодня шел в течение нескольких часов проливной дождь (сплошной волною, а не струйками и не каплями), и вода хлынула в мою комнату. Хожу по комнате в калошах, по щиколотку в воде [...]. Вода стоит у меня уж 11 часов. Сейчас лягу спать. Простужусь ли?

Почта не пришла.

20 ноября
[2 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Вчера князь опять меня пригласил к обеду — вернее, к ужину, так как обедали в половине 8-го вечером. Кстати, у меня был готов и перевод документов. Я их захватил с собою. Мы очень оживленно болтали с князем и с его женой до полуночи, все на местные политические темы. Мы решили («мы пахали») ввести здесь в Бейруте правосудие, преследовать взяточничество и, для начала, выжить драгомана, торгующего русским правосудием.

Если ты услышишь, что твоего брата застрелили ночью на улице из мести, то не очень изумляйся и скажи: «Tu l'as voulu, Georges Dandin» *.

Погода сегодня два часа была солнечная (а предыдущие дни стояли ненастные), и я ожил. Солнце, казалось мне, жгло, и я не мог поверить, что час тому назад я чувствовал холод. После захода солнца я почти не страдал ревматизмом: значит, можно ждать, что и завтра Бог будет милостив и пошлет солнце.

По-новоарабски я начинаю даже в самом быстром разговоре понимать очень и очень много: ухо привыкло различать звуки речи. [...]

21 ноября
[3 декабря] 1896 г.,
Бейрут

[...] Мне и теперь не совсем легко говорить по-русски, хотя всего лишь два месяца, как я покинул Россию. В голове какая-то путаница франко-русско-арабская. Мелкие обиходные вопросы и ответы, начиная с «кто там?», «чего нужно?», «да», «нет», «кис-кис» («бис-бис» — по-арабски) и прочее — все это и тому подобную мелкую обыденщину я совершенно бессознательно произношу по-арабски, как будто и забыл их на другом языке. Беседы веду обыкновенно по-французски; я имею в виду длинные беседы, потому что короткие — обыкновенно всегда по-арабски, а на прогулках и длительные беседы по-арабски. Думаю больше всего, кажется, по-русски, однако, говоря по-русски, уже заикаюсь, словно забываю язык.

Сегодня я решил написать папе, чтоб он пересылал мне русские газеты, так как никакого русского чтения у меня нет (лишь арабско-французское) и я рискую испортить себе язык. Губительно на мою речь действует речь Гагариных: оба они говорят по-русски бегло, но крайне неправильно (синтаксис ужасный, особенно у жены) и эти неправильности действуют заразительно. Правда, сплошь да рядом наш разговор переходит на французскую речь. С другой стороны, арабы, коверкаю-

* Ты этого хотел, Жорж Данден (франц.). — Прим. ред.

щие французскую речь, портят мне своими ошибками мой французский синтаксис. Хаос для меня — из неприятнейших, потому что я, сказавши неправильность, немедленно ее сам же замечаю и от этого волнуюсь. [...]

12

Е. С. Крымскому

20 ноября
[2 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Повестку с надписанною моею доверенностью на посылку из Москвы посылаю. Вскройте посылку и сообщите мне, какие там будут книги: вероятно, «3 вершин и низин» Франка. А письмо, если будет, перешлите мне. Книгу, присланную мне из Академии наук, также перешлите. Конечно, все это нужно сделать заказным порядком, — а то не дойдет. [...]

Я почти здоров, т. е. чувствую себя крепким нервами, не знаю боли сердца и не знаю астмы. Меня мучит только ревматизм. У нас в Бейруте дождливый период [...].

В воскресенье был особый дождь: местный ливень. Это не то что у нас называют ливнем, а нечто совсем особое: вода льется с неба не струями и не водопадами, а сплошной массой, так что на расстоянии трех шагов уж теряется прозрачность. Ливень этот, сопровождаемый к тому же ветром, грянул в мое северное окно и затопил всю мою комнату. До вчерашнего дня (вторника) я ходил в комнате по щиколотку в воде, потому что никакие тряпки не могли вобрать в себя всей воды: она то всасывалась в плитяной пол, то опять выступала. Я сидел, положивши ноги на другой стул. Комната совершенно обратилась в погреб.

У меня, как вижу, очень много здоровья, потому что хозяева, арабы, страдают хрипотою, лихорадками (с бредом), страшным насморком, а я страдаю только ревматизмом. Будут валенки — буду совсем здоров.

А на дворе не холодно. По случаю дождя хожу в летнем пальто, но в нем жарко. Сегодня после пяти дней дождя показалось на один час солнце: оно жжет. На

прошлой неделе солнце светило три дня подряд, и вся грязь, собравшаяся от предшествовавшего шестидневного ненастья, высохла совершенно. Эти три солнечных дня были таким блаженством, что трудно и описать: при солнечном тепле все время дует прохлаждающий морской ветерок; деревья пахнут (многие в цвету); природа невыразимо хороша; воздух живителен. Но едва прошли солнечные дни — и погода опять приняла сентябрьский характер.

В декабре и январе (во всю первую половину) температура, говорят, понизится временами до 7 градусов.

[...] Накануне св. Михаила мусульмане вторгнулись в горный квартал Мазра'а, разбили несколько лавок, стали разваливать церковь, но были удержаны подоспевшими войсками. Я на основании показаний очевидцев составил подробную корреспонденцию в «Русские Ведомости». Авось напечатают; может быть, и рубля три заработаю.

Я теперь много денег издерживаю на учителей и на книги. Впоследствии расход на книги сократится, но на учителей увеличится. Я хочу хлопотать, не примут ли меня вольнослушателем в иезуитскую коллегия на курсы арабской словесности: помимо пользы ученой от этого была бы мне и польза служебная (известное свидетельство или диплом) ²².

Письмо мое дайте прочитать Маше.

Ф.

13

Е. Е. Крымскому

22 ноября
[4 декабря] 1896 г.,
Бейрут

В городе идут убийства. Вчера униато-католики (или марониты), празднуя канун св. Варвары, сами вызвали мусульман на столкновение.

На дворе прекрасная погода. Та глубокая грязь на рынках, которая у нас не высохла б и за неделю, под влиянием здешнего солнца высохла за три часа. Мой ревматизм как рукой сняло. Я пошел гулять по рынкам

и накопил плодов. Винограду продается сколько угодно, только мои хозяева находят его, видно, дорогим (должно быть, полушку от этого в день выиграют) и потому мне его не дают. Меня на рынке, конечно, обманывали и обсчитывали чудесно, но я не заводил ссор, находя, что из-за трех-четырех копеек не поднимать же истории. Возмутило меня своею наглостью только одно: я пришел покупать т. н. ананасов («кашта» — не апapas, а ап-попа), а лавочник всучил мне шишек горной сосны, взявши за шишку по гривеннику. Я сперва высказывал сомнение, находя цвет плода и форму подозрительными, но он клялся, что это лучший сорт «ананасов». Возвратясь домой, я убедился, что вместо «ананасов» купил сосновых шишек.

[...] Шел с почты, вдруг едет m-lle Schmidt, русская начальница института. Взяла меня на извозчика и повезла в институт. Я там пробыл, как всегда, около часу, и как будто никаких недоразумений не бывало.

Маленькие арабки очень интересуются мною. Сегодня одна из учительниц мне рассказала, что ученицы спросили ее: «Чего так часто ходит к вам тот молодой человек (т. е. я)?». Учительница не успела ответить, как одна из девочек подхватила: «Это, вероятно, ваш брат!». Когда детям было растолковано, что я не брат, они пришли в недоумение: «Как может не брат ходить к девицам?».

23 ноября
[5 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Сейчас у меня слышно за стеною шум молитв. Это семейная вечерняя молитва, увеличенная по случаю субботы песнопениями. Надоедливо.

Я ходил гулять и справился о цене на апельсины. С меня, как с европейца, за просили (NB) двадцать парá за целый десяток, т. е. 3¹/₂ копейки кредитными. Воображаю, почем их покупает моя хозяйка: верно, по копейке десяток [...]

Ф.

24 ноября
[6 декабря] 1896 г.,
воскресенье

Свободный день у меня: праздник. На вечер князь пригласил меня к обеду, сообщая в записке, что будут ради меня вареники. От девиц института я узнал, что князь и заочно отзывается обо мне всегда прекрасно и искренно. Мое недоверие начинает подаваться.

Впрочем, я ему таки нужен. С одной стороны, он через меня, наверное, будет избран членом Археологического общества²³ (я уж постарался подействовать на М. В. Никольского²⁴, соблазняя его, между прочим, пергаменной сирийской рукописью, которую уж и переслал при помощи князя), а с другой стороны, я ведь единственный человек в Бейруте, могущий его избавить от козней драгомана. [...]

14

М. Е. Крымской

23 ноября
[5 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

В среду я послал письмо папе, а сегодня пересылаю тебе часть стихотворений*. [...]

Я посетил сегодня шелковые магазины некоторых знакомых (Шагури и др.). Шелк здесь нипочем и выбор прекрасный. Особенно хороши здешние шарфы: глаз оторвать нельзя. К сожалению, пошлина при перевозке в Россию огромная: за фунт материи (это будет, вероятно, аршин 7?) пошлины платят $7\frac{1}{2}$ р. золотом, т. е. 11 р. 25 к. кредитными. Здесь дешев и французский шелк (хотя, конечно, дороже азиатского), но мне больше нравятся оригинальные азиатские изделия. Особенно, повторяю, эти прелестные шарфы!

* В конвертах, чтобы обойти русскую цензуру, А. Е. Крымский систематически отправлял очень много всяких львовских и других украинских изданий.

[...] Кончу письмо, так как жду ответа на свои прежние.

Ф.

Дорогой папа!

Едва я написал письмо Маше, как консульский кавас принес мне Ваше письмо (с австрийской почты). Прежде всего разъясню очень важный вопрос о пересылке писем. Из Одессы идут еженедельно два парохода только в Константинополь, а не в Сирию: в Сирию пароход идет лишь в две недели один раз, во вторник, да еще один пароход идет в Александрию, раз в неделю (по субботам). [...]

Насчет лампы-грелки я замечу, что и здесь они продаются. Кроме того, здесь продаются вещи поважнее: специальные грелки для комнат (тоже род ламп). Цена — 60 франков, т. е. 22 рубля 20 копеек кредитными. Если Вы находите, что выписка лампы-грелки из Вильны и пересылка ее ко мне будет стоить дешевле, то, конечно, есть смысл пересылать. А то лучше тут купить. Я не покупаю, потому что не по карману. [...]

Здесь продаются хорошие одеяла местного изделия, но мне пока что нет надобности покупать. Калоши я уж купил.

Самовара присылать, конечно, не нужно. Я уж свыкся с лишением чая. Кроме того, здесь не в самоваре трудность, а в самом чае: нашего чаю тут нет, и жители пьют под именем «чай» какую-то траву, до которой я не могу и дотронуться. По-моему, это «грудной чай».

Мне было бы очень приятно, если бы Вы переслали мне ту книгу «Киевской старины», где напечатаны мои заметки: «К библиографии старинных южнорусских сказаний»²⁵ (октябрь?). [...]

Ваш Ф.

15

Е. С. Крымскому

4 декабря
[16 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] У меня начало было болеть сердце, и доктор предписал ежедневную медленную прогулку по горам в

течение двух часов. Это обязательное хождение совершенно поглощает у меня все свободные минуты.

Погода стоит такая замечательная, что и желать лучшей нельзя. Жарко, правда, но зато природа стала прекрасной. Те дожди, о которых я когда-то писал Вам, принесли свою пользу, и теперь везде растет великолепная трава, цветут розы, фиалки, лилии и множество цветочных деревьев, которых я не сумею и назвать по-русски. У меня есть любимое место: масличный лес в десяти минутах ходьбы. В нем тенисто. Маслины там смешаны с рожковыми деревьями (харуб) и фигами. С высоты вид на море — на Бейрут, на Ливан. На противоположном холме колышется у подножия поле сахарного тростника и выделяются пальмы.

Часто мне думается: и за что мне такое счастье? Почему я попал в эту чудную страну?

К пище арабской я уже вполне привык, а кроме того, научил хозяйку варить борщ (вернее суп) с зелеными бобами, капустой, баклажанами и проч. Ревматизма давненько уж нет, и присланные Вами валенки стоят лишь наготове. Вот только с сердцем стало у меня неладно, да и то проходит. Вообще — свыкся со страной и готов рекомендовать ее всем. К тому же выучился уже говорить по-новоарабски и не чувствую себя немым.

Листочки из книжек, которые посылаю, передайте Маше. Пусть она их рассортирует:

Ф.

16

Е. Е. Крымскому

7 декабря
[19 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Послезавтра выезжает отсюда в Россию Мария Алексеевна Каменская. В конце декабря ст. ст. она будет уж в Москве. Я воспользовался этим случаем, чтобы переслать тебе два галстука, а Марусе два шарфа. Выбор мой (если к тому же он не будет конфискован в таможене) едва ли счастливый. Я на свой вкус положился, а он очень обманчив.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы получили:

ше, т. е. позадушевнее, приняли Марию Алексеевную и предложили бы ей даже переночевать у себя. Кажется, она только день намерена провести в Москве.

Справься у Марии Алексеевны о двух вещах:

1) Купила ли она мне в Константинополе пятикопеечных марок Русского общества пароходства и торговли? Я просил ее купить мне таких-марок на 5 междов. Едва ли она успеет переслать мне их из Константинополя: должно быть, времени не будет. В таком случае возьми ты сам у нее марки и перешли их, пожалуйста, мне.

2) Просьба секретная. Разузнай у Марии Алексеевны (но не прямо, а обиняком), согласилась ли бы она выйти за меня замуж. Только, пожалуйста, разузнай не от моего имени, а от себя самого.

Ф.

17

Е. Е. Крымскому

9 декабря
[21 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Обращаюсь к тебе с большой просьбой, о скором исполнении которой особенно прошу. Мне очень нужна статья — лекция Корша о персидской литературе, помещенная в «Московских ведомостях» 1892 года в октябре (кажется, 8 октября) ²⁶.

[...] Кроме того, если немецкий «Conversations-Lexicon» Брокгауза еще не продан, то пришли мне тот том, где есть статьи: «Persien», «Persische Literatur».

Теперь вопрос: как переслать?

[...] Если же адресовать не просто на консульство, а с прибавкой моего имени, то посылка пойдет в турецкую таможенную, с меня сдерут огромную пошлину за «переплетное изделие», и, кроме того, такая посылка подвергнется еще турецкой цензуре, безобразно глупой (NB! Но бандероли турецкой цензуре не подлежат, потому что ни одна из европейских почт не пускает цензора к себе. Посылки ж могут подвергнуться цензуре только потому, что они как вещи сдаются сперва в таможенную, — конечно, кроме адресованных просто в консульство, — а таможенный чиновник-турок уж отдает книги цензору).

Пожалуйста, исполни поскорее эту мою просьбу.

Поздравляю с приближающимися праздниками. Марусе и Боре мой привет.

Пишу так неразборчиво, потому что ужасно тороплюсь, чтобы письмо пошло с сегодняшним пароходом.

Ф.

18

Е. С. Крымскому

9/21 декабря 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] С почтой теперь совсем неладно. Австрийские пароходы по случаю бурь на Средиземном море беспрестанно опаздывают; из Александрии, где их главное место встречи, один пароход уходит, не дождавшись другого, и т. п. Ваше письмо с 50 рублями (спасибо!), высланное из Звенигородки 20 ноября ст. ст. (писано 18 ноября), застряло где-то на шесть дней, вместо того чтобы прийти сюда прошлый понедельник 2 декабря ст. ст., пришло в субботу 7 декабря с французской почтой (!!). Сведущие люди говорят, что в декабре, январе и феврале лучше посылать письма русской почтой: «У вас, говорят, нет конституции, пароходы ваши не смеют бояться бурь (не то штраф), не смеют пережидать их, и хотя это плохо для экипажа и несчастных пассажиров, но, оказывается, очень удобно для корреспондентов». Поэтому перестаньте делать на некоторое время надписи: «Via Vienna», не делайте никаких надписей, а представьте все судьбе и случаю. Выбора-то нет. [...]

Живу очень спокойно и однообразно. Не скучаю, потому что есть дело. По субботам или воскресеньям обедаю у консула да иногда забегу на неделе в русский (т. е. отчасти на русские деньги содержимый) институт, где есть пять русских учительниц, и посижу там с полчаса — вот и все общество, где я бываю. У арабов теперь избегаю бывать, чтобы не тратить понапрасну времени. И без того ко мне заходит их немало и мешают заниматься; но зато есть практика языка. Впрочем, лучшая практика — это во время прогулок за городом; а от меня, чтоб выйти за город, нужно семь минут. Народ под горо-

дом совершенно простой, честный, и с ними очень приятно поговорить. Контраст с бейрутинцами-торгащами крайне резкий. Полагаю, что летом в горах я окончательно сроднюсь с арабами и обязательно приду к убеждению, которое буду и всем внушать, что плохи лишь те из арабов, которые живут в городе и торгашествуют, стараясь нажиться всякими способами. Эти меркантильные люди, конечно, во всякой нации антипатичны. [...]

19

Е. С. Крымскому

11 декабря
[23 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Посылку Вашу и письмо я получил с австрийской почты, и даже точнее скажу, пришла она с хедивским пароходом. [...] Варений, безусловно, прошу не посылать, так как это излишний расход для Вас, а для меня во сто раз вкуснее здешнее варенье с сахаром из тростника. Не забывайте, я на Востоке, в стране всяких сладостей, где они продаются за бесценок и притом отличаются высокими качествами *. То же скажу и о наливке, т. е. что ее не нужно посылать. Здешняя жара не позволяет пить чего-нибудь спиртного, и я даже в дожди могу пить слабое вино не иначе как с водою. К тому же здешнее вино заткнет за пояс всякое иное и стоит не дорого. Самым дорогим считается здесь привозное кипрское, но и то можно купить за 20 копеек бутылку. Вообще же насчет пищи могу сказать, что я вполне свыкся с арабской кухней. Вот если бы Вы могли прислать из Звенигородки фунта два опрятности и чистоплотности в подарок моим хозяевам, то я был бы очень рад; но ведь, к сожалению, это сделать трудновато. Однако я надеюсь, что и к неопрятности я со временем привыкну. [...]

* Кроме конфет. При здешней жаре конфетные изделия русских кондитерских быстро таяли бы и расплавлились бы. Здешние конфеты ради нетаяния имеют примесь желатина и представляют собою довольно невкусное драже. Жуются — как резина!

Е. Е. Крымскому

15/27 декабря 1896 г.,
Бейрут

[...] Насчет разговора твоего с М. О. Атгаей на его именинах — скажу, что никаких промахов ты не сделал. Не божество же Корш! А вот что странно меня поразило: о каком это письме моем говорил Атгае Всев. Фед. Миллер? ²⁷ Я ж и Миллеру ни строчки еще не писал. Полагаю, что он или нарочно сочинил о письме моем к нему, чтобы уколоть других, кому я не пишу, или под словом «письмо» понял мое открытое письмо в редакцию (даже не в редакцию, а просто в контору «Этнографического обозрения») с уведомлением о перемене своего адреса. Когда побываешь еще раз у Атгаи, то наведи более точные справки о Муркосе и о его планах против меня: конечно, это очень интересно. Ах! Вот важная просьба: не проговаривайся о моих сообщениях насчет той семьи, где я живу. Ведь это родные М. О. Атгаи. Семья, конечно, очень занятая, и трудно не писать на нее сатиру, особенно на старика-отца. Но каков бы он ни был, надо считаться с сыновними чувствами М. О. Атгаи.

О лекции Эварницкого ²⁸ я узнал с интересом. Знают ли в Москве, что Ал. М. Лазаревский писал подробный разбор его «Запорожских казаков» и признал все сочинение никуда негодным и поверхностным? Разбор напечатан в малоизвестном широкой публике издании «Чтения в Обществе Нестора-летописца» ²⁹.

Сведения о студентах * крайне интересны, и я буду очень рад, если ты сообщишь и конец истории ³⁰.

А я живу здесь спокойно, хотя и не совсем. Погода уж почти месяц стоит почти без дождей, жара сильная, хотя не очень жгучая, и я здоров. Но на душе не совсем спокойно. С князьями Гагариными наступила у меня холодность из-за М. А. Каменской. Княгиня ее ненавидит особенно за то, что Каменская позволила себе сожалительно отозваться о ее «тепличном» воспитании. На другой день после этого (действительно несправедливого) отзыва я был у князей, и княгиня мне насмешливо процедила

* Т. е. о волнениях в Московском университете.

сквозь зубы: «Hier mademoiselle Kamensky me méprisait profondément» *. Разговор наш шел по-французски, потому что за обедом присутствовал один персидский эмир, которому, кстати сказать, я был подан на закуску как человек, говорящий по-персидски. Я начал вступаться за Каменскую и заслужил полную себе немилость князей **. Сегодня они меня, несмотря на воскресенье, не пригласили к себе обедать; а обыкновенно я каждую неделю два раза получал приглашение прийти провести вечер. Ну, это еще не беда: больше свободного времени останется. С персоналом института Сюрсок также у меня плохо. Последние дни перед отъездом М. А. Каменской я, естественно, старался провести все время с ней, а с остальными девицами не разговаривал. Теперь они на меня смотрят сурово. Сказал бы, что и это не беда, потому что все равно с ними скучновато; но как вспомнишь, что больше нет никого из русских в Бейруте, то и тоскливо станет. По многим данным могу заключать, что и девицы и князья глядят на меня как на свихнувшегося, и это также злит.

Ответа Марии Алексеевны на вопрос, который я просил тебя сделать ей, не сообщай мне: я его и так уж знаю. Последнее слово, с которым она на пароходе рассталась со мною, было: «Вы с ума сошли!».

Сталось это за несколько секунд до отплытия парохода. Прочие, кто провожал ее, успели наскоро повторить ей свои пожелания счастливого пути и расцеловаться с нею. Я оказался последний, кто с нею простился, и на свой вопрос получил вышереченный ответ. Что-нибудь возразить не было времени. Подбежал помощник капитана и довольно нетерпеливо крикнул: «Провожающие, да уходите же с парохода! Сейчас третий гудок». Мы бросились к трапу, суетливо сбежали в свою фелюку. Пароход зарычал и двинулся к северу, а наша фелюка — к набережной. Каменская стояла на палубе парохода, у перил, и глядела на нас. В нашей лодке молодая арабка Марьям Оде, чрезвычайно привязавшаяся к

* «Вчера мадемуазель Каменская выразила глубокое презрение ко мне» (франц.). — *Прим. ред.*

** В ответ на критические замечания княгини по поводу М. А. Каменской я сказал: «Doit-ce être une jalousie? M-r le prince, à ce qu'il paraît, a une autre opinion sur elle...» («Не ревность ли это? Князь, как кажется, имеет другое мнение о ней»).

М. А. Каменской, простирала к ней свои руки и отчаянно рыдала: «Прощайте, Мария Алексеевна! Навеки!». Я сурово смотрел в воду, не на уходящий пароход. Он сделал оборот — и Каменской не стало видно. Наши лодочники быстро гребли, а девицы в лодке молчали. Только их начальница, старая Е. И. Шмидт, процедила сквозь зубы как будто для себя: «Делать предложение под звуки третьего гудка... да еще на людях, при всем честном народе... словно в Бейруте на берегу времени не было... это, конечно, сумасшествие!».

Что ж! Я и вправду сошел с ума.

Впрочем, отчасти это и хорошо, что я был так резко осажен. Такие резкости изумительно хорошо излечивают человека. Лучше холодных душей. [...]

Возвращаясь к Марье Алексеевне, скажу: я полагаю, что она не совсем нормальна, чтобы не сказать «полупомешана».

[15/27] декабря 1896 г.

Сегодня нет у меня занятий (воскресенье). Я вышел на чистый воздух, на Ливан; Бейрут ведь на подножии, на склоне Ливана. Вокруг живописные скалы, деревья. Я нашел себе место под одной пальмой, сел на траве и больше часу смотрел вдаль — на речку Нахр эль-Кяльб (старинный *лѳхос*)³¹, на кедровый лес, на синее море, куда впадает речка. Тебе, конечно, Мария Алексеевна уж рассказала об этой моей привычке восхищаться природой, и притом рассказала в самом смешном виде (а сама она ни разу не захотела повидать Ливан ближе)*; но я твердо уверен, что ты на моем месте еще больше бы пришел в восторг. На меня здешняя природа производит такое обаятельное впечатление, что я вмиг забываю тысячи неприятностей.

[...] Неделю (или даже больше) тому назад, когда были лунные вечера, я допоздна ходил по масличным садам. Меня останавливали владельцы, зазывали к себе,

* Ничего не рассказала. Будучи в Москве, она поручила посыльному отнести на квартиру Е. Е. Крымскому бейрутский пакет, и семья Е. Е. Крымского она так и не видела.

угощали вином, сообщали свои жалобы на Турцию. Однажды один из собеседников подошел ко мне и поцеловал кокарду на моей фуражке. А когда я возвращался, луна ярко светила над самою моею головою, цветы наркотически пахнули, а везде было тихо-тихо.

У нас в России, когда нервы у человека не в порядке, то природа, по-моему, не только не успокоит, а, наоборот, способна еще большее произвести напряжение. Здешняя природа (говорю о себе лично) именно тем и замечательна, что наводит сразу же изумительное спокойствие на человека. Как бы я себя гадко ни чувствовал, стоит побыть на природе минут десять — и все неприятности как рукой сняло.

Я хотел было ехать на лето вместе с князьями в Брумману, недалеко от Бейрута. Но так как теперь видно, что у меня с ними хороших отношений не будет, то я уеду в самую глубь Ливана, в ту деревню, где будет жить и мой учитель. По его описанию, деревня эта (Айн-Софар) лежит так высоко, что с нее превосходно видно все море, в ней не жарко вовсе (в Бруммане жарковато) и природа — *incomparable* *.

А вот из другой «природы».

Я тебе сообщал как-то, что семья Атай состоит из такого количества детей, что я всех их запомнить не могу. И вдруг слышу я за обедом от хозяина, что у него есть «ухт» в Каире. «Ухт» — значит «сестра», но я так был настроен на мысль о дочерях, что переспросил: «Старше Асмы?» (Асма — старшая дочь Атай, уже замужняя). На это хозяйка перехватила меня обиженным голосом: «Не дочь, а сестра! Дочерей у нас только Асма, Фатыма, Зейнаб, Марьям, Хафыза, Матиль и Виктория». Не ручаюсь, верно ли я передал все имена; может быть, вместо Фатымы и Зейнаб было сказано что-нибудь более православное; помню только, что имен было очень-очень много, и я остался ошеломлен.

Посылаю в конверте Шерра «Die menschliche Tragikomödie». Спрячь его до моего приезда. Я брал читать всего Шерра у князя, и этот томик (о Екатерине II) меня так заинтересовал, что я его себе выписал из Гер-

* Бесподобная (франц.). — *Прим. ред.*

мании. Другие томы также чрезвычайно интересны, но было бы дорого покупать их все. Да и пересылка в конвертах очень недешева.

Марусе и Боре мой поклон.

Ф.

21

М. Е. Крымской

16/28 декабря 1896 г.,
Бейрут

Это письмо одинаково пишу и для тебя, и для папы.

Дорогая Маша!

Посылаю тебе три листа из Руданского. Сопоставь: чего не хватает? Помни, что томы посылаются не одинаковые (III и IV).

Письмо твое и папино от 28 ноября, вышедшее из Звенигородки 29 ноября, пришло сюда с австрийской почтой 12 декабря. Пароход опоздал на день. За все присланное я очень благодарен. Рецензия Довнара в ответ на мою рецензию о его «Белорусском Полесье» помещена была с моего разрешения³². Отвечать на нее я буду в «Киевской старине»³³.

Почти целый месяц стоит у нас прекрасная погода — прекрасная, конечно, лишь для бейрутинцев, а для меня очень жаркая. Только вчера и сегодня пахнуло морским ветерком, но, вероятно, опять все успокоится. Лучше всего здесь вечера. Наш двор — это сад, и я часов в 10 — 11 вечера (по окончании занятий с учителем) хожу по аллее чуть ли не час. Жители не понимают, что это стало с нынешней зимой: почему нет дождя? Уж целую неделю я слышу предвещения: «Завтра будет дождь», — и все неправда.

Спрашиваешь меня, имею ли я знакомства. Скажу, что теперь меня знает весь Бейрут: я не могу найти ни одной, кажется, улицы, где бы меня не знали, где бы не здоровались со мною, не старались бы разговаривать. Но знакомств более тесных, вроде дружбы, я избегаю. Ко мне заходят изредка два араба (Бехази и горец Яфет), знающие русский язык, частенько забегают на пять минут студенты из Университета св. Иосифа (арабы, го-

ворящие по-французски); еще чаще заходят дети лет 13—16, говорящие обычно по-арабски, а не по-французски. А я в первый месяц моего пребывания бывал часто в семействе Шагури (шелкового фабриканта) и в некоторых других, но теперь за недостатком времени поневоле прекратил эти визиты. Раза два в неделю я бываю, захожу в институт «Бакурет эль-ихсан» под патронатом Сюрсок (где есть русские учительницы) и провожу там очень короткое время; да раз или иногда два раза в неделю князя Гагарины приглашают меня к себе обедать. Это — самый длинный мой визит: у Гагариных я провожу часа четыре даже. Как видишь, я не могу сказать, чтоб я не видел людей. Но я обыкновенно готов бы избежать даже тех коротких посещений, которых отовсюду достаиваюсь; когда я с уверенностью жду, что меня кто-нибудь посетит, я ухожу на прогулку и предпочитаю вступать в разговоры с крестьянами. Это хороший народ.

Каждый день совсем вечером, часов в 7, я имею два часа занятий с учителем — Нажибом Несимом Традом³⁴. По окончании занятий он у меня остается посидеть иногда часа два еще, и я с ним веду длиннейшие разговоры. Он — преподаватель в прославленной школе «Трех Святителей» (среднего типа)³⁵, а сам учился у иезуитов. По-французски он говорит прекрасно; а так как он, несомненно, хороший и образованный человек, то понятно, что разговоры наши могли бы затягиваться и до бесконечности, если бы наступающее всеобщее молчание города не напоминало нам, что пора расставаться. Беседы наши мне доставляют не только удовольствие, но и пользу, потому что я всегда стараюсь наводить разговор на восточные нравы, воззрения, историю и т. п. Собственно говоря, знакомство мое с ним — это теперь есть единственное очень близкое знакомство в Бейруте: со всеми остальными людьми я не веду искренних разговоров.

Днем я обыкновенно непрерывно занимаюсь. С позавчерашней недели я, впрочем, стараюсь, по предписанию доктора, ходить два часа по воздуху. Жара не всегда позволяет проходить как раз два часа. В дни прихода почты я вместо прогулки посещаю почту.

Живу я в горной части Бейрута (Рмейль) вблизи подгородных садов. По воскресеньям, когда у меня нечего готовить к вечеру (вечером в воскресенье я с Традом не

занимаюсь), я позволяю себе днем ходить далеко-далеко этими садами, тянущимися без конца. Жаль только, что почта редко приходит. А то я совсем был бы доволен Бейрутом. [...]

22

Е. Е. Крымскому

16 декабря
[28 декабря] 1896 г.,
Бейрут

«А теперь насчет твоего ученика Крымского. Он-то доволен, но мы стеснены (мындакин). Нас семь помещается в одной комнате вместе с ночным горшком. Во-вторых, твоя мачеха с утра в кухне: сперва снаряжает детей в школу, потом дает ему (Крымскому) молоко и кофе на завтрак. В полдень — похлебка и что-нибудь другое и плоды. Ужин — рис на масле, котлеты и плоды. И за два месяца он заплатил нам только 10 червонцев *, а мы мяснику и зеленщику заплатили 3 червонца, булочнику — два червонца, хозяину 2 червонца (а должны еще доплатить за год 10 лир). Комнату мы ему дали с постелью, диваном, столами и шкафом, и никто из нас не ходит в нее. Прежде в эту комнату ходили мои гости, а теперь я принужден сказать им, что дверь эта для других закрыта».

Тебя изумляет: что это? А вот что. Сегодня хозяин написал письмо в Москву к «Мухаилю», но прежде отправления дочь его Матиль стала читать это письмо матери, ставши возле стола, где я обедал. Читала она по складам, я ни одного слова не проронил. Кажется, хозяйка воображали, что раз я не совсем хорошо произношу по-народному, то литературного языка (хотя бы *sui generis*) ** и подавно не пойму.

Письмо это меня до такой степени возмутило, что я сегодня же попросил своего учителя сообщить Атаям от моего имени, что я в любую минуту готов их избавить от своего присутствия. У меня нет сил сказать им это лично:

* Червонец — 20 франков, иначе «лира», золотой наполеон и др.

** В своем роде (лат.). — *Прим. ред.*

от бешенства я не в состоянии даже толковать с ними удобопонятною речью. Чего-нибудь наговорю лишнего. Сейчас 9 часов вечера. Учитель мой минуты две назад сказал им все и ушел. Сейчас они переговариваются между собою.

Суди сам по письму, до чего способна доходить [...] жадность. За целую квартиру (три комнаты, плюс кухня) хозяева платят 1 золотой в месяц; за два месяца, значит, два золотых. За содержание всей семьи (7 человек, плюс я, плюс иногда их гости), они заплатили в 2 месяца 5 червонцев (мяснику и зеленщику 3 червонца, пекарю 2). Итак 7 червонцев в 2 месяца за всех. А я один даю им 10 червонцев!.. И этого им мало!! А условия жизни, в которых я у них живу!! Кто другой на моем месте стал бы все это терпеть?

Учитель мне сказал, что все соседи говорят: «Москва — сущий клад для Атай. Без него они так не жили бы, как теперь живут». Драгоман русского консульства Салим Шхаде, узнавши, сколько я плачу, ужаснулся и сказал, что за 3 лиры, т. е. за три червонца, он мне в любую минуту отыщет безусловно прекрасную комнату со столом в порядочной семье. Студенты здешнего университета говорят, что они имеют комнату со столом за 30 франков в месяц.

А эти смеют писать своему сыну, что я им мало плачу! Значит, их объедаю! Надеются, что сын их велит мне платить им больше? Но меня здесь возмущает не столько жадность хозяев, сколько возможность появления мысли у Михаила Осиповича Атаи, будто я в самом деле обираю и объедаю его родителей. А я только ради него не решался их покинуть!

Ах, если бы они завтра мне отказали! С какою радостью убрался бы я от них!.. Но нет, наверное, завтра начнут уговаривать меня остаться. «Иа хасрети!» (т. е. о, me miserum!) *.

17 декабря
[29 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Хозяева молчат точно в рот воды набрали. Я не завожу разговора, но воспользуюсь молчанием их как без-

* Горе мне! (лат.). — Прим. ред.

молвным согласиём на мой уход. У моего учителя есть свободная комната, и я с большим удовольствием перееду к нему. Кажется, тебе я писал о нем. Имя его Нажиб Несим Трад. Это очень образованный молодой человек, которого здешнее общество не любит за его занятия философией. А он европейской философией, особенно Контом, действительно увлекается. Когда он говорит по-французски, это чистое удовольствие его слушать: до того его речь изящна; он, замечу кстати, преподает французский язык в школе «Трех Святителей» («Трех Лун»). По окончании наших занятий, которые длятся два часа, он обыкновенно остается у меня еще с час, и мы ведем разговоры обо всех вещах на свете, а больше всего, конечно, о Востоке, его нравах, обычаях, воззрениях. Иногда разговор наш затягивается часа на три даже.

18 декабря
[30 декабря] 1896 г.,
Бейрут

Я объяснился с хозяевами — сперва через учителя, но тот во многом стесняется. Когда я увидел, что лучше переговорить лично, переговорил лично. Мне сознались искренно так: моя плата не только окупает мое содержание, но еще от нее много и остается; однако для содержания целой семьи (7 душ и я 8-й) нужно больше. И на одежду деньги нужны. Откуда же брать? Отец стар стал, пациентов у него мало. Вот он и решил намекнуть Михаилу Осиповичу, чтоб тот прислал ему денег. Они рассчитывали (как сказала мне мачеха), что «Мухайль» ни в каком случае не примет их жалобы на мой счет, а примет на свой счет. В заключение они просили меня остаться у них жить по-прежнему и предоставили мне право изложить в письме к «Мухайлю» всю историю.

Я сегодня изложил Михаилу Осиповичу все обстоятельства и остаюсь на прежней квартире.

Был я сегодня в институте так наз. Сюрсок. Оказывается, там до сих пор переживают мои отношения к уехавшей Марии Алексеевне, и притом крайне грубо и неделикатно. Я сегодня поссорился с девицами и решил не ходить в институт очень долго, пока не успокоятся. Кроме того, едко пережевываются мои слова князю насчет того, что он мог хорошо относиться к Марии Алек-

сеевне не просто как к русской подданной, а и в силу симпатии. За эти мои слова (которые, скажу кстати, я начинаю считать попавшими в большое место) обозлен на меня институт, обозлена княгиня, недоволен князь. Наша маленькая колония, в которой каждый член, по-видимому, способен съесть другого, теперь на время очень дружно соединилась на порицании меня.

Я только теперь начинаю понимать «прелести» уездной жизни с ее тинной и сплетнями. Решил жить анахоретом.

На душе скверно и противно.

Противно, что слишком искренно успел было привязаться к князьям, что не понимал их очень долго, что болтал перед ними от чистого сердца. Держал душу нараспашку — ну и, конечно, мою откровенность не поняли как доверчивую откровенность, а поняли иначе.

Почему князья так обиделись? Думаю, потому что Мария Алексеевна просто учительница*. Гордость княгини возмущена: «Мы, мол, хотели выказать маленькое внимание к ней, а вдруг этот (-я) вообразил, будто мой муж способен почувствовать симпатию к ней, к какой-то учительнице!». Князь мне прямо так и сказал: «Я приглашаю к себе учительниц только для того, чтобы поднять их авторитет в глазах арабов. Если будут знать, что они у меня бывают, все будут относиться к ним с уважением». Одним словом, он благодетельствует их!

Вероятно, благодетельствует и меня? При одной мысли, что он мог бы так думать, злость меня берет. А уж когда вспомню один вечер, то просто горю. Было дело так. Сидел я у Гагариных. Самовар весело и уютно кипел. Княгиня перелистывала свой альбом с марками и иногда спрашивала моего совета; князь горячо жаловался мне на свое министерство. Обстановка была очень задушевная, и я раскис. Я стал вспоминать им о России, говорил о вас, о Боре, рассказывал некоторые его шуточки и увлекся совершенно. И мне казалось, что они слушают меня с сочувствием. В настоящее время я себе представляю ту их внутреннюю ироническую улыбку, с какою,

* Что Каменские, хоть и не князья, являются все же достаточно известным польско-украинским родом, это обстоятельство забывается, раз дело идет об учительнице.

быть может, они слушали мои сообщения о милом Боре, и одна эта мысль приводит меня в неистовство и за себя, и за Борю.

19/31 декабря 1896 г.

Сегодня второй день уж идет, как наступили дожди. Будут продолжаться, вероятно, дней шесть, т. е. до полнолуния. Дожди обыкновенно идут вечером, вместе с заходом солнца, а днем есть антракты, часа по три, по четыре. Я воспользовался таким антрактом и отправился на полуторачасовую прогулку в свои любимые бастаны (т. е. сплошные сады под городом) и, купивши себе десяток мандаринок в одном из садов, уселся, по своему обычаю, на холме и любовался морем и Ливаном. Я не могу тебе разъяснить в точности то чувство, которое постоянно овладевает мною здесь при виде природы, но скажу только, что чувство это изумительное. Я пришел сюда несколько расстроенный (сердце у меня опять начинает болеть), но через две минуты я сразу почувствовал, что у меня отлегло все от сердца. Через пять минут вид высоких гор со снежною вершиною Саннин и вид беспредельного моря привел меня в состояние полузабвения, полудремоты. Жди, пройдет еще несколько минут — и на душе водворится такое чувство полной удовлетворенности, самодовления, что ни с чем сравнить нельзя. Природа эта не наводит на меня мечтательности, а, напротив, порождает такое необычное душевное равновесие, такое бесстрашие, что для мечтаний и места не остается. В более знойные дни к этому состоянию прибавляется еще чувство крайнего упоения, захватывающего дыхание.

Из всех девиц института только одна А. М. Зайцева — она попроще — испытывает то же; а остальные тщательно избегают здешней природы, чтобы, упаси боже, не прийти от нее в восторг и не потерять чувство боли о покинутой далекой России. Jedes Tierchen hat sein Pläsierchen *. По возвращении домой я написал тебе открытое письмо, которое ты получишь раньше этого**. В нем я вторично прошу тебя не спрашивать Марию Алексеевну ни о чем. Сегодня у меня явилось очень твердое сознание,

* У каждого зверька свои прихоти (нем.). — *Прим. ред.*

** Не дошло: затерялось где-то в дороге.

что, если б она согласилась выйти за меня замуж, то я все равно на ней не женился б. Полагаю, что пройдет еще месяц — и через месяц самая мысль вообще о женитьбе будет приводить меня в робкую дрожь. (В скобках прибавлю, и прошу показать эти слова Марусе, что не каждый ведь женится так счастливо, как ты, и что не каждому достается такая жена, как Маруся, и такой сын, как Боря) *.

* Постоянно уверяя себя и своих близких родственников в том, что он скоро забудет или уже забыл М. А. Каменскую, молодой А. Е. Крымский, несомненно, обманывал и самого себя, и брата, и его жену. Среди всевозможных его бейрутских писулек-шпаргалок за 1896—1897 гг., которые сохранились в его архиве вместе со множеством всяких записей лингвистического и этнографического характера, мы находим немало датированных элегических стихотворений, которые свидетельствуют, что не так скоро прошла душевная его борьба. Эти стихи, зачеркнув под ними бейрутские даты, он включил в более поздний цикл «Нечестиве кохання», имеющий помету: «Ставрополь на Кавказі, 20 квітня 1900». Но дата 1900 будет правильной исключительно для тех произведений этого цикла, темой которых является «нечестиве кохання», т. е. «нечестиве» увлечение поэта женой своего родного брата. Почти половина стихов того цикла — чисто бейрутские, без каких-либо дум о «нечестивости».

Между ними два первых стихотворения («На душі якась тривога» и «Я обірвав розмову. В очах мені туман...») написаны сразу же после первой встречи с М. А. Каменской в Бейруте 20 октября 1896 г.; а «З червоним блиском місяць згас...» и другие на «арабские темы» возникли уже после отъезда М. А. Каменской из Бейрута в Россию.

И та же бейрутская природа, которая (так сказано в вышеприведенном письме) успокаивает человека, как бы делаая его счастливым, наваяла поэту в январе 1897 г. полную безнадежного неверия элегию «Закотилося сонечко в мутній хмарі».

Тогда же переделаны характерные переводы из Гейне «Озрієць» (который от любви умирает) и еще более характерный «Ну, годі!», где сказано, что автор «довго, немовби який кумедьянтщик, кумедію грав із собою», и «носячи в грудях щирісіньку смерть, грав ролю борця, що вмирає».

В цикле «Предсмертні мелодії» с кавказской датой — 1900 — оказалось бейрутское декабрьское стихотворение 1896 г.

В переддбівітню годину
Бачу Лейлу уві сні.
«Мила! Хочеш дати щастя,
Заборонене мені?»
«Ні,— рече,— мене вже кидай,
Набирайся забуття» —
«Не покину й не забуду:
Ти ж усе моє життя!»

22 декабря 1896 г.
[3 января 1897 г.],
воскресенье

Два дня идет сильный дождь почти не прекращаясь, даже туземцы изумляются такому продолжительному ливню. Солнца, конечно, не видать, и потому наступил холод. Сколько градусов, не знаю (говорят, что семь выше нуля), но знаю, что кончики пальцев коченеют и писать неудобно. Окна я держу открытыми ради вентиляции. Вчера, когда ливень прекратился было и вместо него стало лишь моросить, я, взявши зонтик, пошел погулять. Все ходят в плащах, кутаются, бросают на меня изумленные взоры, что я легко одет. А я иду себе в своем сереньком костюмчике и слышу замечания: «Извест-

{...} После неудачного прощания с М. А. Каменской А. Е. Крымский твердо решил забыть ее и никогда больше с ней не встречаться.

В архиве А. Е. Крымского находятся с полдесятка писем М. А. Каменской, которые она написала в Бейрут после своего возвращения в Петербург. Поводом были некоторые деловые поручения, которые должен был выполнить А. Е. Крымский в Бейруте. Письма эти, без всяких амурных тем, тем не менее проникнуты полным расположением к адресату. Только эти письма уже не в состоянии были заглушить болезненно-горьких чувств оскорбления в душе гордого молодого человека, нетерпимо-самолюбивого ученого-плебей А. Е. Крымского, и переписка между ним и М. А. Каменской оборвалась.

Прошло три года. В 1899 г. А. Е. Крымский приехал в Петербург держать магистерский экзамен и был там сравнительно долго. Тогда он несколько раз посетил Е. И. Шмидт и других бывших учительниц бейрутского института Сюрсок, но к М. А. Каменской не заглянул. В 1900—1910 гг. сестры Каменские, не Мария, а главным образом ее сестра Маргарита, стали известны в Петербурге своим теософическим кружком с сильной ориенталистской окраской.

К ним в 1913 г. заезжал миссионер персидской секты бехаитов, а от них он поехал в Москву, к А. Е. Крымскому, который в то время выпустил свою исследовательскую работу о бехаитской истории [см.: А. Крымский, История мусульманства, Очерки религиозной жизни, — «Труды по востоковедению», вып. XII, ч. 3, М., 1912. (ред.)]. И даже при этих условиях не возобновилось знакомство между М. А. Каменской и А. Е. Крымским.

Кто знает чрезмерную мягкость природы А. Е. Крымского (семья академика Всеволода Миллера шутливо звала его «господин Сердечкин»), для того остается загадкой (а может быть, разгадкой) этот его упрямый страх или нежелание даже по истечении семнадцатилетней разлуки встретиться с М. А. Каменской. [...]

* Так меня спас Аполлон. — *Прим. ред.*

ное дело: москоби!.. У них теперь от холода все мрут, так что ж ему наша Сирия?».

Пятый день не слышу русского слова, не читаю ни одной русской строчки. Сперва мне думалось, что это будет очень страшное лишение, но теперь вижу, что совсем легко. Впрочем, правда, я читаю малорусские газеты и журналы. [...]

23 декабря 1896 г.
[4 января 1897 г.]

Сейчас был у меня визит священника приходской церкви Мар-Ныкула (св. Николая). У них здесь обычай: посещать православные семейства перед праздниками и, кроме того, каждое первое число месяца. Прошлый раз я дал ему франк, и теперь он опять сунулся в мою комнату. Я упорно показывал вид, что не понимаю, чего он пришел, и потому поп просидел у меня около часу. Ушел он как раз в ту минуту, когда я уж собирался было ему денег дать, чтобы избавиться от его присутствия. Разговор наш шел, конечно, об арабском языке, о его прелестях и трудностях, об отличиях языка народного от литературного — вообще о тех общеизвестных вещах, упоминание о которых успело уж мне надоесть хуже горькой редьки. Я машинально повторял ему фразы насчет филологии, фразы, которые от частого употребления успел заучить почти наизусть, и, вероятно, изумлял его изрядно беглостью своей речи. Видя, что я все-таки не вытаскиваю денег, поп заговорил со мною об языке греческом. Я объяснил ему, что я знаю лишь древнегреческий язык, а новейшего даже не понимаю, оказалось, поп моего заявления не понял. Он не имеет сведения о классических авторах, он знает только отцов церкви. Когда я вздумал ему объяснить, что мы произносим по-эразмовски, а он по-рейхлиновски, то он недоверчиво стал качать головою: когда же я привел ему в пример, что «*πατερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς*» мы читаем, не «*патер имон о эн тис уранис*», а «*патер гемон го эн тойс уранойс*», он пришел в смущение и объяснил мне, что меня плохо учили, что он прекрасно знает греческий язык, но никогда не слышал, чтобы читали «*эн тойс уранойс*». А в заключение он шепнул Атае, который тоже был в моей комнате, что я ни бельмеса не понимаю в греческом языке.

Е. Е. Крымскому

24 декабря 1896 г.
[5 января 1897 г.],
Бейрут

Дождь идет не переставая уж пятый день. Остается, значит, еще 35 дней и ночей до всемирного потопа. Дождь не показывает даже малейшего намерения прекратиться. Все мерзнут, но никто не догадается устроить камины в доме. Я, впрочем, не мерзну и сижу при открытых окнах. Потолок у меня в трех местах дал щели, из них струится вода. Под этими щелями поставлены ведра, которые за два часа наполняются. Что будет ночью, не знаю. Придется поставить не ведра, а ночвы*.

Я был на почте и вдруг встречаю там князя. Он очень обрадовался, увидевши меня, и потащил в коляске к себе на чай. Княгиня встретила меня очень неприветливо, но князь радостно излагал мне, что он делал в последние две недели. И я уразумел, что я для князя очень нужен, потому что иначе ему не перед кем похвастаться своими новыми мероприятиями, клонящимися к славе и возвеличению России. Его обычное общество — консулы других государств; но перед теми ему нельзя, конечно, говорить, что он предпринял против них. Девушки института — девушки и потому не в состоянии оценивать его политические меры. Остаюсь только я один. Ну и старался же он сегодня выговориться!

Я воспользовался этим нечаянным визитом, чтобы набрать побольше книг из его библиотеки (на время как можно большее), а внутренне все же досадовал на себя, зачем согласился поехать к нему. Надо, впрочем, полагать, что от гордой супруги ему будет головомойка и он не откажется больше звать меня к себе.

Пока писал, открылась четвертая щель в потолке, и прямо на середину постели. Пришлось и там поставить миску. Мне, впрочем, весело. Комната преобразуется в посудный магазин.

* Кoryто (укр.). — *Прим. ред.*

25 декабря 1896 г.
[6 января 1897 г.],
Рождество

Пошел в институт. Как я и ожидал, меня встретили с радостью и осыпали упреками, почему долго не приходил. Я остался там празднично обедать и провел около шести часов. С князьями девицы теперь повздорили (княгиня обидела), и потому я был принят тем радушнее. Вообще, русская колония теперь оказалась против князей, как неделю тому назад была против меня. *Tempora mutantur, et nos mutantur in illis* *.

В церкви я и сегодня не был. Хозяева мои задали мне вопрос: «Ну вот, ты говорил, что у вас в России не принято праздновать [праздники] Николая, Михаила, Варвары, Введения и т. п., неужели и Рождество у вас не празднуют?». Вопрос этот был мне предложен потому, что до сих пор на приглашения идти в церковь я всегда отвечал: «У меня не праздник». К их изумлению, я и теперь сказал, что и Рождество для меня не праздник, но что очень-очень многие русские, впрочем, празднуют этот праздник весьма торжественно. [...]

Один из хозяйских знакомых сказал мне, что я хорошо сделал бы, если бы подарил еще хозяину гомбаз (халат), а хозяйке платье. Это мне уж не по карману. [...]

24

Е. С. Крымскому

25 декабря 1896 г.
[6 января 1897 г.],
Бейрут

Дорогой папа!

Поздравляю всех Вас с праздником. Я особенного праздника здесь не чувствую. В комнате моей открылось 5 щелей в потолке; вода не просто каплет, а почти струится; подставленную посуду надо переменять очень часто. Многие капли попадают не в посуду, а в сторону, и вся комната в воде. Если б не было валенок, я бы просто пропал. Ревматизма не ощущаю, но находиться целую

* Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат.). — *Прим. ред.*

неделю в мокрой комнате с каменным известковым полом крайне противно. Единственная отрада — мысль о том, что через несколько дней, когда кончится первая четверть луны, появится солнце, а если солнце и не появится, то хоть дождь прекратится.

Письма Ваши я получил (от 7 декабря и 12 декабря) с русским пароходом, который шел, несмотря на страшную бурю. Напротив, австрийский пароход опять запоздал где-то на день, а потому не привез никакой корреспонденции. Я, таким образом, совершенно напрасно прошелся в тот день по дождю на почту. Имел, впрочем, одно утешение: стал на коралловом рифе, далеко выдавшемся в море, и любовался гигантскими пенящимися волнами, которые меня грозили каждую секунду унести, стоило им подняться на фута полтора выше. Промок, конечно, от дождя насквозь.

Мои письма на русской таможне (в России) у меня бывали вскрываемы много раз, но я думаю, что чиновники подозревали в конвертах не деньги, а шелковые изделия. В посылке Вашей ноябрьской была и ложечка, и полфунта чаю. Насчет пересылки русского золота в кожаном мешочке справьтесь у Симы*, который, как пишет мне, послал 29 ноября ст. ст. 15 рублей. Значит, есть новое почтовое разъяснение, неизвестное Звенигородке. А впрочем, я и на бумажных деньгах почти не имел на этот раз убытку, так что не стоит и разбирать этот вопрос. К тому же с 1 января, как вы пишете, выходит опять новый закон. [...]

Ваш Ф.

25

Е. Е. Крымскому

26 декабря 1896 г.
[7 января 1897 г.],
Бейрут

[...] Дурное настроение духа усиливается у меня еще тем обстоятельством, что я сегодня по собственному побуждению заехал к князю. Вместо того чтобы сделать ему

* Имеется в виду Е. Е. Крымский, который оканчивал тогда курс Московского университета.

официально-обязательный визит на Новый год, когда публики будет у него много, я решил поехать утром сегодня, когда у него никого не будет. Ему, видно, не очень понравилась моя замена визитного дня, и он сухо произнес: «Но ведь сегодня не Новый год, до Нового года еще пять дней». Однако через несколько минут сообразил, должно быть, что с меня-то взятки гладки, что я могу и совсем отказаться от знакомства, и шутливо сказал: «Ну, а на Новый год я сам к вам приеду». (Я, впрочем, не терплю его чересчур уж парадных визитов — в двухконной коляске, в сопровождении двух расфуфыренных кавасов.) Потом князь принялся энергично рассказывать мне о своих новых мероприятиях. Оттуда постепенно он перевел разговор на Россию, рассыпался ругнею по адресу московских студентов (третьего дня газеты принесли подробные известия о их волнениях), а в заключение изругал русских институтских девиц, заявивши, что отныне их знакомство с ним кончено. При этом пренебрежительно назвал их «классными дамами». Я ушел с тягостным чувством. Князь при прощании нежно жал мне руку, и я угадываю, что на будущей неделе общесимпатичным центром нашей колонии буду я. Ты догадываешься, что я этому не радуюсь. Скучно!

Ах, Сима, Сима! Старайся по окончании университета не попасть в провинцию, не то будешь испытывать то же, что и я теперь, т. е. изумительно гнусное ощущение тины, в которой приходится вязнуть. От Горового* я получил третьего дня письмо. Он учитель в Карачеве (Орловской губернии) и описывает мне провинциальные ощущения также в унылых красках. [...]

27 декабря 1896 г.
[8 января 1897 г.]
Бейрут

Я получил сегодня высланные тобой деньги. [...] За все спасибо тебе.

Сегодня солнце. Все ожило. Я на радостях пошел на Ливан и бродил от 2 часов до 5 часов вечера. Солнце жжет, но от земли веет прохладой, и в общем прелестно.

Возвратясь, я увидел своего хозяина Атая под гру-

* Горовой окончил Московский университет в 1896 г.

дой одеял, сидящего в углу. Спрашиваю: «Что?». Ответ: «Боже мой! Как холодно!». (А я весь был покрыт потом). Затем, поглядевши на меня, старик, прибавил: «Если б я прожил хоть день в России, то умер бы». Мне стало его очень жалко, потому что сам я находил сегодняшнюю жару июльскойю. [...]

Вечером вся прочая семья Атая, должно быть, в силу контраста с днем, который все-таки и для них был более или менее тепл, почувствовала холод. Решили принести в свою комнату жаровню. Как они не умерли от угольной кислоты, не понимаю: по крайней мере я, лишь проходя через их комнаты, чувствовал нестерпимый угар. Днем они все избегали сидеть в комнатах и выскакивали греться наружу, на солнце; но вечером солнца нет, и они терпели угар, лишь бы он давал тепло.

29 декабря 1896 г.
[10 января 1897 г.],
воскресенье

У меня по случаю воскресенья свободный день, и я чуть ли не часов пять бродил везде. Решил идти вдоль морского берега все к северу и к северу, по триполийской дороге, пока хватит сил, ну и устал, конечно. Жгучее солнце высушило всю грязь. Все дышит жизнью, весною. Ноги у меня теперь просто ноют (я ведь много накарабкался по скалам), но состояние чрезвычайно приятное. Я очень жалею, что нет здесь тебя или Маруси, чтобы делать такие прогулки вместе. Очень часто я встречал живописные группы крестьян и крестьянок в их разноцветных костюмах, не тронутых еще франкскими прибавками. Замечательно здесь красивый народ (только бритые старики-христиане противны с виду [...]).

Дети или бродят в лужах голыми ногами (это высшее развлечение), или играют в городки, или мечут камнями в собак; очень весело было одной кучке, которая тащила за ноги дохлого осла, а яростный крик веселья разнесся тогда, когда труп скотины полетел с высокого берега в море с большим плеском. Везде масса собак; но они не кусаются. В Турции, где нет санитаров и ассенизаторов, неписанный закон воспрещает убивать собак, и их — тьма-тьмущая; но смирны они точно ягненок, и я, невзирая на мою недоверчивость к собакам, совершенно теперь дове-

ряюсь им. Злее их верблюды. Сегодня из гор шли в Бейрут целые караваны верблюдов, и я очень часто сторожился с дороги, чтобы который-нибудь не укусил, пожалуй; но я с большим интересом провожал глазами цепь их. Все это мне еще внове, и я не могу еще наглядеться на все. Я пришел в неописанный восторг, когда возле меня прогнали стадо ослят и когда туча этих крохотных животных, величиною в собаку, окружила меня и толкала своими мордочками. Я завел разговор с провожатыми (вообще я охотно вступаю с арабами в разговоры), но они, воображая, что сделают мне приятность, стали хлестать этих крошек и отогнали от меня. Я постарался им внушить, что мне, напротив, очень приятно было видеть вокруг себя такое прелестное стадо; они не могли уразуметь этой приятности.

Перестану писать: что-то сегодня не клеятся у меня русские слова. Я сделал над собою одно наблюдение, интересное в психологическом отношении: человек может не только говорить, но и думать на нескольких языках. Я, например, в первый месяц моей бейрутской жизни думал, несомненно, по-русски, во второй месяц, когда стал мало слышать русскую речь и ничего не читать по-русски, а вместо того читать ежедневно по-малорусски, стал и думать по-малорусски чаще всего. После русского разговора, после русского чтения мысль начинает опять работать по-русски; но стоит дать иной толчок — и водворяется малорусская речь в мысли. Это, впрочем, не очень изумительно, так как русский и малорусский языки у меня и раньше сливались; но курьезнее всего то, что иногда я сплошь думаю и по-французски; это бывает исключительно тогда, когда я думаю о бейрутинцах и о своих отношениях к ним — именно к тем, с которыми я говорю не по-арабски, а по-французски. Я, например, свои разговоры с ними вспоминаю не по-русски, и не по-малорусски, а по-французски же. Отсюда еще очень далеко до забвения русского языка, но я уж начинаю понимать состояние А. А. Ивановского (антрополога), который, побывши год в Германии и возвратившись в Россию, не мог легко говорить по-русски.

Ф.

Е. С. Крымскому

31 декабря 1896 г.
[12 января 1897 г.],
Бейрут

Дорогой папа!

Так как завтра идет в Россию русский пароход, то я пользуюсь случаем, чтобы набросать несколько слов. В прошлом письме я жаловался на бейрутские дожди, теперь буду жаловаться на нестерпимую жару, заставляющую пожалеть даже о дождях. Жители называют свой климат «умеренным».

Впрочем, правду сказать, очень жарко бывает только между полуднем и часом дня, а остальное время вполне приятно. Ночи совсем майские: легкая прохлада, но без холода. Великолепная луна в вышине, прямо посреди неба, чего у нас никогда я не видел. Чтобы посмотреть на луну, нужно совершенно задрать голову кверху, как будто на Полярную звезду смотришь. Нечего и говорить, что я совершенно здоров при такой погоде и такой природе.

Вы мне писали было, что пришла из Академии наук программа для собирания сведений по малорусскому наречию. Или я ошибся, и не так Вас понял? Если по малорусскому, то непременно пришлите мне ее: она мне очень нужна. Если же только по великорусскому, то не присылайте. Далее: я не получил ответа от Вас насчет кокард на форменные фуражки. Можно ли их достать в Звенигородке? Если да, то я буду очень рад и закажу себе здесь летнюю фуражку с присланною от Вас кокардою, которая всегда будет меня хранить от недоразумений. А я, просто в силу необходимости, обязан вступать в постоянные сношения со здешними жителями: иначе никогда не научусь вполне бегло говорить по-арабски. Теперь я объясняюсь довольно свободно, однако каждый все же чувствует сразу, что я — чужестранец. Надо это устранить. Летом буду искать побольше практики среди горцев.

Ваш Ф.

Е. Е. Крымскому

2 января
[14 января] 1897 г.,
Бейрут

Кончились святки, и я очень рад. Прекратятся хождения детей под мои окна (детей погонят в школу), прекратятся несносные крики: «Здравствуйте!» (по-русски), которыми меня дети приветствуют беспрерывно. При этом все произносят «жрасти». В первые дни меня очень забавляли эти крики «Жрасти!» — кажется, единственный результат учения в здешних русских начальных школках*; но потом эти «жрасти» опротивели. Кроме того, дети знают петь «Боже царя храни», и произносят слова так:

Боже! Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на слаф рагам...

(«Р» вроде картавого французского «эр» grasseyé).

Прекратятся, кроме того, и синоды в доме, на которых обсуждается мое поведение. Праздные мои хозяева не могли успокоиться, почему я не был в церкви и на Новый год, хотя русский консул был там. Я вчера вечером слышал длинные дебаты о том, будет ли мне выговор от консула или нет. [...]

Погода все стоит великолепная. Правда, без зонтика уж ходить трудно (солнце в полдень жжет очень), но несколько раз в день дует ветерок с моря. Лунные ночи выше описаний. Прекрасная страна, но в руках не людей, а полулюдей султанской Турции с ее отупляющим развращенным правительством.

* Кроме пансиона «Бакурет эль-ихсян» под патронатом Сюрсок, имеются мелкие школки под заведованием ханжи М. А. Черкасовой. Я у нее не бываю.

3 января
[15 января] 1897 г.,
Бейрут

Иду по улице — вдруг меня останавливает какой-то лавочник: «Эй, господин!!» Я подхожу. «Черный кот ушел». — «А мне какое дело до черного кота?!» — спрашиваю я с изумлением. Лавочник в восторге: «Прекрасно! Ей-богу, прекрасно!» — «Да что за вопрос о черном коте?» — переспрашиваю я еще раз. — «Я хотел узнать лишь, научился ли ты уже говорить по-арабски». [...]

Другая история с арабским языком, но не у меня, была сейчас в институте «Бакурет эль-ихсан». Я принес девицам их письма с почты и остался посидеть. Приезжает их начальница (Екат. Ивановна Шмидт), которая ездила в город за покупками. Извозчик, которому она заплатила как раз столько, сколько было условлено, вздумал просить прибавки и, покинув коляску на улице, сунулся в ее комнату, где сидели девицы и я. Есть по-арабски слово «рух!» («пошел») и «рухи!» («пошла!»); так как Катерина Ивановна имеет всегда дело лишь с девочками, то она знает только форму женского рода: «рухи». Увидевши, что извозчик прется прямо в комнату, она в негодовании давай кричать: «Рухи!!! Рухи!!!». А за ней весь собор девиц подхватил: «Рухи!!! Рухи!!!». Я крикнул было, что это женский род, а не мужской, но никто не был в состоянии обратить внимание на мои грамматические слова. Извозчик не слушает, все прется в комнату. Тогда Катерина Ивановна в крайнем возмущении вскакивает, подбегает к двери и кричит: «Рухи сейчас, говорят тебе!». Эта фраза заставила фыркнуть не только меня, но и всех.

5 января
[17 января] 1897 г.,
Бейрут

Из прелестей здешнего арабско-французского языка отмечу подхваченное сейчас выражение: «Taisez-vous parler!»*. Это должно означать: «Молчи и перестань говорить». Недурно!

* Буквально: «Молчите говорить!» (франц.). — *Прим. ред.*

Е. С. Крымскому

5/17 января 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Следуя своему обычаю — писать с каждым русским пароходом, — пишу и сегодня.

Сегодня воскресенье, учитель ко мне не пришел, и я предпринял экскурсию на Ливан.

Жара стоит уж около двух недель, и потому все цветет и зеленеет, а апельсины стали совершенно краснокожими. Среди множества цветов на лужайках, на холмах, среди камней мне бросилась в глаза масса так наз. альпийских фиалок, или цикламенов*; в Москве их Шульц растит в оранжереях, и Фрейтаг как-то привозил Гане и Шекиной эффектный букет из них. Я их бесплатно здесь нарвал — целую охапку, словно бурьян, и принес домой.

Высоко взобраться на Ливан я не мог, потому что для этого не хватило бы и целого дня: я шел вверх два часа (и назад два часа) и добрался до одного из первых уступов горной террасы. Разницу в температуре сравнительно с Бейрутом я не заметил, но если бы подняться повыше, то, очевидно, было бы значительно холоднее и что-нибудь напоминало бы зиму.

В самом Бейруте о зиме ничто не говорит. Напротив, все забыли о ней, и просто не хочется верить, что через неделю или полторы должны начаться дожди. К счастью, это будут последние холодные дожди; февральские, не говоря уж о мартовских, холода большого не приносят. Есть даже арабская пословица: «Пусть февраль рвет и мечет, а все же он пахнет летом»³⁶. Подводя итоги, я могу сказать, что я в течение нынешней зимы надевал летнее пальто всего четыре раза, да и то один раз не для теплоты, а для приличия. Я здоров, а что будет через полторы недели, о том напишу в свое время.

Ваш Ф.

* По-арабски «бахур Марьям» («фимиами девы Марии»).

Е. С. Крымскому

7 января
[19 января] 1897 г.,
Бейрут

[...] В Ваших сегодняшних письмах меня очень обрадовало известие о получении оттисков из «Киевской старины». Пожалуйста, перешлите мне их сюда штук 30, конечно, бандеролью, а не письмом.

Новый год я встретил в так наз. Русском институте, где, кроме обычных пяти учительниц, оказались еще три приезжих из Дамаска и из-под Иерусалима (Бейтжалы у Вифлеема). Машу очень интересовал вопрос о русских школах. Объясняю, что Палестинское общество³⁷ основало ряд школ здесь, т. е. в Сирии и Палестине. Школы для мальчиков и для девочек. Преподавание в большинстве из них на русском языке, но в Бейруте больше по-французски. Дети поступают маленькими и, если в пансионе слышат вокруг себя только русскую речь, то очень быстро полурусуют. Это именно наблюдается под Иерусалимом и в Назарете; но в Бейруте институт принадлежит Палестинскому обществу лишь наполовину, так как хозяйственная часть в руках арабов (комитета, где председательница Ам. Сюрсок), и потому здесь только стипендиантки умеют говорить по-русски. Нужно заметить, что в Палестине чувствуется большой спрос на русских учительниц, но их с трудом можно найти в России. Палестинское общество платит им 150 франков в месяц + 25 столовых (квартира казенная); но девицы всегда страшно тоскуют от недостатка развлечений. Каждые два года им полагаются деньги (150 рублей в один конец + 150 рублей в другой конец) на проезд в Россию на каникулы; но они обыкновенно, приехавши в Россию, уж ни за что не хотят возвращаться обратно. Быть может, Маша пожелает поступить на службу Палестинского общества? Это, по-видимому, очень легко сделать.

В понедельник 6 января я провожал приерусалимских (бейтжалских) гостей на пароход «Царица», направляющийся к Яффе. Он был полон паломников из Киевской губернии, и я впервые после моего отъезда

услышал малорусскую речь. Впечатление было очень странное. Я ведь даже от русской речи отвык, а то вдруг слышишь здесь малорусскую!

Возвратился с парохода в половине девятого вечером. Море почти не колыхалось; месяц, совсем полный, золотил всю его поверхность; Ливан тоже сиял, особенно в тех уступах, на которых расположены деревни или монастыри (стены и крыши у них белые), а снежная вершина Саннин на темно-сером небе казалась серебряной тучей.

Ночь очень теплая, и я предпочитаю ее дню. Розы, фиалки, жасмины, кустарники-лампноцветы (датуры) и т. п. цветы, которыми здесь полны сады, наполняют запахом весь воздух, так что, даже идя просто по улице, всегда вдруг попадешь под ароматную струю ветра. После ожидаемого январского дождя, который, вероятно, будет идти между 20—30 января, начнут постепенно цвести и деревья; но, собственно, лишь к концу февраля уже сплошь вся природа будет цвести. В это время сюда придет масса туристов (немцев и англичан), но не русских (которые не посещают Азии)*, и приедут туристы именно для того, чтобы любоваться сирийской весной. Ливан в это время совершенно зелен, и арабы с восторгом описывали мне это зрелище, как нечто, не сравнимое ни с чем.

Я Вам, кажется, писал, что мы вошли в сезон апельсинов. Собственно, продаются апельсины еще с октября, но только теперь, в январе, они делаются сладкими. Вместо чаю я ем апельсины, ежедневно или 10, или 12 штук (это дают хозяева), а кроме того, не раз покупаю их себе во время прогулки. Берут с меня по ихасу за штуку, а пять ихасов составляют $2\frac{1}{3}$ копейки кредитными. Если зайти прямо в сад, то цена вдвое меньше, но в саду нужно покупать целый десяток; только изредка для меня, как для «москобия», делают снисхождение и продают поштучно. В большом ходу теперь и финики. Свежих уже давно нет, да и сирийские не вкусны, а продаются привозные сушеные, такие, как у нас. С меня берут за две укйе, т. е. за фунт, 5 коп., но хозяева покупают дешевле. Мой европеизм всегда мне вредит в этом отношении.

* Русских паломников я исключаю, но те едут не сюда, а в святую землю.

Живу спокойно. К моему счастью, я не только свыкся с арабской кухней, но даже полюбил ее: вкусная, здоровая, полезная. Полагаю, что для Сирии в сущности и не годится иная кухня, так как европейская была бы, пожалуй, неудобоварима при здешнем климате. [...]

Получено ли от меня в заказных конвертах 5 номеров «Зорі»? ³⁸ А главное, есть ли на них двухгульденовая марка? На ней сверху штампель: «20 пиастров».

От Симы я имел лишь одно письмо. Завален работою.

Ф.

30

Е. Е. Крымскому

7 января
[19 января] 1897 г.,
Бейрут

Здешние нищие поистине виртуозы. Знаю я двух нищенок, сидящих при дороге; когда возле них проходишь, они отбрасывают голову назад, словно умереть собираются; глаза устремлены к небу; одна рука бьет кулаком в грудь, а другая протянута; а губы шепчут громким патетическим шепотом: «Алла йхаллик!». Прежде эта поза действовала на меня удручающим образом, но теперь я привык, и порою даже перестал им подавать.

Гораздо хуже другие нищие, у которых есть привычка в случае отказа подвергаться припадку падучей. Я от тех бегу как от чумы. Один из них прикидывается сумасшедшим, но это ему не мешает твердо знать все праздники всех вероисповеданий. В католические праздники у него наготове портрет папы, в православные — Николая II. Он усаживается с ними при входе в соответствующую церковь и кропит розовой водою всех проходящих, прося милостыни. Когда возле него проходят русские, он кричит по-русски: «Батюшки, голубчики! Кушочек хлеба! Ешь хочуй!». Другой из эпилептиков имеет привычку подвергаться эпилепсии на пороге при входе в институт Сюрсок: ляжет на пороге и трясется в конвульсиях, и тогда нужно переступить через него, чтобы войти в дверь. Этот, по-видимому, не притворщик: на днях грохнулся так, что совершенно расшиб себе лоб. Я как раз в это время пришел в институт и застал такую сцену:

эпилептик лежит на белом мраморе высокого крыльца; сам черно-коричневый; кровь ярко течет по мрамору, а сам он даже не кричит, только дрожит каждым своим мускулом. Возле дверей стоит толпа выбежавших учениц с их учительницей m-lle Hélène (арабо-гречанкой из Марсея) и любуются.

9 января
[21 января] 1897 г.,
Бейрут

Девушки «Бакурет эль-ихсан» размякли насчет здешней природы. До сих пор они (кроме А. М. Зайцевой и арабки Марьям Оде) нарочно не ходили на прогулки, чтобы иметь право не восхищаться Сирией. Но вот Фад-лаллах ибн Абу-Халака (член Палестинского общества и комиссионер его) пригласил их поехать верхом к нему в имение, в горы. Поездка эта произвела на них такое впечатление, что теперь они перестали находить пальмы менее красивыми, чем наши ели, и вообще не смеют больше отрицать здешние чудеса.

Но теперь их песня такая: «Конечно, если бы посетить Сирию в качестве туриста, то можно бы здесь пожить с месяц очень приятно. Но стоит вспомнить, что здесь, в Бейруте, есть институт Сюрсок, чтобы возненавидеть все». Правда, эстетическое варварство одной из них (О. И. Малининой) все-таки дошло до края. Когда мы провожали на пароход прииерусалимских учительниц, приезжавших навестить здешний институт на время святок, была великолепная лунная ночь. Ливан был что-то изумительное. Горные деревни с белыми крышами, издали кажущиеся золотыми пятнами; монастыри с зубчатыми стенами, выделяющиеся на чистом небе; снежные вершины, отливающие серебром; море при лунном свете; а с другой стороны — Бейрут, раскинувшийся на холмистом полуострове Ливана... Малинина смотрела, смотрела на это, а потом заявила: «Когда я буду уезжать из Бейрута, я закрою глаза, отброшу голову назад и буду стараться, чтобы счастливая минута отъезда не омрачилась взглядом на этот подлый Бейрут». Однако теперь, на этот раз, она уж не нашла сочувствия у остальных, до того все были околдованы.

Сегодня я забегал в институт, и мне сообщили, что

в их саду уже цветет миндаль; он цветет раньше других деревьев. В феврале будут цвести абрикосы и персики. Сегодня неожиданно прошел дождик, но принес лишь легкую прохладу, а не холод, точно у нас летом. Меня тянет пойти на прогулку, но не смею: на вечер я приглашен к Гагариным и должен днем позаниматься, чтобы не запускать намеченной программы. Но этот цветущий миндаль не выходит у меня из головы, а в саду Традов (я живу в доме Традов) нет ни одного дерева миндального.

10 января
[22 января] 1897 г.,
Бейрут

Вчера по приглашению был у Гагариных. Князь, оказывается, благодаря мне избран членом Археологического общества. Он мне давненько как-то подарил древнюю сирийскую рукопись, я послал ее в Московское археологическое общество, причем не поступил так, как делают другие археологи, т. е. не умолчал о средствах приобретения ее, а наоборот — искренно объяснил, что она мне просто подарена князем, и просил поблагодарить князя. Рукопись оказалась VI века, много старше, чем я думал. Никольский мне написал восторженное письмо, и князя избрали в члены³⁹. За это, собственно, и княгиня сняла с меня опалу. Князь, кроме того, горел нетерпением показать мне арабские стихи, посвященные лично ему (он это написал даже в пригласительной записке), и просил меня их перевести. Но когда я прочитал заглавие, он, вероятно, раскаялся в своей оплошности. Заглавие было такое: «Радостная хвала, возносимая восточными христианами государю императору Николу II в день его праздника, — да пошлет ему бог возможность праздновать много праздников!». Я перевел это заглавие князю, стараясь сохранить невинный вид, хотя внутренне меня раздражала некоторая злость за его излишнюю самоуверенность. Он много хвалился мне своими мероприятиями, уверяя, что благодаря ему масса маронитов (полагаю, не маронитов, а униатов) бросают свою веру и переходят в православие. Рассказывал он о визите маронитского епископа. «Вы думаете, что он приехал меня поздравить с Новым годом? — закончил он (хотя я ничего

не думал). — Нет! Он приехал посмотреть своего противника».

Вообще он мне наговорил множество всякой «меланхолии» («меланхолия», или, точнее, «меланкония» значит в восточных языках «тоскливая чепуха»). Но я все ж остался доволен: мне удалось на радостях выманить у него некоторые финикийские древности, которые я немедленно отправлю в Москву, тоже в Археологическое общество.

12 января
[24 января] 1897 г.,
воскресенье

По своему обычаю, отправился в воскресенье гулять за город, в кедровый лес, по дамасской дороге, откуда любовался Ливаном, морем и оливковыми рощами, раскинувшимися на противоположном склоне. К сожалению, мой восторг был неприятно прерван. Я услышал свист паровоза, который шел в Дамаск, и этот паровозный свист в одну секунду перенес меня в Россию. Ни письма, ни газеты, ни разговоры с девицами института меня не переносят в Россию; а вот этот свист так не подходил к восточной природе и так резко контрастировал с нею, что я сразу почувствовал себя на чужбине и вспомнил родину. Я не мог (да и не могу) сообразить, куда перенес меня тот свист паровоза, т. е. в Москву ли, в Звенигородку, или куда; но знаю лишь, что от него дохнуло чем-то таким знакомым! И странно стало на душе, когда поезд пронесся внизу меня в долине. Поезд и оливковые рощи, ну, думается, что тут совместимого?!

Ф.

31

Е. С. Крымскому

14 января
[26 января] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Завтра придет пароход «Царица» и, вероятно, привезет мне от Вас письмо через Александрию; но я на него отвечу уже австрийской почтой.

Я здоров, но не совсем. Шутя я говорю себе, что боюсь некоторых осложнений. В числе гортанных звуков арабского языка есть один особенно гортанный, напоминающий мычание теленка. Я его произношу очень хорошо, но я давно уж замечал, что (по-видимому, от него?) часто страдаю хрипотью. От него ли, или не от него, но постепенно дело с горлом дошло до того, что у меня теперь глотка болит чуть ли не с утра. Если Вам случалось иногда от долгого разговора или крика охрипнуть, то Вы поймете мое ощущение: всегда что-то режет в глотке. Чаю я не пью, а вместо того ем апельсины; они хотя и сладки, но известная кислота в них все же имеется. И вот, попавши на раздраженную глотку, кислота еще больше ранит ее, и мне всегда представляется, будто у меня в горле есть порезы. Скажете, не нужно произносить того звука? Но это невозможно: не из чувства гордости невозможно (хотя есть чем и гордиться, потому что многие европейцы век свой живут в Сирии и не могут научиться произношению этого звука), а просто и потому, что иначе меня не поймут; а если и поймут, то будут насмехаться. Чаще, впрочем, просто не поймут.

А помимо этого все у меня благополучно. Жара все время стояла июльская, зацвел миндаль; но, быть может, ночью сегодня наступит дождь: по крайней мере сегодня стало облачно. [...]

Ф.

Что с моими книгами? Где они у Вас помещаются?

32

Е. Е. Крымскому

17/29 января 1897 г.,
Бейрут

В институте Сюрсок одна из учительниц (воспитанница Бейтжалы — арабка Марьям Оде) вполне хорошо говорит по-русски, но с книжными выражениями. Сегодня я принес с почты письма девицам, и Марьям, взглянув на штемпель, закричала: «Боже мой! Письмо писано еще до Рождества Христова!»*.

* Незадолго перед империалистической войной Марьям Оде была директрисой того самого института (учительской семинарии)

Е. С. Крымскому

21 января
[2 февраля] 1897 г.,
- Бейрут

Дорогой папа!

Письмо Ваше от 6 января, вышедшее из Звенигородки 7 января, я получил 17/29 с австрийской почтой: как видите, очень быстро. Причина — спокойное состояние моря. Боюсь, что австрийская зимняя неточность вскоре, однако, возобновится: вчера прошел дождик, и хотя сегодня вновь жарко, но едва ли не начнется вскоре дождливая пора, а с ней морские волнения. [...]

В Лазаревском институте идет со стороны одного профессора маленькая интрига. Ему (имя его Муркос) хочется уехать на будущий год в Сирию, но для этого необходим ему на год заместитель. Только на год. Он старается добиться вызова меня в Россию на один год, чтобы я его в это время замещал, а затем он сам возвратится в Москву, займет вновь свои лекции, и я должен буду остаться без лекций. Если же я не возвращусь теперь, т. е. к академическому 1897—1898 году, то Муркосу отпуска не дадут, он останется в Москве еще на два года. После того ему истечет 30-летие службы, и он может возвратиться в Сирию хоть навеки. Он, однако, говорю, не этого желал бы, а желал бы путем получения официального отпускного года продлить себе службу не на два, а на три года. К моему удовольствию, другие профессора очень хорошо понимают его игру. А все же мне неприятна эта история, потому что и моя личность сюда впутана.

Посылаю в конверте одну книжечку своего перевода «Шах-наме»⁴⁰. Отдайте ее спрятать Маше, а через несколько времени я укажу, куда и кому Маша должна будет переслать ее.

Ваш Ф.

в Бейтжале, где она когда-то получила свое среднее русское образование. Кольтум Оде, преподаватель арабского языка в Петербургском университете,—ее ученица из того же бейтжальского института.

М. Е. Крымской

21 января
[2 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

[...] Был я в воскресенье на богатой арабской свадьбе, у православных, у родителей невесты. Сперва я долго не хотел идти, но наконец меня упросили. Ввиду страха перед мусульманами здесь установился обычай, очевидно еще в более старые времена, совершать венчание на дому, а не в церкви, и до сих пор он держится *. Говорят, однако, что это не повсеместно. Все комнаты, равно как и сад, были ярко освещены, и народ в них кишел. Я узнал, что весь этот народ (человек 300) — родственники и свойственники хозяев дома: здесь принято звать на свадьбу всех родных, даже таких, с которыми человек не знаком обычно. Костюмы были самые разнообразные: с одной стороны — сверкает последняя европейская мода, с другой — архаические национальные платья, т. е. на мужчинах черные шелковые шаровары необычной ширины и с такой матней, которая тянется по земле (мне всегда издали кажется, что это юбки со шлейфом) **, узорная куртка тоже с шелковым шитьем и с роскошным поясом, а на голове — тарбуш, т. е. красная феска или темно-вишневая феска, с кисточкой и изредка с шелковым платком (вроде нашей намитки). Народу было так много, что я вошел почти незамеченный. Однако сейчас же меня окружили и осыпали разговорами. Последний раз я бывал в большом обществе уж месяца три тому назад, в первые дни после приезда, и тогда по необходимости говорил по-французски. Теперь же я оживленно беседовал по-арабски, и меня поэтому запрашивали о том, о сем даже самые необразованные арабы. На мне была моя малорусская сорочка с вышитою грудью: все были уверены, что это специально свадебный костюм русский.

* Кажется, требование русской православной церкви, чтобы венчание совершалось непременно в церкви, а не на дому, было установлено еще в Византии.

** У Шевченко о козаке: «Матнею вулицю мете».

Многие ощупывали пальцами и спрашивали, что стоит. [...] Не обошлось и без курьеза. Куча людей приволокла ко мне человека, на которого тыкала пальцами и орала: «Изменник! Католик!». Мне его с негодованием аттестовали как человека, перешедшего из православия в католицизм, т. е. в унию с Римом. Он же яростно орал: «Потому что я понял ошибки православия!». Я у него спросил из вежливости, правда ли, что он переменял веру; а когда он ответил, что «да», я пробормотал по-арабски: «А впрочем, что мне за дело? («Ма'алеийе мынну!»). Кто-то услышал мое бормотание, но не разобрал и заявил, что я сказал по-французски: «Malheureux» *. За это я сразу получил много комплиментов, а «католик» громогласно признался, что он такой же православный, как и все, и что вся сцена была лишь мистификация **.

Долгую беседу вел я с попом, который непременно хотел мне показать, что знает по-гречески. Оказалось, что он не слышал ничего о Ксенофонте, Фукидиде, Демосфене и пр.

Пока началось венчание, прошло около часу. В это время разносили лимонад, варенья, конфеты, коньяк. Для варенья блюдец не полагается: есть одна ложечка при каждой вазочке: гость возьмет, съест и обратно вложит ложечку в варенье. Я было отказался есть, но хозяин пришел сам, набрал мне ложку айвового варенья (похоже вкусом на наше яблочное, только душистее), сунул мне в рот и затем мокрую ложечку, как водится, положил в вазочку. От коньяка я отказался, и за это мне полный карман набили конфетами, которые стали в нем слегка таять.

Началось венчание. Всем присутствующим роздали огромные восковые свечи (у нас такие стоят рубль). Жених стоял в феске, которая вполне напоминает ермолку. Шаферов, поддерживающих венцы, уже не полагается. Когда пришло время возлагать на жениха и невесту венцы, священник надел их невесте и жениху (а венцы легенькие, не металлические) прямо на голову; жениху надел сверх фески-ермолки, отчего получилось для меня

* Несчастный (франц.). — *Прим. ред.*

** К сожалению, А. Е. Крымский не спросил, не бывает ли мистификация одним из свадебных обрядов, точно так как «переряживание» и т. д.

довольно курьезное зрелище. Во время обхода аналога венчаемые шли, соблюдая строгое равновесие, чтобы венцы, чего доброго, не свалились с головы. Правда, венцы парчовые, а все ж упасть могут легко. После венчания все и расходится, а невесту ведут в дом жениха. Кстати: невесте 17 лет, а жениху 50 с лишним.

Я хотел свечу оставить в доме хозяев, но мне не позволили, объяснивши, что полагается взять ее с собою.

В простых семьях свадьба совершается со множеством старинных обрядов⁴¹.

23 января
[4 февраля] 1897 г.

Сегодня я отправил на имя папы свой словарь Желеховского, не в конвертах, как все прочее, а заказной бандеролью. Некоторое время словарь пробудет в цензуре. [...]

Хозяйка моя, Сара Атая, — воплощение труда. Я вчера, по своему обычаю, не ложился спать до 2 часов ночи и видел, что она все время возилась в кухне и мыла белье. Я проходил через кухню и посмотрел на ее пальцы: от мыла они просто скорчились. Сегодня утром она встала в четыре часа. На руках у нее старик муж (77 лет), вечно хворый, пятеро детей, из которых младшей девочке четыре с половиною года, да еще я. Служанки нет: средств не хватает. Как нарочно, твое последнее письмо упоминает о такой же беде у вас. Нужели так трудно подыскать наймычку?

Получена папина телеграмма с поздравлением по случаю моих именин. Вместо «*roug la fête!*» лучше было бы «*voipne fête!*». Это и правильнее, и короче (а значит, и дешевле). Хозяева страшно перепугались от телеграммы, и когда мой учитель вышел, стали расспрашивать, что за телеграмма. Я им объяснил. Их сын почти никогда им не пишет ничего*, и поэтому дорогая папина телеграмма, поздравляющая с именинами, заставила их в силу контраста вспомнить о своем сыне. Хозяйка с печалью сказала пословицу: «Альби аля валяди, у альб эль-валяд аля

* Только с тех пор, как я приехал, пришлось ему написать к ним письма два относительно меня. А раньше он молчал.

ль-хажяр» — «Мое сердце обращено к сыну, а сердце сына — к камню».

26 января
[7 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Посылаю кусок Руданского, печатанного во Львове с той рукописи, которую ты же переписывала. [...]

Ф.

Ах, и забыл написать, что был в здешней бане.

Восточное лицемерие не позволяет являться в баню без особого костюма (юбочки и покрывала); костюм я должен был занять у хозяина. В бане местные жители так и моются в юбочке («вазра»), но я, как европеец, позволил себе снять этот костюм во время мытья и, только выходя из бани в предбанник, опять облекся в него. В банях нет лавок: моются просто на полу, крайне грязном. Банщик сперва трет тело шерстяными рукавицами («кис»), отчего действительно вся жирная грязь сразу сходит; но зато рукавицы — источник заразы. После рукавиц прибегают к мочалке («лифе») и к мылу. У туземцев ломают (щелкают) еще и суставы и чешут пятки, но я решительно протестовал против этой операции. Полы, кроме некоторых частей, накалены. Входящие надевают на ноги деревянные туфли («куб-каб»), но у меня одна из них нечаянно свалилась с ноги, и я обжег себе всю пятку в течение секунды. В заключение у меня украли полотенце.

До апреля уж не буду мыться в бане, а в апреле — в море.

35

Е. Е. Крымскому

26 января
[7 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Мне возвратили назад посланное мною к тебе письмо с книжными обрывками (с запретительной пометкою цензуры). Тревожиться, конечно, тебе нечего, так как ты, ясно, не ответствен за то, что тебе посылают без твоей

просьбы и тем более с запиской, где ясно сказано, что я самовольно посылаю тебе то-то и то-то и прошу сохранить для меня. Во всяком случае, очень жаль, что письмо вернули назад.

Ты что-то давно уж не пишешь. Словарь Брокгауза я получил, спасибо тебе. [...]

Была ли у Вас Каменская? Что говорила? Почему мне не прислала марок «восточной корреспонденции»?

Марусе и Боре поклон.

У нас зима совсем уж окончилась. Последние дожди уже не приносят холода, а лишь влагу. Все цветет, все ярко зелено. Только жара невыносимая. [...]

36

Е. Е. Крымскому

29 января
[10 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Сегодня пришло твое письмо от 16 января. Застало оно меня совсем больным. Три дня назад, в воскресенье, я был на прогулке в одном низменном болотистом месте, но очень красивом. Я уселся на камень и с полчаса смотрел в бинокль вокруг. Камень был очень холодный, вовсе не подходящий к здешней жаре. Заход солнца застал меня все в том же месте — и вот у меня невыносимая лихорадка. Пршлую ночь я от тяжелой ломящей боли во всем теле и особенно в голове не спал ни одной минутки. Днем сегодня поправился, но затем бок стал болеть и колоть ужасно, а голова и того хуже.

С хозяевами своими Атаями я вполне примирился. Старику отцу я простил его старческую неряшливость, с хозяйкой я и без того никогда не был в дурных отношениях; да и дети свыклись со мною. Мои отношения к семье, где я живу, уже напоминают мои отношения к семье Лёве в Москве, у которых я прожил семь лет. Болезнь моя едва ли не тревожит их больше, чем меня самого.

Все предыдущее письмо* имело характер дневника,

* По-видимому, речь идет о письме от 21 января (2 февраля). —
Прим. ред.

и я даже собирался было не посылать тебе его целиком, а лишь списать некоторые страницы. Но в надежде, что ты возвратишь мне мое писание по приезде моем в Россию, послал его тебе целиком.

Если будешь у М. О. Аттаи, то повторяю просьбу: ни слова не говори о моих письмах к тебе по поводу его бейрутских родственников. От него пришло ко мне такое доверчивое, искреннее, доброжелательное письмо, что оно, собственно, и примирило меня со всем. Он просит жить у его родных по-прежнему, потому что это для них денежная поддержка. Когда я перевел (письменно) с русского на арабский язык письма Хафызы и Федей (детей, живущих с Михаилом в Москве), то произошла такая нежная родительская сцена, что я сам едва не расплакался. Больше всего плакала, понятно, мать, отдавшая их Михаилу. Да и вообще не говори никому о родителях Аттаи. При сплетнической струнке многих москвичей весть непременно дойдет до самого Михаила Осиповича, и всякая насмешка над стариком отцом оскорбит его глубоко.

Всякий раз, когда тебе придется видеть М. О. Аттаю, наводи, пожалуйста, разговор на Муркоса. Этот добрый «козерог» (так называет Муркоса А. Н. Веселовский) замышляет некую интригу или полуинтригу против меня. Так я заключаю и из его нестерпимо хвалительного письма ко мне, которое он мне сюда прислал. Кое-что мне объяснил в письме М. О. Аттая, но надо знать больше. О Муркосе здесь ходят самые курьезные слухи, особенно о его чудовищной скупости. Рассказывали мне арабы, как он однажды потерпел убыток на большой партии апельсинов и до отчаяния сокрушался, причем и в отчаянии был комичен (*Arid ferentem fides*). Дочь его сестры старуха Варда обратилась к нему в последний его приезд с просьбой о помощи, указывая, что умирает с голоду. Он ей дал межд. [...]

Кончу писать. Голова ноет и трещит. Хочу писать шутя, а пишется печально.

Очень рад, что шарфы, привезенные М. А. Каменской к вам, не конфискованы на таможне. Пошлины полагалось бы 7½ рублей золотом за фунт материи, т. е. 11 р. 25 к. бумажками и я пессимистически был уверен, что Каменская так и не довезет шарфов; отберут на таможне. Еще больше рад я, что они понравились: выбирал я по

своему вкусу и боялся, что не «потрафлю». Мой поклон Марусе и Боре. Дай Марусе прочитать мое письмо.

Ф.

29 января
[10 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маруся!

Не пишу тебе отдельно, потому что, во-первых, нет сил, а во-вторых, Сима даст тебе прочитать мое сегодняшнее письмо к нему, назначаемое одинаково и для тебя.

Ф.

Завтра или послезавтра расцветут померанцы. Посылаю несколько бутонов. Апельсины уже цветут, хотя деревья остаются покрыты еще плодами прошлого года, которые не могут считаться вполне уж созревшими. Они давно очень уж сладки, но, говорят, к посту станут сладки как мед, а потом начнут высыхать и обращаться внутри в вату.

37

Е. С. Крымскому

31 января
[12 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Сегодня чувствую себя наконец здоровым и радуюсь; а то я уж было раздумывал, не желтая ли лихорадка появилась у меня. Посылаю для передачи Маше часть своего львовского издания. [...]

Сегодня пошел холодноватый дождь, и я даже изумился: во-первых, не пора (как раз теперь луна на второй своей четверти; сегодня 11-е число лунного месяца рамадана); и, во-вторых, холод этого дождя непонятен. Впрочем, жители не верят этому холоду и пристраивают свои сады уж точно на горячее лето. В богатых садах, где разводят много экваториальных растений, они уж давно посажены. От чистки садов везде по улицам валяются веточки здешних деревьев, которые у нас так редки. Мне

сегодня так жалко было смотреть, как для освобождения места срубили одну пальму и вывезли в тачке огромную кучу пальмовых ветвей на улицу. Прохожие шли и топтали эти роскошные листья ногами.

Известите, сколько жителей оказалось в Звенигородке, по произведенной теперь переписи.

Получен ли через цензуру словарь Желеховского?

Ф.

P. S. У нас рамадан (мусульманский пост), и убийства опять пошли одно за другим. Воображаю себе, что делается в городах беспокойных!

38

Е. С. Крымскому

1 февраля
[13 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Письмо это сперва писалось неизвестно для кого: для Вас или для Маши! Посылаю на имя Маши.

Лимоны от зрелости начинают сильно осыпаться. Здесь их ни во что не ставят, не хотят даже собирать, и кучи их валяются под деревьями и гниют. Часть идет на лимонад, но ведь и одного дерева хватит на громаднейшую бочку. Остальное пропадает даром, так как вывоз лимонов за границу идет, собственно, лишь из Яффы. Приготавливают из лимонов одно очень вкусное блюдо, которое советую и Вам сделать: очищают лимон или лимоны от кожицы, выдавливают сок (который у Вас может на что-нибудь пригодиться), а оставшееся мясо лимона обильно посыпают солью. Получившееся блюдо очень вкусно, и особенно его употребляют в посту.

2 февраля
[14 февраля] 1897 г.

Сегодня гулял за городом под вечер. Смотрю, среди нивы что-то горит. Подошел, вижу, стоит низенькая будочка по форме вроде нашей кухонной печи, но прямо на

земле, закрытая заслонкой; и внутри этого очага (сделанного из грубых камней) горят четыре восковые свечки. Я расспросил в соседнем домике, что это. Мне объяснили, что тут когда-то стояла церковь, но мусульмане разрушили ее, и христиане в дни вечерни и обедни зажигают свечки в том месте, где был жертвенник. Это такой здесь обычай. [...]

Е. Е. Крымскому

4 февраля
[15 февраля] 1897 г.,
Бейрут

[...] Тут все родители одинаковы, насколько я мог заметить сам и девицы института, т. е. все одинаково не любят слишком возиться с детьми. Например, когда м-лле Шмидт взяла в свои руки педагогическую часть института Сюрсок, она ввела обычай, чтобы родители могли посещать детей, сданных в интернат, не один раз в месяц, как было до сих пор, а каждое воскресенье. Вообрази себе: родители все возмутились! Они стали требовать отмены этого позволения и мотивировали таким образом: «Раз есть право приходить каждое воскресенье, то мы и должны будем приходить каждое воскресенье, — не то дети плакать будут. Брать извозчика туда и назад, с ожиданием, стоит межид—итак, благодаря Вашему нововедению мы обязаны тратить в год 52 межида лишних!!». Шмидт отвечала им, что большинство родителей вовсе не должны тратить денег на извозчика, так как школа лежит в православном квартале. На это отвечали: «Все равно неудобно. Извольте теперь, вместо того чтобы иметь воскресенье свободным, идти к детям!..».

Это не все. М-лле Шмидт, чтобы не держать детей (приходящих) весь день в школе, чтобы не отрывать их от семьи, чтобы, наконец, не переутомлять их, решила отпускать детей из школы несколько раньше прежнего, именно к 3 1/2 часам дня. Родители в негодовании пошли жаловаться самой попечительнице (Амелии Сюрсок), и та велела растянуть уроки до 4 1/2 часов. Мотивы: «Дети,

приходя домой рано, не дают покоя родителям; от них в доме крик, словно в бане, где воды не стало. У родителей, собственно, только и есть свободного времени, что между 3¹/₂ и 4¹/₂ час., — и вдруг надо возиться в это время с детьми!». А это правда: между 3¹/₂—4¹/₂ часами маманьки, набеленные и наруганные (здесь это обязательный обычай, как, впрочем, и у француженок), садятся у окон и перемигиваются с проходящими кавалерами. Присутствие детей в это время, конечно, неприятно.

Моя хозяйка по воскресеньям часто плачется: «Ах, хоть бы скорей понедельник! А то просто не знаю, куда деться от детей». Замечу, что она как не бейрутинка, а уроженка гор гораздо больше любит детей, чем другие.

Еще пример здешних понятий о педагогике. М-ше Шмидт согласно приказанию Палестинского общества вздумала ввести здесь обязательное преподавание русского языка. Большинство родителей стало резко заявлять, что это им не желательно; поддержку они нашли себе в самой м-ше Сюрсок и во всем арабском учительском персонале школы. М-ше Шмидт после борьбы увидела себя принужденной сделать русский язык необязательным предметом и попросила, чтобы каждый родитель дал заявление, желает или не желает он обучения своих детей русскому языку. Прислали родители письма. Выяснилось, что с пол каждого класса не должны учиться русскому языку. Приступили к занятиям по новой программе: но тут оказалось, что дети, не учащиеся русскому языку, будут один час в день оставаться без занятий и присмотра. Необходимо было взять для них еще одну учительницу—надзирательницу. Но учительнице надо было ведь платить деньги. Это показалось такой страшной вещью заправилам школы, что они обратились к м-ше Шмидт с просьбою—учить опять всех девочек русскому языку (NB: признанному за вредный), а родителям объявили, что русский язык делается опять обязательным. Как видишь, педагогика подчиняется грошовому интересу.

Ну, я теперь знаю, что за причина детского крика в семье Атай. Мальчик сегодня именинник, его не пустили в школу, его брат и сестра также почему-то избавились сегодня раньше от школы, и именинник на радостях вздумал их бить.

Это было сейчас после завтрака, и тогда, как я написал, ему досталось. В 2 часа он начал реветь, требуя у матери по случаю именин несколько медяков на лакомства. Ревел он с час. За это ему оборвали уши. Ревел он не так, как наши дети, а по-гортанному протягивая звук «айн», т. е. глубоко-гортанный. Надо полагать, что вечером его выпорют, так как его именины не дают ему покоя. Вероятно, в конце концов сам мальчик проклянет европейцев, которые ввели здесь обычай именин, раньше бывший неизвестным для арабов⁴².

7 февраля
[19 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Одна из русских учительниц изумительно поступает с арабским языком. Вместо того чтобы самой изучать арабское произношение, она заставляет детей усваивать исковерканное ее произношение. Например: дело шло вчера о слове «неряха». Спрашивает она у меня, как будет по-арабски это слово. Я говорю: «уэсха», а она записывает: «вэсхэ». Я говорю: «Над вашим произношением дети будут смеяться». На это она: «Прежде это могло быть, а не теперь. Теперь, если они вздумают меня поправлять, я прикрикиваю на них, и они умолкают. Зачем я стану в виде экзамена спрашивать, что значит русское слово „неряха“? Если кто мне ответит: „уэсха“, я ее поправлю и грозно скажу: „Не уэсха, а вэсхе“!». Оказывается, согласно этой педагогике это единственный способ спасти свой авторитет перед детьми. Если же дозволить детям поправлять учительницу, то, во-первых, они это делают с ужасным гамом, а во-вторых, — издеваются над произношением, от чего теряется дисциплина.

12 февраля
[24 февраля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Письмо это готовилось для Снмы, но так как завтра отходит русский пароход и так как у меня нет времени

сегодня приготовить что-нибудь для Звенигородки, то я просто беру это готовое письмо, предназначавшееся для Симы, и отсылаю тебе.

Папу прошу справиться в воинском присутствии о том, как мне быть с отбытием воинской повинности. 27 лет исполнится мне еще здесь, за границей, во время двухлетней казенной командировки, и, таким образом, я поневоле запоздаю с отбытием повинности. Что делать для избежания штрафа? А штраф за просрочку, кажется, сто-рублевый.

Ф.

40

М. Е. Крымской

4/16 февраля 1897 г.,
вторник, Бейрут

Дорогая Маша!

[...] О школах Палестинского общества могу сказать, что, по-видимому, в них нет положенного образовательного ценза для учительниц. Правда, все русские учительницы, которых я знаю (а я знаю их нескольких: здесь, в Бейруте, потом двух из Дамаска и всех из-под Иерусалима, так как с последними ехал на пароходе из России), — все они закончили курс женских гимназий. Но есть на службе Палестинского общества и много учительниц-арабов, которые все свое образование получили лишь в русских здешних школах. А школы здешние, не исключая и бейтжальской у Вифлеема, с программой неважной: дети учатся русскому языку (с кратким курсом словесности), закону божию, арифметике, истории, географии, пению, рукоделию и гимнастике; кроме того, педагогике и методике в последнем классе. В Бейрутском институте учат еще французскому языку, потому что институт Сюрсок в сущности независим от Палестинского общества; но в других школах Палестинского общества французский язык преследуется; надо полагать, что с будущего года будет он изгнан и в Бейруте, если Палестинское общество погрозит прекратить денежную поддержку институту Сюрсок.

Ввиду крайней неохоты всех русских долго служить здесь, я думаю, что тебе без труда удастся попасть сюда

на службу. Труднее всего попасть к Иерусалиму (в Бейт-жалу), так как там лучше всего живется в смысле гигиеническом. Дом школы с печами, прислуга русская и кухня русская; есть там и большое общество местных русских, а кроме того — всегда масса приезжающих из России. Начальница там (Тараканова), правда, очень строга и не лишена самодурства. Зато русскость искупает и ее. В Назарете, Дамаске, Бейруте, Хайфе и проч. не так, и все оттуда бегут, потому что чувствуют себя совсем одинокими; туда попасть совсем легко. В марте приедет сюда В. Н. Хитрово, секретарь Палестинского общества, и я постараюсь с ним увидеться и переговорить на твой счет. А то ты и сама можешь ему после марта написать. Объясни ему, что ты по диплому, пожалуй, не имеешь высокого ценза, но зато много училась дома, и лишь стечение обстоятельств не дало тебе возможности выдержать выпускной гимназический экзамен. Добавь далее, что ты недурно знаешь французский язык (скромничать тут не к месту, так как это лишь повредит), отчасти и немецкий, кроме того, музыку, так что могла бы преподавать пение (NB: пение — это вещь здесь очень важная). Напиши, что всем сердцем рвешься послужить в Палестине или Сирии православию и России и желала бы поступить на службу Палестинского общества. Прибавь, что просишь дать указания, какие науки ты должна еще добавочно изучить, чтобы иметь право поступить на службу Общества. Письмо лучше всего написать в искреннем, неофициальном тоне, так как Палестинское общество не приняло еще сухого, вполне официального характера.

Палестинское общество ведает не только школами, но и другими учреждениями — например, больницами. В случае желанья можно получить место и там, даже в самом Иерусалиме. Раз ты будешь принята, тотчас даны будут подъемные деньги 400 франков, т. е. 150 рублей. Каждые два года ты имеешь право приезжать в Россию на казенный счет (т. е. за 300 рублей) на июль, август и сентябрь.

В нынешнем году Палестинское общество приняло в свое ведение 13 школ на Ливане. Там уж полное одиночество, так как каждая из соответствующих деревень или сел — не менее чем в пяти часах езды от Бейрута.

Русской церкви, т. е. с славянским богослужебным языком, нет нигде, потому что греческое духовенство не

допускает этого. Только в прошлом году по случаю коронации султан помимо патриархов дал разрешение царю построить в Иерусалиме церковь Александра Невского с приделами. Это — первая, но и то греческое духовенство святого гроба добилось того, что в церкви Александра Невского служба не может совершаться в воскресенье, а только раз в неделю, в четверг. Все остальные православные церкви — с языком или греческим, или арабским. Те церкви, которые называются русскими (т. е. получают поддержку от русского правительства), допускают в табельные дни кое-что по-русски: Евангелие, Апостол, «Господи помилуй» и т. п. Говорят, что в Бейруте вскоре будет церковь с русским богослужением, так как в настоящую минуту старый бейрутский митрополит Гавриил (араб, не грек) склонен делать русским всякие уступки.

5 февраля
[17 февраля] 1897 г.

Теперь о себе. Сейчас у нас дождь, несмотря на полнолуние. Дождь не холодный, но все равно надоедливый, а для туземцев он страшнее, чем дождь январский, так как при нем иногда дует ветер, называемый «самавы» («небесный», т. е. не со стороны гор, а со стороны моря, где видно чистое небо)⁴³, и приносит насморки, простуды и лихорадки. Я тоже, переболевши сильной лихорадкой, побаиваюсь теперь ветра, сквозняков и т. п.

Природа представляет смешанное зрелище. Земля вся покрыта густой зеленой травой и коврами цветов, но деревья, напротив, почти все (кроме пальм, апельсинов, оливок и кипарисов) потеряли теперь свои листья и стоят желтые или голые, а новые листья еще не успели развиться. Миндаль уж отцветает, но листья у него едва распустились. Яблоки и абрикосы тоже едва распустили листья и почки. Фиги и шелковицы пустили по нескольку больших листьев, а сами голые. Настоящая весна, соответствующая нашему маю, придется лишь на конец февраля ст. ст. и начало марта.

Наиболее интересны теперь для глаз апельсины, помаранцы и лимоны. Они усыпаны плодами, которые провисят еще до марта, но в то же время покрыты и цветами, пахнущими на громаднейшем расстоянии.

Так как Бейрут — город шелководства, то в нем шел-

ковые фабрики (проще сказать: сараи) встречаются на каждом шагу. Теперь почему-то в особенности все заняты тканьем, и на каждой улице под каменными заборами вбит ряд кольев, на которых разматывают шелковые нитки и расправляют их после окраски. Шелковистый запах, замечательно приятный, наполняет поэтому воздух и смешивается с флердоранжем. [...]

Ф.

41

Е. С. Крымскому

19 февраля
[3 марта] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Письмо Ваше и Машино от 6 февраля ст. ст. я получил 17 февраля ст. ст. с русской почтой. Оказывается, что введено полезное нововведение в расписании российских пароходов, так что письмо Ваше, вышедшее из Одессы 8 февраля, а из Константинополя 11-го, пришло затем в Бейрут через 6 дней. Безусловно, теперь выгоднее посылать (сюда) письма с русской почтой (отсюда — не всегда удобно).

Прилагаемую в конверте книжную посылку передайте Маше для хранения. На все вопросы, которые она мне в последнем письме предложила, я дал ей уж ответы в одном из недавних писем. Добавлю разве еще: для поступления в учительницы Палестинского общества достаточно иметь свидетельство на звание домашней учительницы; это я узнал наверное.

Я целую неделю довольно скверно обедал. У Асмы, замужней дочери хозяйки, родился ребенок. А тут есть такой обычай, что в подобных случаях бабушка переселяется к дочери и ухаживает за нею и за новорожденным целую неделю; акушерка ж присутствует только при рождении и затем уходит. С одной стороны, этот обычай очень хорош, потому что бабушка всегда лучше будет обращаться с младенцем, чем совсем чужая женщина-повитуха. Но, с другой стороны, жаль теперь смотреть на мою хозяйку — так она измучилась. Обед в эти дни ва-

рили или ее муж (вообразайте себе, что это был за обед), или маленькая дочь. Только сегодня возвратилась хозяйка и водворила порядок в доме.

Становится в Бейруте очень жарко. Я, напуганный недавней лихорадкой, хожу в черном костюме, но, собственно, уж можно было бы надеть и чисто летний. По дождю, однако.

Миндаль отцвел. Зато весь город полон запаха апельсинов, померанцев и лимонов. Одновременно дерево и цветет и плодами покрыто. Из этих померанцевых или апельсиновых цветов варят здесь вкусное варенье, лучше розового. В Яффе в апельсиновых садах разводят пасеки, и нет меда выше апельсинового.

Масленица проходит здесь совершенно незаметно, тихо: пекут только пирожки с начинкой из толченых кедровых орехов с сахаром. Понедельник 1-й недели поста, которая у католицизированных маронитов уж и началась, называется «танейн эр-рахиб», т. е. «понедельник монаха»: стараются поймать на большой дороге какого-нибудь монаха (а если не встретят, то переодевают кого-нибудь за монаха), сажают верхом на осла и с триумфом возят по городу. Обычай этот означает, что наступил пост, монашеское царство.

Ваш Ф.

Получена ли «Киевская старина» за ноябрь и декабрь 1896? И есть ли в одной из этих книг обещанное приложение — «Малорусский словарь»?

42

Е. С. Крымскому

25 февраля
[9 марта] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Вчера, в первый день поста, я отправился вместе с другими посмотреть «танейн эр-рахиб», т. е. «понедельник монаха».

Почти весь Бейрут вышел в этот день за город, закрылись почти все магазины (около 3 час.), народ усыпал все холмы против Ливана; и все смотрели на мост в до-

лине на реке Бейрутинке, ожидая, не выйдет ли навстречу какой-нибудь монах из горных монастырей. Когда этого не случилось, нарядили одного человека в монашеское рубище с тысячею заплаток, а другого (мальчишку) обвязали вокруг зеленью, закутали ему ветками даже голову. Потом их посадили верхом на шею крепким людям и понесли в тысячелюдной процессии в город, с барабанами, бубнами, трещотками. Весь народ: и женщины, и старики, и все — кричали или напевали: «Жибна р-рахиб у жина мин бейн иль-гезар», т. е. «Мы принесли монаха и пришли с ним из-за зеленого тростника!». Принесли монаха и зеленого мальчишку на обширную площадь, заставили их уморительно плясать под ладоши, звуки бубнов и барабанов, после чего закричали: «Йа рахиб, рахиб хаббирна!» — «Монах, монах, извести нас о чем-нибудь!». Монах произнес им пожелание: «Кюлл сине вынту салмин», в котором желал всем дожить до этого же праздника в будущем году. И тут все кончилось. Народ разошелся по домам. Масса фотографов производила снимки.

Я здоров, но уже страдаю от жары. Пока сидишь в комнате, то ничего, но стоит выйти — словно из печки дышит. Но в горы еще ехать нельзя: там холодно.

А. К.

43

М. Е. Крымской

2 марта
[14 марта] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Я очень рад, что словари (Желехівський) получились из цензуры. Что касается «Киевской старины», то она с января приходит уж не в Звенигородку, а ко мне сюда. Ты мне, однако, не написала, есть ли при декабрьской или ноябрьской книге обещанное приложение — Словарь Науменка (2 листа). Насчет приготовлений к войне России с Турцией не верю⁴⁴. Россия ведь горячо поддерживает Турцию. Войска в Южной России вооружаются на случай войны с Грецией и ее покровительницей Англией. Значит, я могу преспокойно оставаться в Бейруте.

А если б когда-нибудь дошло до войны с Турцией, то я и не мог бы здесь оставаться при всем моем даже желании: немедленно консул приказал бы мне, во имя закона, сесть на русский пароход и меня (бесплатно, кстати) привезли бы сперва в какой-нибудь порт Австрии или Греции, а оттуда сухим путем доставили бы в Звенигородку. Делается это из опасения, чтобы кто-нибудь из русских подданных не попал в плен и чтобы не пришлось за него платить выкуп.

В прошлую турецкую войну кое-какие богомолки, решившиеся всегда жить в Иерусалиме и там умереть, должны были несколько дней прятаться, чтобы русские солдаты или кавасы не увезли бы их в Яффу и не усадили бы их на специально для этого прибывший пароход.

Гораздо хуже мне будет от христиан, если Россия серьезно примется за разгром Греции. В последнее время православные меня со всех сторон осыпают упреками за то, что Россия отдает критян во власть турков. Последние дни, пожалуй, все как-то понемногу успокоились; но в начале февраля я два раза подвергся нападению мальчишек. Когда я проходил, меня осыпали градом камней с криками: «Вот русский, бейте его!». Конечно, я мог бы немедленно обратиться к мусульманской полиции, но я предпочел не вооружать против себя христиан, с которыми ведь всегда придется иметь дело. Вместо того я прибег к помощи моих хороших знакомых, прося переговорить частно с жителями того места, где в меня бросали камнями. Все уладилось.

Негодование против России до того сильно, что институт Сюрсок «Бакурет эль-ихсан», наверное почти, не перейдет в ведение Палестинского общества. В другое время это удалось бы устроить, но теперь трудновато.

Ф.

44

М. Е. Крымской

16 марта
{28 марта} 1897-г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Хитрово уже приехал, но его осаждают такая толпа просителей, что мне нет никакого смысла толковать с

ним: он раздражен и, пожалуй, откажет. Да мне и не хочется выступать просителем перед ним. Поэтому лучше тебе самой написать к нему. [...]

Хорошо теперь здесь. Правда, между половиною двенадцатого и двумя часами жарко так, как у нас в июле, но в общем очень хорошо. Последние деревья, которые еще стояли голыми, т. е. шелковица и фиги, теперь распустились. От молоденьких фиговых листьев идет просто одуряющий запах, и долго нюхать — раздражает, но если постоять возле дерева минут пять, то это очень хорошо и приятно. Еще лучше запах молодых миртов: старые листья не осыпаются, но молодые все же вырастают. Цвети мирты будут лишь в марте. Появились свежие плоды на смену апельсинов, которые через месяц окончательно будут уж оборваны: эти плоды — аккидинья-мушмала́, род абрикосов или желтых слив, но гораздо нежнее и тех и других. Артишоки, которые появились еще в январе, стали теперь ничем, и мои хозяйка меня часто кормят ими.

Теперь пост. Я не пощусь, но вижу, что мои хозяйка едят почти то же, что я, только на оливковом масле, которое варят с тимьяном (род тмина), после чего оно становится чрезвычайно вкусно. Здешние постные блюда бывают, например, такие: зеленые бобы (вареные, конечно), салат с лимонами, шпинат, горячие лепешки на тминном оливковом масле, маслины, винные ягоды, виноградный мед-повидло, апельсины, рис и т. п. и т. п. Это почти то же, что и я ем, не постясь. Такой пост совсем легок.

Ф.

45

Е. С. Крымскому.

17 марта
[29 марта] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Прилагаю письмо и для Маши.

Получил Ваше письмо от 20 февраля лишь 14 марта. Причина задержки — морское волнение. Дождей нет, на дворе жарко, но море очень волнуется, и русский пароход

три дня не мог пристать к Яффе, чтобы забрать паломников. Русские паломники склонны были и век свой прожить в Иерусалиме, но консульство обыкновенно их гонит назад месяцев через шесть-семь пребывания, особенно если кто окажется совершенно общипан греческими монахами и готов идти в кабалу. Теперь, перед Пасхой, особенно часто наступает паломнический кризис, и в Яффе последний раз должны были быть усажены на корабль целые толпы богомольцев, так что пароход волею-неволей обязан был ждать, пока море у Яффы успокоится, и забрать пилигримов.

Насчет библиотеки я теперь ничего не пишу. Когда получите место, тогда и можно будет потолковать, какие книги желательно было бы оставить. [...]

Войска, которые должны выйти (а частью уж и вышли) из России, идут не на войну, а для «мирной блокады» греческих и критских берегов. В войне между Турцией и Грецией из-за Крита Россия придерживается все же нейтралитета, хоть и недовольна на Грецию. [...]

46

Е. С. Крымскому

21 марта
[2 апреля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Прежде всего поздравляю Вас и Машу с именинами. Тут, в Бейруте, жара хуже нашей июльской, и я днем боюсь просто выходить. Сегодня я пришел с почты (около 4-го часа) совсем мокрый. Жители, впрочем, говорят, что теперь, собственно, наступила умеренная пора, а жаркая пора будет лишь тогда, когда вода перестанет утолять жажду, так как «будет кипеть в кружке» («бтигли ль-май фи ль-куз») ⁴⁵, а ночью нельзя будет от жары спать. Теперь же, действительно, воду пьют еще без льда, ночи несколько свежие, а вечера (часов около пяти) так прекрасны, что лучше и желать нельзя. Замечу, что те самые каменные полы, которые меня приводили в такое негодование поздней осенью, теперь я считаю чистым благодеянием: даже в полдень в комнате не жарко. [...]

Ваш Ф.

Р. С. Я почти пощусь. Мяса не хочу есть, потому что жарко, и оттого у меня бывает, например, такое меню, как сегодня: обед — шпинат с рисом, хлеб с виноградным медом-повидлом и апельсины; ужин — рисовая похлебка (правда, с мясным наваром), аккум (род дикой спаржи) и апельсины. Утром пью чашку кофе с молоком.

47

Е. С. Крымскому

26 марта
[7 апреля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

В моей библиотеке (кажется, в том шкафу, который стоит налево у входа, на верхних двух полках) есть две очень мне теперь нужные книги: 1) А. Kremer, *Geschichte der herrschenden Ideen des Islams* [Leipzig, 1868]. Корешок не кожаный, надпись сделана буквами серебряными: Kremer. Islam; 2) Иоганн Гаури, *Ислам в его влиянии на жизнь его последователей* (та, на которую я писал рецензию). Переплет не с кожаным корешком, надпись золотая: Гаури. Исламъ.

Обе книжки мне очень (хоть совсем ненадолго) нужны, потому что я, к счастью, получил заказ из Москвы на одну статейку об исламе. Перешлите их, пожалуйста. [...] Прочая требующаяся мне литература у меня имеется и тут.

Ваш Ф.

48

Е. Е. Крымскому

7 апреля
[19 апреля] 1897 г.,
Бейрут

[...] Живу я здесь в общем очень и очень недурно. Организм мой вполне привык к Сирии; питаюсь тем, чем питаются и все (т. е. плодами и растениями), и никакого

недостатка не ощущаю, а климат, хоть и жаркий, и по-давно хорош. Наблюдений делаешь множество: и над природой, и над людьми. Каждое воскресенье, а иногда и в будень (между 5—7 часами) я вместе с учительницами института и общими знакомыми, американскими студентами⁴⁶ (Иск. Халяби, Ильясом Савабини) делаем большую прогулку по горам, которые теперь тонут в роскошной зелени, и мне кажется, что я уж вовеки не забуду этих прекрасных прогулок. Как часто мне хотелось бы, чтобы и вы были тут поблизости и чтоб мы могли пробираться вместе, например, среди персиковых бустанов, или масличных лесов, или роскошных лугов, на которых растут гордые пальмы. Шелковица, винные ягоды, миндали, перечные деревья, эвкалипт, хина и т. п. (ну, разумеется, и кедры, и теребинты) — все это чередуется перед нами, составляет изумительную картину, и она становится еще лучше, когда вдруг из-за зелени блеснет голубое море вдали.

А цветы на лужайках! То, что у нас в России выводится в оранжереях, здесь обильно растет в диком виде; и мне не раз удавалось нарвать такие изумительные букеты, что просто глаз оторвать нельзя. Досадно бывает лишь, что жарко. [...]

И к людям здешним привык. Конечно, все здесь в Бейруте—торгаши, крупные или лавочники, и потому в сущности достаточные плуты, но многие из этих плутов очень умны и милы, и я с ними живу прекрасно. Порядочных, интеллигентных есть тоже достаточно. За Крит меня побили было камнями уличники два раза (такая ненависть вспыхнула было против России), но затем мои знакомые уладили все дело, и никто из православных не трогает меня теперь.

О чуме тут положительно никто не заботится, и если б я не читал русских газет (ради известий о греко-турецкой войне беру у кн. Гагарина), то и я также не думал бы о чуме ничего. Да и не беспокоюсь: когда-то она еще придет! Вот теперь по ночам опять режут христиан — это всякому во сто раз страшнее чумы. Даже и я, хоть европеец, начинаю уж избегать выходов на улицу ночью: до того заразительно действует всеобщая паника.

Просьбы к тебе следующие:

1) Сообщи мне, сколько столбцов в моей статье «Мохаммед» в «Энциклопедическом словаре». Мне очень хо-

чется знать, сильно ли ее урезали, или нет. Гонорар за нее получен мною изрядный.

2) Прислали ли тебе вырезки этой статьи? Ах, я догадываюсь, что нет! Если ж, паче чаяния,— да, то пришли мне несколько штук.

3) Сообщи мне, какие твои дальнейшие планы на лето. Между прочим, это мне нужно знать и для того, чтобы дать редакции «Энциклопедического словаря» чей-нибудь адрес для доставки томов и денег на будущий год, а прежде всего на нынешнее лето. Мне кажется, лучше всего будет дать адрес на имя Всев. Миллера, если ты не будешь жить в Москве. Но и помимо этого вопроса мне очень интересно знать твои планы по окончании университета.

4) О слове «ищи» (вм. «ище» или «еще»). Мне очень нужна фраза, в которой встречается это слово (без этой справки не могу пустить статьи в свет). Напечатано оно в книжке П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», том II, СПб., 1893 г., страница 474, строка, кажется, 22-я. Помоему, эта книга «Материалов» — оттиск из академического «Сборника Отделения русского языка и словесности»; вероятно, это один из пятидесяти томов. Если возьмешь любой том «Сборника» (а он продается у Глазунова и, должно быть, у Карбасникова), то в начале каждого тома находится оглавление всех предыдущих вышедших томов и, таким образом, легко отыскать нужный мне том. В университете также не может не быть этого издания; в Румянцевском музее или в Историческом — также.

Сообщение Никольского в Археологическом обществе об ассирийских цилиндрах кн. Гагарина поразило меня неприятно. Бестактность. Цилиндры эти князь выслал в Москву по моему настоянию, и я дал обещание, что текст их не будет опубликован, пока цилиндры не будут куплены. Оказывается, Никольский нарушил условие. А причина его желанья сообщить что-нибудь поинтереснее в Обществе — его удаление от секретарства Восточной комиссии. Теперь секретарь — Халатьянц, и Никольский пользуется всяким случаем делать свои восточные сообщения не в Восточной комиссии общества, а в самом Археологическом обществе. Он воображает, что без него дела Восточной комиссии пойдут совсем плохо. Арабская пословица говорит: «Умер Мохаммед, а община его ведь

не распалась». Тем более не распадется комиссия с удалением из нее цензора⁴⁷.

Посылаю цветки пальмы мужской. Целое соцветие — это громадная гроздь длиною в пол-аршина, шириною в четверть.

Женский цветок еще больше по величине, но сорвать мне не удалось его, потому что пальмы высоки, а хозяин не пожелал портить плодного цветка.

Поклон Марусе и Боре.

Ф.

49

Е. С. Крымскому

9 апреля
[21 апреля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Недавно умер наш сосед Шагури, православный, и я видел арабские городские похороны. В городе они теперь много упрощены. Старомодных плакальщиц, которые явились было предложить свои услуги родным покойника, прогнали, потому что семья цивилизованная. Обыкновенно же плакальщицы («навахат») воют несколько дней, рвут на себе одежду, растрепывают волосы и т. п. Когда мне сказали, что у Шагури «махалль», т. е. траурное сборище, я зашел туда сделать визит родным покойника: не то на меня они обиделись бы. Я там застал человек около трехсот. Женщины (их больше всего) сосредоточились в одной комнате дома, мужчины в другой, а постель была поставлена в третьей, смежной. Всякий гость обязан идти к мужчинам, а гостья — к женщинам и произнести: «Йо'аввид бы саямыткон!» (Да вознаградит это бог вашим долголетием!). На это приветствие дети покойника молча встают с места, но не поднимают глаз, затем опять немо садятся на места и имеют вид приговоренных к казни: глаза опущены в землю или совсем закрыты, голова свисла, спина сторбилась, туловище равномерно, но очень медленно покачивается. Минуты через три все они (дети-сыновья) встают и идут, всхлипывая, в комнату умершего; одновременно из женской половины идут в ту же комнату дочери и невестки. Внезапно

раздается ужасный пронзительный вопль, плач, стоны; все дети, как сыновья, так и дочери, припадают к покойнику и рыдают или истерически кричат-вопят. Тогда новопришедшие гости и кто-нибудь из прежде пришедших отрывают их от этого, уводят в другие комнаты и сажают на прежние места, на которых те впредь до новых гостей продолжают в молчании опять сидеть как осужденные на смерть. Зрелище прямо потрясающее, и признаюсь, что их угрюмое гробовое молчание действовало на меня хуже, чем их вопль-плач у тела. Уйти осиротевшим каждому в свою комнату, уединиться для тоски и не видеть людей нельзя: все скажут, что сын не любил отца. Между тем мне дети жаловались потом, что им именно хотелось тогда уйти от людских взоров и что процедура официального безмолвно-понуренного сидения под устремленными людскими взорами и чередование официальных воплей прямо оскорбляет чувство. Все вопившие получили европейское воспитание в школе иезуитов*.

Особенно сильно кричали невестки. Мне объяснили это так: если родные дети покойника и не сильно будут рыдать, то все-таки всякий знает, что им тяжело. А невестка — человек чуждой: если она не станет рыдать сильнее всех, то зрители скажут, что она не любила свекра. Суждения о степени грусти того или другого дают затем соседям материал для разговора на целую неделю.

Церемония посещения знакомыми родных покойников называется «те'зие», т. е. «утешение», потому что предполагается, что дети покойника вечно рыдают над трупом до отчаяния и что гости являются их утешить, отгаскивать от мертвеца, отводить на место. На самом же деле выходит иначе: не будь визитеров, дети плакали бы меньше, а как придет визитер, то и приходится совер-

* Но мой учитель новарабской практики Нажиб Трад, тоже иезуитский воспитанник, сказал мне: «Нет, это молчание на людях вполне удобная условность. Я не должен был у тела отца тратить нервы на беседу с приходившими, не должен был отвечать пошлыми словами на пошлые утешения, а уткнул голову в грудь и отдавался своим невеселым мыслям, совершенно забывши о присутствующих. Встанешь, повопишь у тела — и опять сядишь на место, молчи и думай о своих делах, хотя бы и о том, как поддержать осиротевших младших братьев и сестер».

шить перед ним церемонию вопля. Чтобы сократить, делают так, что ждут, пока наберется новых гостей-утешителей человек пять-шесть, — и тогда уж встают и идут вопить-плакать. Как бы ни было, вопить приходится не менее ста раз, а если покойник имел много знакомых, в том числе и деловых (так как все обязаны сделать «те'зне»), то приходится вопить раз шестьсот. После похорон все дети совершенно хрипнут и не имеют голоса.

Как Восток сковал себя обрядностями!

Хорошо еще, что многие семьи решились уже вывести обычай нанимать плачѐй. Но это новшество дозволено лишь в таком большом и европейском городе, как Бейрут, а в селах все идет по-старому.

Счастливой пасхи всем желаю!

Ф.

50

Е. С. Крымскому

10 апреля
[22 апреля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Кончается пост. Начинается неделя всяких обрядовых представлений (страстная). В Иерусалиме теперь торжество на торжестве, но и в Бейруте немало всяких торжеств. Прошлую неделю у католиков было замечательное омовение ног. Православные тоже соблюдают разные обряды. В это вербное воскресенье (не в субботу, как у нас) раздавались в церкви вайи. Попам дают вайи пальмовые, мирянам (кроме более важных) просто масличные. Впрочем, большинство людей принесло с собою в церковь собственные ветки из пальм. Ветка роскошно украшается лентами, листья переплетаются друг с другом в виде узоров, и ветка обматывается вокруг свечки, которую держат во время литургии; или же свечка вставляется в ветку. Обедня имеет вид замечательно торжественный, и еще лучше — смотреть выход народа из церкви с вайями в руках. Однако и без печальных курьезов не обходится дело. Полагается в этот день (в вербное воскресенье, по-нашему) выпустить на волю пару птичек. Эти птички, связанные за ноги, также привязываются к

свечке, и висят вниз головой в продолжение целой службы. Некоторые из них подстрелены, а не пойманы, и потому с них каплет кровь. Многие из птиц, когда их выпустят после обедни на волю, не имеют силы летать и падают на землю. Другие же, прежде чем улетят, долго бьются крыльями о потолок церкви. Гам невообразимый⁴⁸.

На будущий год, если бы мне удалось собрать червонцев пять лишних, я бы поехал на страстную в Иерусалим. Там страстная замечательна. [...]

51

Е. С. Крымскому

10 апреля
[22 апреля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Теперь здесь просто рай. Жгучий ветер («шлук», у египтян — «хамсин») прекратился, и погода совершенно такая, как у нас во второй половине июня, в Петровку (в Петров день). Стоит посмотреть с любого пригорка или с балкона — Бейрут тонет в зелени садов, лугов, полей. Наиболее нежные деревья теперь цветут, а на других уж висят плоды (народ обжирается незрелым зеленым миндалем, вместе с еще зеленой кожурой, но, по моему, это невкусно). А к западу, за городом, лежит полоса сыпучего песку (версты две будет) и прекрасно оттеняет зелень и плодородие всего остального пространства. На фоне окружающей зелени и моря эта песочная площадь замечательно красива. Она холмиста и напоминает пустыню настоящую. Боятся, однако, что она, разрастаясь и продвигаясь, засыплет Бейрут.

Обыкновенно в апреле Сирия полна путешественников, которые приезжают любоваться на сирийскую весну. Но в этом году никого нет. Все туристы охвачены страхом, никто не приезжает. Главная, как говорят, причина страха — не война и не чума, а новый губернатор Бейрута Назим-бей: тот самый, который устроил резню армян в горной Армении и осенью в Константинополе. Действительно, с его прибытием сюда началась эра ноч-

ных убийств. Однако, по-моему, европейцы могли бы ничего не бояться. Русским подданным в особенности бояться мусульман нечего, и поэтому я Вас могу совершенно успокоить на свой счет. Вот разве, как знаете, уже христиане могут иногда камнем полотчевать за Грецию; но и того я теперь не боюсь, так как мои знакомые уж постарались умиротворить всякие возможные проявления вражды против меня, резонно указывая, что я не должен отвечать за поступки дипломатии и что я к тому же очень люблю Сирию и православных арабов. [...]

52

М. Е. Крымской

10 апреля
[22 апреля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Исполни следующие мои просьбы:

1) Поищи в моей шкатулке кусок книжечки такой же печати, как та, которую прилагаю. Начинается тот кусочек страницей 81-ою и служит продолжением посылаемого мною, но я не знаю, на какой странице он кончается. Мне кажется, на стр. 160-й, но очень вероятно, что память меня обманывает. Справься поэтому и поскорее извести.

2) В той же шкатулке нужно отыскать (где-то на дне) печатную квитанцию, по которой я могу получить второй том «Палеи Коломенской», издающейся в Москве. На печатной квитанции вписано мое имя чернилом.

3) В моей библиотеке, в самом маленьком шкафу, отыщи малорусский перевод «Гомерова Одиссея». Она переплетена в лиловый темный переплет, корешок не кожаный, надписи на корешке нет, так что придется смотреть все книги, пока найдется настоящая. В середину этой переплетенной книжки вложено несколько переплетенных листов второй части «Одиссеи». Напиши именно, какие есть листы на второй части: сколько их и от какой страницы до какой.

Хитрово не уехал еще из Сирии и уедет не скоро. Когда уедет, напишу. У князей Гагариных я встречался и с ним, и с его супругою, но имею основания думать, что моя

особа не совсем им понравилась. В свою очередь, и мне не очень понравился этот мухомор.

Он кн. Гагарину высказал свое недовольство на русских учительниц школы «Бакурет эль-исхан». Они, кроме А. М. Зайцевой, не хотят больше служить в Палестинском обществе и по окончании учебного года уедут в Россию совсем.

Ф.

53

Е. Е. Крымскому

24 апреля
[6 мая] 1897 г.,
Бейрут

Письмо мое застанет тебя, вероятно, в разгаре выпускных экзаменов. Желаю всяких успехов. [...]

Маша пишет мне письма, в которых высказывает самое сильное желание поступить на службу Палестинского общества. Виноват в этом я.

Пришел сегодня ко мне один араб-учитель, воспитанник Назаретского русского пансиона, Иса Дауд. Юноша замечательно симпатичный. Он учитель в горном селе Сук эль-Гарб под Бейрутом. Знает русский язык, перечитал все, что нашел здесь русского, но это его не удовлетворяет. В селе у него времени много, и он хочет выучить французский язык, чтобы иметь возможность не остаться без чтения (ведь здесь, в Сирии, почти нет русских книг). Я ему обещал выписать Оллендорфа и теперь вот обращаюсь к тебе с новой просьбой. Купи или у букинистов, или в магазине французский учебник Оллендорфа для русских, с ключом. [...]

Марусе: любительница ли она всяких святынь вроде кипарисных и масличных крестов, перламутровых иконок и т. п.? Хочу съездить в Иерусалим, и заранее нужно знать, запастись ли святынями или нет. [...]

Ф.

М. Е. Крымской

26 апреля
[8 мая] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Прежде всего насчет писем от меня с частями книг. Не сообщай, что именно получено в каждом письме: это и долго, и я сам мало могу что сообразить. Вместо того сообщай мне номер письма (заказного), и я тогда буду вполне все знать. Прибавляй только всегда название почты, например: «австрийская № 37», «русская № 50» и т. п. Теперь о Хитрово. Не уничтожай в своем письме к нему упоминания о немецком языке: упомянуть о нем нужно только для того, чтобы Палестинскому обществу известна была степень твоего образования, а применять здесь немецкий язык никогда не придется: в школах нигде не учат, никто по-немецки не говорит, и даже на австрийской почте только один чиновник знает этот язык, а остальные нет (остальные говорят по-итальянски и по-французски). Проверять твои знания в немецком языке, которые ты считаешь невысокими, никому и в голову не придет. Насчет же пения ты неясно себе представляешь дело. Детей-арабчиков учить пению нужно не в том смысле, чтобы они умели читать ноты, считать такт и т. п. Вовсе нет. Надо только играть тебе на фортепиано (можно даже одной рукою) церковные песни вроде «Отче наш», далее «Боже, царя храни» и некоторые детские песни вроде «Ах ты, воля», а дети должны по слуху подтягивать за тобою. Здешняя учительница пения (их полагалось бы две, но одной нет уже) музыки вовсе не знает, едва-едва разбирает ноты одним пальцем и учит детей просто голосом. [...] Уехавшая учительница умела хорошо играть на фортепиано, но преподавать пение не умела, а просто учила детей по слуху. Хитрово очень остался доволен детским пением под дирижерством той учительницы (А. М. Зайцевой), что осталась. Как видишь, это дело легчайшее. Посылай прошение (т. е. письмо) теперь же. Хитрово едет, правда, не в Россию, а сперва в Италию, но письмо твое будет прочитано теперь же. В учительницах большой недостаток.

Насчет сказок собрания Дыминского скажу, что желательнее было иметь их переписанными, когда можно. У меня, кроме сказок, нашлось бы и еще кое-что для переписки. Но если ты теперь писать не можешь, то оставь. А искать другого переписчика мне незачем. Мне удобнее всего было бы, чтобы переписывала именно ты (я твою руку легко читаю), а раз этого нельзя теперь сделать, то незачем теперь же искать другого переписчика: приеду — тогда и найду.

Ф.

55

Е. С. Крымскому

27 апреля
[9 мая] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Получил Ваше заказное письмо, писанное перед Вашим выездом, но бандероли с книжками еще не пришли. Вероятно, придут позже письма (что бывает), так как нельзя же предположить, чтобы они, рекомендованные, пропали. Из-за критских дел пароходы русские опаздывают на день, потому что теперь и Крит включен в их линию, но почта из-за этого опаздывает сюда не на день, а на целую неделю: пароход с пароходом в Александрии не встречается. [...]

Против европейцев здесь сильнейшее негодование из-за греческого вопроса. Но меня, слава богу, никто уж не трогает, так как уж со мною знаком (лично), безусловно, весь квартал Рмейль и чуть ли не весь остальной Бейрут.

Жара ужасная, но такая здоровая, целительная, что неприятности не причиняет. Трава еще не сожжена солнцем, и горы все еще зелены. Очень красиво наблюдать переливы: темно-зеленые кедровые леса (которые издали кажутся низенькою травой), посветлее — луга и поля, и наконец — светло-светло-зеленые плантации тутов.

Ф.

Е. Е. Крымскому

29 апреля
[11 мая] 1897 г.,
Бейрут

[...] Скажу о своих впечатлениях. Когда обносят плащаницу вокруг церкви, то мусульманские женщины, желающие избавиться от неплодия, проскальзывают под плащаницей и выныряют с другой стороны.

Праздники св. Георгия одинаково чтятся и мусульманами. Прежде все ходили к прибрежному камню, возле которого Георгий убил змея⁴⁹, но в прошлом, 1896 г. (в ноябре) хозяин земли построил там постройку и вмуровал камень куда-то в фундамент.

Арабские церемонии бывают невыносимы. При встрече нужно до пяти раз спрашивать о здоровье («как твоё здоровье?»; «как твоё состояние?»; «как твоё довольство?» и т. д.), а также о здоровье родственников. Одного очень милого студента иезуитов все называют невежей, потому что он не спрашивает о здоровье. «К чему же школа, если она его не научила быть человеком?». Американские студенты перед окончанием курса начинают делаться крайне вежливыми (хотя на первых курсах держатся просто) — «не то, — говорят мне, — пациентов не будет» (слова Искандара эль-Халеби). Эти церемонии иногда — чистая мука, особенно когда человек нервен или пришел по делу и спешит: ему к спеху, а заговорить о деле нельзя, пока пять минут не пройдет в комплиментах (теклифат).

Ф.

Е. С. Крымскому

29 апреля
[11 мая] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Мурахинское описание Бейрута едва ли верно. Кто она — эта Мурахина? Друзы и не думали быть христиа-

нами. Что народ это симпатичный, правда. [...] Пещеры и надписи (клинообразные)⁵⁰, о которых Вы пишете, по Мурахиной, действительно существуют под Бейрутом, но сравнительно далеко: часа два езды на лошади, и я покамест ни разу еще там не был, хотя, разумеется, побываю там не раз. Я, к сожалению, и во многих других замечательных местах еще не был. Очень хочется побывать в Иерусалиме и в Дамаске, но беда, что поездки эти убыточны. Сверх дороги предвидятся другие расходы, например в Иерусалиме всегда все покупают изделия вифлеемцев из маслины, кипариса, перламутровые иконы и т. п.; бывая в Дамаске, трудно не купить замечательные серебряные изделия; поэтому, во избежание соблазна, все откладываю свою поездку в эти города. Быть может, когда все учительницы разъедутся, у меня несколько ослабеет охота поскорее ехать в эти города, а теперь иногда зависть берет просто даже, когда поглядишь на их художественные покупки, иерусалимские или дамасские. Конечно, много есть других причин, тянущих меня в те места, и я там побываю.

Все здесь созревает. Ягодные плоды (что-то вроде наших черешен по вкусу, но совсем иной формы и цвета, скорее типа круглых мелких слив и т. п.) уж созрели. Персики и абрикосы вот-вот будут готовы. Из овощей теперь в большом ходу артишоки, гарбузики-кабачки, огурцы (которые всеми предпочитают апельсинам, и только я держусь своих апельсинов), зеленая фасоль, сахарный горох и т. п. Я только этим и питаюсь, а от мяса совсем отказываюсь. Жара на солнце переходит за сорок градусов, но в домах хорошо (скверно только, что плесени везде много: все кожаное плеснеет). Да я и вообще к жаре привык, и несколько раз выходил на почту ровно в полдень, под зонтиком, конечно. Жители изумляются и грозят мне, непривычному, солнечным ударом: они воображают, что в России вечно лед, и не догадываются, что звенигородская июльская жара ничем не хуже нынешней бейрутской.

Ф.

Е. С. Крымскому

2 мая
[14 мая] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Высланные Вами книги получил третьего дня. Очень Вам благодарен. Я теперь из-за заданной мне статьи об исламе и его будущности бегаю, как муха «в окропе». Мне предоставлен доступ в библиотеку Американского университета, и я туда частенько хожу: туда от меня $\frac{3}{4}$ часа быстрой ходьбы, да и назад столько же. Выхожу из дому в половине 8-го утра, но солнце уже жжет.

Князь и княгиня Гагарины едут через неделю в горы, где попрохладнее, чем на побережье. Я же подожду до половины июля, чтобы ехать вместе с семьей моего хозяина Атаи. Полагаю, что не сварюсь до этого времени.

Сегодня у мусульман байрам, разговены, пушки стреляют. На площади поставлено несколько лодок, прикрепленных на возах. Мальчишки и завешенные женщины (отчасти и взрослые мужчины) взбираются в лодки, после чего лодки двигаются (парою лошадей каждая) при крике всего народа, который любит зрелище. Лодки убраны флагами и сами раскрашены в пестрые, яркие цвета. Пока лодки едут вокруг площади, бьют барабаны. На площади, как водится, устроен целый базар: продаются всякие лакомства, сласти, лимонад, сахлеб (смесь миндального молока с какой-то густоватой гадостью, кажется жирной, и с кусочками волошских орехов) и т. п.

Ф.

Е. Е. Крымскому

7 мая
[19 мая] 1897 г.,
Бейрут

Спасибо за справку об «ищи». Янчука я просил сделать ее для меня еще в декабре. Интересно бы знать, как

он отыскал тебя. Или ты с ним встретился в Румянцевском музее?

Посылаю тебе кусок Клоустона⁵⁴ дальше. Сверх с тем, что у тебя есть: все ли получено. У меня остаются здесь стр. 119—122, 129 — до конца. Пришлю до твоего выезда из Москвы. А я на лето уеду в горы. Уж и теперь жара адская, но я остаюсь здесь до 2 июля ст. ст., пока не разъедутся русские учительницы института Сюрсок. Не то я бы и сейчас скрылся в горы. В конце июля, в августе и начале сентября вода в кувшинах и бочках делается как кипяток (так утверждает арабская поговорка) и нельзя пить без льда (в Бейруте есть фабрики льда); свечи в это время тают, сургуч делается жидкостью. Ужас. А теперь покамест все же под вечер сносно. Абрикосы уж давненько спели. Поехал бы я на лето в Звенигородку, но, во-первых, произойдут паспортные затруднения; во-вторых, это дорого (200 рублей кредитных туда и назад), и, в-третьих, я, пожалуй, боюсь, что не успею сделать всего положенного мне командировочной программой. [...]

Что такое газели, я только теперь оценил. Их здесь много: их ловят и легко приручают. Красота такая, что и представить трудно. Недалеко от моря есть лужок, где они пасутся (привязанные, конечно), я стою по полчаса и не отрываю глаз от них, так же как проходящие — от меня.

Сообщение М. С. Щекина⁵² насчет князя Гагарина неверно. В Бухаре он был секретарем только политического агентства, а здесь — генерального консульства. Понятно, что второе учреждение гораздо выше первого, а не ниже. А впрочем...

Кланяюсь низенько Марусе, целую Бобку.

Фаня.

60

Е. С. Крымскому

22 мая
[3 июня] 1897 г.

Дорогой папа!

[...] Жара тут хуже нашей июльской, но я еще креплюсь. Часов в шесть вечера еще можно идти на прогулку,

и это меня поддерживает. Когда же наступит такой зной, что ни вечером, ни ночью не будет прохлады, то придется уехать в горы. И теперь уже рабочие не имеют на себе ничего, кроме передника (мейзар, или вазра), и никто из проходящих дам не приходит от этого в смущение.

Пища моя — фасоля зеленая (вареная, конечно), рис и абрикосы. Хлеба не ем, а мясо тем более. Кроме вышеназванной пищи, ничто в рот не идет. (Крестьяне же питаются только хлебом и маслинами, да иногда еще плодами.) Зимой я ел три раза в день: утром — кофе, в полдень — обед, вечером — ужин. Теперь иногда и от утреннего кофе отказываюсь (чувствуется сытость от вчерашнего ужина).

Ф.

61

Е. Е. Крымскому

23 мая
[4 июня] 1897 г.,
Бейрут

Оллендорфа получил, спасибо тебе. К сожалению, он не достался тому арабу, для которого предназначался: учительница института Сюрсок — арабка Марьям Оде — выпросила книжку у меня, потому что и ей захотелось учиться французскому языку. Придется осенью выписать для Исы Дауда (того сук-эль-гарбского) другую книжку.

Я тебе послал в Москву кроме Клоустона еще и Шерра, в конверте, конечно. Все ли ты получил. Извести [...]

62

Е. С. Крымскому

Май 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

В апрельской книжке «Недели» помещена статья «Гомер Востока» Ч. Мостович⁵³. Мне кажется, речь идет о Фирдоуси. Если это так, то, пожалуйста, отложите эту статью для меня (передайте Маше): мне она в таком слу-

чае очень нужна, а если в Вашем библиотечном экземпляре «Недели» будет недоставать этой одной статьи, то ведь потеря для читателей звенигородских небольшая. Известите меня, как Вы сделаете. [...]

Ф.

63

М. Е. Крымской

28 мая
[9 июня] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

На твой вопрос о фортепиано отвечу, что оно есть во всякой школе Палестинского общества. Уроки пения — не единственные: каждая учительница должна, сверх того, учить детей русскому языку (причем сама невольно учится от детей арабскому). Ответа на свое письмо к Хитрово не жди раньше конца августа, а то и сентября: у нас в России все очень медленно делается, а в Палестинском обществе в особенности.

[...] Пишу вечером (в 10 часов), обливаясь потом. Сегодня и туземцы жалуются на жару. Все-таки, по-моему, терпеть ее можно, и я с отвагой гляжу вперед. Абрикосы отходят, вместо них наступают арбузы и сливы. Я очень опечалился сегодня, узнавши, что абрикосам осталось еще быть неделю-полторы (я ими, собственно, питаюсь), но меня утешили, сказавши, что тогда будут привозиться абрикосы из Дамаска, где они в силу более холодного климата созревают месяцем позже, т. е. лишь к концу мая.

От жары расцвели наконец чисто тропические цветы: их очень много, и они очень красивы, но я, к сожалению, знаю их названия только по-арабски. Многие из них растут в виде деревьев. Кроме того, давно держатся и не отцветают колоссальные олеандры, играющие тут роль наших прибрежных верб. Все это режет глаза, но зато земля уже почти голая: трава почти вся сгорела от солнца и осталась только возле рек, ручьев и каналов или в тени. Чтобы наслаждаться зеленой травой, надо идти гулять на Ливан. Вчера я и учительницы отправились

в шесть часов вечера в лес под Ливаном. Понятно, через четверть часа ходьбы на нас не осталось ни нитки сухой; но все же прогулка была очень приятна, особенно когда мы при свете луны уселись на пригорке и смотрели на море и Бейрут [...].

Ф.

64

Е. Е. Крымскому

1/13 июня 1897 г.,
Бейрут

В городе бешеная собака искусила около двадцати других. Вали (по совету, впрочем, христианина Трада) велел отравить всех собак в городе. Большинство их около тут же и было вывезено к морю, но очень много убежало и издохло на улицах. Часть собак спасли мусульманки в своих гаремах. Вот уж целых три дня везде натыкаешься на падаль или на издыхающих собак, издыхающих в агонии. Поэтому появилось много шакалов, которые до сих пор водились только в горах, по селам или у сел. Лучшие виды испорчены: кому пойдет в голову любоваться спокойно самым красивым побережьем или долиной, если поблизости чувствуется вонь разлагающегося собачьего мяса.

Одна из бешеных собак укусила также корову и четырех баранов у мясников. Мясники, чтоб не потерпеть убытку, приказали отвести искусанных животных на бойню. Там их убили, мясо было смешано с мясом здоровых животных и роздано по мелким мясным. Случайно кто-то об этом узнал, и по городу вмиг разнесся слух. Так как нельзя было узнать, какое мясо от здоровых животных, а какое нет, то три дня никто не покупал никакого мяса. Мясники с горя продавали мясо по $1/2$ коп. фунт, но и то никто почти не покупал. Так оно сгнило. [...]

2/14 июня 1897 г.

Сейчас около нас прошли богатые похороны из дома Бюстрос, направляясь к кладбищу св. Димитрия. Странное впечатление: все диаконы и священники идут под

зонтиками, все сопровождающие тоже. Шляпы и фески не снимаются.

Был вечер в училище «Бакурет эль-ихсан», т. е. в институте под патронатом Сюрсок, под главным управлением Лябибы Жахшан. Этот институт едва-едва не перешел в Палестинское общество. Начался вечер турецким гимном, генерал-губернатор не встал, и никто поэтому не встал. Затем запели русский гимн. Все русские поднялись с мест, генерал-губернатор (по примеру консула) поднялся тоже, а за ним и вся публика. Об этом скандале толкуют в городе уж три дня. Сидевший подле меня переводчик генерал-губернатора (турка) ужасно негодовал и видел во всем этом русскую интригу. Вероятно, науськает своего начальника. Публика отнеслась к возвеличению царя очень холодно, потому что русских теперь из-за греческого вопроса здесь ненавидят все христиане. Но песни русские («Боже, царя храни» и «Слався») очень понравились, и все уверяли, что это ведь арабские мелодии. Одна из стипендиаток-учениц, Роза Саиг, прочитала на вечере длинную речь, полную благодарности госпоже Сюрсок и Лябибе Жахшан (основательницам института). Речь была составлена ими же и содержала самые униженные восхваления их доброты. Обе, слушая себя же, сияли, и Сюрсок стала даже переводить князю Гагарину эту речь по-французски, не подозревая, какое впечатление должна она произвести на европейца. Игралась и комедия: нравоучительная, конца прошлого века — изумительная плоскость, плоче клопа. Хороши в ней были только французские арии, но публика их не могла оценить, скучала. Когда рыбачки вытянули с пением сеть с рыбками, тогда сразу раздались аплодисменты, прерывающие пение. [...]

Что за жара — ужас! Но так как меня все уверяют, что это лишь начало, то я переношу терпеливо и, вероятно, даже не замечу наступления наибольшей степени зноя. Почти везде, кроме орошаемых мест, вместо травы растет сухое сено. Единственная отрада, что ночи еще не горячи.

Ф.

Е. Е. Крымскому

16 июня
[28 июня] 1897 г.,
воскресенье, Бейрут

Сегодня иезуиты давали ученическое представление: давали днем, так как вечером ставить пьесы у них считается неприличным или непедagogичным. Мне достали билет. Театр у иезуитов устроен хорошо (есть особое здание); кулисы и декорации очень недурные (работа самих же монахов). Условия для постановки драмы такие, чтоб не было среди действующих лиц ни одной женщины; поэтому и «Макбет» Шекспира играется у иезуитов так, что роль леди Макбет заменяет отец Макбета. В публике также нет женщин.

Сегодняшняя драма была на арабском языке: «Мученик честности» («Шахид эль-вафе»). Псевдоклассическая, 1-е действие называется «Пролог», а остальные три (совершающиеся в 24 часа) это уж, собственно, действия. История присочинена. В Англии в половине XI в., когда она была еще католической, живет князь Гарольд (понимай: король Гарольд II), а у него брат Тустиг. Однажды в грозу Тустиг убивает брата и делается сам князем. Но удар был несмертелен. Военачальник Муркар подымает раненого и отдает его на излечение монаху Донстану, а ребенка старого князя берет к себе. Тустиг желает убить и ребенка, несмотря на убеждения Муркара, и присылает к нему убийц. Муркар дает им своего собственного сына, а княжевича скрывает. Выздоровевший князь возвращает себе свой трон. Чепуха порядочная, хотя смотрится с интересом. Во 2-м действии бард поет арабские песни вместо баллад, публика в восторге. Чтобы драма не была страшна, она пересыпается шутками, которые своею неуместностью на меня действовали возмутительно. Актеры были дети-ученики. Они были в средневековых рыцарских костюмах, но с накладными усами и бородами, изумительно смахивали на азиатов. Особенно Тустиг — вылитый Тимур. Жесты чисто азиатские. Декламация напыщенна до крайности. Тустиг, естественно ревевший, метавшийся по сцене и яростно кричащий, что он злодей (вроде нашего сумароковского

Дмитрия Самозванца), был для меня противен; но публика оставалась от него в восторге. При выходе из спектакля о. ректор совал всем свою руку для лобызания, и я с трудом ускользнул от этого обряда.

20 июня
[2 июля] 1897 г.

Ночь была прямо ужасна по духоте. От пота была мокра вся подушка и, что хуже, тело прилипало к простыне. Я более четырех часов лежал, не будучи в состоянии спать, хотя спать очень хотелось. На мое счастье, часа в четыре утра откуда-то повеял свежий ветерок, и я заснул. Воду уже пьют со льдом: иначе она не утоляет жажды. Лицо мое от вечного, ни на секунду не прекращающего пота стало крайне смуглым. Что же будет тут в июле и особенно в августе?

Ф.

66

М. Е. Крымской

17 июня
[29 июня] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

От гнетущей жары рука не бралась за перо. О степени жары суди по тому, что к 6-му мая сняли всю уже жатву, а теперь созрели уже все наши плоды, есть еще абрикосы (которые в Бейруте давно уж, правда, кончились, но они привозятся теперь из более холодного Дамаска), сливы, кавуны, шелковица, яблоки и т. п. Остаются еще несозревшими: фиги (да и то уж показываются на базаре), виноград (хоть тоже уже появляется), зарур (глюд), финики и апельсины. Сегодня подул приятный ветер и стало прохладнее, но надолго ли. Вижу, что все же надо скорее уезжать в горы. Там хорошо. 1 июня ст. ст. я побывал уже в горах. Там совсем холодно, хлеб стоит зеленый. [...]

М. Ф. Крымской

[24 июня/
6 июля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маруся!

Фотографии, спасибо, получил. [...]. Когда мои хозяйки увидели карточку Бори, то не хотели верить, что ему лишь два года, и при этом прибавляли: «смалла» (т. е. «во имя бога») — это против сглаза.

Как-то вы проводите каникулярное время. Я до сих пор жил в Бейруте без печали, но теперь хотелось бы домой, провести лето всем нам вместе. А как было бы хорошо, если б вам удалось быть здесь. Ты и Сима жары не боитесь и чувствовали бы себя прекрасно. Да и я, признаюсь, мало имею причин жаловаться на Сирию, несмотря даже на зной: чистый морской воздух и сады заставляют забывать даже о жаре. Через восемь дней еду наконец в горы. Хоть там не будет ни пальм, ни других экзотических растений, но зато будет прохладно, да и виды с высоких гор прекрасные. Деревня, в которую я еду (Шуэйр), не посещается никем из европейцев, и я там, верно, совсем забуду речь образованных людей. Вероятно, не раз буду вспоминать о вас, сопоставляя нынешнее лето с прошлым, когда мы все проживали в Звенигородке.

Едва написал эти слова, как начал войну. Две громадных баргаши, т. е. большие комары, прилетели на свет лампы и сели на моей руке. Одну я убил сразу, а другая улетала и опять садилась, покусывая меня: так и не удалось мне ее убить, да проклянет ее Аллах. Не успел написать это, как влетел в комнату громадный сарсур, т. е. летучий таракан, и сел недалеко от лампы. Он очень колючий, и убить его на столе нельзя было. Я его поймал грязным бельем и убил на полу. Охота длилась минут пять, после чего я закрыл окно. Пот по мне течет потоком. [...]

[...] Сейчас, когда пишу, на дворе разговаривают хозяева дома, где я живу, — не Атаи, а владельцы по имени Трады. Здесь есть в Бейруте поговорка: «Секретничанье Традов» («Асрар Традиье»); говорят ее о том, кто секретничает так, что на третьей улице слышно. Я воушию убедился в справедливости этой поговорки. Сидя у своего окна, я слышу их длиннейшие сплетни о их родственниках и знакомых, в том числе, наконец, заговорили и обо мне. Неведомыми для меня путями они знают: я не хочу уехать из Бейрута в горы по той причине, что еще не все русские отсюда уехали; когда в среду уйдет русский пароход и увезет учительниц института Лябибы Жажшан, то тогда и я поднимусь в горы. Затем пошел разговор о перемене моих вкусов в блюдах: я перестал любить европейские блюда, а стал любить арабские, особенно баклажаны (синие), хотя все-таки не люблю смешивать их с помидорами, как это делают здесь многие. Весь этот традовский разговор происходит на расстоянии тридцати шагов от моего открытого окна, и Трады видят, что оно открыто.

Далее разговор перешел на блюда: что у кого варили и почему продаются те или те припасы.

Очевидно, этот разговор слышен был и моей хозяйке (Атая). По крайней мере он ее навел на мысль о горах, о необходимости скорейшего переезда (деньги на переезд должен дать я). Есть арабская пословица: «Взлез бы на гору, да бос», и я ее уж знаю. Входит хозяйка ко мне и говорит: «Ах, я вспомнила сейчас одну пословицу. Запиши ее». И она мне продиктовала: «Переехала бы в горы, да боса» (по арабски муж. и жен. род 1-го л. глагола одинаковы). Я твердо убежден, что с ее стороны это был намек мне на необходимость поспешить с переездом, т. е. дать скорее деньги.

Пословицы я собираю очень тщательно. Узнавши об этом моем занятии, ко мне постоянно являются люди с пословицами. Это предлог беспокоить меня и провести у меня в комнате некоторое время. Так прийти, ни с чем, уж совестно (я усвоил привычку выживать гостей молчанием) — ну вот и годятся пословицы, чтобы я оставался с посетителем вежлив.

Однако, пока я пишу, секретничанье Традов перешло на другой пункт. Один из их родственников перестал носить феску, а стал носить европейскую шляпу. Теперь они обсуждают, какие причины побудили его к этому шагу.

Со всем этим я скоро прощусь, значит, в горах буду слушать разговоры не о шляпах, а о телятах и барахах. [...]

68

М. Е. Крымской

28 июня
[10 июля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Хитрово совсем из ума выжил. Он очень желал взять институт, основанный Лябибою Шахшан, в руки Палестинского общества, но не осведомился, кому же, собственно, принадлежит школа. Он воображал, что хозяйка — это только Амелия Сюрсок — жена крупного бейрутского негодяя, а оказалось, что она только один из членов комитета, заправляющего школой. А земля, на которой стоит школа, принадлежит митрополиту. Хитрово, этот старый воробей, ничего этого предварительно не разузнал, завел переговоры с одной только Сюрсок и, понятно, проиграл дело. Комитет, и так обозленный на Россию за ее нынешнюю восточную политику, оскорбился вдобавок невниманием Хитрово, и дело пропало. Но это еще не все. Четыре русские учительницы института отказались служить в Сирии. Хитрово, не позаботившись даже поискать других, решил ни с того ни с сего отдавать их ежегодное жалованье (12 000 франков, т. е. 4500 рублей) в руки Амелии Сюрсок на улучшение школы, в которой уж почти не будет русского элемента с осени, — отдать в распоряжение бесконтрольное. Что выйдет, не трудно догадаться. Фактическая начальница Лябиба теперь не скрывает своих враждебных замыслов против русскости, а что же она сделает потом, когда возобновится учебный год. Она всех родителей теперь уж уверяет, что русский язык будет изгнан, а вместо того выпишутся две француженки из Франции. Я лично, ко-

нечно, не нахожу вредным изучение французского языка православными арабами, но Палестинское общество и сам Хитрово ведь иного мнения — и вот Хитрово, оказывается, сам же дал средства для проведения того, что не желает общество. А когда теперь же М. А. Черкасова попросила Хитрово прибавить несколько франков жалования одной из ее бейрутских преподавательниц русского языка, получающей какое-то крохотное жалование и работающей очень усердно (она — арабка), Хитрово ответил: «У Палестинского общества нет на это средств».

Не надо притом забывать, что средства Палестинского общества, которые расшвыривает Хитрово, это сбор простого народа, это рабочие копейки. И они по мановению Хитрово идут в бесконтрольное распоряжение бейрутских арабов для борьбы с русским же элементом. Что за нелепость. [...]

Смерть директора Лазаревского института Г. И. Кананова⁵⁴ для меня чрезвычайно критический момент. Кто будет после него главою Лазаревского института — вот что для меня важно. Если окажется человек, мне неизвестный, то может случиться, что я получу место лишь через год по возвращении в Россию, а не немедленно.

Через 5 дней еду в горы.

Передай папе спасибо за список имен на «ша», но я еще о нем отдельно напишу.

Ф.

69

Е. Е. Крымскому

Этот листок вовсе не письмо, а деловая запись, но, может быть, и она покажется Вам интересной.

Студенты американского здешнего университета решили устроить ряд публичных чтений с целью популяризовать науку. На двух заседаниях-собраниях был и я.

Кстати, нужно заметить, что вечера для собраний избирались лунные, не то публики пришло бы мало. Народу было пропасть, особенно дам, но думаю, что почти никто, а дамы поголовно, не понял, пожалуй, ни слова из речей на первом собрании. Речи произносились на изысканно литературном арабском языке со старинными формами грамматических окончаний и редкими книж-

ными словами. Большинство слушателей занимались обозрением нарядов своих соседей. Утешением для таких, кто плохо разбирался в классическом языке, была разве музыка, игравшая в промежутках между отдельными рефератами.

Первое заседание было химическое. Референты держали себя словно на сцене: страшно кривлялись и жестикулировали. Каждый реферат пересыпался стихами и являлся скорее упражнением в стилистическом красноречии, чем в науке. Иные стихи были до ярости комичны... для европейца (не для араба). Без смеха не могу вспомнить стихов в честь кислорода. Говорилось и о пользе химии как науки, но аргументы брались практические, вроде того, что при помощи химии можно очень хорошо красить шелковые материи. Реферат «Химия и цивилизация» («ат-тамаддон») и смешивает его с «культурой». Реферат «История химии» был до возмутительности поверхностен. Вообще я находил тот вечер (по счету первый) упражнением в риторике, а не в науке. Публика была менее требовательна и, если ей удавалось понять какую-нибудь фразу (например, о шелковых тканях), то аплодировали. Каждый реферат пересыпался хвалами в честь султана, и публика тоже аплодировала, хотя все ненавидят султана до бешенности. Сервизизм.

Замечательно, что была на собрании и одна мусульманская женщина — вещь, возможная только в европеизированном Бейруте.

Другое заседание (30 мая ст. ст.) сошло лучше. Во-первых, не было столько гимнов султану (всего два), а во-вторых, введен был язык несколько более упрощенный. Учитель Думат держал публике речь относительно норм языка и заявил, что в ученых собраниях лучше всего будет держаться языка упрощенного, т. е. хоть и не народного, но все же не чисто литературного. Это новость, и если она вообще будет принята обществом, то выйдет польза; но, к сожалению, нет на это чрезмерной надежды. Последующий реферат: «О пользе посещения музыкальных развлечений и собраний красноречия» — был ведь произнесен опять-таки на древнем языке и вдобавок таким напыщенным слогом, что я почти ни одной мысли реферата не понял (то же мне говорили и другие, а о простых слушателях нечего и говорить, что они ни слова

не поняли). После прекрасного музыкального трио наступило очень интересное и удобопонятное для всех чтение-спор: «Счастье оседлых людей стоит ли выше счастья кочевников?». Булос Хули довольно понятным литературным языком доказывал, что в городе человек имеет все удобства, например доктора под рукою, театры, развлечения, а в пустыне он ничего не найдет. Бедуины ведут, по его мнению, жизнь чисто животную. Его противник Насиб Жяббур, наоборот, стоял за то, что избыток потребностей не есть счастье, напротив, отсутствие потребностей — вот в чем истинное счастье. «Адам и Ева, — говорил он, — были счастливы в раю, когда питались только плодами и носили одежду из фиговых листьев». Увы, публика больше рукоплескала первому оратору. После антракта с музыкой выступила новая пара. Амин Муршак защищал жизнь городскую, но уж не за докторов и т. п., а за самые простые физические удобства. В городе, говорил он, жилища удобны и всякую пищу достать легко, а в деревне, если человек захочет полакомиться «баклавою», то и того нет. На это Самуил Атыйе держал обширную речь. Так как он, по арабской привычке, прибег вместо доказательства к насмешке и притом говорил довольно вразумительным языком, то имел громадный успех. «Я Самуил, говорил он, — а передо мною говорил Булос (Павел). Правда, по истории полагалось, чтобы апостол Павел не предшествовал пророку Самуилу, а следовал бы за ним, но тут у нас все перевернулось, и я, Самуил, буду опровергать Павла». На это смех. «Бедные бедуины. Они не едят ни египетских бобов, ни английских бифштексов, ни итальянских макарон...». Опять смех. И все в таком роде, и все вызывает смех и аплодисменты. Затем оратор указал на бесчестность горожан и честность бедуинов, на трусость горожан и благородную храбрость бедуинов. Все это было бы хорошо, если бы под конец оратор ни к селу ни к городу не произнес: «Итак, восхвалим нашего государя Абдул Хамида». В заключение прения выступил учитель Думат и великолепным простым (но никак не народным) языком произнес вывод: обе стороны по-своему правы, но их тема — вещь субъективная. Впрочем, в городах действительно есть больше причин для счастья («асбаб ас-сааде», т. е. «предметов счастья»), однако счастье возможно и при отсутствии потребностей.

Таково было второе собрание. Когда я дома рассказал неграмотной хозяйке Атае аргументы обеих сторон, она приняла сторону города. «Что правда, то правда. В деревне, например, весной не знаешь иногда, что купить к обеду для разнообразия, а в Бейруте всегда все есть. А египетские овощи привозятся в Бейрут даже тогда, когда нигде в Сирии они еще не успели. Конечно, в городе жить лучше».

Я из обоих собраний вынес наглядное заключение, что араб-сириец при западной вышkolке не любит строгой и скучной логики и объективных доказательств, а больше всего ценит афоризмы, правила, меткое слово и т. п. Пословица для него есть большее доказательство, чем самый правильный силлогизм.

70

Е. С. Крымскому

30 июня
[12 июля] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Через три дня мы уезжаем в горы, поэтому хозяева вызвали заранее своего шурина из села Шуэйр, чтобы он помог им легче перевезтись. Сегодня он, Фадлала Згайб, явился в Бейрут и, пробывши тут несколько часов, стал жаловаться на невозможный бейрутский климат: от нынешней жары, которую я перестал считать даже за жару, этот горец терпит невыносимо. Думали мы было собраться через пять дней, но теперь ради этого горца придется поторопиться; уехать через три дня — некоторые черные предчувствия томят меня. Во-первых, мои знакомые бейрутские, которые едут в более близкие горные деревни, советовали мне остерегаться змей: кедровые леса Шуэйра переполнены, по их словам, змеями всех пород. Во-вторых, сегодня я у себя в комнате нашел огромнейшего тарантула, больше кулака величиною, и он скрылся у меня под кроватью. На мои жалобы мне отвечали: «А что же будете вы делать в горах? Ведь там тарантулы кишат». Меня уверяют, что тарантул первый не нападает, так что их нечего особенно бояться. Вместо того мне советовали убегать от агрессивности скорпионов. Тут же

мне рассказали случай, как одна огромнейшая змея загордила недавно всю проезжую дорогу. Или у страха глаза велики?

Деревня Шуэйр, в которую мы едем, лежит очень высоко, недалеко от снежной вершины Саннин. Из Бейрута она не видна, загорожена горами. По ночам, говорят, там холодно.

Вот случай из здешней жизни. Один турецкий офицер зашел по делу к кн. Гагарину и провел у него около часу. Князь с ним обошелся радушно, и офицер на прощание поцеловал ему руку. Смущенный князь велел драгоману разузнать, что это значит. Ответ был такой: «Я первый раз в жизни увидел человеческое обращение. До сих пор всякий, кто старше меня, третировал меня как скотину». На вопрос: «Но все же зачем было руку целовать?» — офицер ответил: «А это пустяк. Нас в школе приучали целовать руки всем старшим, — почему ж я не мог поцеловать руку русскому консулу, который приязненно со мной обошелся».

Ваш список имен на «ша» очень мне полезен, но я хотел бы знать еще следующее:

1) Кто Вам сообщил, что в Кременчугском уезде говорят «сынаша» (им. п.)? Мне это очень нужно знать. В Звенигородке говорят: «сынаш» (с мужским окончанием).

2) Вы пишете: «Гавруша — от Гавриил; из показания свидетеля малоросса в окружном суде в Василькове». Кто слышал? Когда был суд? Без таких указаний сообщение лишено своей важности.

Ф.

Смерть директора Лазаревского института крайне для меня тяжела, потому что Муркос опять начинает свои интриги. Он уже целый год воюет с институтом, который, находя, что он ведь выслужил полную пенсию, желал бы очистить его место для меня. Покойный директор Кананов очень ревностно поддерживал меня, и даже в министерстве народного просвещения имел столкновение с Муркосом. Кто-то будет назначен на его место.

Не знаю, будут ли мне доставляться письма в Шуэйр (говорят — да), но попытаться можно, так как два раза в неделю турецкий «бостажи» (почтальон) проезжает по горному шоссе возле Шуэйра. Первое письмо пошлите заказным, а дальше будет видно, что делать.

Пробуду в Шуэйре до начала спадания зноев в Бейруте, т. е. приблизительно до 1-го октября. Правда, очень часто даже конец октября бывает в Бейруте страшно жгуч, (вследствие хамсина), но в горах уже нельзя слишком долго оставаться, чтоб не простудиться.

Навел справку у приехавшего шуэйрца. Уверяет, что в Шуэйре есть своя почтовая контора, где заказные письма и выдаются и принимаются под расписку.

Ф.

71

Е. Е. Крымскому

5 июля
[17 июля] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Я в Шуэйре уже два дня. Чувствую себя прескверно. [...] Это мешает мне наслаждаться здешним прохладным климатом и приступить к регулярным занятиям. В Бейруте в последнее время была такая знойная жара, что и выразить трудно: страшная преимущественно не своей жгучей силой, а продолжительностью — ни днем ни ночью не было пролады. Здесь, наоборот, климат холоднее нашего звенигородского: даже в полдень не печет, а после захода солнца даже холодно.

Лежит Шуэйр очень высоко над морем, но лежит в долине, образуемой тремя вершинами. Эти три вершины соединены все вместе и образуют подкову, которая замыкает долину с трех сторон; у входа в долину стоит еще гора, но обособленная, а за нею — высочайшая продолговатая гора Саннин с нетающим снегом. Откосы нашей подковообразной горы выпускают несколько холодных ключей, и вот почему здесь основалось село или большая деревня. Замечательно красиво — сесть в долине на одной из крыш (все почти крыши здесь старомодные, т. е. плоские) и любоваться крутыми откосами, где среди кедров белеют домики, и любоваться белым Саннином.

Если же подняться из долины на хребет подковы, то открываются не менее прелестные виды на море (только оно плещется далеко внизу, с запада) и на окрестные горы. Иногда, когда стоишь на каком-нибудь круглом бугре, вдруг вся окружающая картина застилается белым туманом, совершенно непрозрачным, и тогда тоже чудесное зрелище: вся окрестность исчезает, как будто заливается наводнением; ваш бугор стоит среди белой поверхности, как остров, небо делается такого же цвета, как туман, т. е. облачно-белого, и поэтому вам представляется, будто весь мир исчез, остался только небольшой полушар или шар из земли в диаметре не больше четверти версты, и этот шар плавает с вами высоко в небе. Иллюзия сильна оттого, что туман отделяется от вашего бугра очень резкой границей, так что на самом бугре воздух совершенно прозрачен. Все это чудо как прелестно. Да и вся дорога от Бейрута в Шуэйр была до того красива, что я не почувствовал ни на секунду скуки в продолжение всех одиннадцати часов пути. Наша «араба», или «карруса», плелась очень медленно. Написал «одиннадцати», и сейчас вспомнил нравы горожан-арабов: мои хозяева уверяли меня в Бейруте, что от Бейрута до Шуэйра не более шести часов езды. Правда, мы ехали черепашиным шагом. Пожалуй, на этот раз я не сержусь на их ложь, но в общем бывает невыносима она. Вот уж два дня в Шуэйре мы не можем нанять дом на лето. Почему? Так как я предпочитаю места покрасивее, то все выбираю дома на вершине подковы: там почти непрерывный лес, дома разбросаны на порядочном расстоянии друг от друга, а главное — видны окрестности. Хозяева же, напротив, стремятся вниз долины, поближе к базару, где дома скучены. Поэтому стоит мне уговориться с каким-нибудь домохозяином наверху, как через два часа приходит другой ответ: «Нет, тот домохозяин передумал, нужно искать другой дом» — и мне, конечно, указывается дом в долине. Я начинаю даже соглашаться, но тут новая беда: хозяева домов в долине оказываются родственниками тех, что на вершине, и потому опять отказ. Ищешь новый дом — опять та же история. Вещи между тем стоят неразобранные, заниматься нельзя — злость давит человека.

Вдобавок новая досада. Я по-горному, по-ливанскому, говорить не умею. Поэтому всякие переговоры с горцами

ведутся при помощи хозяйки (Сары Атаи: я ей скажу по-бейрутски, а она передает горцам по-своему, их-то я, пожалуй, понимаю, лишь они меня — нет). Таким образом, я всецело в руках бейрутских своих хозяев.

Обманули меня Атаи насчет денег. Переезд стоил втрое дороже, чем мне сперва говорили, да и цены домов тут сравнительно высокие. За те деньги, которые я истратил и еще истрачу, я прекрасно мог бы прожить лето в одной из горных гостиниц, содержимых европейцами (правда, в самом Шуэйре таких гостиниц нет, но они есть по соседству, в Бекране, где также очень хорошо, если не лучше).

Возмутительны бытовые нравы. Кажется, что на весь Шуэйр нет ни одного отхожего места или есть лишь кое-где. Пожалуй, и в наших украинских селах нет их, но зато у нас есть т. н. «загуменки», совершенно закрытые от посторонних глаз. А здесь человек принужден исполнять свои нужды в виду всех жителей противоположного откоса и всех проходящих. Как меня ни убеждали, что это не стыдно, потому что общепринято, я приходил в ужас. [...]

6 июля
[18 июля] 1897 г.,
Шуэйр

[...] Сегодня утром я спокойно спал, вдруг слышу стук в окно. Вижу, какая-то старуха кричит мне на своем наречии: «Фтаых бейб» («Открой дверь»). В Бейруте говорят «баб». Я думал, что это хозяйка временного нашего дома, которой что-нибудь понадобилось в комнате, где я спал, и потому я открыл дверь. Не успел я еще пройти к своей постели (а я был почти голый), как старуха быстро вошла и стала с любопытством меня оглядывать. Я так и остался посреди комнаты, понятно, без «галстука». Начались обычные расспросы: «Ты москоби?». Ответ, разумеется: «Да». «Православный?». Далее последовало несколько вопросов, которых я совершенно не понял: потому ли, что я был спросоня, потому ли, что произношение беззубой старухи-ливанки было для меня трудно разобрать; во всяком случае, я разобрал лишь одно: что вопрос касается православия и России. Я молчал. «Почему ты не хочешь остаться жить в этом доме?»—

спросила она через секунду. Я не хотел отвечать, опять молчал и пошел к постели. «Ах, он не понимает по-арабски», — признала старуха, глядя, как я закрываюсь одеялом. Я опять промолчал. Она вышла, оставляя дверь открытою. «Закрой двери», — заорал я по-арабски. Старуха, услышавши это, было обрадовалась и хотела возвратиться. «Закрой двери, я спать хочу», — крикнул я опять, и тогда она вышла. Оказалось потом, что это была совсем незнакомая и ей захотелось посмотреть «русского».

Наконец мы выбрали дом и перенесли в него вещи. У меня камень с души свалился. Дом таки наверху, как я того хотел. Вид из окон восхитителен. Снежный Саннин весь передо мною. Он замечательно похож на Монблан по своему цвету и очертаниям. Местный священник о. Ханна Мжаас, любитель долгих прогулок, предложил мне взобраться на Саннин во вторник. Говорит, за два часа можно подняться. Я не верю. Чтобы взобраться из Шуэйрской долины на хребет только Шуэйрской подошвы, требуется полчаса, а Саннин во много раз выше.

Я сегодня осмотрел левый (западный) хребет Шуэйрской подошвы. Какая красота! Эти кедровые леса, эти скалы, эти виноградники, эти извивающиеся тропинки, эти монастыри на соседних горах (совсем как средневековые замки), этот Саннин на севере и это голубое море внизу на западе. Не могу описать. Знаю лишь, что через четверть часа моего пребывания на одной из вышек я почувствовал, как у меня сердце сжалось от восторга, потом я готов был плакать, потом забылся. Наконец благоуханный порыв горного ветра и поднявшийся шест высококой зеленой травы заставили меня очнуться. Я поднялся и пошел узенькой горной тропинкой по самой вершине. Солнце (багровое) тонуло в море. Море имело нежный цвет лазури. Приморская полоса Сирии, глубоко-глубоко внизу, была покрыта «рассыпавшимися, как мошки, городами (или селами) и склонившимися, как мелкая травка, лесами». (Только теперь я оценил вполне это гоголевское сравнение.) Саннин, обыкновенно белый, обратился при заходящем солнце в нежно-розовый. Скалистые горы высматривали то голубыми, то фиолетовыми, а горы лесистые переливались зелеными цветами, как

изумруд, и сверкали при последних лучах солнца. В долинах лежала нежная тень. Небо голубое-голубое... О, как это все было хорошо!

7 июля
[19 июля] 1897 г.,
Шуэйр

А я таки не могу забыть Бейрута. После вчерашней прогулки я крепко заснул. И приснилось мне одно бейрутское место: стоит на горке пальма, а немножко ниже ее — другие пальмы. А вокруг кипарисы. Солнце заходило. Пальмы, особенно верхняя, тихо шелестели своим особым пальмовым шелестом. Знойно-красный вечерний горизонт прорезывался сквозь их листву. В воздухе было жарко, и нега разливалась по телу. С моря — освежающий ветерок.

Я проснулся. Оказалось, одеяло мое было очень теплое, а в открытое окно вливалась струя воздуха. Сон произвел на меня сильное впечатление. Он мне показал, до какой степени я изнежился в Бейруте и привык к его тропической природе.

Разница, действительно, громадная, Ливан во многом напоминает мне Украину (исключить, конечно, нужно горы), т. е. климат в нем совсем умеренный, зелень дышит первобытной свежестью. В Бейруте, напротив, зелень совершенно не имеет того простого запаха свежести, какой есть здесь; в Бейруте все растительное напоминает собою какие-то ухищрения, вычурность, изысканность — первобытности нет. Все эти пальмы, кипарисы, бананы, апельсины и померанцы, датуры-лампоцветы, кактусы, экзотические цветы, даже маслины — все это вместе упонательно, но не освежительно. Ливан, наоборот, дышит свежим запахом Украины, и потому я ее не раз вспоминаю, несмотря на то, что горы Ливана и равнины Украины не имеют в себе ни малейшего сходства.

Разница Ливана и приморской Сирии поразительна, особенно потому, что с гор Ливанских, если не из долин, прекрасно видна Сирия (вернее, Финикия, а Ливан по-настоящему должен был бы сам относиться к внутренней Сирии). Когда глядишь с гор вниз, к морю, то далекая береговая полоса кажется такой близкой, что трудно себе представить, каким образом может быть на таком

близком расстоянии такая существенная разница в климате. В Бейруте перед моим отъездом продавали виноград, а здесь он поспеет только к концу августа.

8 июля
[20 июля] 1897 г.

Я уж совсем освоился с Шуэйром. Приятно, что наша дача не в глуби долины, а наверху. Комната моя очень удобна. Пища почти та же, что и в Бейруте, только мяса еще меньше. В Бейруте, бывало, среди зеленой фасоли всегда я находил несколько кусочков мяса, а здесь я нахожу лишь несколько мясных крошек величиною с полфисташки. С моего согласия завели обычай такой, чтоб не варить два раза в день, а лишь один. Около 9 часов утра я пью кофе, в 12 часов — обед, а в 8 ч. — ужин, который состоит из тех же блюд, какие были изготовлены и на обед. Сегодня, например, меню такое: вареные баклажаны (синие) и к ним рис, «ыжже» (т. е. жирная яичница с большим количеством муки и душистых трав, род оладок) и сливы («ховх»). Кроме того, подается холодная вода и хлеб. Хлеб — не бейрутский корж («хубз»), а еще тоньше. Ты видишь, какие листы теста делает мама, собираясь готовить макароны. Здешний хлеб гораздо тоньше и в окружности шире. Хранят его в особых громадных ситах, а перед подачей на стол складывают вчетверо, как налистники. Этот хлеб называется «маркук» («утонченный») и чрезвычайно вкусен. Сливы (огромные, величиною с яблоко) привозятся из Бейрута.

Я, говорю, совсем освоился и рад был бы не уезжать уж из Шуэйра никуда, кроме России; а о России, действительно, вспоминаю не раз, особенно зная, что вы теперь в Звенигородке.

Одиноким я не остаюсь. Являются люди знакомиться. Французского языка тут никто не знает, а по-английски, напротив, говорят очень многие, так как здесь есть миссионерская школа и много людей побывало в Америке — эмигрантами. Я после некоторых колебаний, на каком языке мне говорить с этими англоведными господами, остановился на арабском, понимаю я английский лучше, но выражаюсь по-арабски много свободнее. Эти люди, хоть и горцы, говорят с произношением не местным шуэйрским, а литературным, и потому мое незнание шу-

эйрского языка не вредит мне. Зато разговор с неграмотными крестьянами покамест чистая мука: должно быть, не менее двух недель пройдет, пока научусь говорить по-ихнему.

Священник (о. Ханна Мжаас) пригласил меня вчера в школу на предканикулярное представление. Ученики давали «Эсфирь»⁵⁵. Костюмы, которыми добрый поп чрезвычайно гордился, были ужасны: персидские вельможи имели на себе парижские женские мантильи и пелеринки, а царская стража стояла в мундирах европейских солдат, или, вернее, московских околоточных — с эполетами. Жестикуляция ужаснее костюмов. Высказывалось когда-то мнение, что семитская раса к драме не способна. Не поверить ли этому? Впрочем, комический род мог бы удасться: я, например, перед отъездом из Бейрута попал на арабскую переделку «Адвоката Пателена» и положительно остался доволен. Шуэйрская публика была совершенно дика. Звонки школьных распорядителей не помогали, потому что, кажется, и смысл их был для публики не ясен. Гораздо действительнее было попово начальнически-грозное: «Скут!» («Молчать!»). Одна из баб (толстая-претолстая, жена старшины из Бекфаи) орала во время представления другой: «А зонты ты оставила в повозке или где?». Еще одна покрикивала: «Скажите, чтобы мне принесли воды: пить хочу!». Остальные зрители очень громко высказывали свои суждения об игре, а когда актер произносил какое-нибудь моральное правило, одобрительно кричали: «Конечно». Та толстуха, которая орала об зонтах, стала требовать, чтоб к ней пересадили ее малого сына, и это было исполнено среди действия; так как малый сын был и роста маленького, то она поставила его на стуле, так что он совершенно заслонил сцену задним зрителям, и никакие их протесты не помогли. По окончании драмы произносились речи и, между прочим, было подчеркнуто мое присутствие как «заместителя русского консула». Конечно, я не мог поправлять эту «маленькую неточность».

Когда люди расходились и как-то сцепились с извозчиком из соседнего села, я услышал классические арабские ругательства [...]. Впрочем, арабу эти ругательства (сексуальные) не представляются еще крайностями: хуже всего, на его взгляд, проклятие: «Барак динак» («Да сожжет бог твою веру»). Вчера на моих глазах два маль-

чишки в кровь подрались из-за этого пожелания. Вступились и их матери и их соседи, и зрелище было усладительное. Крики, вероятно, и на далеком Саннине слышны были. Очень недурно было смотреть также на расправу одной матери со своими детьми, которые швыряли с крыши камня в прохожих, а потом ложились пластом на крыше, чтоб никто их не увидел. [...]

Пришел ко мне священник о. Ханна и попросил написать письмо к кн. Гагарину: расхвалить школу, вчерашнее представление и просить для него (священника) орден. Меня это очень изумило, однако я написал князю. Священник говорит, что цель его школы (одна-единственная православная на весь округ) — отбить учеников от протестантов и католиков и воспитать их в духе православия. Отбить учеников можно, прельстивши родителей роскошным представлением, а потому вчерашнее представление должно дать орден.

Ходил я гулять в одну из долин. Разговаривал с крестьянами, причем до отвращения подделывался под их говор. Вероятно, подделка моя вышла неудачная, потому что крестьяне стали сейчас же говорить со мною на особом исковерканном жаргоне, предназначенном для европейцев. Жаргон этот определенных правил не имеет, но вообще состоит в том, чтобы коверкать окончания до неузнаваемости, не соблюдать согласования родов, избегать двойственного числа, а главное, вместо «ты» и «вы» говорить «он». (Последнее есть продукт прежнего влияния итальянцев.) Я ненавижу этот жаргон до отчаяния, и в Бейруте я сразу осаживал тех, кто пытался со мною заговаривать так. Но здесь приходилось сегодня еще терпеть. Узнал от крестьян очень интересную вещь: на Ливане тоже возненавидели Россию за ее покровительство Турции (хотя не в такой степени, как в Бейруте). Все-таки обошлись со мною очень хорошо. Года полтора назад был в этом же месте путешественник-пилигрим Леонид Коробов: он печатно передает, что какая-то женщина стала плакать от умиления, узнавши, что перед нею русский — сын страны, защищающей православие. Желал бы я, чтобы Коробов теперь побывал здесь — услышал бы иного сорта комплименты по адресу России.

Почти до 2 часов дня был болен: голова ныла, и была тошнота. Вчера я для завершения прогулки решил взобраться на самое высокое место Шуэйрской подошвы. Обыкновенно добрые люди ходят и ездят туда по особой зигзаговой дороге, похожей на все горные дороги. Для лошадей такая дорога неизбежна (не то они полетели бы стремглав вниз), но я счел ее очень скучною, потому что каждый поворот возвышается над другим не более чем на сажень, а длина каждого поворота саженей шестьдесят. Я увидал род тропинки («кадумийе»), ведущей на гору круто, но прямо, и полез по ней. Через полчаса я уж был наверху, но почувствовал, что, карабкаясь, подорвался. Признаки тошноты начались еще вчера, а сегодня, сверх того, наступила сильная головная боль, даже мигрень.

Когда прошла голова, решил отправиться к протестантскому священнику. Он слеп («дарир»), но получает жалованье, так как стал протестантом из православных арабов. Меня с ним познакомили как с человеком, не потерявшим своих симпатий к православию. Жена его — англичанка, и с нею мне пришлось говорить по-английски. Ее произношение неразборчиво. Это меня при ее каше во рту до крайности утомило, пока наконец я не узнал, что она знает и немецкий язык. Семья мне понравилась. Хозяйка сыграла кое-что на фортепиано. Я уж так давно не слышал музыки, но зато музыка перенесла меня в Звенигородку, и мне стало очень тоскливо. От пастора я пошел к почтмейстеру, чтобы узнать, можно ли отправлять заказные письма. Почта — это, собственно, ящик и столик в одной из лавчонок, где продаются бакален (рис, сахар, кофе) и овощи. Хозяин лавки, сверх того, что он почтмейстер, еще и фотограф. Я хотел у него купить несколько видов Шуэйра, но у него были только снимки с двух монастырей, и то в очень прозаической форме: не так, чтобы монастыри занимали лишь часть фотографии, а остальная часть чтоб была эффектной обстановкой, т. е. горами, морем и т. п., — нет. Целую фотографию заполняют монастыри, так что посторонний и не узнает, на горе ли стоят они или на ровном месте. Это местный арабский вкус. Так как фотография лишь

побочное дело почтмейстера-лавочника, то, вероятно, он обрадуется заработать что-нибудь, когда у меня будут деньги, — охотно согласится снять мне те места, которые не ему, а мне нравятся, и не дорого возьмет.

Завтра думаю не идти по горам, а сидеть все время дома: очень уж меня напугала вчерашняя история. Но до чего круты эти горы, как высоки.

Кончу писать. Передай мое письмо на хранение Маше и скажи ей вот что: быть может, через полторы недели получатся из Твери две бандероли с книжками на ее имя. Пусть она известит меня о их получении. Поклон всем, а особенно Боре.

[...] Почта (на мулах) ходит отсюда два раза в неделю. Вернее, не «ходит», а «проходит через или мимо».

72

М. Е. Крымской

16 июля
[28 июля] 1897 г.,
Шуэйр

Еще бывши в Бейруте, я не раз любовался издали белым верхом горы Саннин: она высоко подымается над всеми Ливанскими горами, а особенно при заходе солнца она красива. Переехавши в Шуэйр, я очутился всего в нескольких часах ходьбы от Саннина. 10 июля рано утром, до восхода солнца, я, священник Ханна Мжаас и мальчик Ибрагим Згайб вышли из Шуэйра, чтобы взойти на эту гигантскую гору.

Обогнувши Шуэйрскую долину и прошедши возле Мтейнской долины и монастыря св. Текли (Мар-Текла), лежащего на другой стороне долины, мы около шести часов утра были в Эль-Мруж. Монастырь св. Текли Кфар-Сильвенской лежит на очень крутой стене, и священник о. Ханна мне рассказал анекдот. Один крестьянин старался вскарабкаться к монастырю прямым путем и страшно изнемог. В изнеможении он воскликнул: «О святая Текла Кфар-Сильвенская. Помоги мне на этот лишь раз, и уж я в жизни моей тебя больше не посетую». Изречение это стало пословицей. [...]

Большая часть жителей Мружа — марониты. Мы вошли в село и увидели, что костел открыт: в нем шла молит-

ва перед учением. Мы вошли. Дети с сумками в руках стояли на коленях, маронитский священник в ризах, вроде католических, читал молитву пред алтарем — все мне напоминало наш Звенигородский костел, только здесь обстановка победнее и церковь смахивает снаружи на каменную конюшню. Но православная церковь, по сообщению о. Ханны, еще беднее, а священник, когда его посветили, не имел во что одеться, так что окружные православные священники кое-как для него собрали одежду. Пока я это слушал, вдруг нам навстречу — молодой босой крестьянин. Оказалось, это и был сын мружского попа. О. Ханна начал дружески болтать с ним о каком-то мне неизвестном лице, причем назвал его (ругательно) «акрут» и «хора» [...] — оба слова очень неприличные ругательства. Нас пригласили зайти к попу. Жилище — одна комната, чрезвычайно бедная, невзрачная: у шуэйрских крестьян куда пригляднее и богаче. Хозяин (поп) бос, в истасканной рясе и клобуке, с забитым выражением лица (имя его — Михаил Хаддад, т. е. «кузнец», — очевидно, предки были кузнецы). Все-таки у него просвечивало в лице хоть что-нибудь интеллигентное, а вот его жена — чистейшая крестьянка... У обоих произношение крайне крестьянское, без малейшей литературной или городской примеси. На стене висело ружье. По уставу церкви иерей не должен бы охотиться (так и в Бейруте арабы говорят), но, видно, на Ливане иной устав: шуэйрский поп тоже охотник. Завтрак состоял из хлеба, соли и картофеля; пригласили и нас, но мы отказались. В 7 час. утра мы покинули Мруж. Эль-Мруж лежит выше Шуэйра. Как-никак, Шуэйр все же долина, хотя и высоко лежащая над уровнем моря, так что Мруж приходится считать лежащим на горе, но и Мруж будет долиной сравнительно с той возвышенностью, которая находится к северо-востоку от Мружа. На возвышенности Кал'а лежит новая гора по имени Бкалай. К этим-то местам мы и направились из Мружа. Обширная возвышенность Кал'а не имеет на себе ни малейшей древесной зелени: вся она — нивы. Нивы расположены террасами, исполинской кругообразной лестницей или, вернее, лестницами. Каждая терраса выше предыдущей на рост колоса, так что зернистая часть каждой нижней террасы находится на уровне с корнем колосьев следующей, верхней террасы. Ширина террасы — сажени две, а длина — иногда с

четверть версты. Там и сям на ниве вдруг возвышается серая скала, лишенная травы и мху, голая, и все же очень красивая благодаря соседству с золотящимся, почти зрелым хлебом (у подошвы горы уж началась жатва). Иногда видна не скала, а целая группа высоких скал; иногда же нива представляет собою целую кучу больших скалистых обломков, вокруг которых живописно пробиваются колосья, заслоняют эти глыбы своей тесной толпой, умудряются расти даже в самых узеньких расщелинах между камнями. Мы поднимаемся тяжелым шагом, я люблюсь золотыми посевами и так хорошо их оттеняющими серыми, седыми скалами. Священник чувствует себя весело. «Я тебя понесу или ты меня понесешь?» — вдруг лукаво спрашивает он меня. Я догадываюсь, что он имеет в виду один арабский каламбур-анекдот, и отвечаю: «Соселся Шани с Табакою». (Таково заглавие этого анекдота. Нести во время дороги — это значит, по словам анекдота, развлекать своего спутника разговорами, чтоб он не чувствовал усталости.) «Ну хорошо, я буду нести тебя», — решает поп и начинает мне рассказывать, как он ездил в Россию. Ввиду множества расплодившихся восточных попов-попрошаек въезд им в Россию запрещен, поэтому и о. Ханну, подержавши недели три в Одессе, выпроводили назад домой. Он уж после того писал и всякие оды («касыды») к императору с намеками на пособие и прошения посылал — ничто не помогало: от государя приходил ответ, что он должен обращаться за своими делами или к консулу, или к митрополиту бейрутскому, а те ему ничего сделать не хотели. В Одессе о. Ханна выучил несколько русских слов и теперь начинает их сыпать. Они такие: «да», «нет», «что», «до звыдания», «знай» (знаешь ли), «сэматрит» (смотри), а особенно часто употребляется им фраза: «Холодни як вас». Что она значит, догадаться не могу: или «холодный квас» (так кричат у нас на базаре) или «холодна, як квас», — во всяком случае о. Ханна выкрикивает эти слова поминутно. Вместо «сюда» он кричит «гель бурада» (единственные известные ему турецкие слова), а вместо «да» очень часто говорит английское: «уез» (по-английски он тоже ничего не знает, даже меньше, чем по-русски). Этими своими прибаутками он меня «несет» по крутому подъему.

Наконец мы доходим до источника Бкалай (он перед

деревней, и в деревню входить нам не нужно). Возле источника скалы, скалы, зеленая трава... большая верба («сафсаф»). Мы, усталые и вспотевшие, усаживаемся на камнях под вербою. Ух, какие они холодные! Я даже начинаю опасаться простуды. Свежий горный ветер сильно веет на меня, мой пот понемногу прекращается, и я, вдыхая широко воздух грудью, гляжу вдаль, вниз, на тысячи нив, расположенных по террасам. Поп же пьет ключевую воду и восклицает неистово: «Уфф, холодни як вас». Я гляжу на часы: $\frac{3}{4}$ восьмого. Мы решаем закусить. Мальчик (он называется Ибрагим) вытаскивает из своей тяжелой корзины то, что моя хозяйка дала нам на дорогу: тонкий листовой хлеб (маркук), оливки, яйца и сырое мясо: мы здесь его изжарим на вертеле. Поп, увидевши сырое мясо, хватает почки («кильве») и [печень] («касбет-савда»), быстро отрезывает от них несколько кусочков и начинает их уплетать сырыми, с хлебом. Я кошусь на него глазами, себе не верю. Он, усмехаясь, говорит мне: «Дыки человек» (вот еще два слова, известные ему). «Кто это тебе так сказал?» — спрашиваю я. «А кто-то в Одессе. Я стал есть сырое мясо, — а меня обступил народ и говорит: „Дыки человек, дыки человек“. Так я это слово и запомнил... ражаль барри». — «Да как же можно есть сырое мясо? — спросил я. — Ведь оно не переварится». — «Милый друг, в Бейруте не переварится, это так. А у нас на Ливане камень съешь, и то переварится». — «Да и невкусно это». — «Ну, уж я это лучше знаю. Впрочем, жареное мясо тоже вкусно... и сырое, и жареное — оба вкусны. Попробуй». Я, конечно, отказался пробовать сырое и подождал, пока мальчик насадил множество накрошенных кусочков на вертел и сжарил их. До того времени, пока мясо изжарилось, я обедался оливками и удивлялся, как это в начале моей жизни в Бейруте я находил этот вкусный плод отвратительным. А поп рассказывал мне о своей деятельности. Он основал первый на Ливане интернат для мальчиков, и его школа развивается хорошо, надо бы только русское пособие и орден. «Тебе понравилась наша комедия на прошлой неделе?» — справился он у меня. «Ну, да» (я боялся говорить правду).

«А если б ты видал нашу зимнюю комедию... играли „Орас“ (т. е. Гораций)⁵⁶. Была война у города Рима и Альба-Лонги, Орас боролся с Курйас. Потом сестра Орас

стала упрекать брата, зачем он убил ее жениха. Брат выхватил револьвер и убил сестру. И как мы ловко сделали: у него револьвер был пустой, и он его держал так только в руках, а за занавеской был спрятан человек и выстрелил настоящим образом. Публика от восторга чуть с ума не сошла (жянну)». Мне в поповом рассказе очень понравился римский револьвер: рассказ безусловно усладил мою душу. Мы еще раз выпили холодной как лед воды, поп еще раз крикнул: «Холодни як вас» — и пошли дальше из Бкалай, огибая гору влево к западу. Было 9 часов утра.

Тропинка лежала очень высоко, к тому же иногда терялась, и мы делали крюк, но вообще она ровно шла, опоясывая обширную гору. Картина почти та же: вверх и вниз по откосам красуются нивы и скалы, вот только что и травы стало попадаться побольше, иногда целые лужайки. Причина — множество ручьев, вытекающих из горы и затем несущихся водопадами. По временам мы видели зеленые лужайки с темно-зеленой травой «сы'д» (ствол ее похож на наш укроп), а воды не было видно нигде поблизости. Тогда священник объяснял мне, что, стоит покопать в этом месте немножко, и вода покажется. Поверить, конечно, следует. На скалах, на солнце, сидели мириады хордонов (что-то вроде хамелеонов) и скрывались при нашем приближении. Тут есть и змеи. На одном из будяков я нашел красивую изящную змеиную шкуру и спрятал себе в карман. Будяки — почти те же, что и у нас (на той Звенигородской улице, где Тарасенко, их растет много). Цветут они темно-розовым, грязноватым цветом. Их называют «терние Иисуса». Именно из них, по здешнему ливанскому преданию, был сделан венец Иисусу Христу. Если ж мы говорим о «терновнике», то это, выходит, по вине греческого языка, в котором терновник и колючий называется одним именем (да так и по-церковнославянскому). Но я видел засушенное иерусалимское терние, оно вовсе не будяк, а куст. «Шрр, шрр» — из-под наших ног вылетели из хлеба две огромнейшие куropатки и грузно понеслись над нивой. Дичи есть порядочно.

К 11 часам мы почти обогнули всю гору, значительно притом поднялись вверх и очутились у ключа Манбуха. Саннин весь стоял у нас на виду, нас отделяла только долина (впрочем, непроходимая). Я стал глядеть на него,

но попов крик: «Гель бурада!» («сюда!») — отвлек меня. Мы сели под дикой вербой («сафсаф барри») в тени, чтобы отдохнуть, а поп с Ибрагимом имели также в виду нажарить зёрна недозрелой пшеницы, нарванных дорогою. У арабов это считается большим лакомством («камх», «фринь», «мышове»), как у нас подсолнухи. Пока они жарили зерна, вышла из соседнего куреня какая-то женщина (очевидно, она стерегла соседний огуречный баштан) и справилась, откуда они взяли пшеницу. О. Ханна с несмущаемой нерейской совестью ответил, что купили по дороге. «А, купили», — сказала женщина. «Yes», — ответил ей священник, находя свое английское слово очень остроумным. Женщина постояла и пошла, сказавши нам: «Негарком саид» («День ваш да будет счастлив»). — «Негорек мубарак, йа сытт» («День твой благословен, госпожа»), — отвечали я и Ибрагим, как это полагается. Только поп соригинальничал: «До звыдания, йа сытт», — крикнул он ей. Она, вероятно, подумала, что «до звыдания» — это слово из литературного арабского языка.

Поп и Ибрагим со смехом ели поджаренную свидовскую пшеницу, а я молча глядел на Саннин. Через долину перейти нельзя бы было за недостатком удобных спусков в нее и потом восхода из нее. Но гора Манбух, на которой мы находились, подходила в конце концов к нижней части Саннина и образовала с ним угол, так что часа через два мы могли рассчитывать очутиться у самой подошвы Саннина. Теперь же я только поглядывал на ту продолговатую громадину. В сущности лежавшую перед нами долину еще не следовало принимать за место подошвы Саннина. Эта долина лежит выше окружающих гор, а несколько дальше на запад эта долина спадает опять в глубокую долину, и оттуда Саннин представляется еще выше; да и та долина находится очень высоко над уровнем моря. Но даже принимая за основание нашу долину, я чувствовал себя подавленным той машиной, которая, почти как стена, стояла недалеко передо мной (на расстоянии версты) и исчезала своими беловатыми вершинами в чистом, голубом небе. Скорее, правда, это была не красота, а грандиозность, но и в красоте отказать нельзя. Равнина даже у Санниновой подошвы — прекрасные зеленые луга и баштаны картофеля и фасоли, с холодными как лед ручьями и водопадами (я потом

сам испытал, до чего холодны эти ручьи) и с купами деревьев — диких верб. Далее, у собственной подошвы горы, словно исполинский фундамент, — бордюр, составленный из серых диких скал, каждая из которых могла бы сойти за гору; это — как бы оборка у платья. Следующий этаж, следующая оборка горы — зеленая травистая полоса: тут есть и поля с совершенно еще не созревшим нежно-зеленым хлебом, тут есть и простая трава буро-зеленого цвета. Все это еще можно считать откосами, хоть и очень крутыми; но остальная почти вертикальная часть горы... Эта последняя часть — самая высокая и самая крутая, приблизительно как стена. Цвет ее белый, с легким желтоватым оттенком, как у извести, а на солнце она делается еще ярче. Кое-где в глубоких уступах и щелях по бокам виден снег, и он сверкает на солнце, словно серебро. «Сематрит», — говорит поп.

В 11 ч. 35 м. мы по откосам Манбуха стали пробираться к Саннину. В 1-м часу дня мы были уж на откосистой стороне Саннина, или, лучше сказать, на предельной линии откоса части горы, далее начиналась крутизна. Тут мы сели отдохнуть, далее двигаться было невозможно. В этом месте построено несколько лавчонок, собственно, для путешественников, которые захотели бы подкрепиться сном и едою. Севши под навесом, мы передышали и глядели на открывающиеся перед нами виды. «Сколько часов до вершины?» — спрашиваю я у крестьянки-хозяйки. «Два часа будет, не меньше», — отвечает она. «А если так, — говорит поп, — то сперва соснем, а потом, под вечер, взберемся». Меня эта перспектива ужаснула. Помоему, если идти, так идти сейчас, а отдыхать уж после, пошабашивши. Однако священник лег и вмиг захрапел. Я посмотрел на часы. Было, по арабскому счету, 6^{1/2} часов, т. е. четверть второго по нашему; поп предлагал взбираться около 9-го арабского часа (т. е. в 4 часа дня, по-нашему). Что ж бы я делал целых три часа. Спать не могу, книги со мной не было. Вдобавок было холодно от ветра, так что я принужден был сесть на солнце, погреться. (А крестьянка-горянка говорила: «Ух, жарко сегодня»). Наконец я кое-что придумал. Завтракали мы в ³/₄ восьмого и, насколько я мог судить по себе, были теперь голодны. Я уселся возле головы священника, раскрыл корзинку («уффе» — особая наплечная корзинка)

и стал медленно есть хлеб с оливками и яйцом (оливки служили вместо соли). Аппетитный запах разбудил попа. Он поднялся и стал с мальчиком жарить «мышове». На грязноватый вертел была насажена баранина накрошенными кусочками (на Кавказе это называется «шашлык»), через пять минут она была изжарена, поп снял ее своими немытыми, грязными пальцами, положил на тарелку. Я до того был голоден, что отвращения не почувствовал. Мы все (меня не исключая) стали рыться пальцами в тарелке и выбирать куски повкуснее, и мне казалось, что я никогда в жизни не ел такого вкусного обеда. Поп и Ибрагим были очень веселы, поп пил воду, холодную как лед *, и кричал: «Холодни як вас», а иногда затягивал песенку вместе с Ибрагимом. Вообще обед шел оживленно. Крестьянка присматривалась к нам, спросила о моей национальности (конечно, не употребивши этого слова, так как у арабов нет понятия о нации, лишь о религии и подданстве, отчасти только о языке). Поп ответил, что я русский, но что знаю и все другие языки, в том числе английский. «Да и я немножко по-английски знаю», — ответила крестьянка (а она совсем простая). «У меня в школе преподают английский, — сказал поп, — отдай туда своего сына, выучится по-английски». — «Э, зачем?» — «Как, „зачем“? Да ведь, быть может, ему захочется переселиться в Америку, вот и понадобится английский язык». А это верно: на Ливане господствует страсть к переселению в Америку (Нью-Йорк, Канаду, Бразилию) и в большинстве семей Шуэйра мужей нет дома — они в Америке на заработках... Кончили обедать. «Ну, теперь заснуть», — говорит поп. Но я, пользуясь веселым настроением, шутя говорю, что сам один полезу на Саннин, если они не хотят. Пришлось им согласиться со мной. Увы, они были более правы, чем я: не следовало выбиратья вверх, не отдохнувши несколько часов.

Было 2 часа дня, когда мы начали свое восхождение. С нами полез еще мальчик хозяйки. Все были веселы. Поп и Ибрагим начали петь «мавалы», т. е. импровизированные песенные вопросы и ответы. В горах такие дуэты — очень любимая вещь, и я изумляюсь, откуда у певцов сразу берутся рифмы (требуется, чтобы ответ был

* Если положить арбуз в этот ключ, то он через две минуты треснет от холода.

составлен в ту же рифму, на какую предложен песенный вопрос). Сперва они перепевались о каких-то поэтических предметах (красоте гор, неслыханном мною здесь в конце лета соловье и т. п.), вдруг я слышу, как священник выводит на тот же мотив: «Дагри, дагри, дагри бйужа'ни, у ма ба'реф, ма ба'реф, шу бйында'ни» (т. е. «Спина, спина, да болит у меня, и не знаю, не знаю, что поможет мне»).

Ибрагим своим звонким голосом, не смущаясь, ответил на тот же мотив: «Бйында'ак, йа абуна, ыза ка'адна ныстри шуваййе тахт сахар свани» (т. е. «Поможет тебе, батюшка, если мы сядем отдохнуть немножко под кремневой скалой»).

Тогда поп запел: «Крымески, Крымески, Крымески сма'ни, та ныстри шуваййе — гайда бйында'ни» («Крымский, Крымский, Крымский, услышь меня, отдохнем немного, это мне поможет»).

Я песней ответить не мог, а просто молча сел под какой-то скалой, возле пещеры, где, вероятно, жил волк зимою. Мы уж поднимались было 40 минут, и с меня (с лица) пот тек до такой степени, что закапал и облил весь белый пиджак и брюки, и они имели такой вид, будто я (как это бывало в детстве) плескался руками возле бочки с водою. Мы не посидели и минут пять: скалы под нами были холодные, а, кроме того, я стал чувствовать, что ветер, дующий на меня, потного, и застуживая пот, производит крайне неприятное действие. Мы поднялись с мест и полезли дальше вверх.

Дальнейших полтора часа я подробно описывать не стану, да их и не помню хорошо. Я был как в забытьи. Я лез вверх, лез вверх и чувствовал, что каждую секунду у меня может быть или разрыв сердца, или апоплексия. Пот с меня не просто лился, а обливал меня, словно я стоял под помпой. Вся моя одежда была мокра и отяжелела; сквозь очки я с трудом видел, так как по ним текли струи пота. Мои товарищи тоже заслуживали сожаления; они больше уж не пели, а жаловались на жажду, между тем вода в бутылке, которую мы взяли с собою, была уж выпита час тому назад до последней капли. Я был несчастнее их, потому что съел много соленых оливок и чувствовал, что внутри у меня все пересохло. Изредка в изнеможении я присаживался отдохнуть, с завистью глядел вниз на микроскопических козявок (это был табун лоша-

дей в долине и их пастухи) и думал, как они счастливы, что им не взбрела в голову несчастная мысль любоваться видами с Саннина. Подыматься было трудно особенно потому, что больших скал и камней не было видно: под нашими ногами был мелкий щебень, нанесенный весенними потоками, и этот щебень ссывался под ногами. Растительность была только из двух родов: «ыбре» (пыль) — колючка и особенно частая «кябкяб» (клубок) — в виде исполинского ежа или дикообраза, с очень красивыми колючками, темно-зеленого цвета, изредка с розоватыми цветочками; несколько раз я себе порядочно исколол колени или ноги, зацепившись о куст кябкяба.

Было 4½ часа (значит, мы подымались уже 2½ часа), когда мы увидели, что стена кончилась, перед нами открылась покатая плоскость, на которой торчали новые горы, но там были также ровные места и долины. Это не был еще самый верх Саннина, однако во всяком случае это уж была вершина его, а не бока. Из-за ближайшего холма нам сверкнуло что-то очень белое. Мы побежали туда и на равнинке величиною с десятину увидели снеговое поле. Другие снеговые поля были видны нам выше, между холмами и по бокам холмов (верх Саннина не узок, а представляет собою обширнейшую плоскость, на которой есть много своих самостоятельных гор, холмов, долин). Когда мы увидали снег, мы так к нему и припали. Мы его зачерпывали горстями, сосали, жевали, глотали даже большими кусками: всякие меры предосторожности были забыты, мы ведь (говорю, не преувеличивая) умирали от жажды, и, если бы не нашли снега, наверное б, умерли. Один из мальчиков распластался на снегу. Я не видел такой потребности: несмотря на лучи солнца, горный ветер был до того холоден, что мокрая одежда стала на мне через несколько минут холодной, как самый снег, или как белье, которое зимою сушат на морозе.

Меня не удовлетворяло это место, где мы сидели: дальние окрестности не были из него видны, это была лощина. Поп не захотел дальше подыматься, я полез сам один, за мною последовал еще Ибрагим. Через полчаса мы были на самой вершине. Я при помощи бинокля видел все на много верст кругом. К востоку видны были все горы, долины и лежала равнина, отделяющая Ливан от

Антиливана. Была видна и гора Старца — Жябаль аш-Шейх (судя по имени, надо бы думать, что на ней жили ассасины), но одна лишь вершина ее, также снежная, подобно Саннину. На запад был виден берег моря, вдали-вдали синел сквозь дымку тумана Бейрутский полуостров; остров Кипр, видный в очень ясную погоду, мне теперь не был виден, так как над морем висел туман (т. е. облака, лежащие ниже). По той же причине я не мог хорошо рассмотреть антиливанских Баальбека и Захлы. Вся вершина горы Саннин совершенно напоминала мне нашу украинскую весну или «провесинь» в конце марта. Солнце греет сильно, но ветер прохладен и земля холодна. Снег во многих местах стоял, но во многих местах лежит ледяными полями. Из-под снега вытекают вешие ручьи, вода в них тепловатая, болотистого вкуса, на проталинах растет молодая, свежая трава, пробивающаяся из-под снега. Стадо коз с колокольчиками прыгает по каменистым холмам саннинской вершины и щиплет эту свежую травку. Недалеко виден и пастух, принужденный пасти коз так высоко ради хорошего молока.

Несколько мешает воспоминанию о нашей весне или провесне присутствие неизвестного у нас кябкяб и особый характер каменистой почвы... Я посидел, полюбовался далью. Сильный порыв ветра, обративший мою вновь пропотелую мокрую одежду (особенно сорочку) как бы в мерзлое белье, напомнил мне, что пора спускаться.

Я и Ибрагим сошли к нашим товарищам, отдохавшим возле первой встреченной нами снежной равнины. Стал я рассказывать попу о чудесах, виденных мною, но он мне ответил: «О, святая Текла Кфар-Сильвенская. Ты меня спасла на этот раз, и уж никогда в жизни моей я тебя не посету...». Нам опять захотелось пить, но снег мало утолял жажду. Я между тем, отправляясь с Ибрагимом на самый верх, сперва наполнил снегом пустую бутылку и поставил ее на скале возле попа; он сам помогал мне ее наполнять, не зная зачем (он полагал, что я хочу снести снег вниз). «Не утоляет снег жажды», — пожаловался он теперь мне. Я вместо ответа молча взял бутылку, где снег от солнца успел растаять, и выпил ее всю. Поп с досадным и завистливым изумлением глядел на меня и приговаривал: «Гляди-ка, гляди-ка, ай да москоби». Когда я кончил пить, он жалобно произнес: «Холодни як вас», — и начал есть снег.

Было 5 ч. 40 м. вечера. Мальчики набрали большие платки снега, и мы стали спускаться. Я уж писал, что для восхождения от лавчонок до этого места понадобилось нам 2¹/₂ часа; сошли ж мы за 50 минут. Впрочем, выражение «сошли» совсем неверно, нужно сказать «слетели», «скатились». Это было нечто невообразимое. Удержаться на одном месте и ступать нельзя было. Мы в силу закона тяжести летели вниз по прямой линии, не передвигая ног: мы скользили и с трудом удерживались в стоячем положении. Камни с шумом обрывались под нашими ногами и летели вниз. У меня от стремительного спуска голова вертелась, но было очень весело. Мы все хохотали как сумасшедшие, особенно наезжая один на другого. Только под конец (последняя треть пути) гора стала отложе и мы получили возможность переступить ногами; и та дорога была очень обрывиста. В половине 7-го мы были возле лавочек. Усевшись под навесом, я презрительно смотрел на остальную, нижнюю часть горы: спуск по ней в долину казался уж до того удобен, откос казался уж до того отлог сравнительно с пройденной нами частью, что не хотелось даже считать эту нижнюю часть за гору.

Солнце скоро готово было зайти. Попу очень не хотелось ночевать в саннинских лавчонках, и он стал меня соблазнять идти в Бискинту, уверяя, что до нее будет лишь с час пути. Было без десяти минут 7 часов, когда мы вышли от лавочек, а в Бискинту пришли без десяти минут девять часов вечера. Свято иерейское слово. Так как у меня прокололся посредине подошвы ботинок и натерлись пальцы, то я шел довольно мрачно. Ведь если даже исключить наши отдыхи, то выходило, что мы в тот день прошли пешком более 14 часов, и это по горам-то.

Наконец прибыли в Бискинту, нашли дом священника и нас пригласили на ночь. (Впрочем, знакомые нашему попу крестьяне также старались пригласить нас на ночь.) Бискинтский поп оказался очень радушным, старался нас угостить получше, достал нам даже вина — белого, очень подкрепительного. Он настаивал, чтоб мы провели у него несколько дней; но я очень вежливо отклонил это предложение. В доме царила простота в обращении: попадья, разговаривая с нами, совершенно обнажила свои груди и стала кормить ребенка. Постелили

нам постель. Сперва было мне и о. Ханне отвели одну общую комнату, но потом священник-хозяин (о. Иоаким) догадался, что европейцы предпочитают спать одни, и мне отвели совсем особую комнату — гостиную. На ночь принесли мне горячей воды — обмыть ноги с пути. Вообще я видел смесь патриархальной простоты с деликатностью и радушием. О, как все это не похоже на бейрутские коммерческие нравы!

На следующий день утром в половине 7-го мы вышли из Бискинты. Бискинта лежит на краю глубокого обрыва, на дне которого поток Жмейжме (Маленький череп), или Жмажим (Череп) — поток, идущий с Саннина. Противоположная гора Саббурта, на которую мы должны были взойти через дно обрыва, также крута и высока. Спуск из Бискинты по обрывистой стене на дно ущелья Жмажим занял у нас 50 минут. В 20 минут 8-го мы уж уселись на дне ущелья на берегу потока, с изумлением глядели на ту крутую высокую серую стену, с которой мы уже спустились, и с испугом глядели на противоположную стену, по которой нам нужно будет вскарабкаться. У меня мелькнула даже мысль: не выбираться на нее, а просто идти по дну ущелья, вдоль течения Жмажима, вдоль грандиозно нависающих над нами скал, тем более, что зеленые берега потока с прибрежными деревьями так живописны. Оказывается, нельзя: нет тропинки; да и дно ущелья усыпано острыми камнями, не для наших ног, а тем паче не для моих, которые уж покрылись пузырями. Посидели мы десять минут на дне ущелья, нужно лезть на саббуртскую стену. Было ровно 7½.

Полчаса мы подымались, и я поминутно рисковал упасть вниз, назад в ущелье. К моему утешению, не нужно было всходить на самую вершину Саббурты: тропинка повернула вдоль горы, опоясывая ее поясом на восток, т. е. влево. Тропа стала даже очень широкой; но, увы, что это была за дорожка! Вся она была покрыта мелкими камнями, <...> очень угловатыми и острыми. Я шел по этому бархатному помосту и вспоминал себе одно изречение Юлия Цезаря, читанное мною в 4-м классе гимназии: «Галлы из всех богов более всего почитают Меркурия, ибо он — проводитель дорог». Ах, как я оценил услуги Меркурия галлам! Ах, как хорошо я понял значение сносных дорог! На противоположной стороне пропасти, справа от нас, лежало поселение Айн эль-Кабу. Оно, точно

гнездо, лепилось на скале, но я, занятый мыслями о боге Меркурии, не хотел на Айн эль-Кабу даже глядеть. Мы сделали по Саббурте резкий поворот влево. Перед нами были поля, но сквозь обработанную, запаханную землю проглядывали какие-то фундаменты, видны были следы какого-то поселения. Подошли мы к одной пещере, искусственно устроенной, — на меня повеяло духом чего-то римского: эти искусно сложенные дугообразные своды из тесаного камня напоминали собой римские постройки. В пещере — бассейн с водой; вода ползущей струей вытекает и наружу. «Что здесь было когда-то: погреб ли или садовая беседка? Вероятно, что беседка. Быть может, тут стояла и какая-нибудь мраморная статуя бога... Куда все делось...». Так я думал, сидя у этой пещеры и глядя к югу, к Шуэйру. Внизу, к югу, лежала долина, а за нею, на горе, — село Бтыгрин; за ним, вдаль, на другой горе, вправо, виднелся монастырь св. Ильи, а еще дальше за ним — море, словно какое-то облако на горизонте.

Мы оставили пещеру (в 8 ч. 40 м.), сошли в долину, легко взобрались на Бтыгринскую гору и оглянулись на Саббурту. О, как она была хороша! Вся она, эта высокая и обширная гора, была укрыта виноградниками, от основания до верха. Серые, седые скалы так живописно обвивались виноградом, что глаз не хотелось отрывать, но вот мы отвернулись от Саббурты и повернулись к ней спиной. Перед нами, перед самым носом, был Бтыгрин, а немного выше, слева, — наш вчерашний Мруж. К Бтыгрину вели две дороги: одна выше, другая ниже. «Которая лучше? — осведомился я у о. Ханны. «Эль-жи тайн хара» («Обе — [...]») — деловито ответил он мне и повел по нижней. Было времени четверть 10-го часа утра. Через четверть часа мы остановились у дома униатского священника Самана эль-Мурра. Вошли. Наш о. Ханна снял ботинки, остался в мокрых и вонючих от пота чулках и, усевшись на ковре в гостиной, стал мне говорить, что это за семья, куда мы пришли. Самого эль-Мурра не было дома, но вокруг нас стояла вся семья и слушала. «О. Симон (Саман) перешел в унию уж лет двадцать назад, — разглагольствовал о. Ханна, — но сердце его (тут он ударил себя несколько раз в свое собственное сердце)... сердце его осталось православным... ух, каким!» Никто из присутствующих не возражал, из вежливости или из

сознания правды — не знаю. Подали нам воды с сиропом, темного-темного черно-фиолетового цвета. Оказалось, это сироп фиалковый. Запах прекрасный, но вкус очень аптекарский, лекарственный. Пока поп разговаривал, я глядел в окно. Видно было Айн эль-Кабу в вышине, на другой стороне; виден был и еще более высокий Кфар-Акаб. Я засмотрелся на живописную долину между ними и Бтыгрином (по-видимому, это все то же ущелье Жмажим, только ставшее широким), как вдруг мне в нос ударил очень неприятный запах. Ах, это из фабрики шелку! Эти фабрики — бич Ливана, по-моему. От них на сто шагов разит тухлятиной, потому что коконы с замороженными червяками опускаются в горячую воду и гнилые внутренности червей, разведенные в горячей воде, отравляют воздух.

Без пяти минут в 10 часов мы вышли из Бтыгринна и по ровной, проезжей дороге пошли на юг, в Табишу. Я опять вспомнил Меркурия, но не с досадой и горечью, а с глубокой благодарностью. Через двадцать минут мы очутились в Табише, а мне казалось — через пять минут: так хорошо и легко шлось. Сели мы у источника, чтоб позавтракать. Тут была и хата. Молодая мать, изумительная красавица, от которой я не отрывал глаз вследствие невиданной мною красоты, вдруг показала себя очень первобытной: обнажила обе груди и стала кормить ребенка. Я невольно отвернулся в силу европейской привычки, но о. Ханна невозмутимо продолжал с нею разговаривать и сообщил, кто я, а Ибрагим объяснил ей, что я знаю пятнадцать языков (в сущности я знаю 17, даже больше). Она меня окликнула. «Когда же русские придут забрать нас?» — задала она мне веселый вопрос. Я ответил, что этого не знаю, но я обратил большое внимание на тон, каким этот вопрос был сделан: в Бейруте, где жители страдают от турок, такой вопрос мне предлагался с горечью, а здесь, на Ливане, где есть свобода и конституция⁵⁷, он был предложен тоном совершенно беззаботным, просто в силу привычки. «С какой же стати русские пришли бы забрать вас?» — задал вопрос я уж от себя. «Да ведь мы — русские подданные, московские», — ответила она тем же беззаботным тоном, мало вникая в смысл своих слов, произнося их как заученную фразу, и пошла жарить нам «батинжаны» (черные батлажаны) на вертеле.

Мы провели в Табише немного меньше полутора часа. Позавтракавши, поп успел там даже соснуть. А я, совершенно обсохнувши от пота, все же чувствовал себя неудовлетворенным. Лицо у меня загорело; шея была совсем обожжена, на ногах были пузыри, ботинки прорвались на пятках, и на пятках были царапины, во всех членах ощущалась усталость. Мысль, что до Шуэйра лишь час ходьбы, волновала меня. Мне уже не сиделось. Я разбудил о. Ханну, и мы вышли в путь. Была половина 12-го, близко к полудню.

Дорога опять была прекрасная. Бил полуденный колокол, когда мы вошли в сад униатского монастыря св. Иоанна (Мар-Ханна)⁵⁸; он считается уж шуэйрским; я так и ахнул от неожиданности: мне показалось, что я в Преображенском саду Киево-Печерской лавры. Задумчивые дубравы и кедры, шелестящие своими листьями; зеленые обширные лужайки, покрытые травой; поэтические тропинки в саду среди скал, обвитых зеленью и виноградом; ручьи... Как все это было уютно... Мы зашли в монастырь, в церковь, где шла какая-то полдневная молитва.

Униатская церковь св. Иоанна по обстановке совершенно православная; иконостас цел, не то, что в Галичине. Одежда монахов чисто православная: бороды не сбриты (положим, на Востоке даже иезуиты ходят с бородами). По окончании молитвы нас пригласили в приемную, где висели большие масляные портреты создателей и благодетелей «святых обители сия», и подали нам лимонад. Потом предложили мне осмотреть монастырь и его школу — семинарию. Настоятеля обители не было, и меня всюду водил ректор школы. В классе я увидел большую географическую карту Европы и части Азии, рисованную рукою и раскрашенную. Увы, она была крайне неверна: Каспийское море лишено было того восточного угла, который ниже залива Кара-Бугаз; Средиземное море было непомерной ширины; остров Кипр был необъятной величины; часть Сибири была показана в Европе. Очевидно, карта эта (стенная) рисовалась с какой-нибудь маленькой и увеличение было произведено частями, непропорционально. Рисовал карту учитель Зальзаль. Он вошел, мне его представили. Он заговорил со мной не по-арабски, но на чистом французском языке. Боже, как я обрадовался. Мне казалось, что я слышу родные зву-

ки, — до того я отвык от французского языка в Шуэйре. Я с запоем начал болтать с Зальзалем и не мог наговориться. Повели меня в библиотеку. Я полюбовался старинными рукописями, на которые иезуиты давно точат зубы, чтобы забрать в библиотеку Университета св. Иосифа, и когда наконец я взглянул на часы, то увидел, что мой о. Ханна, очевидно, сильно соскучился ждать меня в приемной (он не захотел пойти осматривать монастырь). Сопровождаемый благопожеланиями монахов и приглашением бывать почаще, я с о. Ханной и Ибрагимом вышел за ворота обители. О. Ханна кивнул мне пальцем и показал: «А вот, гляди, и твой дядюшка (аммак) Шуэйр». Действительно, через полчаса мы оказались в Шуэйре. Я в изнеможении упал на кровать, а Ибрагим увидел мальчишек, которые высоко на горе пускали змея, и побежал к ним на гору играть с ними, как будто он и не совершал длинного путешествия.

15 июля
[27 июля] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Дорогая Маша!

Посылаю описание моего путешествия и прошу особенно тщательно озаботиться о его сохранении, так как эти материалы для целой статьи. Надеюсь, что вы прочтете его не без интереса. Отсюда вы поймете, с какими людьми мне приходится жить, в какой обстановке и в какой природе. Ноги мои сегодня совершенно здоровы, и через недели полторы я хочу посетить развалины Баальбека, т. е. древнего Гелиополя, где есть великолепный храм Юпитера. Думаю выучиться ездить верхом на осле, и таким образом мне не грозит вторичное отнятие ног. [...].

Пиши, как поживаете. Быть может, завтра будет от Вас письмо, так как завтра почта (среда). Получил я с прошлой почтой письмо от Яницкого: он повстречался с папой в Киеве*.

Ф.

* А. М. Яницкий — товарищ А. Е. Крымского по коллегии Павла Галагана (окончил курс в 1889 г.), по специальности физик.

Е. Е. Крымскому

17 июля
[29 июля] 1897 г.,
Шуэйр

Сегодня мои хозяева решили устроить ужин (т. е. обед, в 7 час. вечера) не дома, а в винограднике, за селом на горе. Виноградник их брата лежит между двумя холмами на горе Мар-Хате, в нем много кедров, фигов, дубов. Вечернее солнце нежно сияло нам и золотило окружающие зеленые холмы; Саннин имел розовую вершину, исчезающую в небесной синеве. Скалистые горы смотрелись голубыми. Море вдали было как зеркало... Ах, неужели я когда-нибудь забуду этот вечер! (И только на возвратном пути наше удовольствие нарушено было двумя змеями, переползавшими дорогу.) Почему я здесь один. Почему нет кого-нибудь из вас, чтобы вместе насладиться этим чудным Ливаном?..

18 июля
[30 июля] 1897 г.

В прошлом письме я писал, как здешняя школа дала на спектакле в руки древним римлянам револьверы. Теперь я узнал, что представлением заведовал не необразованный священник о. Ханна, а его школьные учителя, из которых один воспитывался у американских миссионеров (Халиль), а другой — у иезуитов. Чудесно же там учат историю.

Видел я одного араба (Михаила ибн-Шдида Яфета Табшарани), который учился в России, в Киеве, и знает по-русски. Он мне разъяснил переселенческие цели шуэйрцев. Они наводнили Бразилию, задумавши (с выгодой для себя) непредприимчивых, ленивых бразильских португальцев купить предметами европейской роскоши. Уж десять лет существует в Бразилии (особенно в Сан-Паоло, к северу от Рио-Жанейро) большая арабская колония: нажившиеся арабы держат оптовые склады, а новоприбывшие берут коробы и ходят по селам, словно у нас венгерцы (короб называется «кашше»). Особенно отуманивают они южноамериканских негров, которые по-

лучили волю лишь в 1889 г. и еще совсем не умеют жить. «Сто-двести процентов прибыли — это там вещь обычная», — говорил мне Яфет. [...] Бразильское правительство, по слухам, намерено вкоре предпринять ограничительные меры против арабской эксплуатации, чтоб защитить свой простой народ.

18 июля
[30 июля] 1897 г.

Над Шуэйром к западу лежит православный монастырь св. Ильи (Мар-Эльяс). В воскресенье настоятель монастыря о. Матфей сделал мне визит, и сегодня я решил ответить ему тем же. Монастырь лежит на очень красивом месте, вид на море прекрасный. Колокол — католический (раскачивается), но это и в Бейруте у православных так водится; только в Иерусалиме исключение. Братии немного — человек семь, как было и пятьдесят лет тому назад, и из них большая половина греки (дамасский патриарх Спиридон старается удалять монахов-арабов из монастырей, чтоб они не могли выдвигаться на иерархические места). Келий много; очевидно, прежде, например в XVIII веке, могло жить здесь монахов гораздо больше. Впрочем, часть келий отдается на лето внаем известным монастырю лицам, и некогда здесь проводил лето русский консул Базили, который в 1847 году закончил здесь свой двухтомный труд «Сирия и Палестина»⁵⁹. Я пошел не один, а в сопровождении попа о. Ханна. Настоятель куда-то отлучился, но все равно нас очень торжественно ввели в монастырскую приемную и подали угощение. Тут шут-поп давай отпускать замечания о портретах патриархов, и я стал смущаться. Повели меня показывать монастырь. В столовой, куда я заглянул, поп увидал в углу тарелку с шелковицей, предназначенной на обед (ужин) отсутствующему настоятелю; о. Ханна ее вытащил, стал есть и меня угощать. Я, конечно, был смущен и отказывался, но уж монахи сами из вежливости стали мне предлагать. В келье настоятеля лежали на окне яблоки. О. Ханна заявил монахам, что мне следует дать парочку: к моему ужасу, это было исполнено (а хозяина кельи, как я сказал, не было дома). В церкви о. Ханна тоже держал себя непозволительно шутовски. Далее мне показали под монастырем пещеру, где похоронены мит-

рополиты. Узкой дырой я ползком просунулся с послушником в эту пещеру. На полках лежало много черепов. В деревянном гробу, без крышки, полуистлевши, лежали мощи митрополита Макария (умер 120 лет назад). Сохранились они довольно плохо. Голова, например, — чистый череп, с небольшим лишь количеством кожи (лохмотьями) на лбу; нос провалился. Грудь и живот сохранились хорошо, кожа на них стала точно сапожная, и, когда послушник ударил по ней несколько раз рукою, она щелкнула, словно пузырь — сухой и надутый: она действительно вздулась, как пузырь или кожаный мешок. На ногах кожа также хороша, но пальцы поотпадали, и видно внутри кости без мяса. Одежда — какие-то тряпки, крайне истлевшие. Вообще впечатление гнусное. Непочтительное обращение служки с трупом усиливало тяжелое состояние духа. Затем я попросил позволения осмотреть библиотеку, но подлый о. Ханна, видя, что солнце заходит, стал кивать и подмигивать монахам (я все это чудесно видел), и те сказали, что настоятель увез ключи с собою. Пришлось отложить осмотр библиотеки до будущего раза, т. е. до кануна св. Ильи. Впрочем, мне показали одно старое евангелие арабское, ему немножко более 500 лет.

Канун Ильи будет нечто странное. Соберется сюда народ со всех окрестностей, будет целую ночь играть на инструментах и петь песни (все светские), будет пировать всю ночь. Уж не искать ли в этом отголосков праздника Хыдра, иногда отождествляемого с Ильей.

От князя Гагарина получил письмо с дачи насчет о. Ханны. Характеризует его как шельму.

19 июля
[31 июля] 1897 г.

Сегодня пришло очень вежливое (даже слишком вежливое) письмо от настоятеля монастыря св. Ильи. Извиняется, что не был дома во время нашего посещения и приглашает прийти на канун празднования Мар-Эльяса.

Я пошел. Монастырская площадь и все пригорки были усеяны группами ходящего и сидящего народа в своих живописных разноцветных костюмах. Собрались люди отовсюду, даже из очень далеких ливанских деревень, и потому костюмы иногда архаичны. Обычный наряд гор-

ца — синие или черные шаровары («шируаль»), крайне широкие, с огромнейшей мотней, разноцветный пояс («зонтар») и цветная сорочка, впускаемая в штаны; пока что все это напоминает нашего украинца (только у того все почти белое). Но далее род жилета («витра») или безрукавки (как у наших цыган), разных цветов и с разными бахромками на груди, а сверх него — «абайе», нечто среднее между кафтаном (очень широким) и плащом. Эти абайи я видел сегодня желтовато-коричневые с роскошными черными полосами вдоль (сверху вниз). На голове у этих горцев род малорусской женской намитки с длинными полами, или концами, закрывающими лоб, шею, уши и падающими на грудь, т. е. вроде очень живописного капюшона. У других мужчин на голове тюрбан («ляффе»), причем один конец (сперва принятый мной за локон) обвивается вокруг левого уха (кажется, можно и вокруг правого) и спадает так, как казацкий «оселедець». Костюмы женщин довольно поевропеились. На иных женщинах я видел черные фески, а сверху них косынку или платок (как у армянок). Торговцев с съестными припасами и плодами — видимо-невидимо.

Я вошел в самый монастырь. Меня встретили очень хорошо, ухаживали за мной, но когда я вместо вечерни хотел было любоваться с плоской крыши толпою, не дали: взяли меня за руки, привели в церковь и поставили впереди всех людей на почетном месте. Вечерня шла, по-моему, на новогреческом языке, во всяком случае, с произношением новогреческого, так что я понимал лишь некоторые слова, и потому скука была для меня невозможная, тем более что греческое пение в нос, с пригнутой, действует усыпляющим образом. Однако так как вся публика смотрела на меня, пришлось учащенно креститься. Здесь, на Востоке, который видит из русских только пилигримов, составилось убеждение, что нет на свете более набожного народа, чем «москобы»: они — «абрар» (праведники). Полагаю, что я своими изобильными крестами поддержал эту славу. Кстати заметил, что большинство икон монастыря пожертвованы из России, на них и надписи славянские. В конце вечерни, как водится, освятили хлебы. Но это были не просфорки, как у нас, а огромные хлебы, величиною с сито каждый. Они были потом разрезаны и розданы всем в церкви. Я для отличия получил четырехугольный кусок (величи-

ной с книжку in 8^о) как раз из середины с буквами ІСХСНІКА и тут же, в церкви, услышал объяснения одного из присутствующих (он учитель в школе): «Понятно, он ведь важный человек — ху кбир». После вечерни настоятель о. Матфей и монахи повели меня в приемную, угостили вареньем и в заключение, когда я стал прощаться, сунули в руки моему спутнику (брату хозяйки, который вел меня) целый платок яблок, чтоб он их понес за мною. Я не мог отказаться, пришлось взять. Словом, люди очень радушные.

Вышел я из монастыря и стал разглядывать толпу. Колокола звонили. Ружья стреляли без перерыва от радости. Ливанские полицейские разнимали двух дерущихся и старались также прогонять музыку, говоря, что от нее вся напасть. Конечно, музыканты и стрелки не ушли, а, наоборот, стали играть [и стрелять] вовсю. Музыканты доморощенные: обыкновенные крестьяне, собирающиеся отовсюду в этот день. Конечно, об одном общем оркестре нет речи: в каждой группе пирующих односельчан свои музыканты (трубачи, сопилочники, редко скрипачники). Кое-где устроены на земле кружки или площадки для танцоров: мужчины выплясывают какую-то пляску, размахивая мечами («сйуф»). Разумеется, все это бесплатное зрелище*. В одном месте люди стали ломать туты (шелковицы) соседнего смежного маронитского монастыря; маронитские монахи выскочили и стали колотить православных потравников палками. Но вообще все радостны. Семьи будут веселиться целую ночь и тут же заснут под открытым небом. Вероятно, шуэйрцы и бикфайцы подерутся. Недаром и пословица: «Лау ля Бикфайа уш-Шуайр — кяныт ид-динйа, б-алф хайр» («Не будь Бикфай и Шуэйра, мир обладал бы тысячею благ»).

Песни распеваются очень выразительно, изобретательно. Например, я наблюдал одну группу из четырех человек, уж подвыпившую. Один запевал, причем делал жесты руками в pendant к содержанию песни, и наконец с разудалым видом ударил рукой о колени, откинул голо-

* Вообще танцоров ценят на Ливане. Одного очень искусного сельский фотограф даже сфотографировал во время пляски. В 1664—1665 гг. д'Арвье (L. Arvieux, Voyage fait par ordre du roi Louis XIV dans la Palestine, vers le Grand Emir..., Amsterdam, 1718) писал, что у бедуинов танцевать на людях — неприлично (стр. 247), а пляшут только профессионалы.

ву назад и тряхнул волосами. Три застольника, которые до того времени внимательно, с интересом пожирали его глазами, подхватили последние слова его куплета и, хлопая в ладоши, запели хором следующий куплет. По окончании запевала опять запел соло, заглядывая в лицо то тому, то другому и красиво жестикулируя. Ответ хором последовал опять с мерным похлопыванием в ладоши и великолепной мимикой. Темп песни был полька, содержание очень веселое, но я, к сожалению, не уловил многих слов.

Я уж пришел домой, поужинал, а выстрелы и звон монастырских колоколов беспрестанно возобновляются. Мне говорят, что такие торжества происходят сегодня у каждой церкви св. Ильи, например в Бейруте.

20 июля
[1 августа] 1897 г.

Был на обеде в монастыре. Служба была греко-арабская, т. е. иные ектении читались по-арабски, иные — по-гречески. Ради меня пропели несколько раз по-русски «Господи, помилуй» и «Поддай, Господи». Вообще Вавилон был порядочный. Напевы греческие сильно отличаются от современных церковных русских: русские дышат духом итальянско-немецкой оперы, а греческие — строгие, унылые. Иные церковные песнопения — совершенно мотивы украинских народных песен, грустных. Например, мне казалось, что я слышу: «Ой, чи це ж той бурлацюга» и др. Мне кажется, что византийское пение имело влияние не только на церковную, но и на светскую Южную Русь, т. е. на ее народную поэзию (как и византийская живопись на украинские вышивки). В церкви я обратил внимание на отсутствие соли; амвон есть, а соли нет.

После службы музыканты и танцоры попросили у игумена (о. Матфей) позволения устроить прощальное представление в самом монастыре, во «дворе» («дар»). «Двор» — это внутренняя часть здания монастыря, лишенная крыши. В нем растет несколько кипарисов. Вверху, вокруг «двора», идут четыре плоские крыши монастырских зданий. На них, на крышах, как на галерее в театре, собралось много людей и окружило (вернее, «увенчало») «двор» четырехугольным живолюдным поя-

сом. Этот пояс, пестревший своими разноцветными костюмами, был так красив, что я чаще глядел на зрителей, расположившихся сверху, чем на лицедеев внизу. А лицедеями я их назвал потому, что они не просто танцевали, но сопровождали танец мимикой или пантомимами. Происходили танцы с мечами (или саблями — «сйуф»). Одиночные танцоры вертели меч («сайф») вокруг себя и вокруг руки с невыразимой быстротой, так что в глазах получилось ощущение какого-то вертящегося колеса, подбрасывали их высоко вверх и, приплясывая, ловили (а у меня сердце щемило: я все боялся, что меч упадет острием и вонзится танцору в глаз или в голову). Пары представляли борьбу (вроде нашего фехтования), и все это с пляской. Замечательна была плясочная дуэль отца с сыном (Кабла на Дахдука). Оба то будто сражались на саблях со щитами, то будто преследовали друг друга, причем один будто прятался: наконец один показал вид, что поддается, и другой понес его на плечах как трофей, и оставалось только крикнуть: «*Vae victis!*»* или «*Police versol!*»**. Все это мне напомнило Ксенофонтово описание малоазиатских плясок в V книге «Анабасиса». Далее (опять-таки, помнится, согласно Ксенофону) последовали акробатические штуки (держание стульев в зубах на одной ножке, ношение сабли, стоящей острием на зубе, причем руки играют яблоками, как у нас дети в камешки, и т. п.). Дети, бывшие тут, от ужаса изредка всхлипывали, да и мне было не по себе. Все это происходило под музыку, не лишенную мелодичности, хотя странную для нашего уха. Инструменты: барабан, корнеты, бубны («дфуф»), тарелки («снуж», кажется, именно их называют тимпанами), цимбалы. Танец носит название «хакам», т. е. «удачное попадание» (по-арабски «хакам эд-дарбе» — «попасть во что-то»).

После 11 часов дня монастырь опустел. Мы также ушли. Перед тем подошел ко мне красивый молодой монах Стефан (грек, но не без знания арабской речи). Он ходит обыкновенно в народном светло-лиловом шелковом халате (вроде легкой ризы, подпоясанной шелковым поясом) и в вышитой бархатной шалочке, которая смахивает на

* Горе побежденным! (лат.). — *Прим. ред.*

** Добей его! (букв.: «Опустив книзу большой палец.») (лат.). — *Прим. ред.*

чалму. (Имеет о. Стефан замечательно восточный тип лица.) Он дал мне для перевода несколько русских писем к нему от монахини матушки Анастасии Уткиной и ее подчиненной — сестры Арсени, бывших монахинь Тульского девичьего монастыря. Отец Стефан познакомился с ними в Дамаске и кое-как объяснялся с ними по-русски устно, но их писем понять не мог и попросил меня перевести. Письма полны обожания к о. Стефану и о. Андрею; эпитеты, хоть и в духовном тоне (например, «наш сладкопевче»), очень нежны. Из писем видно, что о. Стефан обирает своих обожательниц очень хорошо.

Вернулись домой. Я из своих высоких окон видел, как в деревне, внизу, дети-шуэйрцы на крышах, подражая танцорам в монастыре, упражнялись в танце «хакам» (т. е. «удачное попадание»), вертели в руках палки, фехтовались ими, держали в руках вместо щитов («торс») кожаный полушар («шмайле»), набитый ватой. Случались при этом и курьезы. Например, один мальчик неумело попал другому палкой в зубы. Тот обозлился, стал бить своего противника палкой по-настоящему, другой, конечно, стал отбиваться; далее палки и щиты были брошены; дело пошло на кулаки, наконец перешло на острые зубы—оба барахтались, кусали друг друга. Хорошо еще, что не свалились с крыши, как это было недавно с трехлетней девочкой (она сломала себе при падении и руки и ноги).

Почти целый день просидел у меня студент Американского университета в Бейруте Насиб Бутрос Тобширани. Он сперва много раз попытался было перевести разговор со мною на английский язык, но я тщательно уклонялся (отговариваясь, что не привык) и таким образом все время говорили мы по-арабски. Я не старался его выжить (так как для практики в языке он мне очень полезен), но все же из-за его присутствия день был у меня потерян для других занятий. Ужинать мои хозяева пошли на виноградники, поплелся туда и я. Было очень хорошо, но это также была потеря времени... По обычаю, хозяйка, вспоминая какие-нибудь арабские пословицы, сообщала их мне для записывания. [...]

22 июля
[3 августа] 1897 г.

[...] Вчера мы с Насибом гуляли и встретили его знакомых. Насиб уж раньше успел осведомиться, какие языки я знаю, и теперь стал говорить знакомым: «Смотрите, вот человек, знающий почти двадцать языков». Я стоял в крайне неловком положении и, когда знакомые Насиба отошли, говорю: «Зачем говорить такие вещи. Ведь это очень неловко». — «Чего неловко. Да если б я знал столько языков, я бы сел верхом на лошадь, поехал бы по горе и провозглашал бы: „Слушайте люди. Я знаю семнадцать языков“». — «У нас в Сирии, если человек знает пять слов по-английски (так продолжал Насиб), то заявляет: „Я говорю по-английски, сочиняю по-английски, пишу стихи по-английски“. А ты ведь знаешь те языки хорошо». [...] Получены ли книжки из Твери?

74

Е. С. Крымскому

23 июля
[4 августа] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Дорогой папа!

Только сегодня получил я наконец письмо от Вас и даже два. Последнее Ваше письмо было с месяц тому назад (вышло из Звенигородки 10 июля). Спасибо за присланную статью о Фирдоуси; она, впрочем, очень пустая. Смерть директора института может иметь важные последствия: министерство в прошлом году, боясь армянофильской агитации (в гимназических классах), хотело закрыть институт совсем. Атгая пишет, что смерть директора вызывает опасения, как бы намерение министерства не возобновились. Конечно, если восточные курсы будут при этом перенесены в университет, то тревожиться мне нечего: в противном случае придется ехать в Петербург и там устраиваться.

Мой дневник за несколько дней я вчера выслал на имя не то Маши, не то Симы; оттуда можете узнать, как я живу в горах. Увидите, что, несмотря на многое хорошее, я все-таки довольно тяжело здесь чувствую себя. Конечно,

против горных крестьян я ничего плохого сказать не могу: пока что я в них вижу одни хорошие черты (из симпатии к горцам я даже бросил бейрутское наречие и стал со всеми говорить по-ливански); но все же с ними, с горными крестьянами, не поделишься задушевными мыслями. А более образованные, т. е. полуобразованные, жители бывают и тут похуже бейрутинцев; впрочем, они и есть те же бейрутинцы и живут здесь только летом, убегая от зноя.

Машино письмо, которое пришло с Вашим, не утешило меня. Выходит, что много моих писем (с обрывками книг) пропало или Маша о них умолчала. [...]

Наиболее своим неполучением тревожат письма английские, потому что номера данных мне расписок и номера на конвертах писем оказываются разные, и Машины сообщения о приходе того или другого номера английского письма не разъяснили мне ничего. Остальные письма других почт имеют на себе одинаковые номера с расписками.

Я не написал, что пакеты, полученные на фиктивный адрес на имя Гани и Бори, должны отдаваться Маше. Если я что-нибудь пишу Симе или Марусе, не прибегая к фикциям, а адресую просто на их имя. Мне очень жаль того потерянного у Вас конверта, в котором пришли «Паны й люде». Пусть меня Маша известит, нашелся ли он наконец или нет. [...] Продолжительность же моего пребывания здесь будет зависеть от наступления или ненаступления холодов. Та часть Ливана, где я живу, наиболее высока и заслонена горами от знойной Финикии, а потому здесь бывает даже снег (хоть, правда, не всякую зиму). [...]

Ваш Ф.

75

М. Е. Крымской

24 июля
[5 августа] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маша!

Мое последнее письмо домой вышло в путь сегодня утром до восхода солнца, а Ваши письма я получил, про-

снувшись. Я очень рад, что наконец придут деньги, потому что я в долгу у хозяев, а они в долгу у лавочников, и, кроме того, плата за дом в Шуэйре (4 червонца за лето) лежит на мне же. Жара, из-за которой ты меня жалеешь в письме, теперь мне неизвестна: наоборот, ночью я иногда мерзну и принужден укрываться теплым одеялом. Я изумляюсь иногда, как здесь могут зреть фиги и виноград, и объясняю себе тем, что ливанская природа, несмотря на летнюю прохладу, не знает зимней стужи; в иную зиму вовсе не бывает снега. Что же касается Бейрута, то я возвращаюсь в него уж в октябре, когда температура будет не выше нашего украинского лета, а оно ведь сносно. Шелковые сорочки я, впрочем, так и думаю здесь себе сделать, если средства позволят: сделаю не столько для Сирии, сколько для России. [...]

У меня теперь много работы, и я перестал ходить на прогулки. Если ж устану, то выхожу пройтись по крыше.

Дома громоздятся один на другом. Окна красные — это моя комната. Когда захочется пройтись, то гуляю по тем крышам (числом их три, но они все образуют одну поверхность), которые лежат перед моим боковым окном. Оттуда прекрасный вид вниз на деревню и вдаль на горы. Из бокового окна вид вдаль на Саннин. Мой «письменный» стол стоит возле бокового окна, так что я вечно вижу Саннин перед собою. Над нашим домом вверху, за деревьями, над скалами, лежит школа, а еще выше — дом некоего Бааклини, а далее лишь вершины горы и на ней вдали еще какой-то домик. Деревня же — внизу, спускается ступеньками до самой долины по скату горы.

Вид очень красивый, но горная сдавленность меня начинает тяготить иногда. Вечные горы и горы порою просто подавляют, и я во сне иногда вижу, будто вокруг меня беспредельная равнина, со всех сторон виден горизонт и мне очень свободно, очень радостно. Просыпаюсь и думаю: «Ах, если б сон был правдой! Если бы мне очутиться на обширной равнине без гор!». Горы, правда, навевают мысль о независимости, но временами думается, что только равнина способна спасти человека от узости взгляда в прямом и переносном смысле. Целого безвыездного года я бы на Ливане не вынес, несмотря на все красоты горной природы и хорошие качества горных жителей. [...]

Е. С. Крымскому

5 августа
[17 августа] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогой папа!

[...] Какое у Вас вообще впечатление от лета? Мне очень жаль, что я этого лета не мог провести дома. Кто знает, придется ли быть вместе со всеми даже в будущем году. Я предполагал бы уехать из Сирии в начале июля 1898 г., но, быть может, обстоятельства сложатся иначе и помешают. М. О. Аттая хочет приехать из Москвы на лето к своим родным; если так, то я смогу ехать не раньше, как повидавшись с ним и обстоятельно узнавши о том, чего мне ждать в Москве, когда надо мне ехать в Москву и т. д. Письмами всего не обсудишь, да и ленив Аттая на письма.

Живу в Шуэйре мирно и безмятежно. Преимущественно сижу дома и занимаюсь. Гулять хожу мало, потому что три длинные, вдоль соединенные крыши соседних домов вполне заменяют мне место прогулки: по кровлям прохаживаюсь очень часто, как только устану немного и захочу передохнуть. Снизу из деревни меня на кровле никто не видит, если я не подойду к самому краю платформы, а сверху почти нет домов, и из них некому меня видеть. Одна сторона крыши совсем прилегает к горе, к земле, и вдоль нее растут деревья, дающие тень. Все это удобно. Ходя по горам, думать много нельзя: того и гляди что ногу свихнешь, с обрыва свалишься, на змею наступишь и т. п., а на крыше — ровная, длинная и широкая площадка, вымощенная известью и мелкими камешками, чуть что побольше крупных песчинок.

В лунные ночи тут особенно хорошо, и только один раз меня встревожил шакал, прибежавший, как потом оказалось, зарезать курицу где-то по соседству в курятнике.

Погода — будто на Украине в хороший сентябрь. В Бейруте жарятся от зноя, в других местах Ливана тоже ноют, а здесь мои хозяева зябнут. Да и я ночью тоже укрываюсь шерстяным одеялом. Над селом очень часто проносятся облака. Иногда они останавливаются на верху горы, и тогда их здесь называют туман, хоть это, по-

моему, неверно: они не теряют ведь при этом своей формы. Под вечер солнце очень красиво играет в них. Такие облака хорошо наблюдать на расстоянии шагов ста; я смотрю на них в бинокль. Если же взобраться на гору и стать в самое облако, то уж не увидишь ничего, кроме непрозрачного тумана, не позволяющего разглядеть ничего вокруг, даже на расстоянии одного шага. При этом одежда делается среди облака влажной, а моя шляпа расклеялась.

Из других деревень привозят в Шуэйр ранее созревший виноград и винные ягоды, и я уже стал опять есть мясо. Мясо мне дают жареное на вертеле, изрубленное на небольшие кусочки: по вкусу оно, собственно, копченое, а не жареное. Род шашлыка.

Ф.

77

М. Е. Крымской

5 августа
[17 августа] 1897 г.,
Шуэйр, вечером

Дорогая Маша!

Сегодня канун Спаса. Вероятно, в подражание преображению господу арабы выделывают сегодня всякие свои «преображения». По крышам толпится народ с зажженными свечами в руках; свечи горят и прилепленные на кровле, пускаются ракетки; горит бенгальский огонь («нур кяхрба») и т. п. По кровле прилепляются свечи от каждого члена семейства по одной, а кроме того, ставятся свечи и во имя отсутствующих родичей. Обычай этот больше городской, чем сельский: селяне больше стреляют из ружей, а свечей почти не ставят. Бейрут же, говорят, в этот вечер — словно в пожаре.

Я себе уселся вдали в темноте и долго наблюдал зрелище — иллюминацию и прислушивался к крикам людей и к горному эхо от выстрелов. И почувствовал я по случаю праздника, что чужой мне этот симпатичный народ: я не могу сегодня радоваться его радостями, мне тоска сдавливает сердце. Я пытался оживить себя историческими воспоминаниями, воображал, как могла происходить

та же церемония в этих горах лет пятьсот назад, но и этот прием, который так живительно действовал на меня в своем родном краю, оставлял меня холодным здесь. Нет, я тут чужой, чужой, по крайней мере в такие дни, как сегодня.

7 августа
[19 августа] 1897 г.,
Шуэйр

Сегодня тоже выстрелы, пальба, но уже по другой причине. Державы утвердили Наума-пашу⁶⁰, бывшего ливанского автономного губернатора, опять на том же посту. Целый день толпы народа бродили по улицам села, распевая похвалы своему «валию» (на деле его титул «мотасарриф») и стреляя вверх из ружей. К сожалению, я отметил, что многие крестьяне совершенно не понимают исключительного политического значения своего «валия» и, значит, своей конституции, за которую пришлось державам так долго бороться⁶¹. Я сегодня слышал спор между стариком лет пятидесяти и женщиной лет тридцати: первый уверял, что их губернатор — мусульманин, потому что «мы ведь подданные султана», а женщина утверждала, что Наум-паша — христианин. На меня спор произвел невыгодное впечатление: итак, многие крестьяне до сих пор живут бессознательно и даже не понимают того блага, которым пользуются, и эти же крестьяне выбирают депутатов в свой «парламент» («мажлис аль-идара») — «Conseil administratif». К довершению хаоса у них, по крайней мере у православных, существует параллельное представление, что, собственно, они — подданные России.

Пальба, между прочим, происходила на горе «Мархете (южной вершине Шуэйра). Пошел туда и я. Вдруг слышу, выстрел раздается на соседнем пригорке той же Мархеты. Толпа увидела там человека и стремительно бросилась к нему, беспокойно размахивая руками. Я осведомился, что это значит. Одна женщина мне объяснила: «Это борец за веру («бихахид аля д-дин») по имени Эль-Халяби. Он убил в Бейруте много мусульман, за его голову назначено 50 червонцев, и он окрывается здесь». — «Так зачем же все бросились к нему? Хотят его схватить и выдать?» — «Что ты?! Борца за веру выдать?! Нет, просто хотят его предупредить, чтоб он не очень показывал

себя (ля йьдхир халу) и не обращал бы всеобщего внимания». Эти добрые люди не понимали, что, летя к «ревнителю веры» целою кучею и с криком, они скорей обратят на него всеобщее внимание, чем если бы оставили его в покое, будто не видят.

Среди толпы народа я увидел одного священника из соседнего села. Он у меня справился «Когда же Россия начнет войну с Турцией? Ведь двадцать лет от последней войны уж подходит к концу». — «Ну так что же», — спрашиваю я. «Как что же?! Да ведь есть в России закон Петра Великого, даже не закон, а просто завещание («васый-ие»), по которому русские цари обязаны воевать с Турцией в каждые двадцать лет промежутка».

Здесь, в Ливанских горах, как вижу, люди имеют еще странные воззрения на политику, т. е. наивные, и по существу мало ею интересуются. А в Бейруте всякий мелкий лавочник с жадностью читает газеты. Да что лавочники, дети — семилетние дети — во время греко-турецкой войны рылись по картам, чтоб понять, где Ларисса и где другие пункты Фессалии.

21 августа
[2 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

Письмо это (или, вернее, дневник) написано давно. С того времени я успел уехать на восемь дней из Шуэйра и лишь вчера возвратился. Я нездоров теперь и не могу писать подробно о своей поездке. Напишу потом, а теперь пошлю этот уже готовый клочок. Также посылаю семена очень красивых цветов: в Бейруте, боюсь, они от сырости испортятся. Сохрани их до моего приезда или посея сама. Растение ползучее. Посеять (если захочешь) надо сперва в горшках. Растение многолетнее, цветет начиная с третьего года. [...]

Е. Крымский.

Е. Е. Крымскому

16 августа
[28 августа] 1897 г.,
с. Алей на Ливане

Неделю тому назад одновременно кн. Гагарин из Арайи и мой учитель Нажиб Трад из Алея пригласили меня погостить у них на их дачах. Я, не видя в Шуэйре давненько чего-нибудь, подлинно похожего на образованное общество, довольно легко решился поехать к ним в совсем другую часть Ливана. У князей я рассчитывал в Араие пробыть день, но меня задержали на три дня, от 10 до 13 августа, а здесь, у Традов, я уж третий день.

От своего Шуэйра, это было неделю назад, четыре дня спустя после Спаса, я сперва проехал на «босте» до Бейрута. Боста, т. е. «почта», — это род дилижансов на 8 человек. В Бейрут должен был ехать и шуэйрский священник о. Ханна Мжаас. Собирались мы было ехать часа в 4 утра, но один из восьми пассажиров — «мудир», т. е. старшина деревни, — нас задержал. Священник Ханна в ожидании волновался до крайности и уговаривал извозчика, чтобы он, когда мудир наконец придет и усядется, потребовал с мудира плату побольше за задержку в выезде. Смотрим, идет наконец мудир. Лицо о. Ханна внезапно светлеет и делается приветливым. «Извините, я опоздал», — говорит мудир. О. Ханна: «Эка важность (шу бисаиль!), ведь и пословица говорит „Эль-ажяль мны-ш шитан“, т. е. „Поспешность — дело дьявольское“». Я, конечно, слушая прямодушного иерея о. Ханну, внутренне испытывал невыразимое наслаждение от его несравненной виртуозности..

Поехали. Едем. Через два часа вдруг из-за одной горы перед нами издали блеснул Бейрут. Я окаменел. Весь Бейрутский полуостров лежал к югу перед нами как на ладони. Я видел море, поясом омывающее его почти со всех сторон; я видел под Бейрутом или за Бейрутом и все отдаленнейшие окрестности Бейрута; но лучше их всех — он сам, город Бейрут. Как он велик, как он красив, как он величествен! При утреннем восходе он дышал овежестью и был нежно-розового цвета, а море у его подножия — светло-голубое. В ту секунду живо почувствовал, до чего

я успел привязаться к этому прекрасному городу. Я, безусловно, с ним сроднился, и он для меня — второй родной.

В 9 часов утра мы въехали в Бейрут. Много эстетического очарования пропало. У заставы оказалось на суше еще другое море — глубокой пыли, а везде в городе — духота, хуже бани, так что я, сидя в повозке, обливался потом и забывал даже любоваться тропической растительностью, изрядно, впрочем, пропыленной вдоль дороги. Большую часть дня в Бейруте 10 августа я провел на российской почте, разговаривал там в прохладе с одним моим хорошим знакомым. Ходить по городу я боялся, потому что малейший шаг в этой раскаленной печи бросал меня в струи пота.

В 5 часов дня (вечера) поезд пошел в горы, в Арайю, где живут князья Гагарины, и я первые полчаса железнодорожного подъема вверх чуть не захлебывался от восторга. Поезд огибает весь Бейрут и идет среди садов и пальмовых лесов, и здесь уж дует ветерок. А выше еще свежее. Через два часа я был в Араье, или, по бейрутскому выговору, в Арее. Она лежит уж очень высоко, и в ней нет тягостной жары; но Шуэйр несравненно прохладнее. В Араье в полдень все же нельзя ходить без зонтика, потому что солнце жжет. Виды очень красивые, виден и Бейрут, но виден не лицом, а задней частью (фасады бейрутских домов обращены ведь к морю), и нет здесь, в Араье, того, что составляет порядочную прелесть Шуэйра: бесконечных кедровых лесов и несравненного горного снегового исполина — Саннина.

Погостивши у Гагариных три дня, я 13 августа решил направиться в Алей к Традам.

Алей — это следующая станция по железной дороге. Линия вьется зигзагами чрезвычайно, и поэтому поезд должен идти минут двадцать. Но есть прямая не железная дорога из Арайи в Алей, по которой можно пешком подняться за один час 15 минут. Князь, когда я стал прощаться, посоветовал мне не ехать поездом, а идти этой дорогой, и даже проводил меня очень далеко по ней.

Прихожу в Алей: и не узнаю его*. Вижу, толпы народа снуют по улицам, и все знакомые лица, и даже все из-

* Когда я был в Алее весною, в нем приезжего народа не было, и он тогда казался пустынным.

возчики — знакомые, ну словно второй Бейрут собрался передо мною! Дело в том, что бейрутинцы почти все уезжают в Алей, и село летом делается чрезвычайно многолюдным. Красивых видов множество, но неулегающие облака пыли от извозчиков отравляют жизнь. Что-то вроде Боярки под Киевом или даже еврейской части Звенигородки. Окраины Алея очень свежи и чисты, но там живут или крестьяне (в своих собственных усадьбах), крупные богачи из бейрутинцев да кое-кто из консулов (Люттке). А все огромное большинство бейрутинцев упорно избегает тех окраинных мест Алея и ютятся и гуляют возле станции и рынка, где и стоят облака пыли от извозчичьей езды. На мои расспросы, почему это так делают, ответили, что у станции и базара — «веселее», есть несколько кафе, в которых вечно музыка и певицы, есть разные киоски и лавчонки, в которых можно поболтать, и т. п. Место дачных гуляний у приезжих бейрутинцев — длинная улица от станции Алей к т. н. «кварталу Друзов». Она действительно очень «весела», т. е. густолюдная, но как эти добрые бейрутинцы не задыхаются на ней от пыли, я понять не могу. [...]

На другой день, 14 августа, мой учитель Нажиб Трад предложил мне поехать в село Хамману. Фон Кремер в 1850 г. находил его раем⁶². Сперва мы проехали две станции по железной дороге до с. Сауфари (Софар). Здесь «знатные» бейрутинцы устроили игорный дом (род рулетки) и положили большие капиталы на устройство здания гостиницы. Народу туда приезжает масса, и иные проигрываются в пух и прах, но бейрутская «знать» (Сюрсоки, Бюстрасы и др.) находит, что их софарские пай дают им еще мало прибыли, и, такой слух, собираются с будущего года устроить при софарской гостинице еще публичный дом (из девиц и мальчиков); и мне передавали, что разные «девицы» уже теперь заказаны в Марселе, Вене и других городах. Я не пожелал войти в отель, посмотреть рулеточную игру. Совестно было. Между прочим, отмечу, что главный понтер — почетный драгоман Российского императорского генерального консульства Сюрсок (по имени, кажется, Муса). Да!

Мы пошли из Софара пешком в Хамману: она от Софара — на расстоянии двух часов ходьбы. Был полдень, но нам не было жарко, потому что Хаммана лежит так же высоко, как и Шуэйр. Нас было трое: я, мой учитель,

Нажиб Трад, и его родственник Эльес Трад, судья в Бейруте (очень важная птица по здешним нравам; он очень толст, и пошел он с нами, чтобы похудеть от прогулки). В Хаммане мы нашли живописную речонку и тысячи горных ручьев. Не стану отрицать, что вид хамманских водопадов (Айн-Шагур), висящих в воздухе, прекрасен (это место поэтически восхвалил и Ламартин в 1830-х годах⁶³, однако я никак не мог разделить всего восторга моих арабских спутников. У нас и у них вкусы разные. Они, например, остаются бесчувственны в Бейруте к виду безбрежного моря, тогда как мы, все без исключения, не можем оторваться от вида моря. Из Хамманы, впрочем, моря не видно. Бейрутские пальмы с их чешуйчатой своеобразной корой, с их великолепными листьями, с их роскошной вершиной почти ничего не говорят арабу, и арабы всегда мне изумлялись, когда я готов был бесконечно разглядывать пальму и в пару очков, и в бинокль, и вблизи (стоя у ствола), и издали. Между тем маленький ручеек, жалкая размерами речонка, через которую можно перепрыгнуть, приводила араба в умиление. Объясняется это, конечно, сухостью Азии, где жизнь дается только водою ручья и где на расстоянии двухсот шагов от ручья — пустыня. И вот в Хаммане я и оба араба любовались каждый разными вещами: я — контуром гор, сосновой рощей, виноградниками с их особенным зеленым цветом и синевою неба, а они — видом текущей воды, и притом кое-где вовсе не так уж и поэтичной: вставленной в каменную ровную рамку и с вымощенным дном-руслом. Впрочем, остались также и свободные водопады, но только «впрочем».

О приходе судьи-бейрутинца узнали хамманские крестьяне и стали наперебой приглашать нас каждый к себе в гости. Христианин-судья — лицо очень популярное: он — защитник христиан в трибунале, где большую половину составляют мусульмане.

Кончаю письмо уже в Шуэйре 22 августа [3 сентября] 1897 г.

И поэтому нас стали все приглашать. Я, собственно, был против захождения в хаты и стремился назад в Алей, чтобы оттуда вернуться в Шуэйр, но отказать приглашающим нельзя было.

Вошли мы в один дом, посидели, поболтали, — слышу,

гостеприимные хозяева-хамманцы рассчитывают нас задержать на долгое время. Оба мои араба, замечаю, не прочь остаться надолго в гостях, но меня охватил ужас: провести в незнакомом доме несколько дней без занятий! Я и то уж начал ощущать усталость от праздности, хотя до сих пор провел большую часть времени, три дня, у князей Гагариных, где чувствовал себя свободно, где разговоры велись об интересных для меня предметах и где, наконец, я имел в своем распоряжении порядочную библиотеку. А провести празднично несколько дней в чужой Хаммане я считал для себя убийством. Оба мои араба, особенно судья, не разделяли моего мнения: для них незанятость мысли вовсе не представляется чем-то ужасным, и душевной пустоты они от этого не испытывают. Они меня стали убеждать, что, проживши дня три-четыре в Хаммане, я буду чувствовать прилив здоровья, а отдых ведь будет для меня полезен. Тогда я, забывши всякую вежливость, заявил, что пусть себе они остаются гостить здесь, а я иду в Софар. Этот кислый разговор окончился тем, что я получил обещание выйти завтра всем вместе на заре из Хамманы. Я повеселел, хотя перспективы провести здесь ночь также были для моего настроения не из приятных.

Пошли мы пройтись по всему селу (а было дело под вечер). Действительно, Хаммана — самое красивое место Ливана, и я с удовольствием стал разглядывать сады, мостики, горы, горки и т. д., но некоторые мелкие черты характера хамманцев, в общем, конечно, людей добрых и радушных, отравили мне многое. Во-первых, это народ архилюбопытный: по выражению судьи, каждый из них не заснет, пока не узнает, как имя иностранца, чего он сюда приехал и чем он занимается. Во-вторых, мне пришлось волноваться из-за опасности не суметь уйти отсюда завтра. Каждый из встречных говорил, что мы приехали очень кстати, потому что завтра будет «комедия» в здешнем училище, а послезавтра еще что-то и т. д. Я стал чувствовать такое напряжение нервов, что у меня начали дрожать колени. Вдруг судье пришла мысль убеждать меня провести завтра здесь, а поехать послезавтра не назад в Алей, а в Захле, а оттуда в Баальбек, и там провести недельку. Я объяснил ему, что такое продолжительное ничегонеделание убьет меня. Ни он, ни мой учитель не могли этой психики понять. Я пытался внушить им, что

всякая вещь, самая архиприятная, если она длится, внушает пресыщение и отвращение: прогулка и путешествие могут быть приятны только тогда, когда человек поработал. Этого они понять не могли и называли фантазией. «Послушайте, — спросил меня судья, — вы ведь сами хотите впоследствии, недели через две, побывать в Баальбеке?» — «Хотел бы». «Сколько вы дней тогда посвятите на это?» — «Положим, четыре». «Да теперь у вас на путешествие сперва обратно в Алей, Арайю и Шуэйр, а затем из Шуэйра в наши места, сюда, выйдет в общем дней десять. Значит, в течение этого месяца вы в общем счете уже решили две недели отдохнуть, хотя бы не сплошь, а две недели поработать, хотя бы тоже не сплошь. Ну не все ли равно будет для вас или отдыхать подряд 14 дней и работать подряд 14 дней, или прервать отдых работою и работу отдыхом. Число рабочих дней останется неизменным». Я был изумлен таким соображением и, чтобы объяснить судье надоедливость даже приятной вещи в случае ее несменяемости, спросил: «Вы любите кыббе?» (Это такое арабское блюдо из толченого мяса с пшеничными крупами, лучше котлет.) «Очень люблю». — «Ну, а если б подавать вам кыббе ежедневно, чтоб вы сказали?» Судья не успел мне ответить, как сопровождавший нас с гулянья хозяин хаты прервал его вопросом: «Господин любит кыббе (т. е. я)?». Я ответил, что не о блюдах теперь речь, а о сравнении; но хозяин решил, что я очень люблю это блюдо, и сказал, что завтра же это будет изготовлено. «Хорошо, — ответил я улыбаясь, — но не утром, а вечером». Я ведь, получивши обещание от судьи выйти рано утром из Хамманы в Софар, был уверен, что судейское слово свято, и потому вечером мне уж не придется пользоваться ни вкусным кыббе, ни другими блюдами радушных хамманцев.

Кончился день. Побродивши, пришли наконец в хату нашего хозяина-гостеприимца. Была уж ночь. Гостей набралась полная комната, в том числе много и женщин и детей. Один мальчик носил длинные волосы, заплетенные в косы. На вопрос мой ответили, что это — посвящение богу: если ребенок хил, то его посвящают богу, в знак чего не стригут ему волос лет до четырнадцати. Тут же я (к слову пришлось) справился у хозяина, сколько ему лет. Вместо ответа он обратился к матери: «Омми! Каддайш омри?» («Мама! Сколько мне лет?»). Она ответила, что

он родился в первый год московской войны⁶⁴. Стали вычислять, когда же была московская война, и не могли хорошо вспомнить, пока я не сказал, что в 1877 г. У арабов возраст всегда неизвестен в точности и только мать запоминает иногда, что дитя ее родилось «в год московской войны», «в год Ибрагима-паши» (т. е. вторжения египтян в Сирию)⁶⁵, «в год волнения» («хараке», т. е. резни 1860 г.)⁶⁶ и т. п. Мои оба спутника были «мкейфин», т. е. в хорошем благодушном настроении и болтали очень оживленно. Я же, напротив, сидел в углу, испытывая невыразимую скуку от пустейшей болтовни о неинтересных предметах, и удивлялся способности арабов тратить время. Наконец, стали рассказывать всякие анекдоты. К моему изумлению, присутствием женщин и детей не стеснялись. Первый анекдот был приличный: о поэте Абу-Новасе и халифе, о том, как Абу-Новас пошел в пари, что проведет целую ночь на дворе, не греясь у огня; но так как он видел где-то вдали на горке свет в окне, то халиф сказал, что фантазия помогла ему греться у того далекого огонька, и потому он проиграл заклад. Но тут же кто-то вспомнил другой анекдот об Абу-Новасе: как он поручился халифу придумать «извинение хуже самого проступка». Для этого он вздумал царю щекотать его зад, а когда тот, разгневанный, спросил, что это значит, Абу-Новас ответил: «Виноват, я думал, что это царица». Судья Трад, видя, что я изумился такому анекдоту, рассказанному при женщинах и детях, сказал мне по-французски, что это дело вполне обычное.

[...] Кроме того, судья мне сообщил, также по-французски, что все маронитские женщины (а мы в Хаммоне остановились в семье тоже маронита) отличаются легкомысленным поведением и беспрестанно нарушают супружескую верность и что женщины православных горцев, напротив, известны своим строгим целомудрием.

На следующее утро, заспавшись в Хаммане, мы встали в шесть часов, а утренний поезд в Софар как раз приходит в 6 часов — значит, мы уж на него опоздали. Я стал требовать от моих спутников все-таки идти из Хамманы сейчас же, пока прохладно, и переждать до нового поезда на станции в Софаре. Хозяин, услышавши о моем требовании, взволновался, напомнил мне, что я вчера ведь сам сказал устроить кыббе на сегодня вечером, что он отсюда заключил о нашем намерении про-

быть здесь долго, что он пошел к своему хозяину, у которого он служит, нанял вместо себя заместителя на две недели и поэтому не пустит нас раньше двух недель. Для удостоверения, что он говорит правду, он поклялся жизнью своего ребенка. Оба мои спутника были тронуты гостеприимством хозяина, но я сразу почувствовал себя нервноразбитым (я к тому же и ночью спал часа лишь три-четыре): мне захотелось неудержимо вернуться в Шуэйр поскорее, взяться за книги и избавиться от убийственного ничегонеделания. Поэтому я холодно сказал Нажибу и Эльесу, что прошу их извинить меня, но я не в силах дольше тут оставаться и иду сейчас в Софар. Оба они находили, что пустить меня одного нельзя, не подобает, так как я их гость, а, с другой стороны, уйти от гостеприимного горца Хамманы будет также кровная обида. «Я — европеец, — упрямо возражал я, — законов Ливана могу не признавать, а к тому же я чувствую себя нездоровым. Я ухожу». И я собрался сейчас же уходить. После долгих торгов мы согласились выйти из села в половине 12-го часа дня. Последовал, конечно, бой с хамманскими хозяевами. Трады с моего разрешения ссылались на меня — иностранца и отвоевали право уйти в половине 12-го. Нечего и говорить, что хозяева озлобились на меня, и я простился с ними очень холодно. Эта арабская гостеприимность «в большом количестве — вещь нестерпимая», по словам бурсака в «Вие». Впрочем, я, несомненно, был тогда не совсем здоров. Меня ночью как будто лихорадило.

Пришли в Софар, и только тут я почувствовал, что мне легче дышится даже в пыльном Софаре, чем в благовоздушной Хаммане. Тут я свободен. А Софар, действительно, пылен до крайности. Но бейрутских жителей в нем довольно из-за рулетки. Даже госпожа Бюстрос, имеющая чудесную дачу в Алее, в лучшем и свежем месте Алея, в роскошном саду, оставила свою милую дачу и поселилась здесь ради игры.

В 3 часа дня мы были обратно в Алее. Это было 15 августа. Я хотел уехать с завтрашним утренним поездом, но вся семья Нажиба пришла в негодование. Я без труда согласился остаться тут еще, так как и вправду в семье этой я чувствовал себя хорошо. Кроме того, я имел в виду побывать (по мелкому личному делу М. О. Аттая) у дамасского консула А. П. Беляева⁶⁷, живущего летом в

Алее в отеле. Я к нему отправился тотчас же. Еще в Москве я имел случай бегло с ним познакомиться у Аттаи.

О Беляеве как консуле кое-что я слышал уж раньше от кн. Гагарина. Тот его не терпит. Есть в Северной Сирии город Хама. Гагарин как-то сказал: «У России имеется консул в Хаме, К. П. Камсаракан, и хам в консуле Беляеве в Дамаске». Вообще все русские консулы ненавидят друг друга. Консулы России в Западной Европе — просто коммерческие агенты и шпионы, а на Востоке они имеют кой-какое изрядное политическое местное значение: на них лежит обязанность защищать христианских подданных Турции и сведения о политическом настроении той или другой турецкоподданной области русский посол в Константинополе получает от консулов. Для местного населения консулы поэтому — род губернаторов и судей. Особенно важна должность генерального консула в Бейруте: он, бейрутский консул России, начальник над всеми российскими консулами Сирии и Палестины; а кроме того, он вместе с другими европейскими консулами имеет надзор за автономным Ливаном, свободным от прямой турецкой власти, и может по закону оказывать известное давление на ливанского губернатора. Обыкновенно все прочие консулы Сирии завидуют бейрутскому и ненавидят его, особенно если он вздумает мешаться в их местные дела, а кроме того, не терпят и друг друга. Кн. Гагарин и А. П. Беляев — едва ли не наибольшие личные враги. Причин тому много. Дамасское консульство учреждено недавно, а раньше все дела его ведались в Бейруте, и Беляев особенно ревнив, если Бейрут и теперь еще продолжает иногда хоть немного простирать круг своих действий на его область. Кроме честолюбивой ревности тут действует и боязнь за сохранность консульства: русское правительство подумывает, не закрыть ли консульство в Дамаске, и Беляев всеми силами старается доказать необходимость его существования. Он старается всегда действовать помимо Бейрута, пишет в посольство бумаг как можно больше, так что плодит канцелярщину до крайности, лишь бы вышло побольше номеров, «входящих и исходящих» (Беляев даже простые записки нумерует). Так мне говорил кн. Гагарин. Гагарина Беляев не терпит еще и потому, что тот в Бейруте в сущности не консул, а лишь исправляющий должность консула. Побывавши недавно в Бейруте, Беляев дошел до такой не-

тактичности, что, когда он сделал визит князю, самодовольно произнес: «Да-с, итак, вас посетил русский консул». Честь, выходит, оказал. Все я это знал, когда шел к Беляеву. Повидать же его мне нужно было ввиду предстоящей мне поездки в Дамаск.

Вхожу в отель, в комнаты Беляева. Знакомит меня с женою и с ее матерью* (т. е. тещей). Мать — дочь богатого, но серого московского купца Фролова, жена имеет удивительно вульгарные черты. Я, поглядевши на нее, подумал: «Бедная, на каком же языке она объясняется. Ведь по-французски она, наверное, не говорит». До того ее лицо не внушало мысли о французском языке (потом оказалось, что она болтает, но скверно). Общее впечатление такое: попал в неинтеллигентное семейство. Встретили меня, правда, радушно, но и сквозь это радушие я заметил у Беляева манию величия. «Хе-хе-хе. Что ж Вы не приезжаете в Дамаск наш (кажется, было прибавлено еще слово „батенька“, но не ручаюсь). Да, у нас нашлось бы поле для ваших занятий, и я как консул мог бы оказать Вам большое содействие». Я с некоторым изумлением приглядывался к этой перепелке, играющей роль павлина. По происхождению он сын священника (сельского) и грузинки.

Должность консула в сущности не из крупных; чин Беляева — надворный советник (до генерала он не может дослужиться, если не будет сделан генеральным консулом), откуда ж у него такой генеральский тон? Я хорошо помню, как он, приехавши в прошлом году в Москву, должен был понять в России, какая он неважная шишка в своем отечестве (его много раз срезывали), и все же тот российский визит не вразумил его для Сирии. Стали мы говорить о положении Сирии. Я был поражен. У консула такое чудовищное неведение. Я, вращаясь всегда среди арабов, конечно, имею самое полное понятие о их воззрениях; чтение арабских газет и толки о прочитанном позволили мне понять настроение арабской мысли как нельзя точнее; прибавить нужно, что о всех внутренних процессах жизни арабской общины, ее политической, духовной и умственной жизни я имею самое точное понятие, больше того — я ведь сам живу интересами арабов

* Были и дети Беляева, старшего сына он наказывает, если он, усвоивши арабский язык от детей, болтает что-нибудь по-арабски.

и принимаю ближайшее участие в их внутренней жизни. Поэтому я в душе хохотал, слушая неосведомленные рассуждения Беляева о «национальной партии» арабов, о их отношениях к России, о их намерениях и т. д. Я задал вопрос, может ли Беляев читать по-арабски. Он принужден был сознаться, что за двенадцать лет по окончании Лазаревского института восточных языков он успел позабыть все арабское, тем более что жил не в Сирии, а в Константинополе. Из дальнейших моих расспросов оказалось, что главный источник его сведений — наш бейрутский драгоман Салим Шхаде, с которым он всегда в переписке; а я ж хорошо знаю, какой мошенник этот Шхаде (очень умный, правда). Кроме того, у Беляева есть его верный драгоман Себа (юноша, мало еще ознакомиленный с делами, и, как знаю, он же плут). Несмотря на то пренебрежение, какое мне внушал своим неведением этот Беляев, я решил немножко открыть ему глаза на то-другое, и для начала разговора стал толковать об отношениях греческого Антиохийского патриарха и русского Палестинского общества. Пришлось заговорить об известном негодяе Якубовиче, главном инспекторе школ Палестинского общества. Я, оставляя в стороне свои личные воззрения, стал сообщать Беляеву то, что думают православные арабы о Якубовиче; от этого разговора я легко затем мог бы перейти вообще к здешней политике России. Беляев ответил мне так: «Я нахожу, что Якубович, действительно, слишком гордо себя держит. Почему он не берет примера с меня. Я — консул, веду русскую политику (именно так он и сказал) и все же не становлюсь на пьедестал. Вот, например, Вы пришли ко мне, поговорили — у Вас осталось, конечно, приятное воспоминание... Якубович поступает иначе...».

«Ихрыб бейтак (чтоб твой дом развалился), — подумал я по-арабски, — тебе-то на пьедесталы становиться. Передо мною». К моему удовольствию, раздался звонок на обед. «Я пойду скорее домой, — сказал я, — потому что иначе мне придется проходить возле обедающих в отеле, а я этого не люблю. Потороплюсь. До свидания. Жаль, что не пришлось нам потолковать подольше. У меня есть очень точные сведения и о Шхаде, и о влиянии русских консулов и т. п. Авось в Дамаске свидимся — тогда и потолкуем». Я умышленно сообщил все это, чтобы отомстить ему за его слова о «пьедестале» («не ди-

вѣтъся, люди добрі, що я швець: говоріть зо мною, як з простим»). Беляев в это время пожимал мне руку для прощания; услышавши мои слова, он поднял на меня глаза. «Останьтесь с нами обедать», — предложил он. «Нет, никак не могу, — отвечал я, поддразнивая его, — хозяева-арабы мне этого не простят». И пошел было. Беляев вслед за мною, идет, не расстается. «Ну так обещайте мне, что завтра придете». — «Постараюсь, хотя я не знаю наверное». — «Нет, нет приходите наверное... Пообедаем вместе...» Тут он секунду помолчал и прибавил: «Обедаем мы здесь же, в отеле... Дорого приходится платить: пятнадцать рублей в день». Я и раньше знал о скаредности Беляева, но не ожидал, чтобы она так бестактно прорвалась, и внутренне решил, что ни за что завтра не останусь обедать.

Вечер в Алее провел среди Традов.

Судья Эльес весело болтал о женщинах и их характере, доказывал, что все они — самки, и ничего больше. Мать Нажиба Трада и его тетка помирали от хохота, да и я, хоть в сущности негодовал на Эльеса за выбор его скользких тем, не мог не хохотать, слушая его анекдоты о женском коварстве, сопровождаемые мимикою. Арабы к трагедии, быть может, не очень способны, но в комедии они были бы отличные актеры.

На следующий день, 16 августа, я часа в три дня отправился к Беляеву. Прежде всего для его успокоения я сообщил, что обедать у него не буду, так как хозяева мои сочли бы это для себя обидой. «Но знают ли они, кто вас пригласил, — спросил Беляев, удивившись, по-видимому, искренно. — Вы сказали, что Вас пригласил консул?» — «Иыхрыб бейтак», — подумал я опять и сказал: «Мои хозяева — не простые арабы, а люди образованные: они знают, что для русского консул — не то, что для араба, а поэтому решительно протестовали». К сожалению, этих моих слов Беляев, вероятно, не расслышал, потому что как раз тогда вошла его жена. Но я минут через пять постарался рассказать (говоря о характере арабов), что со мной сделал о. Ханна: «Он напечатал в газете „Любнан“, что меня послал присутствовать на его школьном представлении консул Гагарин». «Но ведь никакой консул не смеет меня никуда послать», — добавил я с притворным негодованием. С той минуты Беляев успокоился.

Приезжает в это время в гости наш бейрутский Шха-

де с женой. Жена — миловидная арабка — начинает болтать по-французски с м-м Беляевой (тут-то я убедился, что жена Беляева умеет кое-что сказать по-французски), а я тем временем по-арабски поблагодарил Шхаде за доставку мне одной рукописи («Путешествие патриарха Макария в Россию XVII в.»)⁶⁸. «Это совсем не я сделал, — ответил мне Шхаде по-арабски же, — а исключительно князь: он много писал всюду, пока наконец раздобыл рукопись, а я тут ни при чем, я только вручил ее Вам». Я очень легко понял хитрость Шхаде: он рассчитывал, что я сообщу об этом князю и тот останется очень доволен заочной лестью Шхаде. (А князь мне перед тем прямо сказал, что получением рукописи я обязан всецело хлопотам Шхаде.) Беляеву было неприятно, что мы говорим по-арабски, а он нас не понимает, и умный Шхаде вмиг уловил это настроение и перевел разговор на французскую речь; надо, впрочем, признаться, что Беляеву французский разговор дается не совсем свободно (он частенько заикается, подыскивая нужные слова). «Знаете ли Вы, г-н Шхаде, — спросил Беляев, — что в Алее меня считают за кандидата на должность генерального консула для Бейрута. Что вы сказали б, если б это исполнилось?». И он самодовольно захохотал, вполне радуясь своей шутливости. Шхаде как-то по-кошачьи согнулся на стуле и шутливо, но вкрадчивым тоном отвечал: «Собственно, я бы предпочел, чтоб генеральным консулом назначили меня». — «Да разве по-настоящему не Вы теперь генеральный консул Бейрута? — ядовито, но с улыбочкой спросил Беляев. — Однако... хе-хе-хе... я вам, Бейруту, советую забыть о нашем Дамаске и не вмешиваться. Помните, что Дамаск отрезан от Бейрута навеки и что Вашему консульству нет дела до нас». Шхаде принял еще более вкрадчивый вид и нежно обратился к Беляевой: «Госпожа консульша. Позвольте ли мне сообщить сейчас г-ну консулу одну новость, которая его приведет в дурное расположение духа». Мадам Беляева не сразу разобрала сказанную фразу, но потом поняла и заявила: «Ах нет, не нужно. И так после ваших визитов муж всегда остается в дурном настроении духа». — «И все-таки я сообщу», — медленно произнес Шхаде сахаромедовым голосом и отвел Беляева в сторону. Поговоривши с ним несколько минут, он простился и уехал с женой. Мы остались одни. Беляев, был взволнован: «Жена правду гово-

рит: Шхаде всегда преподнесет мне что-нибудь горькое и всегда тоном очень участливым». Потом он поглядел на меня и нерешительно спросил: «Вы можете мне сказать, что это за человек Шхаде?». В голосе его было заискивание, и мне жаль его стало. «Я очень люблю Шхаде», — ответил я. «Вы любите Шхаде?» — «Ну да. По-моему, он плут, мошенник первой руки, но он очень умен, и с ним приятно поговорить, чтобы со стороны подивиться его виртуозности». Тут я рассказал Беляеву несколько фактов, известных мне. По тем наивным вопросам, которые Беляев мне задавал, я понял, до какой степени простирается его несознательность насчет местной жизни, и мне стало удивительно, как подобные люди могут вести ответственные дела. А Беляев—один из лучших русских консулов, из наиболее осведомленных. Мои рассказы очень подействовали на Беляева, и он решился открыться мне. Он объяснил, что ведет постоянную переписку с Шхаде и часто спрашивает у него советов, но всегда мучится сомнениями, не обманывает ли тот его. Я объяснил ему, что влияние Шхаде в Сирии основано на его положении в Бейрутском российском консульстве и что поэтому интересы бейрутского консульства и Салима Шхаде очень часто бывают общими; но иногда они могут не совпадать, и поэтому надо его беречься. Беляев сообщил мне несколько фактов, на которые я изложил затем свое воззрение. Самый интересный факт, освещающий мелочность здешнего российского чиновничества, вот какой. Было время, когда ждали в генеральные консулы Бейрута некоего Гартвига из Петербурга. Шхаде тонко осведомился о нем у Беляева, и тот брякнул в письме, что «это один из сюрпризов, какими любит удивлять всех наше министерство». («Согласитесь, — прибавил мне в скобках Беляев, — что все эти назначения в послы то Лобанова-Ростовского, то Муравьева или теперь Зиновьева — все это ведь вещи уму непостижимые».) Через несколько времени по Сирии стал ходить слух, что Беляев назвал Гартвига бездарностью. Слух дошел до Беляева: «Я понял, что именно Шхаде устроил это (т. е. что все знали, будто Беляев назвал Гартвига бездарностью), нарочно устроил, чтобы заранее поссорить меня с моим будущим начальником, и я решил: как только приедет Гартвиг, надо объясниться с ним, надо высказать ему, каким приятным сюрпризом было для нас его назначение». Ты чувствуешь, до

чего все это пошло. (Кстати, добавлю, что я-то хорошо знаю, как пошел этот слух. Шхаде, переписываясь с Беляевым и уверяя его в своей дружбе, в то же время сообщает выдержки из писем Беляева князю, потому что тот ведь пока что его начальник, а князь переделал слово «сюрприз» в «бездарность»). Я, однако, не хотел этого сообщать Беляеву.

«Как кн. Гагарин относится к Шхаде?» — вдруг спросил меня Беляев. «С полным доверием». — «Почему?». Я счел возможным рассказать Беляеву — почему. Дело в том, что Шхаде, как очень умный человек, вполне хорошо понял, кто чернит его перед князем, и постарался представить князю своих порицателей (т. е. разных бейрутских нотаблей) в самом настоящем свете. Что почти все они могут быть признаны за изрядных прохвостов, в этом сомневаться нельзя, но что они осуждали Шхаде перед Гагариным правильно, это тоже несомненно. Однако Шхаде смекал, что, разочаровавшись в нотаблях, князь не станет верить и их сообщениям о Шхаде. Кроме того, он окружил князя лестью, притом очень тонкой, действуя через княгиню и через меня, но не говоря князю комплиментов в лицо.

Беляев слушал и не вытерпел. «Не скрою, — сказал он, — что я кн. Гагарина не признаю: он для меня несуществующая величина. Какой-то отставной военный, попавший в министерство иностранных дел, — такого подвести не трудно. Нет, если я буду консулом в Бейруте, я сумею удержать Шхаде в границах пользы и не дам ему приносить вред...» Далее, не сообразивши, что я, быть может, отношусь к Гагарину хорошо, он вдруг добавил: «Раз я написал бумагу в Бейрут с адресом: „Г-ну управляющему консульством“. Князь на это поручает Шхаде передать мне, что я должен адресовать ему: „Его сиятельству“. Странное дело. Я ведь не обижусь, если мне не напишут: „Его превосходительству Алексею Петровичу Беляеву“, а он обижается за отсутствие „сиятельства“. Я с тех пор не пишу ничего в Бейрут».

Беляев не «его превосходительство». Он только на-дворный советник, и фразка была пущена передо мною лишь для форсу.

Еще из разговоров Беляева: подозревая Шхаде в интригах против него, он перенес было подозрение и на своего драгомана Себу, чтобы разувериться, он (Беляев) при-

вел его к клятве, что тот перед ним не лукавит... Не правда ли, поучительная картина: консул, приводящий драгомана к клятве по поводу одной сплетни?

Я с большим отвращением выслушал о всех этих дрягах: с бытовой стороны интересны они — это правда, но и пошлы уж очень. Я простился и ушел. Беляев просил меня прийти завтра еще, но я решил не приходить.

Утром на следующий день (в воскресенье) 17 августа я поехал из Алея в соседнее село Сук аль-Гарб, куда меня вчера усиленно пригласил Шхаде, и я обещал ему быть у него. Оказалось, шли крестины его дочери, и народу набилось масса. Я решительно прошел в соседнюю гостиную и не вышел на обряд крестин, объяснивши Шхаде, что я не выношу большой компании. Правду сказать, я и недомогал немножко. Пока крестили девочку, отец сидел со мной и разговаривал. Не припомню, как это незаметно случилось, но ему удалось мастерски ловкими вопросами вытянуть из меня почти весь вчерашний разговор с Беляевым (кроме вопроса о его, салимовом, мошенничестве). Я испытывал во время беседы странное чувство. Я понимал, что он меня выпытывает, и, однако, был не в силах противиться нежному голосу этой сирены, и понемножку-понемножку, так сказать мозаично, я высказал очень многое. «Понимаете ли Вы теперь, г-н Крымский, мое положение? — задумчиво сказал Шхаде наконец. — Вот так мне вечно приходится балансировать между разными консулами и секретарями консульств. Поневоле станешь хитрым и сдержанным». Его задумчивый тон заставил меня вспомнить Гейне:

Иногда Вы меня понимали,
Иногда понимал я и вас,
Но как вместе в грязи лежали,
Поняли мы друг друга как раз.

Не знаю, понял ли он меня, но я-то его в ту минуту понял окончательно. И вмиг вспомнил я сценку, которую рассказала мне княгиня. Когда генеральный консул Петкович⁶⁹ уезжал из Бейрута со своей семьей, на пристань явились его проводить князь и княгиня и оба Шхаде (старый отец и его герой-сын Салим). Едва лодка с Петковичем отчалила от берега к отходящему пароходу, как оба Шхаде подошли к князьям и их дрожкам; Салим по-

целовал руку у княгини (раньше этого не водилось) и медовым голосом просил позволения приехать со своею супругой (он женился десять дней назад) сделать княгине визит, а его отец расточал знаки почтения князю Гагарину. При Петковиче оба они относились к князю без вражды, но сдержанно... Мне теперь в Сук эль-Гарбе казалось, что в ту секунду, когда я слышу задушевное признание Шхаде о необходимости балансировать, я погружаюсь в глубокую тину вместе с ним. Мне казалось, я слышу в его тоне: «Не бойся, видишь, я перед тобой откровенен. Ты ведь умница, „из наших“. Догадался ли Шхаде о том отвращении, которое во мне бродило, не знаю, по-видимому — нет, но в одном он психологически не ошибся: его циничная откровенность в силу своей необычайной редкости (я являлся у него исключением перед всеми) все-таки должна была подкупить меня. Прибавить к этому его тонкий ум, начитанность, образованность, — и поэтому я стал невольно глядеть на этого отъявленного плута-умницу, не раз обездолившего Ливан, глазами добродушного пренебрежения, позволяющего мне говорить с ним вполне любезно. Умные люди редки, а потому интересны.

Кончились крестины. Дочку назвали Вера. Арабы произнести этого слова не могут и произносят «Фара» (т. е. «мышь»). Шхаде удержал меня к завтраку, уверяя, что там будут лишь его родственники, да и тех будет немного. Я увидел этих родственников. О, как они неинтеллигентны в сравнении с Салимом. Каким царьком глядит он среди них. К сожалению, завтрак с его крепким вином сделал меня больным. Я еще с Хамманы стал замечать, что у меня начинается что-то вроде лихорадки и сердцебиения. Теперь Салим достал мне великолепного ливанского вина, т. н. «золотого», и стал угощать меня. Вино (1881 г.) было замечательно, но я уже под конец обеда почувствовал сердцебиение и расстройство нервов. Вышли мы наконец в гостиную. Салим сел посреди на качающемся кресле и курил трубку, нежась, как сибирский кот. Он положительно был божком и гордостью своих, и отец охотно уступал ему свое место. «Как называется новая дочь русского царя? — спросила у него жена его брата. Салим в ответ пустил клуб дыма и с деловым видом обратился не к ней, а к своей жене: «Следующую нашу дочь назовем Татьяна».

Я стал прощаться. Пора было ехать из Сук эль-Гарба в Алей. Салим, понимая, что компания его родственников мне неинтересна, не удерживал меня и, не стесняясь, произнес: «В другой раз как-нибудь потолкуем вдвоем». Я невольно подивился его проникательности. Он меня проводил до извозчика с самой большой предупредительностью и, когда я сел в дрожки, добавил, глядя на меня очень мило: «Да, из всех консулов лучше всех князь». Я посмотрел ему в глаза и ответил не то вопросительно, не то утвердительно: «Князь. Да князь...». Тут Шхаде помолчал секунду и сказал: «А княгиня не лучше ли?». Я опять промычал в неопределенном тоне: «Лучше». — «Лучше», — сказал Салим поучительно-утвердительно, и мы расстались. У меня от выпитого вина ныло и стучало сердце и в голову прокралась странная мысль крикнуть Салиму: «А ты — хуже всех». Но вместо того я улыбнулся и, едуци в Алей, решил рассказать потом княгине в Алее, как ее восхвалял Салим, т. е. решил неизбежно исполнить хитрое тайное желание Шхаде, чтобы его похвала была передана.

Возвратившись в Алей, я уж оказался безусловно болен. Сердце ныло, допустим, от крепкого вина, но и суставы ныли: очевидно, в Хаммане я схватил ревматизм. Я, крепясь, провел часа два в разговоре с матерью и теткой Нажиба Трада, толкуя о нынешних сирийских патриархах и «патриархшах», о митрополитах и «митрополитшах». Но наконец почувствовал усталость: языку моему сделалось трудно говорить с плавностью по-арабски, я себя не узнавал, все тело болело. Решил я сейчас же уехать из Алея, а чтоб уж дело было исполнено наверное, заехать на ночь к князю в Арею. После четверти часа угвариваний (причем мне совестно было сказать, что нездоров, не поверили бы) я-таки уехал в Арею.

Князья Гагарины были очень удивлены; они предполагали, что я давно у себя в Шуэйре. И в то же время были довольны: князь строчил важный дипломатический ответ послу, и я должен был проверить, складно ли выходит. (В течение зимы это была моя вечная обязанность.) Кстати, он мне показал и другой ответ тоже послу, довольно доброжелательный, насчет шуэйрской школы. О. Ханна, или его французский учитель, так как сам о. Ханна французского языка не знает, писал просьбу к послу о пособии, уверяя, что в его шуэйрской школе соб-

раны «célèbres professeurs»* (это те самые, которые Горациям и Курнациям дали в руки огнестрельное оружие). Князь ответил послу слово в слово моими словами, сказанными три дня раньше, так что хоть один раз в жизни мог обойтись без Шхаде. Зашла речь вообще об о. Ханне и его чудаковатостях. Князь мне рассказал, как о. Ханна принес ему в подарок бутылку вина. Князь отказывался принимать, отец Ханна умолял взять. Слово «сам» порусски он знает; упрасивая князя принять вино в подарок, он произнес «сам» и сделал движение двумя сложенными пальцами, показывая, как давят виноград. По словам князя, вышел жест, очень похожий на то, как давят на ногте пойманную блоху; поэтому, хоть он и принял вино, но, помня неаппетитный жест и грязные пальцы попа, не решился его даже попробовать, а отдал кавасам, те, хоть мусульмане, выпили. Далее князь рассказывал много потешных анекдотов из своей прежней жизни в Бухаре. Я и княгиня помиралы со смеху, и я на время забыл болезнь.

Ночью я почти не спал. В 6 часов утра встал. Княгиня еще спала. Я мило простился с князем и уехал в Бейрут. Едва я въехал в эту геенну, как голова моя перестала работать. В это же утро и с тем же поездом съехал в Бейрут Шхаде. Он, видя мою болезнь, меня взял с собою в канцелярию консульства, и там я, словно в тумане, провел время до отхода дилижанса в наши шуэйрские места. На прощание я что-то наговорил Шхаде по-французски (по-арабски не мог говорить), не помню уж что (голова не работала, и я себя чувствовал полумертвым), он, помню, с тревогой воскликнул: «Mais c'est une grande injure ce que vous dites!»**. Потом он хотел было проводить меня лично в Шуэйр, опасаясь за меня, но я отклонил его услуги.

В Шуэйре я слег, пролежал три дня, и только сегодня чувствую себя почти здоровым. Еще вчера я грустно думал: «Неужели мне смерть на чужбине приходит? Неужели здесь и пропасть придется?».

Сегодня я почувствовал, что голова опять начала думать (до сих пор мне казалось, будто я сплю и вижу сны,

* Знаменитые профессора. — *Прим. ред.*

** Но то, что вы говорите, очень оскорбительно (франц.). — *Прим. ред.*

а не думаю); только лихорадка и род ревматизма не вполне еще оставили меня. Меня теперь мучит мысль: «Что такое сказал я Шхаде? В чем заключается injure? Не проговорился ли я слишком?».

Ф.

P. S. Письмо писалось для Симы, и потому некоторые expressions cures * ты, читая, должна простить. Перешли это письмо Симе.

79

Е. Е. Крымскому

25 августа
[6 сентября] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Большинство шуэйрцев православные, но за денежную плату часть их переходит иногда в протестантство и католицизм (унию). Переходы эти, как все меня уверяют, не искренны. Здешний пастор Гусн эль-Хавы вечно дружит с православными и ходит в православную церковь. Также и многие другие протестанты. Сегодня мне о. Ханна рассказал, что законоучитель протестантской школы в Айн эс-Сьднине (это часть Шуэйра) сделал обет в православную церковь Богородицы: если родится у его жены мальчик, то он пожертвует в церковь известную сумму денег. Теперь у него родился мальчик, и он сказал о. Ханне, что исполнит свое обещание.

Был у меня сегодня еще Насиб Тыбшерани (студент бейрутских протестантов). Рассказывал о той свободе, которая у них в колледже царит. О наказаниях, по его словам, почти не может быть и речи, раз ученики колледжа являются в школу вооруженные и при случае могут пырнуть учителя. Одному из учителей намазали клею стул, так что по окончании урока ему пришлось послать за другими брюками, а первые пришлось оставить на стуле: они не отлеплялись. Шутовства и клоунства учеников масса, и учителя сносят. Иногда ученик, отвечая урок, вдруг снимает пиджак, заявляя, что ему жарко. Развяз-

* Вольные выражения (франц.). — *Прим. ред.*

ность доходит до того, что, когда один из учителей обрился, его громко преследовали насмешками и тыкали пальцами. Дисциплина существует только в младших классах (preparatory). Замечательна речь Насиба: говорит он со мною по-арабски, но все технические слова у него английские. Отсутствие дисциплины вредно отражается на занятиях: у иезуитов мальчик, который говорит с другими не по-французски, получает особый значок (signal) и старается всучить другому, для чего караулит всех товарищей: не услышит ли где арабской речи? Вечером тот, у кого оказывается значок, получает наказание. У американцев значок (sign) мыслим только в младших классах: в старших классах тот, кому вздумают дать значок, преспокойно его изломает и отшвырнет. Поэтому у иезуитов дети прекрасно выучиваются говорить по-французски, а у американцев не вполне прекрасно изучают английский.

Ф.

80

М. Е. Крымской

2 сентября
[14 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маша!

[...] От своей болезни я вполне оправился, как вдруг о. Ханна получает от князя Гагарина телеграмму с запросом о моем здоровье. Ему до того польстило это обстоятельство, что он эту телеграмму показывал целому селу, любуясь подписью: «Князь Гагарин», а для избежания всякого сомнения прибавлял всем: слово «князь» (принс) значит «эмир». А я был тогда уже совершенно здоров от прекрасного шуэйрского климата и, быть может, от винограда. Виноград в Шуэйре наконец созрел, и теперь все шуэйрцы только им и питаются. Я тоже несколько дней перестал есть все, кроме винограда и фиг (только утром пью молоко с кофе и с кружком хлеба). У меня теперь, как у настоящих горцев, явились прихоти и переборчивость насчет винограда: я уж уловил все тонкости. Когда человек хочет насытиться, он должен брать наиболее сладкий виноград, делающийся клейким от сладости. Для

утоления жажды, наоборот, следует есть крупный чуть-чуть недозревший виноград, тогда, по словам туземцев, он ничем не отличается от лимонада. После того следует есть особый душистый сорт. Не следует есть винограда горячего, нужно выбирать гроздь из тени или опускать гроздь сперва в холодную воду. Дети, которым не терпится, едят горячие грозди, и зато у них всегда расстройство желудка. На меня (как и на всех взрослых) виноград производит самое укрепляющее действие, и я эмпирически понимаю, почему доктора посылают больных лечиться на виноградниках.

Три дня дует хамсин из Сирийской пустыни, и даже здесь, в Шуэйре, наступила палящая жара. Сегодня, однако, хамсин вдруг стал свежее, и вслед за тем нанеслись черные тучи. Люди говорят, что не сегодня завтра наступит зима (т. е. дождь, по-арабски нет разницы между «зима» и «дождь»). Как бы то ни было, я не уеду отсюда раньше конца октября, т. е. когда начнутся дожди в самом Бейруте и прекратится тамошний зной.

Ливанский губернатор Наум-паша утвержден, собственно, благодаря России: Франция очень его не хотела, и только из дружбы к России уважили ее желание.хлопотал об этом кн. Гагарин, засыпавший Нелидова письмами о симпатиях Наума-паши к России, и таким образом 7 или 6 августа Наум был утвержден на второе пятилетие. По обычаю, все начальники сел хотели идти к нему на поздравление в его резиденцию, но он сказал, что не надо: лучше он сам объедет Ливан и не будет отрывать жителей от работы. Князь, когда я был в Арее, мне рассказал об этом с большой похвалой... Сегодня Наум-паша приехал в Шуэйр, и оказывается, что он при этом требует реального, т. е. денежного, подарка. Вероятно, на каждую семью это ляжет бременем в межид (1 р. 60 к.). Вот вам и ставленник России... Прибавить нужно, что лично он ничего не требует: его доброхоты за него высказывают это, и он с формальной точки зрения не виноват и не подлежит ответственности.

Ф.

Е. Е. Крымскому

6 сентября
[18 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

На днях приезжал в Шуэйр новоутвержденный паша. Жители устроили ему торжественную встречу на вершине горы, а он, не пожелавши выслушать приветствия, поскорее съехал вниз к начальнику деревни («мудиру»). Все были возмущены. Для него раньше была приготовлена арка из ветвей и цветов. Католический (униатский) и маронитский священники сошли вниз к этой арке и крикнули народу: «Ломайте ее, он ее не стоит, на возвратном пути пусть пройдет без арки». Народ с большим удовольствием исполнил это. Что значит обидеть горца в его гостеприимных чувствах! Потом у мудира (начальника) паша таки узнал, что народ остался недоволен его бесцеремонностью, и паша решил выйти сам к народу, побродить по Шуэйру (побродить по Шуэйру — это подвиг: шуэйрские улицы устроены скорее для горных коз и газелей, чем для людей). Народ отчасти за это примирился с ним. Речей, правда, никто не захотел уж произносить, но зато пашу стала сопровождать музыка и женщины-славильщицы (они поют «залгуты», т. е. коротенькие хвалебные гимны с припевом «ли-ли-ли»). А сверху, из окон, на процессию лили померанцевую воду.

8 сентября
[20 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

Умер здесь один учитель, приехавший из Бейрута, и я присутствовал при похоронах. Обряды много сложнее, чем в Бейруте. Едва человек умирает, ко всем родным и знакомым рассылаются записки с уведомлением, и тут же из церкви раздаются семь ударов колокола (если умер ребенок, то меньше). Мертвому омывают руки, ноги и лицо (в Бейруте только лицо), одевают его и кладут на «трон» («тахт», «срир»), т. е. род постели. Знакомые или родные начинают сходиться, но обыкновенно не по одному, а группами, человек 10—20. Шагов за двести до дома груп-

па начинает вопить (кто может, у того льются слезы) и с величайшим отчаянием подходит к дому: несется вопль («О горе! О потеря!»), лицо и руки воздеваются к небу и опускаются; все машут платками и подходят к отцу. Пожимания рук отцу со словами: «Аввадна би салямыт-кон» («Да вознаградит нас бог за то твоим и твоей семьи здравием!»). Это подхождение с воплем называется «мнада» и составляет самую живописную часть похорон. Я взобрался на плоскую крышу церкви и оттуда наблюдал, как подходили эти процессии одна за другой (в промежутке четверть часа, получаса) сперва молча, а потом вдруг (недалеко от дома) с завываниями. Участниками были все мужчины. Между тем у женщин было свое дело. Они собрались возле трупа и причитали («бинуху») или, вернее, — пели унылым хором. Иногда несколько из них выделялось и начинало «пляску» («ракс»), т. е. совершали гуськом как бы плясовое обхождение вокруг покойника. Одна держала меч за оба конца и покачивала им вверху над головою (знак того, что «погибла храбрость»), другая шла за ней, махая платком куда-то вперед («вдаль» — объяснили мне, т. е. «ушла душа»), третья несла тарбуш (феску) умершего, четвертая — его фотографию, пятая — опять меч, шестая — платок, седьмая — платок, восьмая просто ломала руки, а все они, кружась вокруг трупа, ревели и неподдельно плакали подлинными слезами (на мой вопрос, откуда берутся слезы у чужих, мне дружески было выяснено, что женщины всегда могут плакать, хотя покойник вовсе им не сродни). Так вот, при женских воплях, и приближались мужские процессии, о которых я упомянул выше. Когда новопришедших мужчин набиралось порядочно, начинали «нодб», т. е. «мужское оплакивание», оно тоже сопровождалось «пляской» с мечами; мощные голоса рыдающих мужчин, по-моему, больше годятся для внушительного вопля, чем женские, и мне было интереснее их слушать. Из этих трех актов (женского вопления — «навх», мужского отчаянного приближения — «мнада» и мужского плача — «нодб») и состояла церемония; все три акта беспрестанно чередовались и повторялись. Наконец часам к трем дня начались «похороны» («жназе»), точнее, «проводы тела». Состояли они из произнесения похвальных речей над мертвым. Так как покойник был учителем, что почти равняется понятию «ученый», то все ораторы бесспорно призна-

вали, что наука и литература потерпели высшую потерю. Я осведомился у одного, неужели покойник был так знаменит. Тот мне иронически ответил: «Таков обычай („аде“)! Вот если б тебя здесь с нами не было, то, пожалуй, сказали бы, что он был императором России. Но знают, что ты можешь возразить: „Нет, император нашей России назывался — ну — Александр III“, — потому этого и не говорят. А то сказали б». Хвалили, конечно, и его добрые качества как доброго сына. Наконец двинулись на кладбище для последнего обряда—«погребения» («дафн»), не смешивать с «похоронами» («жназе»). Несшие труп и гроб старались подымать его как можно выше («чтобы показать величие покойника»), попы пели, плакальщицы задыхались от слез и вопящего крика и махали платками. Перед кладбищем положили труп в гроб (в соседней церкви), и одни лишь мужчины понесли его и закопали. Вечером собрались все утешать отца.

Ф.

82

Е. Е. Крымскому

10 сентября
[22 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

На похоронах, о которых я писал, был монах из православного монастыря св. Ильи, о. Анфим, не грек, а араб. Физиономия его — мертвенно-бледная, и вообще весь череп словно у мертвеца. Лет ему 50—60. Я обратил на него внимание Мухайля Яфета, моего хорошего знакомого. «Он оттого имеет такой страшный вид, что предается вечно разврату», — ответил тот мне. По его рассказам оказалось, что приключениями монахов обители св. Ильи преисполнено село Абу-Мизан, а любовницы монахов св. Иоанна (тоже в Шуэйре, но униатов) живут в поселке Хара, лежащем под самым монастырем. «Все это знают, — сказал Яфет, — и я очень рад! Были у нас эмиры; слава богу, мы от них избавились. Остались еще монахи: ну, так как все видят их жизнь, то авось и от них мы наконец избавимся». Он мне рассказал еще одну историю. В прошлом году в монастыре св. Ильи была шко-

ла для мальчиков, но наконец родители в негодовании перестали туда посылать своих детей: оказалось, что монахи обращали мальчиков в своих возлюбленных. (Этим воспользовался о. Ханна и открыл в Шуэйре свою школу.) Теперь роль учеников играют послушники (мальчики, привезенные из Греции). Их семь, и монахов семь.

Один из монахов, Стефанос, не постеснялся дать мне для перевода письма его возлюбленных монахинь к нему из Дамаска. А другим людям (например, матери моего учителя в Бейруте) он как-то хвастался: «Ситтат бйхобуни» («Барышни меня любят»).

11 сентября
[23 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

О. Ханна своими выдумками способен в гроб меня свести. Наша соседка предложила ему за своего сына-школьника всего 600 пиастров, а полагается не меньше 800. О. Ханна согласился, но солгал ей, что 200 пиастров я дам от себя, ибо я «очень щедр». Приходит ко мне и сообщает об этом. «Да зачем понадобилось мое имя?» — спрашиваю я. «Если в деревне узнают, что она мне платит всего 600 пиастров, то и все захотят платить лишь столько, а мне это невыгодно». Я ни слова не сказал и затем забыл об этой истории.

Прошло несколько дней. Сегодня м-м Сара Атая на меня в претензии: «Зачем ты заплатил деньги за чужого ребенка? Лучше б ты заплатил за моего племянника Ибрагима, которого ты так любишь». А ее племянника Ибрагима я, правда, люблю. Я разъяснил, в чем дело. Услышала это мать Ибрагима (а она-то больше всех обиделась на меня, потому что самолюбие ее было задето. Еще бы. Весь Шуэйр говорит, что вот, мол, москоби будто бы любит Ибрагима, а деньги заплатил за чужого). Обе дамы начали ругать попа. Особенно мать Ибрагима художественно это делала: «Да разрушит бог его дом („Йыхрыб бейту“)!» — повторяла она, раскачивая свое туловище в бок (словно хотела свалить поповский дом с места) и ударяя кулаком в воздух (будто помогала рушиться дому отца Ханны).

Все это было смешно, комично. Но вот пришла с виноградника соседка, вдруг вижу — несет ко мне три вет-

ви отборного винограду: я-де благодетель ее сына. Я не мог отказаться, взял виноград от бедной женщины, но едва вошел в свою комнату, у меня невольно полились из глаз подлинные слезы, будто меня кто-то оскорбил самым тяжелым образом. Да и в самом деле, оскорбительна та роль самозванца-благодетеля, в которую меня поставил о. Ханна. Хорошо еще, что не было сказано ни слова благодарности за мнимое мое пожертвование денег, а то ведь совсем пришлось бы сквозь землю провалиться от стыда.

12 сентября
[24 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

Остряки называют уже Шуэйр «Мадинет эль-ыльм» — «градом науки»⁷⁰. Действительно, в этом году тут выросло девять школ, из них четыре с пансионом. В Бейруте относительно меньше школ. Виновато в преизбыточестве школ, во-первых, соперничество миссионеров. Основали здесь школу протестанты, еретики, — разве могли это снести иезуиты? Конечно, нет — основали и они свои две школы. [...]

Маронитам и униатам, конечно, тоже не отставать — основали школы и они. Так, до прошлого года было шесть школ, причем у протестантов был и пансион. В прошлом году о. Ханна, воспользовавшись неурядицами соседнего патриаршего монастыря св. Ильи, равно как униатского св. Иоанна, переманил лучшего тамошнего учителя Гусна к себе в Шуэйр и основал первую на Ливане православную школу с пансионом. Сравнительно она процветала. Было в ней 60 учеников, и из них двадцать — пансионеры. Рекламиривал он свою школу по газетам невыносимо, получил и от русского консульства 1000 пиастров (десять червонцев), тут и я посодествовал, но под конец года он рассорился со своим главным учителем Гусном, и тот, рассчитывая на протекцию своего брата, заседающего в ливанском парламенте («мажлис эль-идара») отделился и основал на днях в Шуэйре свою собственную школу, тоже с пансионом. О раздорах о. Ханна с Гусном узнала некая Хажжи (монахиня) и тоже основала здесь школу с пансионом (кажется, впрочем, для девочек) — увидим, ее школа откроется дней через пять. Таким образом, в несчастном Шуэйре сразу появились три пра-

вославных интерната (а на всем Ливане нет ни одного, только католические, протестантские и маронитские). Здешние православные во всем такие: вечно у них раздоры.

13 сентября
[25 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

Двадцать дней стояла жара: положим, не такая, как у нас бывает в августе, но все же жара. Я поэтому мало выходил из дому. Сегодня хозяева устроили «сейран» — пикник на монастырской горе св. Ильи у источника Айн Сарфад. Отправился туда обедать и я. После долгого невыхождения из дому все виды показались мне совершенно новыми, и я испытывал замечательное наслаждение, пробираясь по роскошному кедровому лесу, расположенному по горе, прерываемому скалами и потоками.

А какой уже в Шуэйре был вечер! Моя крыша — незаменимое место для прогулок, и я, можно надеяться, вовек не забуду тех минут (иногда часов), которые я на ней провожу. У меня есть украинский перевод «Песни песней» Кулиша, и я невольно вспоминаю его всегда.

Скоро спека прохолоне
І в тінях долина втоне,
Тоді сарною по горах,
Сугаком по тих узгір'ях,
Що нарізно розрізнили,
Прилини до мене, милий.

Если бы ты видел, как начинает остывать жар, как долины действительно тонут в тенях, а Саннин с другими «узгір'ями» сияет, ты бы понял, до чего естественна мысль о превращении человека в серну, мчащуюся с гор в сумрак долины. А дальше:

Чую, чую любий голос...
Ой, се ж він біжить по горах,
Се він скаче по узгір'ях.
Милий мій — сугак у полі,
Наче лань на вольній волі.

Так мне и кажется, что где-то за нависшей скалою я слышу топот шагов: не разберешь — человек бежит или газель скачет. Дальше нужно читать таинственно:

Ось він дибле попід муром...
До віконця припадає,
Через крати, проміж листя
Позирає, промовляє,
«Встань, дівчино уродлива.
Вийди, вийди, моє диво».

До чого ярка эта картина. «Попід муром», потому что заборов здесь не делают, а ограждают стеною из камней. Окна все тут решетчатые («крати»), без стекол, решетку иногда обвивает плющ («арбейш») или просто закрывает какое-нибудь дерево, раскидистая фи́га.

«Встань, дівчино уродлива.
Вийди, вийди, моє диво.
Ось бо вже зима минула,
Від дощів земля осхнула,
Почала квітками грати,
Час пісні розпочинати.
Квилить горлиця в садочку,
Висять фіги в зеленочку,
Виноград цвіте — буяє,
Любу пахош розливає.
Встань, дівчино уродлива,
Вийди, вийди, моє диво».

А вот из другого места — картина Ливана:

Райські яблука там спіють
Всякі пахоші там пахнуть,
Камфора злилась із нардом,
Нард розлився із шафраном.
Касія і кинамони *
Між запашними кущами
Мирра і алое добре,
Дороге коріння славне,
І криниця серед саду,
Джерело води живої,
А з Ливан-гори дзюркоче
Прохолодний бистрень чистий...
Вітре буйний од півночі
І ти, тихий, від полудня.
Ой, повіньте по садочку —
Нехай пахоші по <...>

Я уверен, что ты не испытываешь всех тех чувств, какие испытываю я при чтении этих строк. Нужно лично побывать на Ливане, чтобы каждое слово этих стихов па-

* Кинамони — «не кориця» (как по-гречески — «киннамом»), а особый душистый кустарник (по-гречески — просто «амом»).

дало в душу неизгладимой каплей... А вот, все из той же «Песни песней», горная веснянка:

Повилловлюйте лисичок,
Тих малих лисиць шкодливих,
Що кругом садів блукають,
Виноград наш об'їдають.

Знакомая мне здесь картина. На откосе горы раскинулся виноградник. По соседству шумит лес. Внизу, в ущелье, течет источник. Напротив, высоко из-за всех гор подымается в голубое небо белый Саннин. Лисица или шакал крадется, крадется в виноградник, выбирает нюхом самую сладкую гроздь, которая — чистый мед, берет ее в рот глубоко, сжимает зубы и дергает. Ягоды остаются во рту, а веточка с пустыми черешками — на лозе. А вечером, перед заходом солнца, приходят хозяева, видят потраву и ворчат: «А, чтоб твой дом развалился». В то же время глядят, не осталось ли на той лозе еще ягод, потому что раз лиса или шакал тронули именно эту лозу, это — верный признак, что здесь самый вкусный виноград.

14 сентября
[26 сентября] 1897 г.,
Шуэйр

О. Ханна дружески посетил меня сегодня до обеда — за три и при этом заявил: «Ах, если б у меня не было дел, я б целый день сидел у тебя». Конечно, я возблагодарил бога, что у о. Ханна есть дела. [...]

После обеда я решил предпринять прогулку. Я много раз уже писал, что Шуэйр лежит между двумя сросшимися горами и что внизу есть долина. Но эта долина все же очень высока — как будто она только верхняя полка этажерки. Из нее, из долины, есть спуск в другую долину, из той — в третью, еще пониже, и т. д., пока наконец человек не попадет в глубокое ущелье, идущее уж довольно ровно, и не видно дальнейших спусков, что, впрочем, оказалось ошибочным. Я сегодня туда и спустился. Величие и красота. Весною там круто течет река Нахр бу-Иса. Теперь русло ее высохло, но дно осталось не песчаное, а скалистое, и ложбина высохшей речки гладкая, лощеная. Я с трудом шел по этой ложбине, до того она вы-

полирована и скользка, напоминает собою мраморный спускающийся ров, но только с вычурными извилинами, излучинами. По краям ложбины растут платаны, прижимаясь к высоким скалистым стенам ущелья, и, так как деревьям необходимо видеть солнце, то платаны, тянувшись к солнцу, достигают невероятной высоты. Вверху, над ущельем, синее небо. Платаны шумят, шумят по сторонам русла, а я пробираюсь по этому гладкому руслу все ниже и ниже. По временам встречаю в дне выдолбленные колоссальные чаши. В них вода держалась дольше, как в резервуарах; в иных и до сих пор есть еще вода, чистая, прозрачная, неподвижная. Вдруг конец моему пути: весною был тут водопад, а теперь круто спускается полированная высокая стена, свергающаяся по дну ущелья дальше вниз. Я, конечно, не решился по ней съехать и стал пробираться, как кошка, уж по боковой стене ущелья, хватаясь за выступы и за кусты. Неожиданно руки мои запахло невероятно. Оказалось, что на стене прилепился большой лавровый куст, а я схватился за него руками. Спустившись на самое дно теснины и подняв глаза, я увидел, что по обеим стенам теснины между выступами приютились лавровые кусты и деревья.

Я полчаса посидел в темноватом ущелье, любясь его красотой. Где-то там наверху, на краю той пропасти, в глубине которой я находился, росли фиги и, перезревшие, падали в пропасть, т. е. ко мне. Я насбирал их (полусухих уже и, значит, самых отборных) целую полу, которую, во избежание пятен на материи, устелил листьями платана и лавра. Я полулежал на скале и стал глядеть вдаль сквозь видневшийся отдаленный узкий выход из ущелья (т. е. спуск в еще какую-то новую, мне еще неизвестную долину). В том далеком выходе, как на театральной сцене или [в] картинной рамке, перед моими глазами вырезывалась на небе скала с прилепившимся селом Кфар-Акаб («Гнездо орла»). Я думал: «Ах, как жаль, что вас здесь нет! Наиволшебнейший вид теряет половину своего очарования, если не с кем поделиться впечатлениями».

Посмотрел я тогда не вдаль, а вверх, вижу: в вышине, где-то на небе, вырезаются берега моего ущелья, словно там построен ряд замков с башнями. Полез я прямо вверх, уж не по руслу, докарабкался до краев — что же, оказывается, что теснина стала, пожалуй, шире, но по обе стороны опять поднимаются в небесную синеву две

параллельные скалистые стены. Добрался, карабкаясь, я наконец и до их верха, сел, вижу: я оказался в долине порядочно уже широкой, но по бокам — высокие горы. Влез на гору измученный, и увидел, что с той горы опять открывается новая гора, и только на ней уж виден Шуэйр или по крайней мере видны его виноградники. У подошвы этой последней горы я должен был передохнуть с полчаса. А там, внизу-внизу вилась узенькая темноватая полоса, из которой высывались на свет божий, стремясь к солнцу, верхушки знакомых уже мне платанов. Я с гордостью смотрел (в бинокль, конечно) на эту полоску вглубь, зная, что я был на самом ее дне и видел нерукотворную вытесанную ложбину — русло.

«Нет, — решал я, — не хочу еще возвращаться в Бейрут. Буду жить здесь, пока холода не выгонят».

Сегодня моя прогулка длилась пять часов. Теперь меня занимает мысль: «А где же совсем кончается то ущелье. Если идти и идти по нем вдоль, пока есть силы, то где можно очутиться?».

А знаешь, сказки, в которых говорится, что горные феи ездят на потоках, очень умные сказки. По таким ложбинам, какие я сегодня имел случай видеть, можно фее прокатиться даже с комфортом, лишь бы вода потекла в них.

15 сентября
[27 сентября] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Вчера вечером, после захода солнца уж во втором часу (по арабскому счету) на верху нашей горы подрались между собою бикфайские извозчики; а в Шуэйре внезапно распространился слух, что бикфайцы дерутся с шуэйрцами. В одну секунду вся деревня вооружилась мечами, кинжалами, ружьями и даже просто палками и с фонарями в руках помчалась вверх. Я невольно вспомнил пословицу «Лау ля Бикфайа уш-Шуайр — канит ид-динйа б-алф хайр» («Не будь Бикфайи и Шуэйра, мир обладал бы тысячею благ»). Вскоре дело разъяснилось, война не произошла, и «войско» стало опускаться вниз. Сотни огоньков замелькали в темноте, спускаясь в свою долину с горы. У входа в деревню воинов триумфально встретила толпа женщин и стариков, нагромоздившаяся по кровлям

со светильниками. В той толпе был и я и с наслаждением смотрел на триумфальный вид. В числе «воинов» я при мелькающем фонарном освещении увидел несколько отважных баб, которые не побоялись подняться с мужчинами, и... увидел двух православных попов. Один из них (он из Айн Свидиане, т. е. из противоположащей деревни, относящейся собственно к Шуэйру же) был без рясы: этот гордо шел, воинственно размахивая оружием, и только клобук на голове, который он в поспешности забыл снять, выдавал его священническое звание. Другой — о. Ханна; этот шел важно в священническом одеянии, и я подозреваю, что он собирался разыграть там, наверху, роль апостола-миротворца. У него большая склонность назидать.

Сегодня он, по ежедневному обычаю, зашел ко мне и гордо сообщил, что уже у него 28 пансионеров. У Гусна, его соперника, только 8. В ненависти своей к Гусну хури* Ханна пошел даже вот на какую вещь. Был в прошлом году у него в пансионе один великовозрастный ученик из Захле; балбес пил и курил и за это был изгнан из школы. Теперь о. Ханна написал к его отцу письмо: «Присылайте сына. Тайком он может и пить и курить, лишь бы никто этого не знал». (Письмо это видел Мухаиль Яфет и сообщил мне.) Все это для того, чтобы не дать Гусну восторжествовать.

По Шуэйру ходит слух, будто я дал о. Ханне сто лир на школу. Иные думают, что сто лир, собственно, дало российское консульство, а я лишь передал. По-моему, эти сто лир — простая вариация тех двухсот лир, которые я якобы дал за сына соседки.

Погода прямо райская. Жары нет, а есть чуть-чуть прохладная теплота. Народ просто не выходит из виноградников.

19 сентября
[1 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Сегодня прошел дождь. Длился два часа. Я был очень рад: обстановка мне совершенно напоминала наши летние дожди с теми водопадами, которые бегут по крутым ярам Звенигородки.

* Священник (араб.). — *Прим. ред.*

Итак, настала зима — «шита».

Письмо это предназначалось в Москву для тебя и для Маруси, как вдруг сегодня я получил известие, что ты из Москвы едешь домой, в Звенигородку, а Маруся останется в Москве. Я сделал так: это письмо посылаю тебе (отдай его с конвертом спрятать Маше), а Марусе в Москву шлю написанное для себя же описание своего курьезного путешествия в Арею, Алей, Софар, Хамману и назад в Бейрут. В том письме я изложил много небезынттересных вещей (особенно о консуле Беляеве из Дамаска и о драгомане Шхаде). Я написал Марусе, чтобы она, прочитавши, его тебе переслала в Звенигородку. Если она забудет это сделать, сам напомни ей.

83

М. Ф. Крымской

20 сентября
[2 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маруся!

[...] Сегодня пришло письмо из дому. Пишут, что Сима из Москвы возвращается в Звенигородку. Поэтому посылаю тебе это письмо, а ты уж от себя перешли Симе в Звенигородку прилагаемое описание путешествия моего по Ливану. Затем у меня к тебе просьба. Я послал на имя Н. А. Янчука несколько своих книг, которые он имеет право получить без цензуры, и просил их передать Симе. Что ж мне теперь делать, когда Сима не в Москве. Будь добра, узнай от Ботаевских или из адресного стола адрес Ник. Андр. Янчука и пошли кого-нибудь взять у него мои книги. Я адресовал их ему на Политехнический музей. Они придут в Москву позже этого письма (потому что отправлены по турецкой почте и побудут еще день-два в цензуре, если не дня четыре, но их не конфискуют). Во всяком случае, через неделю напиши Янчуку, пожалуйста. Прилагаю к нему записку. При этом посылаю обрывки книжечек. Сохрани их, пожалуйста: я ими очень дорожу. Через несколько времени я пришлю конец произведения. И конверт мой сбереги.

20 сентября
[2 октября] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Дорогой Николай Андреевич!

В предыдущем письме я просил Вас передать моему брату высланные мною книги. Сегодня я получил известие, что он уехал из Москвы. Поэтому будьте добры передать книги моей невестке.

Заранее благодарю Вас, остаюсь Ваш

Аг. Крымский.

84

М. Е. Крымской

24 сентября
[6 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маша!

Перевод «Песни песней» Кулиша дай прочитать Симе, попроси его не затерять листочков, а возвратить их тебе. Также попроси его обращаться с ними очень бережно: бумага подгнила и может легко разорваться, а я дорожу этим переводом чрезвычайно. [...]

Время теперь прекрасное. Одна вещь только начинает мне чуть-чуть надоедать: несменяемость лета. Из-за нее я совсем не сознаю времен года. У добрых людей теперь осень, а у меня все то же лето. А зимою в Бейруте — опять лето.

Мой милый о. Ханна со своими выдумками скоро с ума сойдет. На днях ему пришла в голову мысль собрать денег в Бейруте на постройку большой школы в Шуэйре. Зная мои хорошие отношения к консулу, он меня вот уж пятый день убеждает подействовать на консула, чтобы тот налег на бейрутских нотаблей и заставил их дать о. Ханне 100 червонцев. Каждый день я от него слышу вздыхания на падение православия на Ливане, слышу о необходимости школы, которая заткнула бы за пояс протестантов и католиков и т. д. Вчера в мою комнату зашел хозяин Атая. Слушая о. Ханну, старик высказал сомнения, удастся ли ему собрать от нотаблей деньги. О. Ханна склонился и что-то ему прошептал на ухо. После его

ухода хозяин сказал мне, что о. Ханна произнес: «А если не удастся, то я перехожу в протестантство».

Теперь все варят мед или повидло из виноградного сока — «дибс», по-татарски — «бекмез», и делают вино. Увы, процедура очень грязная: виноград топчут ногами, сок течет в каменные грязные ямы, и вообще грязь при этом невыносимая. На мои замечания о неопрятности мне отвечают: «огонь — все очищает» (сок ведь потом варится, чтобы вышло повидло). А вино! Отныне я даю себе зарок: пить вино только французской выработки и еврейской (яффинское), где употребляется пресс, а не голые ноги. Впрочем, в Бейруте можно бывает пить вино не часто, только в дни дождя: в остальные дни (значит, почти всегда) полрюмки вина может обжечь все внутренности: жарко. Я как-то, идя на почту в Бейруте, очень захотел утолить жажду и купил за 2 коп. стакан вина. Вино было, пока я его пил, великолепным. Но едва я прошел после того два-три шага по солнцу, я весь облился потом, стал задыхаться, в глазах замутилось, и я вынужден был взять извозчика. Вероятно, и природные жители испытывают то же, и потому-то пьянство в Сирии неизвестно (исключается зимнее время на Ливане, когда вина выпивается порядочно, хоть и не до опьянения).

1897

Ф.

P. S. Драматическую форму Кулиш придал «Песни песней» на основании исследования Ренана. Впрочем, с Ренаном почти никто из ученых не согласился.

85

М. Е. Крымской

30 сентября
[12 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маша!

Или 28 или 29 сентября ст.ст. я выслал на твое имя письмо, большой пакет, с тремя марками по 5 пиастров, но забыл взять расписку в лавчонке у шуэйрского почтмейстера и немножко подозреваю, что он письмо мог не отправить, а оставил у себя и сорвал марки. Внутри письма было три повести: 1) «Лихі люди»; 2) «Пан-народо-

любець» и 3) «Хіба ревуть воли»⁷¹. Из них «Лихі люди» я послал, кажется, целиком и с титульным заглавием. № 2 — не весь, но, помнится, с заглавием. № 3 — без заглавия, кусок из середины; по моему расчету, из этого № 3 есть в том письме следующие страницы: 289—304, 309—316, 321—400. Узнать этот № 3 можно по тому, что там часто встречается имя Чіпка. Пожалуйста, извести меня поскорее, пришло ли это письмо.

Я не совсем здоров: третий день лихорадка с ломотою ног. Как только выздоровлю, думаю съезжать в Бейрут. Конечно, нет климатической средины: здесь холодно, в Бейруте еще очень жарко; но приходится при лихорадке предпочесть жару.

Ф.

86

Е. Е. Крымскому

2 октября
[14 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Сегодня год с того дня, как я собирался выехать из Одессы, как капитан отложил отъезд парохода до 2 октября, и я сутки стал тогда томиться от паспортной неизвестности. Как живо я все это вспоминаю. Приходит в голову и печальная мысль: а придется ли после двухлетнего пребывания здесь пожить в Звенигородке хоть немного или же сразу надо будет ехать в Москву? Тогда ведь три года не быть мне дома.

Вдобавок меня мучит сейчас горная лихорадка, вроде гриппа, т. н. «отец колен» («абу-р-рыкаб»). Позавчера под вечер я вновь спустился в глубь долины, в темное ущелье и, возвращаясь назад, сильно вспотел от трудного подъема. Все на мне было насквозь мокро, а я не выдержал и снял с себя пиджак, жилет и ботинки; горный вечерний ветер прохватил меня, и я вчера и сегодня хожу как в тумане, а в коленях маленькая ломота и в теле сильная вялость.

В деревню пришло известие из Бразилии, что там умерло два шуэйрца. Им здесь устроили формальное похоронное причитание (в трех актах), в церкви они были заочно похоронены и восхвалены, и только погребения

(хождение на кладбище) не было. Я не мог идти туда, хотя очень хотелось. Умер здесь маленький ребенок, но того просто похоронили по-христиански без горных обрядов: они применяются только ко взрослым покойникам.

Хури Ханна был у меня сегодня, и я с ним поговорил откровенно насчет Шхаде. Оказывается, Салим Шхаде (драгоман) выдал о. Ханне под арабскую расписку только 820 пиастров вспомоществования из консульства, а консулу сказал, что выдал 1000; арабской расписки князь не понимает. Хури клялся мне, что он не лжет, но умолял не рассказывать ничего князю, потому что Салим на него взъестся. Если о. Ханна не лжет, то изумительная гадина этот Салим. А манеры его очаровательны и образованность — широкая.

Насиб Тыбшерани вчера уехал, вернее, ушел в Бейрут. Перед выездом он был у меня и застал тут хури Ханну. Завели речь об умении арабов играть комедию. Насиб вспомнил анекдот об одном попе (хури), который едва умел читать, но притворился, что умеет. Принесла ему раз женщина письмо о муже от родных. Хури посмотрел, видит — ничего не понимает. Наудачу он ударил себя по колену (это знак отчаяния) и сказал: «Пишут, что твой муж умирает». Женщина ушла, но попался ей один грамотный, прочитал письмо вторично — оказывается, муж живехонек и просит прислать холста — «хам» (домашней работы). Женщина — к попу: «Так и так, батюшка, он жив и просит холста». Поп в одну минуту: «Ну да, холста, но ведь я думал, что если холста, то на саван». Отец Ханна промолчал на этот анекдот. Спросил я еще Насиба: «Ты как думаешь ехать? Сюда в Шуэйр приедет за тобою повозка, или ты дойдешь пешком по Бикфаи, а оттуда в Бейрут поедешь дилижансом?». Вопрос этот не пустячный: из Бикфаи в Бейрут платится только полмежида, т. е. 80 копеек, а нарочный извозчик из Шуэйра (дилижансов тут нет) берет до Бейрута три межида с половиной, т. е. 5 рублей 60 копеек. Поэтому все обыкновенно идут пешком из Шуэйра до Бикфаи (час ходьбы), а оттуда едут в Бейрут дилижансом. Насиб на мой вопрос пренебрежительно ответил: «Вот, стану я пешком ходить и утомляться». — «Да ведь отсюда в Бикфаи спуск, а не подъем». — «Все равно нет, завтра утром на восходе солнца приедет извозчик за мною. Если встанешь, выйди проводить меня». Шоссе доведено только до нашего дома

(вниз ехать нельзя — там нет дороги, а тропинки и дорожки). На другой день хозяева мне говорят: «Странно, мы встали рано, а никакой арбы (повозки) не видели и не слышали». А когда едет повозка, то от горного эха не только наш придорожный дом, но и весь Шуэйр знает о ее проезде. Приходит хури. «Что, — спрашиваю, — Насиб не уехал в свой университет?» — «А чего ж бы ему ехать, — спрашивает хури, — он пошел себе пешком в Бикфаю». На мой вопросительный взгляд и недоверчивое восклицание хури добавил: «Улад Араб-хара». Потом, помолчав: «История с письмом и саваном — она, верно, случилась с его родным отцом. Наверное, оттого-то он так хорошо ее рассказывал».

Сегодня о. Ханна отправил письмо новому послу в Константинополь с просьбой о деньгах. Писал его учитель на французском языке, и несколько дней назад оно мне было дано для исправления. В области фразеологии изрядная безграмотность. <...>

Ф.

87

М. Ф. Крымской

3 октября
[15 октября] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Дорогая Маруся!

Дня три-четыре назад я послал тебе (вернее, на твое имя — себе) «Малярі» Гаршина, «Байки» Гребінки, «Твори» Сурика, но забыл взять расписку у почтмейстера, а он ее потерял. Извести, получено ли это письмо.

Сегодняшнюю присылку сохрани, пожалуйста, — опять для меня.

Как поживаешь одна без Симы? Что Боря?

Твой А. К.

Е. Е. Крымскому

5 октября
[17 октября] 1897 г.,
Шузйр

Самое тяжелое состояние испытал я последних три дня, или, вернее, — последние три ночи. Я уж писал о том, как я заболел, выбираясь из ущелья и снявши с себя потную одежду на воздухе. Это было еще 29 сентября. Но в последние три ночи я не спал уж ни одной секунды: спать хотелось страшно, но ноги ломило хуже, чем от зубной боли. Стоило пошевелинуться, и тогда — хоть кричи от мук. Днем также все время болела голова и также спать нельзя — с заходом солнца все боли принимали острый характер. За последних три дня я, кроме стакана молока утром, ничего не ел.

Сегодня, славу богу, легче стало. Ночью от 2 часов до половины 5-го утра я спал. Эти три с половиною часа сна сильно подкрепили меня. Быть может, и следующая ночь будет легче.

Пишу стоя. Для меня возможны теперь только лежащее и стоячее положение. Сидеть нельзя — ноги не сгибаются. Сегодня я оделся и хожу по комнате: от несколько-дневного лежания спина отлежалась. [...]

Е. С. Крымскому

7 октября
[19 октября] 1897 г.,
Шузйр на Ливане

Дорогой папа!

Получил Ваше письмо о Симе, что он заболел тифом. Как письмо меня огорчило. Сверх тревоги о Симе прибавляется тревога о Марусе и Боре. Тиф ведь так прилипчив. Не заразились ли и они оба. Пожалуйста, извещайте меня о ходе Симиной болезни.

Я выздоровел. Но как вспомню те ужасные бессонные ночи с острую ломотою во всем теле и особенно в ногах,

так и теперь еще страх берет. Усталость до сих пор еще держится. Тщательно избегаю ветра и по этой причине откладываю свой намечавшийся переезд в Бейрут: пришлось бы несколько часов пробыть под перекрестным горным ветром во время дороги. К моему счастью, погода здесь стала теплая опять. Но половина семьи Атаи со стариком уже отъехали в Бейрут.

Ах, как жалко Симы!

Ваш Ф.

90

М. Е. Крымской

10 октября
[22 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маша!

Я совершенно не доверяю восточным почтам. Например, из Шуэйра письма несет в Бейрут некий почтальон целых три дня, причем по дороге ночует у себя дома и у родных; иногда же письма перевозит случайный извозчик («мкери») — при таких обстоятельствах пропажа — дело самое легкое. Дней девять назад я тебе послал: 1) повесть без заглавия, страницы (вероятно) 289—304, 309—316, 321—400, с частым именем Чипка в тексте; 2) мелкую повесть с именем Крамарчуков; 3) тоже маленькую повесть, но, кажется, с вложенным ее заглавием: «Лихі люди». Я уж осведомился у тебя, получено ли письмо именно с этим вложением. Мой запрос я застраховал, но, к сожалению, на письмо с моим запросом у меня тоже нет расписки (должно оно было пойти по английской почте около 16 октября). Сегодня шуэйрский почтмейстер дал мне, по моему настоятельному требованию, расписку на то, первое письмо, где «Лихі люди», но, по-моему, расписка написана почтмейстером наобум; № ее — 1088. Извести меня обо всем в точности.

Пиши о Симе всякий раз, как что-нибудь узнаешь. Меня очень беспокоит его болезнь. Если она сильна, то ему и в этом году не придется держать выпускного экзамена, так как после тифа умственные способности на время ослабевают.

Стал дуть ветер с востока, из пустыни. Стало очень тепло, а в Бейруте, значит, мучительно. Поэтому я не начинаю переезда. Авось с неделю продержится погода, хотя надежды мало: сегодня 26-й день лунного месяца и через три дня — молодик. [...]

Ф.

91

М. Е. Крымской

14 октября
[26 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Дорогая Маша!

Здоровому все здорово. Я, безусловно, здоров. Дождь хлещет четвертый день, а я сегодня, когда он на часок перестал, стал бродить по своей крыше в белом, летнем пиджаке. Ветер проникал до костей, а мне ничего. А дней восемь назад, пока еще не оправился от гнусной малярии, я даже окна притворял, хотя солнце светило.

Сегодня я взобрался на западную гору Шуэйра и смотрел на море и побережье, которое из самого Шуэйра не видно. Холодно на горе и не хочется верить, что там, внизу, на таком, по-видимому, близком расстоянии отсюда стоит летняя жара.

Я уж писал, что старик хозяин и трое детей не выдержали ливанской свежести и спустились в Бейрут десять дней назад. Я и оставшиеся уладились съехать 21 октября. Раньше и нельзя, потому что свободных мулов нет.

Жители Шуэйра знают, что через месяц листья на деревьях пожелтеют и пропадут без пользы, а потому теперь обрывают их с веток на корм скоту. Я невольно вспомнил маминых коров: отчего бы для них осенью не обрывать листья перед тем, как они сами спадут? Сообщи мою мысль маме. Прибавь, что коровы особенно охотно едят листья фиговые и шелковичные.

Отчего от вас нет писем? Что с Симой?

15 октября
[27 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Сегодня пришли Ваши письма от 19 сентября. О Симе, значит, нет новых известий.

[...] На меня Ганино письмо произвело такое тяжелое впечатление, что даже заглушило вопрос о Симиной болезни.

Насчет моих «страшных книжек, которые она так боязливо отослала (тоже характерно), я сообщу, что по 30 экземпляров каждого сочинения, т. е. отдельные номера «Повісток і ескізів», пропущены были цензурою в Москву. Кроме того, часть повестей переведена уже на русский язык, а две — изданы в России по-малорусски («Хто винен?») в нескольких тысячах для народного чтения. Это те «страшные» книжки. Просто смех!

Папа спрашивает о том, лучше ли прислать белье или деньги. Пожалуй, лучше деньги (заочно шить белье не стоит). В Бейруте дешево французское белье, за которое на турецкой таможне не платится пошлина (вместо пошлины бейрутские купцы дают взятку чиновнику) [...].

Ф.

92

М. Ф. Крымской

14 октября
[26 октября] 1897 г.,
Шуэйр, на Ливане

Дорогая Маруся!

Получил из дому письмо, помеченное 18 сентября, где пишут, что Сима болен легким тифом, но будет усиление болезни. Хотя к настоящему времени, надо полагать, болезнь уж кончилась, все же извести меня для успокоения.

Прилагаемую книжечку, как и предыдущие, передай Симе: будет ехать в Звенигородку, пусть их повезет с собою и отдаст Маше.

До свидания. Поклон Симе и Боре. Пиши.

Твой Ф.

Адресуй не в Шуэйр, а просто в Бейрут. Я на днях съезжаю с гор: уж холодно тут становится.

М. Ф. Крымской

16 октября
[28 октября] 1897 г.,
Шуэйр на Ливане

Дорогая Маруся!

Сегодня пришло твое письмо. Я очень рад за Симу, что болезнь вовсе не такая страшная, как вообразил себе сначала. А то уж я было представлял себе разные пятнистые тифы, полное беспамятство, бред. Все-таки еще раз извести, какой был исход болезни и не заразились ли ты.

Я сегодня и вчера нахожусь в нерешительном, в удрученном состоянии: не знаю куда приткнуться. Уезжать из Шуэйра надо. Последние дни старого и первые дни нового лунного месяца были дождливые, наступил здесь холод, и волей-неволей приходится спасаться в Бейрут, хотя там еще и зной, и, вероятно, пыль. Плохо в селе и потому, что солнце стало заходить рано (в четверть шестого), ночь увеличилась, и вокруг Шуэйра появились гиены («даб») — стало опасно ходить одному на прогулку. Летом гиена труслива (опрометью бежит от человека), я на себе испытал, а теперь наглость гиен доходит до того, что они не только по близкому хребту гор бродят, но дерзко спускаются ночью и в самое село. Итак, ясно, что пора оставлять горы. А на меня переезд действует тяжело: я очень привыкаю к месту.

Для потери хорошего настроения достаточно также подумать, что вместо общества честнейших открытых горцев я попаду опять в общество лицемерных бейрутян-торгашей, на нравы которых мало действует и образованность, исключения есть, но немного.

Просто выть хочется.

Вдобавок у хозяйки-бейрутянки кислое лицо: она и трое оставшихся детей мерзнут побольше меня — изнеженные жители побережья. Хозяин-старец и двое других детей уехали в Бейрут уж две недели назад.

Захотел рассеяться и пошел на прогулку. От дождей ожили речки (летом они почти высыхают). Ты имеешь понятие о горных речках, какая это красота, если они полноводны! На меня и вид водопадистых рек подейст-

вовал так, что мне еще больше стало тоскливо расставаться с Шуэйром, с Ливаном.

В комнате пусто, книги выючно увезли в Бейрут; в углах, как всегда при сборах в дорогу, валяется грязная бумага — не выметена... И смотреть — тоска... Рад бы уж и поскорей уехать, лишь бы избавиться от состояния неопределенности, да нельзя: нет свободных мулов. Мукры (погонщики) сказали, что нужно ждать еще день, до субботы. А в субботу мукры опять, пожалуй, скажут подождать пару деньков. [...]

17 октября
[29 октября] 1897 г.,
Шуэйр

Таки на мое и вышло: погонщики не приехали сегодня. Нужно ждать до завтра. А вещи и книги уже в Бейруте, тут пустота, ни за что приняться нельзя.

С утра была недурная погода, и я пошел проститься со своими любимыми местами: «Поповым ключом» (Айн эль-Касис) и «Монастырским лесом» (Харф эд-дейр) — это такая гора, вся лесистая с несколькими потоками. По дороге едва не наступил на змею, но она меня испугалась больше, чем я ее. Дошел до вершины горы — открылся вид на запад, на побережье, которое длинной-длинной полосой (верст, вероятно, восемьдесят видно) простирается вниз и в сторону Бейрута и Сидона, и в сторону Триполи. К югу, как будто очень далеко, выдвинулся Бейрутский полуостров. С высоты он кажется величиною с ладонь: на ладони город — белая точка; сады и леса — две зеленые точки; а пески за Бейрутом — точка желтая; маяк (величиною он представляется с иголку) торчит надо всем. Мы живем в облаках здесь, а Бейрут и море горят от солнца. Вдруг на море в одном месте зачернело. Известно, что это значит! Я бегом домой, и с трудом успел спастись от ливня. Шуэйрский дождь двух родов. Иногда набирается много туч на Саннине (он — притягательная точка); они тяжелеют не на Саннине, а здесь уже, и польется на Шуэйр обыкновенный общеизвестный дождь. Но сегодня дождь начался на море и был пригнан ветром сюда. Это — явление другого порядка. Едва я вбежал в дом, услышал на горе шум: водяная непроницаемая стена шла на Саннин через наш Шуэйр. Шум, точно от войска, при-

ближался и усиливался; водяная стена придвигалась, и, наконец, водяная масса, встретивши Шуэйрскую долину, бухнула, упала в нее. Ливень (буквально как из ведра, без промежутков между струями) затопил Шуэйр на полчаса, и из окон сквозь ниспадающую воду не видно было ничего. Наконец дождь-ливень прекратился и открылся вид: с гор лились быстрые водопады, шуэйрские улицы (а они все крутые и каменистые) обратились в бурные реки, и вода в них, с грохотом катясь вниз и катя камень, обдавала брызгами стены домов. Но полчаса еще — и все стало сухо: в горах вода не может удержаться на одном месте и стремится вниз, в ущелья. Бабы вышли на плоские крыши и начали их укатывать тяжелыми каменными катками-валами («махдале»), чтобы поправить размокший от дождя кровельный слой мелких камней и глины с песком. Две из баб поссорились, и одна от страшной злости прыгала по крыше, протягивая изо всей силы руки вверх с растопыренными пальцами, и произносила проклятия. Поза — изумительная, но ведь на Востоке все жесты не такие, как у нас... Растопыренные пальцы означают: пусть тебя смерть схватит в свои когти! [...]

Пока пишу это, дети принесли мне кожу огромной змеи, найденную ими в нашем импровизированном отхожем месте. Значит, целое лето мы рисковали быть ужаленными.

19 октября
[31 октября] 1897 г.,
Бейрут

[...] Итак, я в Бейруте. Выехали мы 18 октября из Шуэйра при холодном дожде и дрогли. Едем, спускаемся ниже и ниже — не теплеет. На предпоследней горе, образующей первый выступ от поверхности моря, я иронически говорю хозяйке: «Вот сейчас и желанный твой Бейрут, а холод такой же, как и в Шуэйре». Она промолчала. Съехали мы на побережье, и сразу же вдруг нас обдало пышащею жарою, словно паром в бане. Ехали мы вдоль моря (на расстоянии шагов 300—400 от берега) часа полтора, и с непривычки полился с нас пот. Дорога шла среди садов, преимущественно апельсиновых, справа, сквозь деревья, видно было море. Так как и на побережье уж неделю шел еженощный дождь, то запах зреющих

апельсинов и лимонов ароматно наполнял весь воздух. Въехали в Бейрут, меня обвевало наркотическим запахом: к сильному запаху апельсинов прибавились запахи тубероз, вьющихся жасминов, олеандр и других сильно пахнущих, до одурения, цветов, которых я не умею назвать по-русски. На пальмах висят гигантские грозди фиников, на бананах — грозди бананов... Жара... зной... Контраст с Ливаном был самый полный. Правда, и там перед нашим отъездом зацвели рододендры, но рододендры — едва ли не символ холода. [...]

Приехали на свою первую квартиру, которую заочно нанял отец семьи, спустившись с гор раньше. Мне отдана большая комната с двумя окнами в сад, на юг. Для зимних месяцев это хорошо и приятно, но теперь от 10 часов утра до 2 часов пополудни у меня в комнате баня, и я принужден закрывать от солнца ставни. Под окнами растут туберозы («занбак») и целый день пахнут даже сквозь ставни. На расстоянии шагов двух — банановое дерево со своими гроздьями (я к ним теперь хорошо присмотрелся). Кроме того, растут апельсины, померанцы, лимоны, мушмала и т. п. Среди них водоем. Это очень красиво, но комаров от воды такая пропасть, что через час я уж был искусан, а на ночь пришлось повесить «мустикеру», т. е. полог.

Наркотический запах бейрутской ранней осени, сопровождаемый жаркой влажностью, держится целый день и тем более не исчезает, стоит в воздухе. Необычайно, но довольно приятно. [...] Я несколько раз с сожалением вспоминал холодный Шуэйр с его незабываемым, милым населением.

Поклон Боре и Поле от твоего Ф.

P. S. Пожалуйста, мои письма не рви, а сохраняй до моего приезда. Конверты с марками тоже.

Бейрут и есть центр умственной жизни Сирии, но он скорее арабская Одесса, чем арабская Москва или Киев. Да. Одесса.

Е. С. Крымскому

24 октября
[5 ноября] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Если бы Вс. Фед. Миллер действительно оказался назначен директором Лазаревского института восточных языков вместо покойного Кананова, я был бы очень рад. Миллер ко мне великолепно относится. Но все слухи о его назначении остаются покамест только слухами. Подождем.

Я так и не могу сообразить из писем, где же теперь Сима. Приезжал ли он в Звенигородку? Академический год для него, конечно, пропал.

Свыкаюсь с Бейрутом опять. Но возникают некоторые специально городские затруднения, довольно комического свойства, например с вопросом о костюме. Однако по половице «Голь на выдумки хитра». [...]

27 октября
[8 ноября] 1897 г.,
Бейрут

Назначен директор института Вс. Ф. Миллер. Об этом меня уведомил А. Н. Веселовский и прибавил в письме: «С первых же слов и действий нового директора я увидел, что он относится к Вам с живейшим сочувствием». В каких действиях проявилось сочувствие В. Ф. Миллера, я сам еще не знаю, но и сказанного Веселовским с меня достаточно.

М. Ф. Крымской

30 октября
[11 ноября] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маруся!

Книжеч Янчуку еще не выслал, но думаю сделать это послезавтра.

Итак, директором нашего восточного института будет Вс. Ф. Миллер. Превосходное назначение, лучше и желать нечего. Выдающийся ученый, иранист. И личные мои отношения с ним всегда были прекрасны.

Тут в Бейруте русских учительниц не осталось: все разъехались, только А. М. Зайцева осталась в школе «Бакурет эль-ихсан» как преподавательница пения. У князей Гагариных, понятно, я уже побывал. Большой «русскости» там, впрочем, нет. Вот что я решил записать себе для памяти, чтоб потом не забыть — своеобразное употребление русской поговорки: «Если бывает мало рыб, тогда на рака смотрят как на рыбу». Я внутренне ахнул, но из деликатности не сказал ни слова. Она же «бóрарь» называет «диаконский шарф».

Не изумительно, что мы сплошь и рядом бросаем русский язык в своем разговоре и совершенно нечаянно переходим на французский. Кстати сказать, и такой довольно квасной русский патриот, как В. Н. Хитрово, превосходно с нами говорил о русских задачах на Востоке по-французски, а не по-русски. У Хитрово это, по-видимому, только великосветская петербургская манера, а у князей Гагариных — очень естественная потребность. Князь как-то мне признался: «Мы с женою давно бы перешли между собою только на французский язык, если бы русский не оказывал нам порядочной пользы за границею. Когда мы говорим между собою по-русски, никто — ни арабы, ни европейцы, нас не понимают, и это бывает очень удобно».

Как Сима и как Боря?

Ф.

96

М. Е. Крымской

4 ноября
[16 ноября] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Папе передай, что кн. Гагарин получает новое назначение, которое заставляет его оставить Бейрут. Предварительно он возвратится в Россию. Таким образом, неожиданно оказывается, что ему лакей уж не нужен.

Я очень жалею, что Гагарины уезжают. Я к ним привык, а предполагаемого нового консула Беляева, которого будто бы переводят сюда из Дамаска, не терплю. Впрочем, быть может, отъезд кн. Гагарина затянется месяца на два еще и мне придется жить в Бейруте не все время с Беляевым, а только под конец. Да и для моего будущего отъезда тоже было бы очень хорошо присутствие кн. Гагарина в Бейруте: он бы признал мои противоисламские книги за свои и провел бы их через таможду прямо на русский пароход без возни с цензурой. А теперь, так как Беляева просить об услугах я не хочу, придется из-за книг дать порядочную взятку турецким таможенным чиновникам, чтобы не препроводили их к цензору. Изумительно глупый тут обычай — подвергать таможенному осмотру предметы не только ввоза, но и вывоза.

С погодой что-то сделалось неладное. Сперва было жарко, но вдруг вчера повеял ветер с севера («ас-самавы»), которому положенный срок еще не наступил. Температура опустилась до 8 градусов по Реомюру, и даже выпал град. Холодно сделалось, будто в феврале (февраль здесь в первой своей половине считается чуть ли не за самый холодный месяц). От каменных полов стало в домах нести простудным холодом, а я только сегодня вспомнил, что у меня есть валенки. Вчера же ходил я в туфлях, а потому сегодня не могу говорить от насморка. [...]

Хожу себе по комнате и раздумываю: что ж это я буду делать по возвращении в Россию... Жаркий климат до такой степени сделал меня невыносимым, что теперь малейшая перемена погоды делает меня больным. Что же будет в России?

И все-таки я — герой сравнительно с природными бейрутинцами. Все сегодня ноют, сидят, покрывшись одеялами, — у большинства лихорадка. Хозяин Атая стонет и говорит о смерти. Что бы они говорили, если бы температура дошла до нуля?

Ф.

М. Е. Крымской

8 ноября
[20 ноября] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Последнюю неделю опять стояла в Бейруте жара, и сегодня вечером духота нестерпимая: ясно, что ночью будет гроза. Но воспоминание о северном холодном ветре прошлой недели наводит меня на грустные мысли. Как я проживу здесь январь и начало февраля? На дворе, собственно, не будет тогда холодно, потому что температура не бывает меньше 8 градусов тепла, но в моей комнате окажется чистая беда. В прошлогодней квартире, при всей ее тесноте, у нас было нечто вроде передней или приемной («дар»), а в нынешней квартире дверь из моей комнаты прямо выходит на двор, так что при всяком раскрытии двери врывается свежий воздух. Кроме того, у моей двери имеются две рамки щелей: первая щелевая рама — между дверью и косяками, вторая щелевая рама — между косяками и стеною. Возле порога внутри моей комнаты есть огромная дыра для стока воды («анбубе») на случай мойки каменного пола. Над дверью у меня на расстоянии аршина — слуховое окно («така»), которое, правда, я уже закупорил тряпками, но оно тем не менее еще продувает. В противоположной стене — два окна в сад. В тех окнах тоже имеются щели между стекельными рамами и подоконником и имеются еще другие щели — между подоконником и стеною. Над теми окнами — другое в комнате слуховое окно, которое я тоже заткнул тряпками. В жаркий день такое павильонное устройство дома — благодеяние для жильца; но стоит только, чтобы на дворе температура оказалась ниже, чем в комнате, — готова простуда: от щелей, сквозняков и т. п. Днем не будет большой опасности простудиться, но вечером, когда комната будет нагреваться от лампы, всякая струя свежего воздуха будет приносить насморк. Переменить квартиру уж нельзя: во-первых, Атаей дан задаток около тридцати рублей, т. е. за треть года вперед (в год за дом платится 12 червонцев), а во-вторых, все квартиры в Бейруте уж разобраны: ведь уж поздняя осень.

Остается молить бога, чтобы не посылал северного ветра.

Теперь изложу тебе три свои просьбы:

1) Вырежь из конверта, который ты получила за несколько дней до этого моего письма, французскую марку в 20 пиастров (5 франков) лилового цвета. Кроме того, вырежь какую-нибудь английскую марку в 12 пиастров и австрийскую в 20 пиастров (2 гульдена) и пришли мне. Не выбирай наиболее чистых экземпляров, а, напротив, — посредственные, грязноватые. И пришли эти три марки мне.

2) Справься в моей библиотеке (в самом маленьком шкафу) о журнале «Правда». Напечатан он на особой тонкой бумаге, чтобы можно было переслать в конверте, минуя цензуру. Помнится, он у меня был переплетен в трех или четырех книжках, с корешком без надписи, с корешком не кожаным, а холщовым. Задача вот в чем: некогда один из знакомых взял у меня почитать этот журнал и затерял какие-то номера, — так вот именно и узнай, какие номера есть в целости. Знаю наверно, что имеется в сохранности целый 1890 год. Остального ничего не знаю, не помню. Проверь и уведоми меня. Хочу пополнить дефекты, пока я за границей, и пока все из Львова идет ко мне беспрепятственно.

3) И вот еще один вопрос о библиотеке, но вопрос потруднее. В одной сборной, из книжек маленького шкафа, также переплетенной в холщовый корешок без надписи, находится в числе прочих собственных частей этой книжки небольшой сборничек «Родный здельник» Василя Лукича (если только это заглавие не было мною же потеряно). Характерное отличие этого львовского сборничка — он ради пересылки в конверте напечатан на очень тонкой бумаге, на такой же, как переплетенная «Правда».

Примета: в той же книжке имеется еще один сборничек — «Кветка»⁷² (с рукописным посвящением редактора мне). Я знаю хорошо, что в сборнике «Родный здельник» не хватало некоторых страниц. Но каких? Содержание сборника приложено (не затеряй этого листка) при другом письме, которое пошло одновременно. Все это мне надо ради пополнения книжки.

Где Сима? У Гани не родился ли уже ребенок?

Ф.

М. Ф. Крымской

18 ноября
[30 ноября] 1897 г.,
Бейрут

[...] Был у князей Гагариных. Провел приятный вечер. Княгиня мне рассказала по-русски о том облачении, которое прислал через бейрутское консульство государь одному из митрополитов (триполийскому): «во-первых, плащ из лучшей сапожниковской парчи, затем — лента, которую надевают на шею». «Плащ» — я понял, это, очевидно, патриаршее облачение эфод, но что такое лента? Вероятно, епитрахиль.

У княгини много хороших качеств, но знания русского языка нет, безусловно.

Ф.

Е. С. и М. Е. Крымским

Кажется, 24 ноября
[6 декабря] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа, дорогая Маша!

Пишу ночью, в постели. Я вообще весь этот месяц бывать не совсем здоров, а в последние четыре дня слег в постель. Мучит злая лихорадка, сопровождаемая изнурительным кашлем. Днем голова только ноет, а ночью — ломит; заснуть нельзя, и лишь болезненно дремлешь. Каждое кашляние производит сотрясение головы, и ощущение бывает такое, будто она лопается. Хозяин старый Атая тоже болен. Переменить квартиру нельзя.

Если я проведу здесь и все следующее лето, то очевидное дело, что в холодной Москве в силу резкого контраста климата я уж буду все время хворать. Поэтому я лучше постараюсь, хоть самовольно, уехать отсюда несколько раньше срока: все-таки в Звенигородке климат умереннее и будет служить мне постепенным переходом от бейрутского к московскому. [...]

Надеюсь, что здоровье Гани поправилось. А что Си-

ма? Если он в Звенигородке, то привез ли он те книжки, которые я выслал на имя Янчука?

Маше спасибо за переписку этнографических материалов Дыминского. Когда буду получать настоящее жалование, тогда очень справедливо будет рассчитаться.

Из института ко мне пришел запрос: почему я остался на второй год в Сирии, а не поехал в один из европейских университетов, как постановил при моей отправке профессорский совет. А мне никто никогда и не говорил о таком постановлении. Теперь уж поздно ехать в Европу, на холода нет смысла.

Ах, опять взрыв кашля. Словно мозг рассекается. [...]

100

Е. С. Крымскому

1 декабря
[13 декабря] 1897 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Ну, сегодня я, по-видимому, вполне здоров.

Могу спокойно рассуждать с арабами о их восточной беспечности, вековой беспечности. Пока дождь, они страдают и жалуется на плохое устройство своих домов; а наступит хорошая погода — и все забыто. И так дело идет тысячелетиями, без того чтобы кто-нибудь сообразил, что можно же обезопасить себя от холода.

Если бывает восемь градусов тепла, т. е. здешний *минимум*, то это в сущности не холод. Однако если при этом тепле будет ветер, то сириец из-за устройства своих домов страдает хуже, чем мы при сильных морозах, которые бывают у нас. Я во время болезни с отчаянием мечтал о русской топленой комнате, в которой тепло, хотя бы на дворе стояли и лютые морозы.

Ваш Ф.

М. Е. Крымской

5 декабря
[17 декабря] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

[...] Я теперь почти окончательно здоров и, только притронувшись к горлу с правой стороны, испытываю боль, откуда заключаю, что болезнь моя еще не совсем прекратилась. Во всяком случае я уж не кашляю. В городе появилась оспа. Я видел мертвеца: совершенно почернел. Так как у меня последний раз привита оспа девять лет тому назад, а силу свою прививка сохраняет только семь лет, то придется вновь привить. Пугает меня только мысль, что в таком случае на три-четыре дня может возвратиться лихорадка, а я эту болезнь уж успел возненавидеть... [...]

Пока что могу радоваться, что в комнате нет течи. На прошлогодней квартире в это время потолок уж начал просачиваться. Авось к Рождеству буду я иметь это удовольствие и в нынешней квартире.

Вчера был праздник Варвары, очень чтимый здесь. Накануне дети переодевались в маски и ходили по домам, как наши колядники. Вчера во всех домах пекли пирожки («катаиф») с толчеными кедровыми орехами и обливали эти пирожки душистым сиропом (пекли, конечно, в булочной, а дома только делали). Завтра день Николая. Все русские подданные (числом их четыре) вызваны в церковь на обедню за здравие государя. Будет толпа народа, будут стрелять в церкви из ружей и т. д., как в прошлом году.

Ф.

102

Е. Е. Крымскому

8 декабря
[20 декабря] 1897 г.

Несколько времени тому назад должность секретаря русского консульства в Дамаске временно исправлял при Беляеве кн. Шаховской (Борис, мой товарищ). Беляеву

он очень понравился за свою покорность, и он даже телеграфировал в Константинополь, чтобы кн. Шаховского утвердили в должности и не присылали бы Глушинского, назначенного постоянным секретарем. Тем не менее Глушинского послали в Дамаск, а Шаховского отозвали. [...]

10 декабря
[22 декабря] 1897 г.,
Бейрут

Два последних дня я, подобно бейрутинцам, веду самую оживленную политику.

Бейрутский митрополит (Гавриил Шатиля) умирает. Если и выздоровеет, то уйдет на покой. Предстоят новые выборы. Кандидатов несколько. Шхаде все внушает князю стоять за слабохарактерного (хотя интеллигентного) митрополита Хомского, который будет автоматом в руках Шхаде. Я, напротив, уж больше двух недель убеждаю князя стоять за архимандрита Рафаила (Гававини), который в Москве был таким приятелем Агтаи. Рафаил имеет русское образование. После колебаний князь стал таки за Рафаила. И вот я в течение двух дней составляю биографию Рафаила Гававини и обзор его трудов на русском и арабском языках. Эти сведения князь перепишет и пошлет посольству в Константинополь, чтобы оно оказало давление на Порту. Приходится мне все время наводить справки у арабов, зондировать их мнения и настроения, и все это делать очень осторожно. Живу в приподнятом состоянии духа. (Боюсь, что во мне имеется неискоренимая склонность к политике и агитации.) Теперь дело выбора Рафаила в бейрутские митрополиты стало мне таким близким, что едва ли сам Рафаил торячится столько, сколько я; у меня впечатление такое, как будто меня самого избирают в митрополиты. Против Рафаила есть три партии. Посмотрим, кто победит: мы или они (ишь ты, как важно: «мы»). [...]

Если Маша мне еще не выслала списка номеров «Правды», имеющихся у меня, то напомни ей.

Ф.

Е. Е. Крымскому

17 декабря
[29 декабря] 1897 г.

Дует холодный ветер. Я принужден был купить себе самовар, чтобы согреть им свою комнату. У всех бейрутинцев насморки. Выходит, что я далеко не исключение среди прочих, но это соображение меня мало утешает.

Теперь пост. Набожность здесь такая, что учащихся заставляют и в филипповском посту говеть, а перед Пасхой будут говеть своим чередом. В девичьем институте, где патронесса Сюрсок, епитимия налагается, между прочим, такая: простоять на коленях полчаса, закрывши руками лицо, и плакать о грехах: если нет слез, то хоть хныкать. Другая епитимия оригинальнее: стоя на коленях, плевать. Плевки, по учению Лябибы Жахшан, директрисы пансиона, будут попадать в черта. Такое плевание было назначено некой девочке Розе Ма'луф, и русская учительница А. М. Зайцева приказала ей не исполнять этой епитимии.

Ф.

М. Е. Крымской

28 декабря
[9 января] 1897 г.,
Бейрут

Дорогая Маша!

Письмо твое пришло как раз в первый день Рождества и было очень приятным сюрпризом, потому две недели я не имел писем ровно ни от кого, а от тебя не было письма уже месяца два. Как бы я хотел увидеть Борю теперь. Я не могу его представить умеющим уже говорить. Вероятно, это меня чрезвычайно поразит, когда я его увижу. А увижу его, по всей вероятности, летом. Дело в том, что теперь директор института Всеволод Миллер, и он, очевидно, простит мне, если я уеду из Бейрута несколько раньше срока. Только, пожалуйста, ты покамест не общай об этом никому: через третьи-четвертые уста мое

намерение может дойти до Лазаревского института и произведет неприятное впечатление. Особенно я стесняюсь М. О. Атаи: его родители живут здесь в страшной бедности и если я уеду от них в июне, то лишу их 200 франков, а это для них не пустяк. Но, право, я не буду чувствовать укоров совести. Ведь в горы уезжать только до августа нет смысла: выйдут лишь сверхсметные расходы, не до карману мне (переезд вместе с семьей старика Атаи около 250 франков), а остаться в Бейруте летом — сущая смерть, варка в котле. Таким образом, я задумал выехать из Сирии около 15 июня ст. ст. Проведем вместе лето в Звенигородке. [...]

Я болею. У меня теперь болезнь сделалась самым обычным состоянием. В солнечные дни моя лихорадка исчезает, в дождливые — опять трясет меня; а последние два дня как раз дождь идет. День я переносу спокойно, но ночи — мука: от переменного жара и озноба в организме спать нельзя. Притом зима в этом году холоднее, чем прошлотодняя: старожилы говорят, что не помнят такой. И действительно, в прошлом году у меня всегда были окна в комнате открыты, а теперь я их открываю только тогда, когда солнце светит, а с вечера всегда держу закрытыми. Вчера вечером термометр показывал на дворе 6 градусов по Реомюру, а в комнате у меня было 9°. Не правда ли, удобная обстановка для тех, кто страдает лихорадкой. (Лихорадку мою определенно называют малярией.) Сверх того, меня всего охватывает печаль при мысли о недалеком уж отъезде кн. Гагариных. Начиная с лета я с ними сблизился так хорошо, что когда получил известие о назначении кн. Гагарина секретарем российской миссии в Марокко и о его предстоящем отъезде в конце января, то совсем расстроился нервами. Какие бы у кн. Гагариных ни были свои мелкие недостатки, я все равно люблю эту семью. Год тому назад я бы засмеялся, если бы мне сказали, что мне жаль будет расстаться с Гагариным, а теперь чуть не плакать готов. Они меня приглашают приехать к ним в Марокко на следующее лето (1899 г.). Но едва ли это обыточная вещь. Я ведь очень не уверен, как устроятся в России мои денежные обстоятельства. Да притом мне именно теперь грустно, что кн. Гагарин уезжает. А в России я, согласно с непреложными законами психологии, пожалуй, и позабуду их. Явятся новые впечатления, и моя тесная дружба с Гага-

риными рискует смениться приятными воспоминаниями о них.

Слова Богаевского о том, чтоб я «не рассчитывал» получить деньги за «Мусульманство»⁷³ раньше апреля, я понимаю, как злорадный упрек за мою неаккуратность. Я должен был доставить издательству мою статью или книжку в начале августа, а доставил в начале декабря (выслал 20 декабря н. ст. последние рукописные страницы). Виною опоздания была моя болезнь. Раньше Богаевский писал мне, что самое печатание окончится не позже начала марта.

Ты мне ни слова не написала, получила ли ты от Н. А. Янчука мои книги. Не сердись на меня за то, что я злоупотребляю твоей любезностью и сообщи поскорее, у тебя ли они уже или нет еще, а также все ли книги отданы тебе? Не наложила ли на что-нибудь свои лапы цензура? Кроме того, я выслал прямо тебе два месяца назад бандероль с четырьмя романами львовского издания. Получила ли ты их или конфискованы? Пожалуйста, отвечай. Я уж тебя спрашивал об этом (о книжках Янчука), должно быть, раза два, а ты молчишь. [...]

Весь твой Ф.

Пока я писал, облака разошлись и показалось солнце. Я поставил термометр, на окне оказалось 32° по Реомюру. Пусть только облака закроют солнце, температура мгновенно понизится с резкостью.

105

Е. Е. Крымскому

31 декабря
[12 января] 1897 г.,
Бейрут

Уж, наверное, хоть теперь ты в Звенигородке.

У нас дождь, и поэтому я болен своей внедрившейся лихорадкой. Когда эта гнусная малярия покинет меня, я просто и не додумаюсь. Действие хинина парализуется другими факторами. Погода тут такая, что когда светит солнце, то термометр показывает на солнце даже 35 или 40 градусов по Реомюру; если ж на солнце набежит облако, то через две минуты термометр останавливается на

20°. В пасмурные дни температура бывает 12°. По ночам доходит до 6°; а одна ночь при северном ветре («самавы») была такая, что термометр опустился до нуля и вода в резервуарах покрылась тоненькой коркой льда. Никто из стариков не помнит такой ужасной зимы. Вот тебе и жгучая Финикия. На меня в той беседке, которая служит мне комнатой (иначе я ее не назову), все эти перемены погоды действуют прямо губительно. Счастье, что бейрутский климат — враг малярии. В другом месте (например, в Палестине или в долинах на Ливане) она бы меня давно уж убила; здесь же она пробуждается только при особом холоде. Но и того, что со мной бывает, достаточно для отравления жизни.

Во 2-й и 3-й неделе декабря тоже были дожди. Но тогда я не заболел, потому что... впрочем, не скажу точно почему. Знаю только то, что я тогда удивлялся своему незаболеванию и был уверен, что наконец избавился от малярии. Душевное настроение было хорошее, и все мои тогдашние болезни ограничились насморками, кашлями и ознобами. [...]

106

Е. Е. Крымскому

12 января
[24 января] 1898 г.,
Бейрут

Погода вообще очень действует на человека, а здесь на меня в особенности. Одиннадцать дней стояла в Бейруте жара, и я себя чувствовал в светлом настроении. Сегодня пошел дождь, и я, хотя вновь не заболел еще, но уж чувствую тяжелую тоску. Где кончается сердечная физическая боль и где начинается душевная тоска, право, трудно разобраться.

Душевную тоску вызывает неотвязная мысль, что Гагарины уезжают, и я останусь один. Потеря чувствительная. [...] Я сочувствую умственным передовым стремлениям Бейрута и не могу многих передовых людей не уважать. Но даже они не заполняют душевной потребности иметь подлинных друзей. На Ливане крестьяне давали моей душе много больше. То были люди.

А во-вторых, меня начинает угнетать крайне прозаическая мысль о денежных моих делах. Археологическое общество прислало мне сто рублей на разные археологические покупки, а я эти деньги успел истратить на себя, рассчитывая сделать заказанные покупки незадолго перед выездом из Сирии, когда у меня будут деньги за книжку «Мусульманство и его будущность». Сверх того, я занял у русской учительницы А. М. Зайцевой 120 франков (45 рублей), которые тоже истрачены. Далее — предстоят траты на жизнь здесь в течение не менее полугода. Далее — нужно запасти сто рублей на морской билет до Одессы, да придется ж иметь в виду также расходы на прожитие нескольких дней в Одессе, пока цензура отпустит мне восточные и ориенталистические книги, и на железнодорожный билет до Звенигородки. Выпутаться из всего этого я буду в состоянии лишь в том случае, если именно в апреле получу деньги за свою книжку. А Богаевский, который раньше писал, что деньги мне будут высланы не позже марта, и который переносит теперь срок на апрель, способен перенести срок выплаты и на май (разумею, на конец мая). В таком случае я принужден буду здесь остаться на лишней месяц, т. е. до конца июня и, значит, принужден буду еще больше прожиться. В конце концов не хватит денег на билет.

К довершению моей беды, московский Аттая запоздал с высылкой моих денег из института. Причины опоздания я не понимаю, а следствием является то обстоятельство, что ни здешним хозяевам, ни учителю Нажибу за целый месяц не заплачено. Чего доброго, придется и второй месяц жить и учиться в долг.

Я вообще всегда отличался денежною аккуратностью и, едва имел долг, сейчас старался расплатиться. Но и тогда время между задолжанием и оплатой всегда бывает для меня мучительно. А теперь, вдали от родины, настроение и сомнения действуют в тысячу раз хуже. К сожалению, у меня характер очень мнительный и пессимистический, и я не в состоянии утешать себя мыслью: «Э, авось как-нибудь дело уладится». Напротив, если есть малейший повод к сомнению (например, в вопросе о сроке платы за «Мусульманство»), то мои сомнения растут с каждым днем и прямо давят меня.

В сношениях с хозяевами у меня дело не стоит хорошо. Я в безденежье, не могу с ними искренно разговари-

вать, зная, что сами они тоже живут в долг и со дня на день рассчитывают получить от меня деньги. Притом я уверен, что они толкуют обо мне как о злостном неплательщике со своими знакомыми.

Ф.

107

Е. Е. Крымскому

28 января
[9 февраля] 1898 г.,
Бейрут

Кажется, летняя жара уже приближается. Сегодня вечером я уж не мог сидеть в комнате в черном пиджаке и надел летний.

Для мусульман среди жары теперь плохо. У них пост рамадан, и целый день им нельзя даже воды пить. К их счастью, день еще не длинен. Интересно наблюдать мусульман под вечер, когда они группами ждут выстрела из пушки, возвещающего заход солнца. Заранее у них (у старых курильщиков по крайней мере) наготовлен кальян («аркиле») и стоит на столике чашечка кофе. Грянет выстрел — первым делом мусульманин хватается за кальян, втягивает в себя струю и заливает глотком кофе. Другие курящие, ожидая выстрела, держат папиросу и спички в руках: мгновенно, разом с выстрелом человек зажигает спичку и закуривает папиросу. Голод им переносить не трудно: целую ночь едят до отвала. Около половины третьего (тоже по выстрелу) садятся за последнюю еду; выстрел при восходе солнца прекращает все, и люди ложатся спать. Встают в девять, богачи — около полудня. Бедняки высыпаются мало и оттоту весь день «сновыгають», причем настроение духа у них вялое и угрюмое. Кн. Гагарин из-за рамадана тоже в плохом настроении: его кавасы, кроме одного, — все мусульмане, — пошлешь сонного куда-нибудь, и он исполняет самое маленькое поручение несколько часов.

Ночи лунные, и потому ночное оживление улиц сильнее, чем это бывает в темные ночи рамадана. Везде оживленнее сует народ, гуляет, суетится.

Нарушить пост рамадан никто из мусульман не смеет открыто. Даже мусульмане-медики, кончившие курс у

европейцев, должны есть тайком от семьи. Ругательство «йа, фатыр рамадан» («О, нарушитель рамадана») считается очень обидным. Христиане, напротив, если не хотят постить своих постов, то не стесняются — не постятся открыто. В Бейруте по крайней мере это так.

Турки избегают в рамадан даже говорить с иноверцами. Среди мусульман-арабов нет этого, разве среди очень уж набожных. Со мною один рамаданский араб, мулла, разговаривал вполне дружелюбно и расспрашивал о России, о ее мечетях и т. п.

Ф.

108

Е. Е. Крымскому

3 февраля
[15 февраля] 1898 г.,
Бейрут

Латиняне — те, пожалуй, уже даже в половине февраля. В конце их григорианского февраля, или в середине нашего юлианского февраля, наступит конец холодам, а зато (так уверяют) десять дней до того счастливого времени должны быть верхом холода. Холодно и сегодня. Я переношу внезапно наступивший холод очень хорошо, т. е. без лихорадки; даст бог, она придет денька через два. Впрочем, февраль здесь славен и тем, что каждый час погода должна быть иная. «Шбат ма-ылу тбат» («То жжет солнце, то идет град»). При граде делается холоднее, чем было в декабре, но солнце опять восстанавливает высокую температуру.

Сегодня, через минуту после выпавшего града, я пошел на почту. Удивительное зрелище по дороге! Град покрыл грядки фиалок, и душистые цветы выглядывают сквозь него, словно оеверные подснежники из-под снега. Возле ствола пальмы, этого тропического растения, лежит куча белого нерастаявшего града. Едет погонщик на верблюде, везет огромную вязанку сахарного тростника; длинные верхние стебли тростника спадают со спины верблюда, тянутся за ним по земле, и сахаристые трости разметают град, словно у нас метла метет снег. Пока дошел я до почты, от града и следу не осталось, вместо него потекли по улицам каскады. Вернулся я домой весь

мокрый от пота (я надел было сверх пиджака пальто); но через пять минут после моего возвращения налетела на небо огромная черная туча, посыпался опять град, и я наблюдал в окно, как он сечет верхушки пальм и сбивает белый цвет с миндалей и абрикосов.

Живу я в нервно-напряженном состоянии. Сознание, что зима кончается и наступают тяжелые знои, неизменно сопровождается другою мыслью — о предстоящем отъезде из Сирии. Я решил стараться всеми силами, чтоб уехать в мае, раньше апогея жары. В свободные минуты, т. е. лежа в постели перед сном, я высчитываю: с каким из пароходов сумею я выехать, когда прибуду в Одессу, могу ли я скопить деньги к середине мая и т. п. Моя забота — накопившиеся у меня книги. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что их у меня в Бейруте теперь столько, сколько в Звенигородке. Моя комната вся заставлена высокими колонками книг и имеет вид книжного магазина; повернуться в ней негде. Накопились они здесь разными путями. Арабские книги я покупал в магазинах: здесь восточные издания очень дешевы, я старался не упустить ни одного случая (в Европе каждая книга стояла бы в 6—10 раз дороже), и теперь арабских книг у меня множество. Но, кроме того, я не мог не покупать русских книг, случайно попадавшихся здесь после Петковича и др. (да мне их продавали и на вес), и их тоже у меня горы. Как я их перевезу, ведает всевышний Аллах, но оставить их здесь я не могу. Жалко.

Кстати, в числе на вес купленных мною здесь русских книг оказался «Современник» за несколько лет. Не хватает одного номера за 1863 г., именно 1-го, т. е. того, который ты когда-то получил в подарок, помнится, от Коли Варшавера (в нем начало романа «Что делать?»). Сделай милость, прими какие-нибудь меры к отысканию этого номера «Современника». Или сам это сделай, или Машу попроси взглянуть в один из чайных ящичков, обращенный мною для Звенигородки в сундук для книг: кажется, упомянутый тот номер «Современника» лежит именно там. Впрочем, важно не то, чтоб найти его (найти можно бы и после), а то, чтобы предупредить возможное грозящее ему уничтожение (например, чтоб он по ошибке, как старье, не пошел на обвязку кувшинов с молоком).

Князя Гагарина, к моему огромному удовольствию,

еще не могут выехать теперь, потому что новый назначенный консул Лишин⁷⁴ по каким-то обстоятельствам замедлил. Если повезет мне счастье, то Лишин, пожалуй, не приедет в Бейрут и до конца апреля. Если дело станет именно так, то в начале мая я уеду вместе с Гагариными.

[...] Люблю я их [Гагариных] чрезвычайно. За что — не знаю, да и не хочу себя спрашивать. Люблю, они мне дороги, вот и весь сказ. Однако [...] чувствуется, до какой степени жизнь глуши размельчает человека. В Москве я не мог бы тратить душевную энергию на подобные счеты самолюбия, мелочного самолюбия. К счастью для моего настроения, местное общественное политиканство теперь прекратилось на время; а то ведь и от него на меня иногда прямо тоска нападала. Нет, я таки Сильвестр Бонар, а не житейский политик. Впрочем, я хорошо предвижу, что с приездом нового консула Лишина, еще незнакомого с Сирией, я опять втянусь в какую-нибудь сложную историю, в которой мне придется распутывать общественные интриги этого умного и образованного плута Салима Шхаде.

4 февраля
[16 февраля] 1898 г.,
Бейрут

Я вчера распространялся против жизни в глуши и порождаемого ею душевного молчания. Однако она только тогда вредна, когда приходится иметь сложные сношения с обитателями этой глуши. Но простое захолустное одиночество, без общения с внешним миром, вовсе не неприятно, наоборот, и я всегда с удовольствием вспоминаю нашу тихую жизнь в Звенигородке летом. С посторонними там не видишься, к тому же занимаешься не тем, что на шее висит, а тем, к чему душа тянет, — и прекрасно. [...]

Прервал письмо из-за шуэйрского священника. Сегодня он, вероятно, в десятый раз возобновляет передо мною свою просьбу о российском ордене. По его мнению, он так горячо любит православную веру, что не мешало бы ему получить за это русский орден. Все мои попытки разъяснить ему неисполнимость его просьбы ни к чему не ведут. Подобно евангельскому судье неправедному, который готов решить дело вдовы, лишь бы она оставила его

в покое, я много раз ходатайствовал за него перед кн. Гагариным, так что тот решил, будто я обожаю о. Ханну, и советовал мне не увлекаться им. А я этого о. Ханну скоро возненавижу за назойливость. Сегодня, впрочем, я было охладил его. «Русские ордена с трудом даются», — говорю ему. «Нет, не с трудом», — твердит он свое. — «Скажи мне, батюшка, Салим Шхаде — пройдоха или нет». Отец Ханна ненавидит Шхаде и потому охотно ответил: «Конечно, подлец (рыжжаль дун)». — «А есть у него русские ордена?» — «Не знаю». — «Нет у него. А если б они доставались легко, то у кого-кого, а у Шхаде были б». Поп успокоился. Мы заговорили о другом. Потом он прощается и говорит просительным голосом: «Так не забудь же, попроси консула, чтобы мне дали орден». Меднолобство таких ориенталов поразительно.

Опять прервали меня. Из-за покупки мною книг.

Приехал сюда из России некий Сидеви, полуараб-полумалорос-полугрузин. Здесь он ведет процесс за ливанское имение покойного отца, судится с родственниками, которые насильно завладели этим имением («рызк»). Остановился он на квартире у арабов Абудов, которые на днях продавали русские книги, оставшиеся после одного давно-давно умершего их родственника, который долго жил в Москве, а здесь, в Бейруте, держал русскую школу. Я зашел посмотреть те книги и встретил там Сидеви. Своей юркостью и умением подымать из-за всего историю Сидеви меня изумил. Например, он приехал сюда в полной уверенности, что процесса не выиграет; вдруг родственники предлагают ему любовную сделку, т. е. дележ. Шхаде советует пользоваться случаем и скорей покончить дело без всяких трат на процесс (томительный в Турции), но Сидеви воспрядает духом и заявляет: «Если они мне готовы уступить половину земли, то значит — я имею право на всю. Буду судиться». В Бейруте он всего две-три недели, а уж успел разведать то, чего другой и за год не узнал бы. Например (это он мне сообщил там, у Абудов), он узнал, что у Шхаде есть до сих пор тесные отношения с его прежней содержанкой, с которой он было разошелся после женитьбы на одной почтенной девице; что за его женой ухаживает его младший брат Жибран, она к этому брату равнодушна, а зато смотрит

сквозь пальцы на сношение Салима с прежней возлюбленной; что в доме этой содержанки, как и когда-то раньше, происходят всякие сделки между Салимом и людьми, имеющими нужду в российском консульстве, и т. д. и т. д. Мало того, Сидеви лично посетил эту госпожу (ее имя — Кова), возбудил в ней ревность к Салиму и желанье донести на него турецким властям; в руках Ковы есть, по словам Сидеви, такие доказательства, что Салим даже за одно-два ее показания может подвергнуться каторге. Вообще, как можешь судить из этих данных и как я тогда же решил, Сидеви особа прохвостистая. Он присутствовал при покупке мною старых книг у Абудов и сообщил, что в лавке давали за них по 60 пара (10¹/₂ копеек) за око (три фунта). Мне не удалось купить книг по такой дешевой цене, и я сторговался с Абудами по два с половиною лиастра за око. [...]

Ф.

109

Е. Е. Крымскому

5 февраля
[17 февраля] 1898 г.,
Бейрут

Весна — в сирийском смысле слова (потому что весна в русском смысле стояла тут целую зиму). Жарко, но не до неприятности.

Много поэзии... но, к сожалению, прозаических овощей еще маловато, и я принужден питаться цветной капустой («карнабит»), оливками (желтыми, не черными, не общеизвестными у нас «маслинами») и рисом. Это мне подают хозяева. А сам я покупаю багдадские финики, и, собственно, они-то и составляют мою главную пищу. Таким образом, у вас наступает масленица, а у меня уже пост.

В объявлениях «Нового времени» я у Гагариных как-то прочитал, что какой-то русский журнал дает в 1898 году премию «Толковый русский словарь Даля». Спроси у папы, не помнит ли он, какой это журнал. Не «Новь» ли?

Получены из Звенигородки деньги. Как я им обрадовался. Начиная с 18 января я только тем и занимался, что брал займы, обещая отдать в конце января. Последние пять дней (т. е. начало февраля) я просто истомился от ожидания и стыда, что не имею чем покрыть долги.

Ф.

110

Е. С. Крымскому

11/23 февраля 1898 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

[...] Деньги, которые Вы отправили, получил. Марки тоже получил. От денег — не успел осмотреться — как у меня осталось лишь два золотых: все остальное пошло на уплату долгов в Бейрут и в Германию (за нужные для занятий книги). Буду перебиваться как-нибудь далее, пока не придут мои деньги из института. Мне так мало дал институт на командировку (50 рублей в месяц) — и тех я два месяца не получаю. А посему невыразимая досада охватывает меня, когда я вспоминаю — почему. Оказывается, М. О. Аттая, которому я дал доверенность на получение этого своего крохотного жалованья, вообразил, что мне деньги не очень здесь нужны, и истратил моих 80 рублей, так он сам признался в письме. Когда он их возвратит мне, не знаю, в Москве ли осенью, или теперь же, через некоторое время, но досада на его самоволие берет меня ужасная.

Вашим предложением достать денег под залог дома я, быть может, принужден [буду воспользоваться] и воспользуюсь, но торопиться нечего. В конце марта Вы получите от меня известие, нужно ли прибегать к такой мере. Все же есть у меня надежда на гонорар за отосланные мною научные работы.

Я уже почти наверное решил быть в Одессе к 24—25 мая. Если у Вас будет к тому времени возможность, то я б очень хотел, чтобы Вы выехали в Одессу навстречу мне, потому что у меня большое затруднение с книжками: будет несколько ящиков, придется озаботиться вывозкой их

из таможи и сдачей на железную дорогу, а я считаю это для себя очень трудным, потому что и близорук, и Одессу плохо знаю. Будет возня и в цензуре с раскупоркой ящиков и новой укупоркой. Я неделю прокопаюсь со всем этим.

О необходимости уехать из Бейрута я думаю все чаще и чаще: наступает уж достаточно сильная жара. Самое приятное теперь время дня — 11-й и 12-й арабский час (т. е. два последних часа перед заходом солнца); я стараюсь подогнать время хождения на почту как раз к этим часам. Но сирийцы говорят, что еще не наступила весна: для них весна наступает тогда, когда расцветут мирты и фиги.

Пишу Вам вечером: ставни закрыты против комаров, и в комнате просто удушливая жара. Я весь в поту. Вчера провел вечер у Гагариных; возвращался около полуночи, и был прямо зной.

Ваш Ф.

111

Е. Е. Крымскому

20 февраля
[4 марта] 1898 г.,
Бейрут

Отправился проехать в горы. Извозчик попался очень развязный. На узком повороте встречается верблюд, тяжело ступающий под грузом. Нам пришлось свернуть на самый край дороги, а она идет вдоль обрыва. Одно движение — и мы свалились бы вниз, а верблюд идет медленно.

— Чтоб твой дом развалился! — кричит арабажи погонщику верблюдов.

Тот пожимает плечами и молча показывает на верблюда, как бы желая сказать: «Вот кто виноват».

— Не он верблюд, а ты.

— Ну да, потому что ты — осел.

— А ты — ослиная гадость.

— А ты — отец непотребных женщин.

— А ты сам — непотребная женщина.

Тут верблюд скрылся за скалою, а погонщик после-

шил его догнать. Извозчик, воспользовавшись остановкой, поехал теперь очень медленно, надеясь, что я не замечу перемены марша.

— Милый мой, — взываю я — око мое. Что ж ты ползешь, а не едешь?

— Так для здоровья лучше.

— И-и-и-и, — негоуюю я, — для здоровья...

— Ну да... для здоровья лошадей...

Я замолкаю. [...].

22 февраля
[6 марта] 1898 г.,
Бейрут

Зайцева моется в бане (своей училищной) отдельно от других учительниц, потому что это зависит от ее часов, свободных от дежурства. Нечаянно она узнала, что французенки моются в особом костюме и не снимают его в бане. Она изумилась и сказала им, что в России женщины не стесняются друг друга и поэтому не употребляют в бане никаких костюмов. Французенки пришли в ужас от такой безнравственности и варварства русских.

Здесь митрополиты иногда имеют паству всего в две-три тысячи человек, которая с каждым годом еще более уменьшается вследствие интриг иезуитов. Поэтому у некоторых митрополитов чрезвычайная бедность. Например, бывший ректор русской семинарии в Пскове захлещский митрополит Герасим Яред, который сейчас находится в Дамаске для избрания патриарха, срочно должен был послать своего каваса по делу в свою митрополию Захле; нужно было дать на дорогу кавасу два межида (3 р. 20 коп.), и их не нашлось. С трудом он выпросил эту сумму взаймы от своих преосвященных коллег, которые тоже теперь все в Дамаске по тому же случаю — выборы патриарха. А у нас в России при слове «митрополит» рисуется картина важности и величия.

Возможно, что Яреда изберут на соборе в антиохийские патриархи. Он имеет на своей стороне немалую партию. Его серьезный соперник — Мелетий.

Когда в Дамаске у этого лаодикийского митрополита Мелетия диакон его захотел вернуться на свою родину в Хомс, то митрополит Мелетий ему дал два межида. Ди-

акон пришел в отчаяние: «Ну, это мне хватит на морской проезд до Лаодикии. А далее сухим путем как я проберусь до Хомса? Или дорóгой просить мне милостыни у мусульман?». Митрополит упорствовал: «Откуда я дам больше, когда у меня нет ничего», — говорил он. Это, пожалуй, была выдумка, но самая возможность такой отговорки показывает тебе, до чего жалко положение злешних митрополитов. Диакон с отчаяния решил перейти в унию. Но тут уж вмешались другие православные и собрали ему на дорогу еще один межд (1 р. 60 к.). А не то диакон принужден был бы ради спасения себя от голода перейти из православия в унию... Из-за одного межида...

Повторяю слухи: Мелетий тоже имеет шансы быть избранным в патриархи.

Только в таких местах, как Бейрут, митрополит наживает кой-какое состояние и может жить представительно, согласно своему сану, да и то, что он здесь находит, по нашим нравам, считалось за доходы небольшие. Говорят, что нынешний бейрутский митрополит Гавриил Шатилия (а он человек скупой) собрал за время своего долголетнего пасторства 10 000 ливров, т. е. 75 000 рублей. Это считается порядочной суммой. А у нас такую сумму легко сколачивают себе простые попы на хорошем приходе.

Вполне возможно, что через сто лет ни одного православного не останется здесь, в Сирии, кроме самих митрополитов. Возможно, что православные арабы все перейдут в унию. Будет с православными арабами то же, что теперь с армянами в Палестине: есть духовенство, но нет никакой паствы. Сирийские яковиты (монофизиты) все успели сделаться униатами, с сохранением своих обрядов.

Ф.

112

М. Ф. Крымской

23 февраля
[7 марта] 1898 г.,
Бейрут

Дорогая Маруся!

Спасибо за исполнение поручений.

Мне очень печально было читать, что у тебя так много

уроков. Неужели они так необходимы в твоём бюджете, что ты не можешь от них отказаться. Здоровье-то у тебя очень неважное.

А я здесь живу ни дурно, ни хорошо. Лихорадок больше не чувствую, потому что с концом января наступила очень сильная жара. Но на нервы очень неприятно действует неизбежно предстоящий отъезд кн. Гагариных. Так как новый консул все почему-либо медлил приехать, то и Гагарины все время откладывали свой отъезд с недели на неделю. Отчасти это была для меня чрезвычайно приятная неожиданность, но отчасти это и томило. Лучше бы они сразу уехали, и я знал бы наверняка, что их уж нет и что с этим печальным фактом нужно решительно примириться, чем постоянно быть в напряженном ожидании и думать: «А может быть, они поживут тут до мая, и мы выедем из Бейрута одновременно». Но завтра наконец приезжает новый бейрутский консул России Лишин, и я, узнавши наконец об этом наверняка, даже отчасти обрадовался. Состояние неизвестности много хуже, чем печальная неотвратимая известность.

С новым консулом постараюсь не знакомиться, потому что знакомство угрожает опасностью снова втянуться в бейрутскую политику с ее часто подлыми или униженно-мелкими интересами. Не могу без зависти вспомнить то время, когда я совершенно тихо жил в Москве, имея дело только с книжками, не видя живых людей, помимо университета и ученых обществ. Иногда приходили вы ко мне — ты с Симой, иногда я бывал у вас, и это было приятным, тихим перерывом в моей тихой жизни. Здесь же я, сверх книжек, принужден постоянно иметь общение со множеством людей всякого сорта, большей частью несимпатичных (хотя и интересных), и это для моей натуры тяжеловато. Я иногда гуляю за городом и чувствую себя тогда хорошо. Но и это также не совсем: среди здешней замечательной природы я не раз сознаю себя совершенно одиноким и не раз, ходя среди леса роскошных пальм или фиг, я вспоминаю о нашем совместном пребывании весной в Петровском-Разумовском под убогими березками в начале убогой московской весны. [...]

Посылаю тебе свою карточку, снятую у бейрутского фотографа. Взглянувши на нее, я сделал печальное открытие, что я старею. Когда это успел я постареть, не

знаю. Мне двадцать семь лет, но иногда мне задают здесь вопрос, будет ли мне лет 36—37; вижу теперь, что не напрасны бывали такие вопросы.

Говорят, что я вышел очень похож на этой карточке.

«Du reste, il ne manque pas des voix qui disent, que le photographe m'a rendu plus imposant que je ne le suis»* — так говорит учительница А. М. Зайцева, привыкшая меня видеть в самом невнушительном виде. Она видит, как я гоняю, например, за прибежавшей красивой ангорской кошкой или во время прогулки неуклюже карабкаюсь на скалу. Она же, узнавши, что я буду профессором, спросила: «Да разве такие профессора бывают... Профессор должен быть солидный».

Фотография здесь стоит очень дешево. Напиши мне, находишь ли ты мою карточку удачной,— тогда я закажу себе еще несколько, чтобы не тратиться в России.

Какой прозаичный народ горожане-арабы. Ходил я сегодня гулять с одним вполне интеллигентным, даже литератором. Идем. Я очень хвалил красоту пальм. Он сперва возражал, что для него пальмы довольно безынтересны; потом, желая подделаться под мой тон и показать, что у него тоже есть европейский вкус, говорит: «А пожалуй, правда: они бывают очень поэтичны. Например, вот эта — совсем как овечка». И показал мне ободранную пальму, совершенно без листьев и представляющую просто высокий столб. А когда мы остановились перед пальмами веерными (латаниями) и когда я начал восторгаться причудливыми их листьями, спутник мой заметил с поэтической улыбкой: «Да... можно было бы таким веером обмахиваться на балу». [...]

113

Е. Е. Крымскому

24 февраля
[8 марта] 1898 г.,
Бейрут

Ух, какой жаркий день, похуже нашего июля.

Приехал новый консул К. Н. Лишин. Весть мигом об-

* «Впрочем, достаточно людей утверждают, что фотограф изобразил меня более важным, чем я есть на самом деле» (франц.). —
Прим. ред.

летела весь Бейрут, и я понял, какая здесь важная птица генеральный консул. С любопытством расспрашивали друг друга, каков он на вид, и признаюсь, что я прислушивался к людским толкам, хотя старался вида не подавать, что меня они могут интересовать.

К полудню я почувствовал себя несколько придавленным. Не далее как вчера я радовался, что не буду знаком с новым консулом и буду избавлен от бейрутских дразг, а сегодня вдруг меня досада взяла. Я не стану таиться, но чувствовал себя в таком положении, как фаворит в опале. Думаю, что и кн. Гагарин тоже испытывает нечто вроде разочарования, видя, как все почести, которые прежде [предназначались ему], теперь [предназначаются] новому божку; а я, сторонний человек, житейское значение которого перед бейрутинцами опиралось до сих пор на тесных отношениях с князем Гагариным, теперь против своей воли ощутил себя низверженным и слетевшим с высоты. А когда я шел с почты, одна женщина, глядя на меня, громко сказала: «Он печален. Понятно. Прежний консул уезжает, а новый его не знает».

Был у меня поп из Шуэйра. Он, услышавши, что сегодня должен явиться «жанараль», спустился с гор — принести ему свой привет. Сперва зашел ко мне посоветоваться и, высказавши полную надежду, что я буду в великолепных отношениях с Лишиным, просил меня поговорить с новым консулом о шуэйрской школе. Речь его опять неприятно подействовала на меня: я очень живо сознал, будто для людей этого пошиба я сам по себе — ничто, и важен я им лишь как лицо, играющее (или игравшее) неофициальную, но крупную роль в консульстве; если же у меня значения в консульстве не будет, то я обращаюсь для большинства арабов просто в предмет любопытства, каким был в начале своего пребывания здесь.

Вечером зашел ко мне поп опять и рассказал, как его приняли в консульстве. Довольно любезно сказано было ему, чтоб он пришел недели через две, потому что теперь консул еще не посвящен во все дела. Шхаде имел очень печальную физиономию (видно, волнуется насчет своего влияния, потому что, говорят, Лишин грекофил — жена его гречанка — и, говорят, находится в руках своего личного секретаря, грека Вамваки, приехавшего с ним даже сюда). Я не без интереса слушал попа, а душу мою грыз-

ла досада: зачем я так этим интересуюсь. Что мне и консул, и консульство, и политиканы.

Завтра или послезавтра я, понятно, совершенно успокоюсь и заживу себе вполне тихой жизнью, как человек, никому не ведомый. Но сегодня не могу еще быть вполне хладнокровным ко всем рассказам. Никто меня ничем не обидел, а на душе такое ощущение, будто меня кто-нибудь впрямь обидел, задевши самолюбие, и какой-то червяк невольно точит сердце.

Глупо и недостойно человека науки. Но это тебе опять наглядные плоды провинциальной жизни. Всякому буду повторять: бойся провинции, избегай провинции. Гринченко в защиту провинции говорит: «Волны умственной жизни и в провинцию хорошо доходят». Совсем это не защита. Я здесь читаю книги, читаю украинские и арабские газеты, пишу журнальные и ученые статьи, и тем не менее я чувствую, что все это не охраняет человека от размывания на мелочи, которыми отягощает нас окружающая обстановка. Занимаясь своими книгами и записями*, я живу в одном мире, а оторвавшись от занятий — вижу себя в другом; и в этом другом мире у меня являются другие интересы, которые я откровенно должен считать пошлыми.

25 февраля
[9 марта] 1898 г.,
Бейрут

Ну конечно, я был прав на свой счет вчера. Приятно сегодня, я не только не чувствую ни малейшего недовольства на свое «политическое падение», но даже изумляюсь, как это вчера меня способны были интересовать такие мелочи.

В городе напряженное состояние по поводу убийства. На самом многолюдном рынке Сук-Тавиле мальчик, христианин, подошел к мусульманской лавке купить овощей. Лавочник дал очень плохие овощи, и мальчик отказался их взять. Раздраженный лавочник схватил кинжал (по рассказам других, острый железный крюк, лежавший вблизи) и убил христианского мальчика. Немедленно же он и скрылся — знакомые помогли убежать. Наряжено

* Этнографического и лингвистического материала я тут успел записать целый ворох.

следствие, и это будет проба для нового консула: как-то он поведет дело?

Вероятно, мусульманина не поймают, потому что полиция здесь мусульманская, частенько даже из турков. Месяца два преступник будет скрываться у знакомых, а потом откроет лавку в другом месте, улицы на две дальше. [...]

26 февраля
[10 марта] 1898 г.,
Бейрут

Были сегодня у меня три араба: просят рекомендации к новому консулу, а один просит, нельзя ли ему поступить в консульство. Я довольно грубовато объяснил, что с новым консулом я почти не знаком, и спровадил их.

Дейзи, новая моя кошка, боится меня и целый день скрывается под мебелью. Меня это беспокоит, тем более что она не ест ничего. Красива она чрезвычайно. Я ее привезу домой, если она привыкнет ко мне. От княгини это подарок на память.

114

Е. Е. Крымскому

12 марта
[24 марта] 1898 г.,
Бейрут

Я с новым консулом уж хорошо познакомился. Предубеждение мое оказалось совершенно ошибочным, и я принужден сознаться, что в общем Лишин очень симпатичен. Он и умен, и остроумен. Он с насмешкой относится к своей службе, к «представительству» и т. п.; парады, которые, по-моему прежнему мнению, живо интересовали его, на деле ему самому смешны. Просто, на его взгляд, в султанской Турции иначе и нельзя действовать: нужно внушать туркам почтение. И он действительно с турецкими властями горд до мелочности.

Вот две параллельные выходки Лишина.

Первая — с генерал-губернатором Бейрута (природным турком) Османом. Лишин сделал ему визит. На про-

щение валий был до того любезен, что проводил Лишина до самой лестницы и поручил своему драгоману спуститься с Лишиным по лестнице до кареты. Когда же валий делал обратный визит, Лишин проводил его только до дверей гостиной, а своему драгоману (христианину Салиму Шхаде) велел проводить вали только до лестницы и не сметь спускаться вниз. Это значило: «мое — сверху». Но когда Лишину отдал визит губернатор Ливана (христианин), то Лишин проводил его по всему коридору и даже сам сошел немного по лестнице. От этой любезности Наум-паша (так имя ливанского губернатора) был смущен и уговаривал Лишина вернуться. «Не забывайте, — сказал ему на это Лишин, — что Вы — христианин, и поэтому я должен Вам оказывать больше почета, чем мусульманину».

Я заметил Лишину, что в конце концов все эти «политические» тонкости ужасно скучны; я бы лично стоял за простоту. Но Лишин говорит, что на то здесь Турция и русскому представителю иначе действовать не следует.

Оригинально и не без сарказма к своему начальству распространился он и о своих консульских обязанностях, как он их понимает. По его мнению, консул должен быть самостоятельным, и ему незачем обращать внимание на российское посольство в Константинополе, потому что там, в посольстве, ничего ведь не делают. Князь Гагарин на это возразил Лишину, что он не согласен с этим принципом консульской самостоятельности и что он лично находит крайне нужным считаться с посольством, поэтому при составлении важных бумаг он всегда много думает, а более важные бумаги он посылал даже ко мне: «ум — хорошо, два — лучше». — «Важные бумаги! — смеясь, перебил Лишин. — Да разве наша служба настолько серьезна, чтобы бумаги, отсылаемые нами в посольство, были подлинно важны. Разве в нашей стране действительно нужно «думать» и «совещаться», обращаясь в свое посольство. По-моему, консул может делать что-нибудь, если не великое, то полезное, только действуя самостоятельно, превышая власть; а на свои письменные отношения к посольству не стоит консулу тратить и порох. Ведь там, в Константинополе, посольство занято светской жизнью, консульских донесений никогда и не читает — ну стоит ли трудиться над составлением их? Да посольство из своей дали даже не может дать хороших советов. Я,

живя на месте, всегда лучше понимаю дело, чем кто-то там, вдали, в Константинополе».

В своих высказываниях о посольстве и министерстве иностранных дел Лишин меня несколько не стесняется. Напротив, как будто доволен, что есть перед кем высказаться.

Любимые занятия Лишина — история и археология (он кончил Киевский университет). По его словам, дипломатическая служба, полная ничегонеделания, дает много времени для этих занятий. Заговорил он о прежнем своем пребывании в должности консула в Мюнхене и Дрездене. «Чем вы там занимались?» — спрашиваю я. «Если вы спрашиваете о моих консульских обязанностях, то они заключались преимущественно в пробовании местных вин». Я расхохотался. «Да не буду ж я драпироваться перед вами в мантию величия! — сказал Лишин. — Говорю сущую правду».

Таким образом, у меня с Лишиным отношения уже наладились. Его острый язык, незаурядный, хоть и грубоватый юмор, местные анекдоты из великосветской и дипломатической жизни меня даже занимают. Но тесно сблизиться мы, пожалуй, не успеем. Разница в годах большая, да к тому же мне уж маловато времени остается здесь пробыть, месяца два-три.

С князьями Гагариными я «официально» простился, т. е. они дали для меня прощальный обед. Но видеться с ними еще буду.

Ф.

115

Е. Е. Крымскому

18 марта
[30 марта] 1898 г.,
Бейрут

О господи, какой у меня отвратительный характер! Кого я наиболее люблю, тем людям я больше всего и способен причинить неприятность, горькую и для меня самого.

Не далее как вчера я провел у Гагариных целый день и чувствовал, как жаль мне с ними расставаться, едут

они обязательно завтра. И вдруг сегодня я с князем рассорился.

И как это глупо вышло!

Был у меня шуэйрский поп, основатель единственного православного пансиона-интерната на Ливане. Дела школы грозят крахом, и поп со слезами просил меня походатайствовать перед Лишиным о пособии. Я отправился сперва к князю с целью убедить его, чтобы он ничего дурного об этой школе в присутствии Лишина не говорил. Князь не терпит о. Ханну за назойливость, но ведь вопрос о школе — вопрос общественный, а не личный. Князь мне нетерпеливо ответил, что он уж успел отрекомендовать Лишину о. Ханну с дурной стороны и не может ничего переменить. Я настойчиво стал требовать, чтоб он завел новый разговор с Лишиным. Когда мои слова не помогли, я с досадой заявил: «Ну, так я вижу, что я в тысячу раз больший православный, чем вы, хоть я — вольнодумец, а вы все время говорите о православии». Князь обиделся, вспыхнул и говорит: «А вы — Коробочка, на которую никакие резоны не действуют». Я немедленно схватил шляпу и ушел, а затем написал грубую записку. Ах, как тяжело на душе. Отношения наши после моей грубой, несдержанной записки, очевидно, порваны бесповоротно. Князь завтра уезжает из Сирии. А я не могу после сегодняшней сцены даже проводить его на пароход. С каждым часом я все больше и больше чувствую, до чего я люблю князя. Сердце щемит, болит, страдает, тем не менее нет у меня сил пойти первому на примирение. Вся душа моя изныла.

В 8 часов вечера приехал князь ко мне. Оказывается, что и ему размолвка наша не давала покоя. Он заехал объяснить, взять назад обидное слово о Коробочке. С Лишиным он об о. Ханне переговорил по-новому: пособие из консульства школе будет дано.

Он только что уехал от меня, и у меня рука дрожит от радости и сладости примирения.

Во сколько раз он добрее меня. И... благороднее меня.

25 марта
[6 апреля] 1898 г.,
Бейрут

Почти неделя прошла.

19 марта мы проводили князей Гагариных на пароход. Русские пароходы не желают вводить в порт и платить за это деньги, а останавливают вне порта на рейде, и туда нас отвезла лодка. Я при прощании не выдержал — и разрыдался. Меня наконец отняли, усадили в консульскую лодку, где было много людей (Лишин, супруги Камсараканы, супруги Коз, он — француз, она — дочь кн. Дабжи, малорусского рода, секретарь дамасского консульства Глушинский и другие). А тем временем пароход двинулся к северу. Лодка наша шла до пристани минут пять, и я ни на кого не глядел и от стыда не знал куда деться. Мне было невыразимо совестно, что я, имея двадцать семь лет от роду, так плакал. Впрочем, и князь, прощаясь со мною, тоже расплакался, хотя не с такими неприличными рыданиями, как я. Подъехали к пристани. Я, ни с кем не прощаясь, хотел юркнуть в сторону и уйти. Лишин меня схватил за руку и увез к себе. Пробыл я там два часа. Побродили по его саду, который он хочет обогатить новыми экзотическими кустами. Потом я ушел к себе. А вечером заглянул к Шхаде (он живет рядом), чтобы передать ему принесенное ко мне днем письмо к Лишину от одного ливанца, обиженного в суде. Замечу: Шхаде не видел, что Лишин меня увез с парохода к себе.

Встретил меня Салим по арабскому обычаю приветливо. Но меня поразило в нем чрезвычайный тон собственного достоинства. Вместо прежнего обилия приторных комплиментов теперь исходили из его уст простые любезные слова. Наконец, когда я сказал «до свидания», Салим довольно покровительственно сказал мне: «Надеюсь, что будешь ко мне иногда заходить» (по-арабски, обращаясь к одному лицу, говорят «ты»).

Я понял сразу, что с отъездом князя я потерял всякое значение в глазах Салима. Конечно, я не вздумал от этого горевать.

На следующий день Лишин и Камсаракан вдвоем заехали ко мне, оторвали от занятий и увезли с собою в нанятый дом Лишина. Очень красивый дом с садом, с превосходною террасою, провел там весь день. Еще через

день Лишин, Глушинский и я совершили путешествие верст за семь от Бейрута, к заливу св. Георгия к устью речки Нахр эль-Кальб, где есть много ассирийских надписей. Я уж там бывал, и даже однажды заночевал там в небольшой локанде, одиноко устроенной у устья речки. Теперь приятно было еще раз посетить это интересное место.

Салим не мог не узнать всего этого. А между тем я нечаянно разведаль про него одну достаточно низкую вещь. Салим забыл, что он обязан всем своим положением князю (который даже перед Лишиным постарался прекрасно отрекомендовать его, тогда как Салим в сущности виселицы стоил бы). Все забывши, Салим решился произнести немедленно после отъезда князя: «Я рад, что этот осел уехал: всю работу за него делал ведь я. Ну, авось новый консул будет поумнее». Я пришел в неописуемое негодование, узнавши это от тех, кто это слышал. И вдруг встречаюсь с Салимом. Вместо той благородной независимости, которую я в нем видел четыре дня назад, у него появилась в обращении со мною самая крайняя нежность. «Что ж ты ко мне не заходишь?» — спросил он, придавая голосу печальный оттенок (мы говорили по-арабски, а я уже отметил, что по-арабски нет «вы»). «Я ведь был у тебя четыре дня тому назад», — сухо ответил я. «Четыре дня. Но ведь это вечность», — сказал Салим детски-плачевным тоном. [...]

Некоторые оригинальные черты из «консульствования» Лишина:

1) Едет он — и вдруг замечает, что его извозчик стал ехать шагом. Оказывается, впереди подвигается в каретах генерал-губернаторский харем, окруженный жандармами. «Поезжай», — крикнул Лишин на извозчика. Извозчик со страхом отвечает: «Но ведь это вали-паша». — «А я русский консул», — грозно крикнул Лишин и ударил его палкою в спину. Извозчик все-таки не решился ускорить шаг. Лишин велел своему кавасу погнать лошадей и перегнать кортеж, причем по дороге обругал еще и генерал-губернаторских жандармов на турецком языке, которым он недурно владеет.

В городе восторгаются этим проявлением энергии русского представителя.

2) Я, Лишин и Глушинский поехали третьего дня к пароходу проводить К. П. Камсаракана, который на не-

делю отправляется в Египет. Подъезжаем сперва к таможне у моря. Перед таможней есть тесный дворик, в который коляски не въезжают, а останавливаются перед воротами. Дворик же заполнен ломовыми возами для товаров. Коляска наша остановилась перед воротами, и нам следовало пройти каких-нибудь шагов двадцать по тротуару от ворот до двери таможни. Лишин крикнул на каваса: «Здесь я не сойду, разогнать возы». В угоду консулу возы были выведены из дворика (что заняло более пяти минут), после чего наша коляска с важностью подъехала прямо к двери таможни.

Это, наконец, глупо. А по мнению Лишина, так и нужно действовать консулу. Что ж, публика одобряет его.

Какой, однако, контраст с уехавшим князем Гагаринным. Тот едва ли дошел бы до такой тщеславной мелочности. А между тем князь все равно пользовался всеобщим почтением: наверное, ничуть не меньшим, чем Лишин с его мегаломанскими выдумками.

3) Любимая пословица Лишина (испанская): «Я это делаю, и это хорошо, потому что я это делаю».

Но у себя в доме, среди нашей русской компании, он держит себя с самою непринужденною простотою. В этом отношении Лишин представляет собою замечательный контраст, если его поставить рядом с Беляевым, дамасским консулом. Тот ссорится с равным себе русским человеком, если в доме того человека он, русский консул, будет посажен на более простое кресло, чем английский консул, пришедший раньше его (факт, случившийся с Беляевым у Камсараканов). Глушинскому Беляев сказал, самодовольно хехекая: «Да-с, такого консула, как я, Дамаск через сто восемьдесят лет не увидит». Возможно, что и Лишин в глубине души считает себя великим. Но он умен, чтобы этого не высказывать там, где рискует показаться смешным.

Я нарочно записываю все курьезные мелочи, чтобы их фиксировать точно, как несомненные факты. Не то впоследствии и самому не будет вериться, что всякая подобная дребедень действительно происходит или происходила на свете: впоследствии будет самому казаться, что я грезил, а не на яву всю эту дичь видел или из первых источников слышал.

Ф.

Е. С. Крымскому

19 марта
[31 марта] 1898 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Понемногу готовлюсь к отъезду. Заказал крепкие большие ящики для книг: будет всего пять ящиков, а шестой, который я привез из России с собою, пойдет для вещей. Два ящика уж готовы, и я набил их книгами. Рублей пятнадцать будет стоить перевозка. Парохода я себе еще не выбрал. Ехать на французском пароходе дешевле на 15 рублей (даже на 17 рублей), но зато предстоит обязательная пересадка в Константинополе. Русский же пароход повезет меня из Бейрута до самой Одессы, но он дороже. Во всяком случае я в свое время точно Вас извещу о дне своего приезда в Одессу.

В городе волнение из-за отцов иезуитов. В их пансионе умер православный юноша Георг Вриодинес (киприот). Перед смертью он требовал православного священника для исповеди, но настоятель уговаривал его перейти перед смертью в католичество. Умиравший отказался. Иезуиты тогда предложили ему священника униатского, не желая пустить в свое здание православного. После долгих настояний исповедал Георга таки православный священник. Но уговаривания перейти в католицизм не прекращались. Когда Георг был уж в агонии, к нему подошел о. Катерж. Георг судорожно схватил его за руку. При этом присутствовали его товарищи. «Если вы переходите для спасения своей души в нашу веру, то пожмите мне руку», — сказал иезуит. Умиравший мгновенно выпустил его руку и умер православным. Озлобление иезуитов дошло до того, что, когда пришли православные попы взять покойника, перед ними были захлопнуты ворота и труп выброшен на улицу. Товарищам покойного запретили сопровождать его.

Ни один араб-мусульманин не может дойти до такой степени фанатизма.

Другой случай. Приехала в Бейрут одна католическая паломница и, видя здесь торжество католиков (к которым относятся также униаты и марониты), наивно во-

образила, что Бейрут весь католический. Остановившись у одной православной церкви, она поцеловала ее двери. Потом узнала свою ошибку и пошла каяться к иезуитам. Исповедник в виде епитимии приказал ей поцеловать горячие уголья. Она обожгла себе губы так, что обратилась потом к доктору. И история раскрылась.

Получила ли Маша мою заказную бандероль с французскими отрывками? И привез ли Сима из Москвы бандероль, адресованную на имя Маруси и заключающую в себе «Черниговку» Костомарова, кажется, «Кудеяр» его же, два романа Чайковского и один роман Доде? Никак не могу узнать, дошла ли эта бандероль или нет.

Ваш Ф.

117

Е. С. Крымскому

25 марта
[6 апреля] 1898 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Деньги, высланные Вами, я сегодня получил. Спасибо за хлопоты. Марусю я уведомил, чтобы она, когда ей принесут мой гонорар за статьи в «Энциклопедическом словаре», выслала б деньги Вам.

Не знаю, как уложусь я с книгами. Не хочется обязываться перед консулом. Князь Гагарин легко бы устроил для меня их вывоз из Турции, заявивши, что книги консульские, но вместо него консул теперь новый, человек пожилой. Относится и он ко мне хорошо, но обращаться к нему с щекотливыми личными просьбами я стесняюсь. Возможно, что я уж и не успею с ним сблизиться так тесно, как с князем Гагариным, чтобы просить его о фиктивном (т. е. немножко преступном) признании личной моей библиотеки за казенную, консульскую. Впрочем, время покажет мне, как устроиться. Трудность в том, что книги будут адресованы в захолустную нашу Звенигородку, ничего общего с консульством не имеющую. В Москву же я не решаюсь все книги отправлять, потому что большую часть рассчитываю после лета оставить в Звенигородке

на целый год, пока не устроюсь в Москве окончательно. Пренеприятная это возня с перевозкой книг. Пять ящиков я уже давно набил и заделал ящики, и еще остается книг на два больших ящика, но они мне нужны для текущих занятий.

Лето обещает быть здесь невыносимым. Уж и теперь жара томительна, особенно ночью. Днем как-нибудь ее можно еще выносить, а по ночам в духоте тяжело.

Мне Гагарины перед отъездом подарили на память алеппскую (иначе ангорскую) кошку. Я непременно привезу ее домой: но это тоже возня — не меньше, чем с книгами. Нужна для нее большая клетка. Кроме того, я заказал сварить две банки варенья из померанцевого цвета. Вообще в пути придется из-за своего багажа иметь хлопот немало.

Поздравляю всех вас с именинами. Сима где их проведет? Дома или уже в Москве?

Ваш Ф.

118

М. Ф. Крымской

27 марта
[8 апреля] 1898 г.,
Бейрут

Дорогая Маруся!

Высланные тобою словарные деньги (85 р.) я, спасибо, получил. Вероятно, уж довольно скоро вручит тебе деньги Богаевский: должно быть, больше 200 рублей. Так как папа сделал залог дома, чтобы прислать мне 200 рублей теперь, то будь добра: получивши деньги от Богаевского, отправь немедленно 200 рублей папе. Я тебя уж просил раньше об этом. Если же денег окажется больше этой суммы, то, пожалуйста, купи мне две следующие книги:

1) Срезневский, Материал для словаря древнерусского языка, т. II, выпуск I («Л-Оба»). (Первый том, состоящий из трех выпусков, у меня есть).

2) Сказки Афанасьева, издание 1897 (а может быть, 1896) года, под редакцией А. Е. Грузинского. Издание, кажется, фирмы Сытина.

Обе эти книги мне крайне будут нужны в начале лета, в Звенигородке. Если после покупки их все-таки у тебя останется в руках немного моих денег, то пришли мне их в виде кредитных бумажек в заказном письме (не в денежном). Впрочем, если деньги будут даны тебе после 27 апреля, то уж не стоит присылать их, потому что я выеду 12 мая. Письмо из Москвы в Бейрут может идти от десяти до четырнадцати дней и рискует меня не застать здесь.

Возможно, конечно, что издатели захотят урезать мою брошюру «Мусульманство», ну тогда, дай бог, чтоб полных 200 рублей собралось. В лучшем случае я могу получить 225—230 рублей.

Целую и тебя и Борю. Поле поклон. А когда приедет Сима?

Ф.

119

Е. С. Крымскому

2 апреля
[14 апреля] 1898 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Я уж Вас, Машу и Симу заблаговременно поздравляю с именинами, по прошествии поздравляю еще раз.

Номер «Киевлянина» я от Вас получил. Он же задержался в русской цензуре, потому что шел не в Россию, а из России. Во всяком случае, больше не присылайте мне тех газет, которые Вы для меня сохранили: скоро я ведь сам приеду, месяца через два.

О рецензии на мою беллетристику в «Киевском слове» я ничего не знал, Ваше сообщение было для меня новостью. Но я имею известие, что большая и похвальная рецензия на моих два рассказа помещена была в киевской же газете «Жизнь и искусство». К сожалению, мне не сообщили номера (пишут, что забыли), а было бы интересно прочесть. По-видимому, эта рецензия напечатана в январе или, в крайнем случае, в последних декабрьских номерах. Если можете ее в Звенигородке найти, то я буду очень рад.

С новым консулом Лишиным я сошелся довольно хорошо и очень запросто, но далеко не так задушевно как с кн. Гагариным. Тот был молод, немногим лишь старше меня и между нами, естественно, была дружба; а этот стар, и потому трудно нам найти много общих точек личного единения. Живые беседы — это да. Во всяком случае я, благодаря любезности Лишина, уже вперед могу радоваться за судьбу своих книг. В Турции закон велит вскрывать не только ввозимые, но и вывозимые книги, чтобы платить за них пошлину, а если окажется, что в числе книг есть древние восточные рукописи, то они отбираются и конфискуются. У меня ж есть арабские рукописи времен Крестовых походов. Новый консул обещал устроить мне все, чтобы турецкие чиновники не смели рыться в моих книгах. Таким образом, у меня возня с цензурой может быть только с русской, одесскою, которая в случае цензурного усердия, пожалуй, не обратит внимания на мой командировочный лист с высочайшим повелением и захочет рассматривать каждую книгу в отдельности. Будет долгая история. Впрочем, если история эта погрозит затянуться, то не стоит жить в Одессе до самого конца цензурирования, а лучше будет уехать раньше: книги же цензура в случае разрешения может прислать прямо в Звенигородку.

Моя ангорская кошка делается с каждым днем красивее, и я к ней так привязался, что и не мог бы оставить ее тут, в Сирии. К тому же это подарок Гагариных на память. Но только как я ее доведу? Закажу клетку. При морском переезде пусть клетка стоит на палубе где-нибудь в тени.

Прошу Машу известить меня вот о чем: 28 марта н. ст. я выслал по французской почте (на имя мамы, а быть может, Маши) пакет с маркой в 20 пиастров, заключающий часть того сборника, оглавление которого посылаю в сегодняшнем письме. Расписку того пакета я забыл взять сразу, и мне сказали потом, что расписка потеряна. Дошел ли пакет?

Ф.

Е. Е. Крымскому

16 апреля
[28 апреля] 1898 г.,
Иерусалим

Когда я вошел в тесную пещеру св. гроба, мне захотелось рассмотреть весь св. гроб получше. Потому я в противность паломническим обычаям и приличиям не только не поспешил приложиться к гробу, да и уйти, чтобы могли войти другие желающие, но, напротив, я совсем неблагоговеино остановился в пещере и начал в пару очков обзирать всю обстановку в пещере до подробностей. Монах-грек протянул мне тарелку с деньгами, я не положил ничего и продолжал глазеть. Втиснулась в пещеру сверх меня одна богомолка («матушка», как их называют в Иерусалиме) и стала молиться: «Светися, светися, новый Иерусалим». Наконец влез еще один монах-грек, после чего в пещере сделалось довольно тесно; а я уходить не хотел. Новопришедший монах завел громкий разговор со стоявшим раньше тут монахом, тем, который хотел с меня взять денег, и разговор наконец перешел в крупную перебранку. Новый монах тащил полбешлика (монету около гривенника ценою) к себе, а тот — к себе. С обеих сторон сыпались греческие ругательства.

— А, только теперь я начинаю узнавать вас, — вдруг проговорила «матушка», обращаясь к обоим монахам.

Я обрадовался, рассчитывая на то, что она прочтет им поучение насчет ругани в святой пещере и что я буду иметь бесплатную комедию.

— Что, матуска, — ответил один монах по-русски, но без умения произносить звук «ш».

— Говорю, что начинаю вас узнавать. Ведь вы — два брата? Правда? Я с вами встречалась в хозевитском монастыре, помните? Хорошо тогда провели время.

Монах не ответил «матуске» и продолжал спорить из-за денег. Пришлось наконец мне выйти из пещеры.

Когда мы шли от св. гроба к Голгофе (все это одна церковь), мой проводник (это был православный негр, с которым я говорил по-арабски), заметивши, что я подозрительно нюхаю воздух, сказал мне, что здесь в церкви отхожее место, и ввел меня туда для обозрения. Грязь

и вонь. Оттуда мы пошли дальше по храму — тоже везде грязь (и тоже вонь). Эти греки ни о чем, кроме денег, не заботятся и держат св. места как хлев.

Католики имеют привычку содержать свои св. места очень чисто и изящно (Назарет, Вифлеем, Гефсиманский сад, храм побиения св. Стефана и т. п.). Но здесь, в обширном храме Воскресения, католикам принадлежит лишь несколько мест, и то второстепенных. Например, в то время как грекам принадлежит сама Голгофа, где был водружен крест, католикам досталось лишь место, где Иисуса распяли перед тем, как вбить крест в землю. Поэтому весь храм, обслуживаемый дрянными жадными греками, — образчик ветоши, бедности и грязи, и, кроме того, образец художественной безвкусицы. Русский и французский императоры построили (после пожара в начале XIX века) базилику вокруг часовни гроба господня. Эта базилика правильнее называется тут «ротонда», потому что она круглая. Ротонда с ее колоннами и куполом является в храме Воскресения единственным местом сколько-нибудь художественным, хотя штукатурка от свода отвалилась и в ротонде во многих местах. К этой ротонде, т. е. маленькой церкви внутри храма, прилегает большая особая церковь Воскресения, значит, тоже в церкви же; она — как бы отдельная зала большого общего храма. Эта особая церковь Воскресения сносна, но и только, не больше; византийская богомазная живопись безвкусно-грубая, портит ее; посредине церкви Воскресения — пуп земли, т. е. большой камень в виде пупа, на мраморном пестром кружке с извилинами. Я слышал, как одна русская богомолка назвала эту церковь «церковь пупа земли».

Все остальное в Иерусалимском храме вроде Лаврских пещер, т. е. нечто темное, сырое, грязное. Голгофа, на которую от св. гроба всходят по лестнице, как у нас на хоры, особенно грубовата. Перед алтарем Голгофы поставлен крест, на нем висит (в рост человека) Иисус Христос, а сбоку (в рост человека) стоят у креста божья мать и Иоанн. Работа — самая топорная. Между этим местом и католическим приделом — распятия Христова — сделана щель в скале.

Щель эта, по общему верованию паломников, должна идти без конца в глубь земли, впрочем, другие тут же скептически говорили, что дно этой щели видно из ниже-

го этажа, что под Голгофою. Впечатление от Голгофы, несмотря на ее грубую отделку, остается, однако, очень сильное, бьющее по нервам: кажется, будто находимся в кабинете инквизиционных пыток, какие показывают в странствующих музеях. Место, где был поставлен подлинный «животворящий» крест Иисуса, все входящие целуют. Я это принужден был исполнить, но со страхом, потому что у Зайцевой (она мне в Бейруте рассказывала) после приложения если не к Голгофе, то к гробу господню, все губы попрыщило. Проводник мне указал потом, которые именно плиты на полу служат границей владения католиков и греков; если грек, заметая храм, вздумает хоть на вершок замести пыль с плит католических, то подымается ссора. И обратно. Дело в том, что право метения есть вместе с тем признак собственности. Паломники, впрочем, смеют посещать все места и не разбирают, что кому принадлежит: православным или католикам. Я видел даже, что русские превосходно и набожно слушали католическую латинскую обедню у гроба Христова в те часы, когда католики имеют право служить перед гробом свою службу.

Наибольшая грязь и наиболее отталкивающее неряшество — в пещере обретения животворящего креста. Она — тоже часть обширного соборного святогробского храма.

Упоминавшуюся у меня пещерную часовню гроба господня, находящуюся в высокой круглой базилке — ротонде, я посетил несколько раз, потому что она больше всего была мне интересна. Часовня состоит из пещеры (самого гроба) и предпещеры, называемой не то притвором Ангела, не то приделом Ангела (там ангел отвалил камень от Иисусова гроба, и камень лежит до сих пор). В притворе Ангела может поместиться человек двадцать, в самой же пещере гроба — не более пяти-шести душ, да и то при давке. Ход в пещеру гроба низенький; входить нужно согнувшись, а вылезать из нее приходится пятась задом. [...]

В пещере гроб господень помещен не против входа, а боком, так, что ни из ротонды, ни даже из смежного притвора Ангела нельзя гроб увидеть. Это очень полезно при добывании святого огня в страстную субботу: никто из церкви не в состоянии наблюдать, что делает у гроба греческий патриарх, стоя с пуком незажженных свечей.

Право добывания святого огня оспаривают между собою греки и армяне, из-за чего частенько происходят в страстную субботу драки. Три года назад греко-армянская драка была серьезная. Греческий патриарх, отправляясь в пещеру за святым огнем, захватил с собою до придела Ангела нескольких сильных греческих монахов. Армянский патриарх ринулся было предупредить греческого и проникнуть первому в пещеру, чтобы святой огонь снизошел к нему, а он уж отдаст его греку. Произошла свалка. Армян было меньше. Но с греческого патриарха кулаком была сбита митра и полетела за тридцать шагов в толпу, в церковь «лупа». Но brave чернецы-греки схватили армянского патриарха в свои крепкие лапы, положили его голову щекою на базис колонны у входа в часовню и, в то время как одни придерживали его, чтоб он не вырвался, другие его били кулаками по голове, по темени и особенно по свободной щеке. Турецкие солдаты (их в этот день стоит в храме до тысячи) наконец покончили драку; а в ней принимала участие вся церковь, по одну сторону стояли армяне, а по другую — православные, больше всего русские паломники, при этом русские матушки вопили благим матом. Наконец греческий патриарх сумел войти в пещеру св. гроба и стал молиться о ниспослании священного огня. Через пять минут он подал в одно окошко пук горящих свечей православным богомольцам, а другой пук в другое окошко — армянам; для этого обряда имеются два слуховых окошка из придела Ангела.

В нынешнем 1898 году армяне, хорошо зная, что турецкие солдаты при малейшем волнении с их стороны начнут их резать по примеру Константинополя, не спорили за первенство в деле получения св. огня и греческий патриарх вошел в пещеру совсем спокойно, без борьбы и драки.

В Вифлееме, где я был попозже, в пещеру Рождества ведут две двери: одна — православная, а напротив ее — католическая. Во время великого входа на Рождество, когда у католиков приходится крещение и когда они считают себя полными хозяевами своей двери, бывают и у них скандалы с греками. По обычаю, православный грек — патриарх и его духовенство вносят св. дары в одну дверь пещеры и выносят через другую, через католическую. Тогда католики для напоминания, что тут они

хозяева, иногда запирают свою дверь в этот момент. Греческое духовенство с дарами стоит тогда перед запертой дверью; народ волнуется и проклинает католиков; русские матушки визжат и служат необходимым и полезным дополнением к беспорядку; турецкие солдаты стараются не допустить до драки. Проходит несколько часов, пока извещенный в Иерусалиме русский консул не сделает визита к французскому и не привезет его с собою в Вифлеем. Французский консул тогда велит католикам открыть дверь; греческое духовенство выходит с дарами из пещеры, и обедня кончается благополучно. [...]

Вполне хорошее, здоровое впечатление производят только такие места, как Овчая купель, где ангел возмущал воду. Овчая купель не имеет при себе церкви и иконы: просто пещера, в которую опускаешься по каменным ступенькам, пока дойдешь до водоема. Дышит натуральною древностью.

Мечеть Омара на месте храма Соломона — роскошное, великолепное здание. Я решил проникнуть туда за более дешевую цену. Русские в силу особого постановления платят пять рублей с души, а я выдал себя за араба-христианина и говорил с шейхами-турками все время по-арабски. [...]

Я, однако, забежал вперед и коснулся уж Вифлеема. Возвращаюсь к Иерусалиму.

Тут не только греки способны вызвать негодование. Кое-что, несмотря на большую культурность католиков, противно видеть и у католиков. Например, в доме Иоакима и Анны в той комнате, где родилась божья мать, поставлена колыбель. Самозванство сошло благополучно. Все-таки и это удовольствие обошлось мне не дешево — три рубля.

Об остальных местах Иерусалима говорить не буду много. Везде нечистота, пыль, навоз. Улиц водой не поливают — реки ведь здесь нет; а пьют дождевую воду, собираемую зимой в цистерны. Нельзя сделать пяти шагов по Иерусалиму, чтобы не загрязниться. Но зато прекрасны и свежи окрестности города.

Город обнесен зубчатой стеной, всего полтора часа в окружности. Иосафатовой долиной город отделен от Елеонской горы, или Масличной — по-арабски Жабаль эт-Тур. У подножия Масличной горы — опрятно содержимый крохотный Гефсиманский сад с вековыми маслинами

и роскошным цветником—понятно, католический. На вершине Елеонской горы, возле места вознесения Иисуса Христа, стоит русская церковь Вознесения с тихим, уютным садом и высочайшей колокольней. Людей здесь, видать, мало; природа так прекрасна, воздух чист. Иерусалим с этой Елеонской горы очень красив, и издали не хочется верить, чтобы этот многокупольный, величественный город был внутри полон такой вони, грязи и пыли. Если взобраться на русскую колокольню, открывается вид на Мертвое море, Иордан (эш-Шариа), Заиорданье и Моавитские горы. Вид обширный и замечательный, но он совсем не напоминает мою любимую Сирию: Сирия — это сады, это рай, а Палестина — скалы. Глядя с колокольни на далекий Иордан и на Мертвое море с окружающими его горами, я вспомнил и оценил стих Лермонтова:

Вот у ног Ерусалима
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.

Именно «безглагольна и недвижима». Но взятые вместе, эти дикие, скалистые горы и Мертвое море — величественны, внушительны.

Иосафатова долина, обвиняющая Иерусалим и носящая разные названия в разных местах (например, Геенна огненная, или Вади-н-Нар, там был идол Молоха), напоминает виды Ливана и имеет много зелени. Если сесть у Силоамского источника в Иосафатовой долине и смотреть, то с одной стороны красиво блещут на городской горе белые, зубчатые стены Иерусалима, а на другой горе (продолжение Елеонской) лепится высеченное в скале село Силоам. Горный вид, не уступающий любому из ливанских. В глубине долины — белый столб Авессалома (род часовни) и могилы св. праотцев. Был вечер. Солнце играло по скалистым домикам Силоама, освещало и еврейское кладбище с десятками тысяч надгробных белых плит; пастухи гнали мычащие и блеющие стада на водопой; женщины несли на плечах кожаные мехи с водою, завязанные волосяными веревками; маслинные рощицы дышали свежим запахом; поля-нивы, расположенные по откосам, слегка волновались колосьями...

Нежная картина, заставляющая забывать, что рядом, на горе, грязный Иерусалим. В душе невыразимая отрад-

ная тишина, и глаза мечтательно направляются на соседнее старое дерево, под которым был распилен пророк Исайя; это дерево — тоже один из благообразных памятников, не обезображенный иконами и сохраняющий природную, милую свежесть и действительно наводящий на историческое воспоминание.

Продолжая идти Иосафатовой долиной, параллельно со стенами Иерусалима, мы с проводником-негром прошли возле живописного Иудина Села крови (Скудельничьего) и взобрались по тропинке к Сиону. Эта часть Иерусалима снаружи прекрасна: полукруглый высокий откос, покрытый зеленью, а наверху возвышаются башни и стена Сионская. [...]

121

Е. С. Крымскому

22 апреля
[2 мая] 1898 г.,
Бейрут

Дорогой папа!

Собственно, писать нечего. Пишу только для того, чтоб дать известие о себе. Я очень много занимаюсь, чтобы вовремя окончить свои занятия. Множество записанных мною народных арабских сказок остается непереверенными, придется часть их переводить по-русски уже в Москве, а это не так научно, как сделать весь перевод тут, на месте. Обработка сведений об арабской литературе XIX века только требует времени, много записей у меня набросано вчерне, не диво, что из-за занятий я не могу вполне уложиться, и порядочная часть книг лежит еще поэтому на полу неупакованная; таким образом, последние дни перед самым выездом придется много суетиться. И кошка Дейзи меня очень беспокоит: дней за пять перед выездом она окотится. Возня. Придется везти и котят.

Если ничто не помешает (например, письмо из Москвы), то выеду 14 мая с русским пароходом и приеду в Одессу 25-го, в понедельник. На французском я доехал бы скорее и заплатил бы на 15 рублей дешевле, но боюсь пересадки в Константинополе и таможней турецкой цензуры.

Ваш Ф.

М. Ф. Крымской

27 апреля
[9 мая] 1898 г.,
Бейрут

Дорогая Маруся!

К Симе просьба (он, если не приехал в Москву, то ведь вскоре приедет). Я на имя Н. А. Янчука выслал книги, всего вместе в пяти бандеролях: три выслал давненько, а две бандероли — сегодня. Пусть Сима будет отцом родным для меня и зайдет к Янчуку. Когда будете ехать в Звенигородку (надеюсь твердо, что ты таки приедешь), захватите, пожалуйста, вообще все книги, взятые вами в разное время от Янчука: мне они летом нужны.

В одном из писем я просил тебя, если останутся деньги от тех, которые должен дать Богаевский, купить мне сказки Афанасьева (новое издание Грузинского). Сейчас не помню цены: кажется, рубля три. Издано на счет Сытина. Так как от Богаевского никакого письма нет, то я начинаю досадовать. Уж не хотят ли издатели «Книжного дела» печатать мою книжку только после лета. Если да, то это очень жаль, потому что я нечаянно подвел папу и не возвращу ему его трат немедленно.

Кончу письмо. Уезжаю 14 мая ст. ст., и потому возни с укладкою очень много. Кроме того, тороплюсь покончить несколько объемистых фольклорных работ, которые не могут быть научно обработаны и проверены иначе, как на Востоке, на месте записей.

Целую тебя и Борю. Симе, когда приедет, поклон. И Поле поклон.

Твой Ф.

Е. Е. Крымскому

2 мая
[14 мая] 1898 г.,
Бейрут

Умер сын хозяина дома, ночью в 1-м часу. Старшая дочь Марьям начала было рыдать, но мать грозно остановила ее словами: «Молчи, детей разбудишь». Вся семья

сидела печальная до утра; изредка кто-нибудь слегка стонал или вздыхал; мать по временам тихохонько плакала.

Но наступил день. Стали собираться знакомые на «махалль» (т. е. похоронное посещение дома). Боже, что за вопли тогда поднялись. С приходом каждого знакомого производилась вновь церемония вопля. Я не раз присутствовал на похоронах, и всякий раз оплакивание било по нервам. Мать, та самая, которая ночью, в момент наиболее острого сознания потери запретила дочери рыдать, теперь вопила изо всей мочи и кричала, что не может не вопить, потому что сердце ее разбилось.

И нельзя иначе: если б она не производила со своими родственниками внушительного вопления, то пришедший мог бы потом рассказать, что она не любила сына.

Во время погребальной процессии к кладбищу женщины не смеют идти вместе с покойником, а должны остаться дома. Поэтому наибольшая трагикомедия производится перед положением мертвеца в гроб и выносом его из дома. Мужчины хотят положить покойника в гроб, женщины не позволяют, яростно кричат и не дают тела. Происходит борьба, после которой тело наконец вырвано от женщин и уложено в гроб. Хотя, собственно, ничто не препятствовало бы женщинам постараться вытащить мертвеца из гроба, но они этого уж не делают, а стараются только не допустить выноса гроба из дому. Они загораживают дорогу у дверей, кричат: «Куда вы его несете» и т. п. и как будто пытаются овладеть гробом.

Сцена из здешней жизни. Священник Шуэйра о. Ханна Мжаас, получивший от известной благотворительницы Эмилии Сюрсок два ливра на свою школу, напечатал в ливанской газете «Любнан», что г-жа Э. Сюрсок пожертвовала на школу «маблаг-кбир», т. е. «большую сумму». Драгоман Салим Шхаде, прочитавши это, сообщает консулу Лишину. Лишин интересуется, какая ж это могла быть сумма. Салим отвечает, что под «большой суммой» надо понимать не меньше уж чем лир десять. Вечером Шхаде побывал у Э. Сюрсок и справился о цифре пожертвования. Та отвечает, что всего дала два золотых (15 рублей). «Ну, я этого сообщать Лишину уж не буду», — говорит Салим. Эмилия очень обрадовалась и таинственно прошептала, делая особый жест бровями и рукою: «Да, правда. Не говори ему ничего. Пусть думает, что де-

сять». Шхаде, однако, под секретом рассказал это Лишину при мне.

Князь Гагарин недаром сравнивал Эмилию Сюрсок с фарисейкой, которая на стогнах молится и за это получает мзду свою уже в сей жизни. Впрочем, с князем у нее произошла беседа почище той, что со Шхаде. Эмилия, патронесса пансиона для сирот «Бакурет эль-ихсан». Дан был в том пансионе однажды вечер (театрально-вокальный). Я сидел тогда во втором ряду, как раз сзади князя и Эмилии. Вышла на эстраду сирота Роза Сайяг и произнесла на классическом арабском языке речь, выученную заранее по редакции, которую составил араб-учитель и содержание которой одобрила сама Сюрсок. Князь справился о содержании этой арабской речи, и Сюрсок с самодовольством переводила ему: «Она говорит, что я замечательная женщина, потому что обосновала эту школу... Она говорит, что без нашей помощи они, сироты, пропали бы с голоду, но мы их спасли» и т. д., и т. д. И князя, и меня все это до крайности возмутило, но Эмилия ничего этого не подозревала и гордо продолжала переводить речь, которую читала (по принуждению) несчастная девочка. [...]

Один мусульманин-неараб, турок, справился тут у меня, где я научился по-арабски. Я сказал, где и прибавил, что восточные языки преподаются также в Петербурге и в Казани. «Как, разве Казань принадлежит русским?» — изумился хаджи. «Ну да». — «Но ведь там жители мусульмане». — «Так что ж. Под властью России живет много миллионов мусульман». Турок отказался мне верить*.

Ф.

* На этом письма обрываются. Далее следовало примечание А. Е. Крымского: «Какое-то количество дальнейших писем затерялось. В них было о приезде консула Машкова из Багдада в Бейрут вместе с несколькими багдадскими арабами и о разговоре А. Е. Крымского с этими багдадцами.

Выехал А. Е. Крымский и супруги Машковы из Бейрута вместе на российском пароходе. Небольшое письмо было написано из Смирны; там было и об эмигрантах-черкесах с Кавказа». — *Прим. ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О политическом брожении, охватившем Сирию в 90-е годы XIX в., попытках турецкой администрации препятствовать политическому развитию страны путем цензурных ограничений свидетельствует донесение русского генерального консула К. Д. Петковича от 20 марта 1895 г.

«Несмотря на стремление правительства, — писал К. Д. Петкович, — держать сирийских арабов-мусульман в неведении о всем том, что в настоящие времена происходит на берегах Нила и Босфора, и убаюкивать их призраками о мнимой непоколебимости могущества халифа, истина пробивает себе путь через все эти препоны и сети и возбуждает в умах арабской интеллигенции беспокойное брожение, а в массах народа неудовольствие и ропот. В истекшем году был повальный запрет на все почти иностранные газеты и в особенности на египетские, издающиеся на арабском языке. Цензурные меры против местной арабской прессы были усилены до крайности. Не позволяли печатать что бы то ни было о положении дел в Египте и Армении, даже простой намек на эти дела, географическое название или описание этих стран считалось чуть ли не преступлением, и редакторы подвергались за это строгим взысканиям. Все эти меры, однако же, не могли изолировать Сирию от общего неудержимого течения политической жизни и имели только своим результатом усиление любознательности и стремление к ее удовлетворению какими бы то ни было путями и средствами. Иностранные газеты получались секретно, а египетские в пакетах в виде писем с вымышленными адресами. Кроме газет получались также летучие листки на арабском, французском и английском языках, в которых резко осуждались турецкая администрация и турецкие администраторы и не щадились самая личность султана, слабость и унижение которого перед христианскими европейскими державами выставлялись напоказ как доказательство того, что он не отвечает вовсе понятию, какое арабы-мусульмане имеют и должны иметь о халифе.

Редакторы египетских газет, а равно и авторы летучих листов суть большей частью сирийцы-христиане и мусульмане, покинувшие свою родину вследствие неудовольствия на местные власти, а равно и стремления найти возможность для пропаганды социальных и политических принципов, осуществление которых им кажется желательным и своевременным не только для Сирии, но и для всей Турции» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1343, л. 34).

² В архиве А. Е. Крымского (Рукописный отдел ЦНБ, ф. I, ед. хр. XXXVI, л. 28) хранится следующий отрывок из подготовлявавшегося им, но так и незавершенного описания Бейрута 90-х годов

XIX в., включенного позже в «Историю новой арабской литературы» (см. стр. 248, 249):

«... часть нынешнего огромного Бейрута и теперь еще сохранила название „старый город и базары“ — „ал-мадина-л-кадима ва л-асвак“. Западная часть нынешнего города, развернувшаяся в сторону мыса Рас-Бейрут и кварталов Мсайтбе (замечательная теперь изящными внушительными зданиями университета американских миссионеров), при Ламартине в 1832 г. представляла пустырь с остатками старинных развалин. Точно так же не была заселена восточная, богатая растительностью, часть бейрутского залива между старым городом и речкой Бейрутинкой („Нахр Бейрут“). В настоящее время тут в кварталах Ашрафие, Рмейле и Мар-Митри мы видим роскошно сооруженные восточнотильные здания бейрутских богачей, христианских нотаблей (улица Сурсуков, усадьбы Туейни, Традов, Табитов и др.), а тогда в начале 1830-х годов, эта местность от старого города до р. Бейрутинки представляла собою, по описанию Ламартина, пышное лоно природы, правда, не дикой, а садовой. [...] Теперь тут все культурно: проходит хорошая шоссевая дорога, направляющаяся с одной стороны вдоль моря к северу, в Триполи; а с другой стороны эта благоустроенная дорога постепенно поднимается в горы Ливана».

³ **Аттая Михаил Осипович** (1852—1924), преподаватель арабского языка в Лазаревском институте восточных языков, автор нескольких учебных пособий и исследований. Родился в Дамаске, образование получил в коммерческом училище в Бейруте и на медицинском факультете Американского протестантского колледжа. В Лазаревский институт был приглашен по инициативе Г. А. Муркоса, где и преподавал с 1873 г. Являлся активным членом Восточной комиссии Московского археологического общества, представил на рассмотрение комиссии серию научных сообщений. (См.: Е. А. Беляев, М. О. Аттая, — «Новый Восток», 1924, № 6).

⁴ По этому поводу А. Е. Крымский записал пословицу: «Бард ус-сеф ахадд мныс-сеф» («Холод лета острее меча») и сделал следующее пояснение: «Говорят тогда, когда человек потен и открывает окно или расстегивает сорочку» (Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. I, ед. хр. 25083).

⁵ **Успенский Федор Иванович** (1845—1928), крупный византист, славяновед, автор капитальной «Истории Византийской империи» (т. I, Спб., 1912; т. II, Л., 1927; т. III, Л., 1948).

Русский археологический институт в Константинополе создан по предложению русского посла в Константинополе А. И. Нелидова при деятельном участии Ф. И. Успенского, состоявшего директором института в 1894—1914 гг. Институт осуществил несколько археологических экспедиций, в частности в Сирию и Палестину; издавал «Известия Русского археологического института в Константинополе» (Ст. «Археологические памятники Сирии», см. «Известия...», т. VII, вып. 2, София, 1902).

⁶ А. Е. Крымский имеет в виду три свои наиболее крупные работы, появившиеся в свет до 1896 г.:

«Очерк развития суфизма (تصوف) до конца III века гижры», напечатанный в «Древностях восточных», т. II, 1896, вып. I, стр. 28—73;

«Иоганн Гаури. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. Сочинение, удостоенное премии Гаагского общества распространения

христианства. Пер. с нем. П. И. Хомутова. Ташкент. 1893» — обстоятельная резко критическая рецензия, напечатанная в «Этнографическом обозрении», 1895, № 4;

«Иоанн Вышенский, его жизнь и сочинения [Рец. на кн.:] Иван Вишенский и його творин. Написав др. Иван Франко, Львів, 1895» — пространный критический разбор исследовательского метода Ивана Франко. Рецензия опубликована в журн. «Киевская старина», 1895, т. L, стр. 211—247, т. LI стр. 1—47.

⁷ Школа «Бакурат ал-ихсан» («Начала милосердия», название объясняется наличием среди учащихся стипендиатов из бедных семей) была основана православной монахиней Лябибой Жахшан в начале 80-х годов XIX в. Ее патронесса Амелия (Эмилия) Сюрсок — жена почетного драгомана русского генерального консульства в Бейруте Георгия Мусы Сюрсок, принадлежавшего к наиболее влиятельным и богатым нотаблям города.

В рассказе «Соломоница, або Соломон у спідниці» («Соломониша, или Соломон в юбке») А. Е. Крымский описал порядки и систему преподавания в школе «Бакурат ал-ихсан», а также политику Российского православного общества, направленную на подчинение школы своему контролю, с чем была связана присылка в Бейрут русских учителей. Борьба между русской и местной администрацией за направление преподавания и за влияние в школе создала трудные условия для молодых петербургских преподавательниц, что, по-видимому, объясняет их негативное отношение к окружающей их среде (см. «Бейрутські оповідання»).

⁸ Согласно арабской поговорке, записанной А. Е. Крымским: «Бен тишрин у тишрин—сеф тани (вариант: сейфан тани)»—«Между октябрём и ноябрём—второе лето» (ср. рус. «бабье лето» и франц. «l'été de la St.-Martin»). Объясняя эту поговорку, А. Е. Крымский писал: «Этот зной особенно чувствителен, потому что в первой половине октября жгучая жара успела быстро спасть. Произношение „сейфан“ صيفاً с таввием, довольно обычное в этой пословице, есть попытка щегольнуть и переделать поговорку на литературный лад; но, как почти всегда случается с малограмотными сирийцами, разговорный язык которых не знает склонений, падеж здесь употреблен винительный, а не именительный» (А. Крымский, Материалы для изучения языка и быта Сирии, — Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. 1, ед. хр. 25167).

⁹ Речь идет об «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

¹⁰ Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) возникло в 1857 г., оно обслуживало грузовые и пассажирские перевозки по Черному морю и заграничным южным рейсам (в Средиземное море, Индийский и Атлантический океаны). Правление РОПиТ находилось в Петербурге, главная контора — в Одессе. Общество сыграло заметную роль в развитии русской торговли с арабскими странами; обеспечивало перевозку русских паломников: православных — в Иерусалим, мусульман — в Мекку. (См.: С. И. Иловайский, Исторический очерк пятидесятилетия РОПиТ, Одесса, 1907).

¹¹ См.: А. Крымский, О мусульманском фанатизме, — «Неделя», 1896, № 39, стр. 1276.

¹² Позже, в «Лекциях и пособиях к лекциям по истории семитских языков» (вып. 2, М., 1903, стр. 156), А. Е. Крымский записал:

«Без привычки египтянин и сириец сперва не могут понимать один другого; это, впрочем, не мешает горожанам-сирийцам с большой любовью распевать мелодичные египетские песни... перевирая их так, как перевирают великорусы песни малорусские». Кстати, одну из этих модных песен, «Терплю разлуку», переведенную на украинский язык, он включил в свой поэтический сборник «Нечестивая любовь», а также опубликовал в рассказе «Шейх Жяммель».

¹³ Имеются в виду школы, организованные западноевропейскими миссионерами-иезуитами.

¹⁴ В рассказах «Именинник», «Шейх Жяммель», «Балльо» («Бал») А. Е. Крымский дал яркие зарисовки быта, умонастроений различных слоев бейрутского общества (см. «Бейрутські оповідання»).

¹⁵ «Слово „шыта“, или „шыте“, означает и „зима“, и „дождь“, потому что для прибрежного сирийца, не имеющего понятия о снеге и морозе и не видящего дождя во время лета, зима и дождь — одно и то же. Специальное слово „матар“ („дождь“) малоупотребительно в Сирии», — записал А. Е. Крымский в своих тетрадях и прибавил несколько поговорок: «Шыта нисан бйыхый л-нисан» («Апрельский дождь [уж] оживляет человека»). Для иллюстрации употребления слова «шыта» в смысле «зима» он приводит и другие поговорки со следующими бесполезными комментариями: «Шыта Маср у раби' аш-Шам» («[Хороша] зима египетская и весна сирийская»). «Весною города Сирии представляют сплошной цветущий сад. الشام (аш-Шам), здесь بر الشام (Сирия), но в обыкновенной речи под „аш-Шам“ разумеется только Дамаск, как и в следующем варианте той же пословицы: „Шыта Маср у раби' аш-Шам у сейф Лыбан“ („[Хороши] зима египетская, весна дамасская и лето ливанское“). Впрочем, для Финикии смена времен года мало чувствительна: в течение круглого года остается тепло, и не заметишь, как год пройдет; бейрутинец восклицает: „С-сини вара л-баб“ („Год за дверями“), т. е. время летит быстро и ждать недолго» (А. Крымский, Материалы для изучения языка и быта Сирии).

¹⁶ Муркос Георгий Абрамович (1846—1911) — арабист, профессор Специальных классов Лазаревского института восточных языков, член Восточной комиссии Московского археологического общества. Родился в Дамаске, получил образование в Афинах, затем окончил Петербургскую духовную семинарию и Восточный факультет Петербургского университета. Осуществил перевод описания путешествия Антиохийского патриарха Макария в Московию при Алексее Михайловиче. (См. «Чтения Общества истории и древностей», М., 1896—1900; А. Е. Крымский, Г. А. Муркос [некролог], — «Древности восточные», т. IV, 1913).

¹⁷ Янчук Николай Андреевич (1859—1921) — этнограф-фольклорист, писатель, секретарь Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, редактор «Этнографического обозрения». Выходец из крестьян, в юности испытал влияние идей Добролюбова. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В описываемое время служил помощником библиотекаря Румянцевского музея. А. Е. Крымский посылал получаемые им в Бейруте украинские зарубежные издания на служебные адреса Н. А. Янчука, чтобы избежать надзора цензуры.

¹⁸ «Этнографическое обозрение» — журнал, издававшийся Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, учрежденным при Московском университете в 1889 г. Выходил четыре раза в год. С 1893 по 1898 г. А. Е. Крымский (член Общества с 1892 г.) регулярно публиковал в журнале свои рецензии и статьи.

¹⁹ Руданский Степан Васильевич (1834—1873) — украинский поэт-демократ. Первый сборник его произведений вышел в Киеве в 1880 г. Вместе с Иваном Франко А. Е. Крымский участвовал в издании произведений Руданского (С. Руданський, Твори, т. I—VII, Львів, 1895—1903; тт. II, III, V с предисловиями и примечаниями А. Крымского).

²⁰ Шахд Салим (ум. в 1907 г.) — один из участников сирийского культурного возрождения, секретарь Сирийского научного общества (1868 г.), издатель (с 1874 г.) «Историко-географического словаря» (совместно с Адибом Исаком и Салимом Наккашем). В «Исторической арабской литературы» А. Е. Крымский характеризует Салима Шахде, «всесильного драгомана генерального российского консульства в Бейруте» как человека «очень тонкого и умного», «ученого и образованного» (А. Е. Крымский, История новой арабской литературы, стр. 542, 545, 601, 602).

²¹ Характеристику национального и религиозного состава населения Ливана оставил в 1885 г. К. Д. Петкович: «Все жители Ливана в этнографическом отношении принадлежат к одной расе, к одному племени (речь идет о национальности. — И. С.), не отличаясь между собою ни языком, ни типом, ни костюмом. Все они сирийцы и говорят одним языком — арабским, но по религиям, обрядам и религиозным сектам распадаются на разные группы, или общины: на христиан и нехристиан, которые, в свою очередь, опять делятся: первые — на православных, греко-католиков (униатов. — И. С.) и маронитов, а вторые — на друзов, метуалиев и мусульман (суннитов. — И. С.). Так как эти отдельные группы, как христианские, так и нехристианские имеют свое особенное религиозное устройство, свои нравы и обычаи и даже свои особенные желания и стремления, свои симпатии и антипатии, то каждая из них как сомкнутая своеобразная корпорация представляет особую народность и признается официально таковою (миллет у турок и тайфэ у арабов-сирийцев)» (К. Д. Петкович, Ливан и ливанцы, СПб., 1885, стр. 111; о современном состоянии см.: Е. А. Беляев, Религии и церкви, — «Современный Ливан (справочник)», М., 1963). Эту характеристику можно отнести и к Бейруту, население которого по национальному составу было более сложным и кроме арабов включало турок, греков, евреев, итальянцев и т. д.

²² Речь идет об Университете св. Иосифа, созданном иезуитской миссией в Сирии. Основание этому учебному заведению было положено открытием в 1855 г. светского колледжа иезуитов в селении Гизира (Ливан), в 1875 г. переведенного в Бейрут. В 1881 г. колледж был переименован в университет, в 1883 г. в университете был открыт медицинский факультет, а в 1902 г. — Восточный факультет. С 1898 г. университет издавал журнал «Ал-Машрик».

²³ Московское археологическое общество было основано в 1864 г. с целью проведения археологических исследований. Издавались «Труды Московского археологического общества». В 1887 г. по инициативе М. В. Никольского была образована Восточная комиссия Московского археологического общества, занимавшаяся определением и описанием

древних восточных памятников и материалов, хранившихся в российских собраниях, исследованием восточной истории, литературы, языкознания, археологии. Комиссия охотно устанавливала контакты с российскими дипломатическими представителями на Востоке, проявившими интерес к древним памятникам. Восточная комиссия издавала «Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества» (до 1915 г. вышло в свет 10 выпусков в 5 томах).

А. Е. Крымский стал членом общества в ноябре 1892 г. В январе 1901 г. он был избран секретарем Восточной комиссии.

²⁴ **Никольский** Михаил Васильевич (1848—1917) — крупный русский ассириолог, знаток древнееврейского языка. До декабря 1896 г. был секретарем Восточной комиссии.

²⁵ Речь идет о рецензии А. Е. Крымского «По поводу брошюры проф. Н. Сумцова „К библиографии старинных малорусских религиозных сказаний“. Харьков, 1896» («Киевская старина», т. LV, 1896, № 10).

²⁶ А. Е. Крымский имеет в виду работу Ф. Корша «Язык и литература персов. Вступительная лекция, читанная 10 октября 1892 г. в Лазаревском институте восточных языков» («Московские ведомости», 1892, № 298).

Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — лингвист и филолог-полиглот, академик (с 1900 г.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета по классической филологии, которую преподавал в Московском и Новороссийском университетах до 1892 г. Владел помимо западных языков персидским, арабским, санскритом; был широко образованным славистом. В Лазаревском институте преподавал с 1892 г. персидскую филологию. Был одним из организаторов Восточной комиссии Московского археологического общества и ее председателем (1887—1897).

А. Е. Крымский отредактировал и снабдил вступительной статьей посмертное издание переводов Ф. Корша «Персидские лирики X—XV вв.», М., 1916 (см.: Н. К. Дмитриев, Федор Евгеньевич Корш, МГУ, 1962).

²⁷ **Миллер** Всеволод Федорович (1848—1913) — фольклорист, лингвист, этнограф широкого профиля (кавказовед, иранист, индолог, славист), председатель Восточной комиссии Московского археологического общества с 1897 г.; президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1888—1890); директор Лазаревского института (1897—1911).

А. Е. Крымского с В. Ф. Миллером связывала тесная дружба. В письме к В. М. Гнатюку от 8 апреля 1900 г. Крымский писал: «С Москвой меня связывают всякие личные отношения: у меня нет родной семьи, а в Москве я свой, родной человек в семье Миллера» («Жовтень», 1871, № 1, стр. 129).

²⁸ **Эварницкий** Дмитрий Иванович (1855—1940) — украинский историк, археолог, этнограф и фольклорист. В 1897 г. преподавал в Московском университете (курс по истории и археологии украинского казачества).

А. Е. Крымский имеет в виду работу Д. И. Эварницкого «История запорожских казаков», т. 1, 2, СПб., 1895.

²⁹ **Лазаревский** Александр Матвеевич (1834—1902) — украинский историк.

А. Е. Крымский имеет в виду рецензию А. Лазаревского «История

запорожских казаков Д. И. Эварницкого, т. I—II» («Чтения Исторического общества Нестора-летописца», кн. 10, отдел IV, 1896).

³⁰ По-видимому, Е. Е. Крымский сообщал о студенческих волнениях в Московском университете в ноябре 1896 г., вспыхнувших в знак протеста против арестов участников студенческой манифестации, которая состоялась в память погибших во время ходянской катастрофы. На массовых студенческих сходках, происходивших после арестов, выдвигались, в частности, требования об отмене реакционного устава 1884 г. В результате правительственных репрессий сто студентов были отданы под суд и высланы из Москвы (См. «Московский университет за 200 лет. Краткий исторический очерк», М., 1955).

³¹ А. Е. Крымский записал поверье, объясняющее название реки Ликос (волк) — «Волчья речка»: «Уверяют, что когда от дождей речка разливается и стремительно несет свои полные воды в море, тогда бурление, которое слышится у прибрежных скал, напоминает собой иногда грозный зловещий вой; это завывание считается признаком общественного какого-нибудь несчастья». Он сравнивает это представление с «более отчетливым поверьем», упоминаемым де ля Рокком (de la Roque, Voyage de Syrie et du mont Liban, t. I, Paris, 1722, стр. 280—282), согласно которому на скале при впадении Нахра-ал-Кельб в море еще древние греки поставили каменное изображение волка, позже упавшее в море; арабы-мусульмане верили, что в зловещие минуты в затопленное каменное тело зверя вселяется черт и начинает пронзительно выть. (А. Крымский, Обычай у арабов, — Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. 1, ед. хр. 25700).

³² См.: А. Крымский, Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов, собранных М. Довнар-Запольским, вып. I, Киев, 1895 («Киевская старина», т. LII, 1895, № 1, стр. 30—37).

³³ «Киевская старина» — ежемесячный исторический журнал, издавался в Киеве в 1882—1906 гг. А. Е. Крымский публиковал в нем свои рецензии и статьи в 1896 и 1897 гг. Упомянутый в письме ответ А. Е. Крымского появился под названием «Еще по поводу „Белорусского Полесья“ г. Довнар-Запольского» («Киевская старина», т. LVII, 1897, № 4).

³⁴ В «Истории новой арабской литературы» (стр. 606) А. Е. Крымский сообщает, что в 1900 г. Наджиб Несим Трад совместно с Никулой Файйдом издал в переводе с французского драму Шиллера «Коварство и любовь» (Шиллер, ал-Алмани, ал-Хида' ва л-хубб, Бейрут).

³⁵ Училище Трех святителей (Мадрасат ас-саласат ал-акмар) возникло в 1866 г.

³⁶ См.: А. Крымский, Материалы для изучения языка и быта Сири.

³⁷ Палестинское православное общество было основано в 1882 г. и преследовало различные цели: оказание помощи русским паломникам в Палестину (царское правительство, активно поддерживавшее общество, придавало значение поощрению паломничества в целях укрепления религиозной идеологии в народных массах России); противодействие западноевропейской католической и протестантской религиозной пропаганде среди арабского православного населения Палестины и Сирии посредством создания школ и учительской семинарии в Бейтджале, в которых обучались дети православного арабского населения; изучение Палестины и Сирии.

³⁸ «Зоря» — украинский литературный журнал, издавался во Львове в 1880—1897 гг. В журнале печатались произведения И. Франко, Леси Украинки, М. Коцюбинского. А. Е. Крымский неоднократно публиковался в «Зоре» с 1890 г. В 1896 г. (№№ 19, 20) он поместил в журнале рецензию на поэтическое переложение Иваном Франко арабской сказки (см.: А. Кримський, Абу-Каземові кащі. Арабська казка. Переробив І. Франко), в которой с сочувствием отнесся к факту современного переосмысления И. Я. Франко средневековой сказки. В 1897 г. (№№ 6, 19) А. Е. Крымский опубликовал в «Зоре» несколько своих ливанских стихотворений, позже вошедших в сборник «Пальмовые ветви».

³⁹ 3 декабря 1896 г. М. В. Никольский сделал сообщение на заседании Восточной комиссии о присылке А. А. Гагариным по рекомендации А. Е. Крымского в дар обществу «древней рукописи сирийского евангелия, заслуживающей большого внимания». Восточная комиссия выразила благодарность А. А. Гагарину за «ценный дар» и избрала его своим членом.

В январе 1897 г. М. В. Никольский специально доложил о рукописи, подаренной А. А. Гагариным, состоявшей, как выяснилось в ходе ее реставрации, из отрывков трех сирийских евангелий, «из коих старшее восходит к VII веку, младшее — к IX». Ценность рукописи возрастала, по мнению М. В. Никольского, в связи с полным отсутствием в те годы в книгохранилищах Москвы сирийских рукописей. («Древности восточные», т. II, вып. 2, стр. 94—101, 134).

⁴⁰ Хв. Кримський, Шаг-наме, або іранська книга царів Абуль Касима Фірдовсія Туського, — «Життя і слово», т. III, кн. 2, 3; т. IV, кн. 5, 6, 1895.

⁴¹ В этнографических записях А. Е. Крымского сохранились заметки о свадьбе в Ливане. Отметив упрощенность городской свадьбы в Бейруте, он писал: «Однако подле того же Бейрута в соседнем Горном Ливане христианская свадьба сохранила старинные обряды, среди которых яркое торжество — это песенная процессия жениха с родными по невесту. И у мусульман процессия с пенем и музыкой продолжает оставаться существенным моментом... В горах ливанских в 1890-х гг. мне приходилось видеть свадебное шествие с достаточно еще сберегшимся старинным парадом. Правильнее было бы назвать такой парад не „шествием“, а „свадебным поездом“, потому что и невеста едет верхом, и значительная часть ее вооруженных спутников едут на конях. Пешком впереди идет охрана; пешком подвигаются женщины; они по дороге пляшут и звонко поют свадебные венчальные песни „залагыт“, сопровождающиеся резким возгласом-зачином „э-ха!“ с ударением на э. Возглас „э-ха!“ приблизительно в октаву интервалом; если э будет, например, верхним *до*, то неударное *ха* будет нижнее *до* октавы. В свое время этот крик неприятно поразил Порфирия Успенского, напомнив ржанье жеребцов. Но на меня в 1890-х гг. это женское „э-ха!“ такого комического впечатления не производило, а, напротив, представляло своеобразную оригинальную прелесть. Они (крики. — И. С.) применяются не только при свадьбах, но и при всяких торжественных встречах и славословиях, соответствуя нашему „гой-гой!“, „гей-гей!“ и т. п. А заключают женскую строфу трельным припевом дробью: „Лу-лу-лу-лу!“ Кроме певца-женщины идет в свадебной процессии и музыка; бьют бубны; люди вторят музыке тактовым хлопаньем в ладоши. Мужчины, принимающие участие в свадебном поезде, конные ли, пешие ли, имеют на себе

оружие. Ружья — главная амуниция, среди процессии то и дело мужчины стреляют в воздух, выражая этим свою радость, да, по-видимому, желая также показать, что кортеж идет под сильной охраной. Главную охрану представляет предводитель поезда, вооруженный саблей, да ближайшая к нему толпа мужчин, которые несут копыя, и уж как бы под их прикрытием едет по невесту жених и тот его спутник-родственник, которого мы любим называть шафером... Свадебный пир, который устраивается после венчания и на другой день после брачной ночи, сопровождается у горцев не только женскими песнями, но и пляской мужчин... Горная свадьба при общеизвестном гостеприимстве горцев не ограничивается одним-двумя днями или даже одним брачным днем, как это бывает в европеизированном Бейруте. Горцы обычно пируют на селе целую неделю. Этот срок, впрочем, соблюдается и в более патриархальных захолустных городах» (А. Крымский, Обычаи у арабов).

⁴² Описанные в письме инциденты положены в основу рассказов «Соломонія, або Соломон у спідниці» и «Імсинник» из сборника «Бейрутські оповідання».

⁴³ «Конец февраля и начало марта, — пишет А. Е. Крымский в своих заметках, — считаются самым холодным временем вследствие северного ветра самавы, дующего несколько дней. Эти дни, т. е. конец февраля и начало марта, называются *مستأرضات* мыстардат, т. е. заемные, или взятые заимобразно» (А. Крымский, Материалы для изучения языка и быта Сирии).

⁴⁴ Речь идет о следующих событиях. В 1896 г. на о-ве Крит вспыхнуло антитурецкое восстание, турецкое правительство прибегло к репрессиям. В Греции поднялось движение в поддержку критских повстанцев. 15 февраля 1897 г. на о-ве Крит высадился отряд греческих войск и к берегам острова направился греческий флот. Однако европейские державы воспротивились греческим действиям; эскадра великих держав задержала греческий флот. В апреле 1897 г. началась греко-турецкая война, окончившаяся поражением Греции. В мае 1897 г. Россия выступила посредницей при заключении греко-турецкого перемирия.

⁴⁵ Полностью пословица такова: «Июль—кипит вода в кружке» — *تَمْوَز تَغْلِي الْمَاء فِي الْكُوْز* (А. Крымский, Материалы для изучения языка и быта Сирии).

⁴⁶ А. Е. Крымский имеет в виду студентов Американского университета в Бейруте, основанного американской протестантской миссией в 1866 г. на базе сирийского протестантского колледжа. Колледж и университет сыграли заметную роль в истории сирийского просвещения второй половины XIX в.

⁴⁷ По-видимому, А. Е. Крымский не обо всем был точно осведомлен. М. В. Никольский, отказавшись от выполнения обязанностей секретаря Восточной комиссии, продолжал, судя по протоколам, активно участвовать в работе комиссии, секретарем которой между декабрем 1896 и апрелем 1897 г. был профессор армянской словесности Лазаревского института восточных языков Григорий Абрамович Халатьянц.

4 марта 1897 г. М. В. Никольский действительно сделал сообщение на Восточной комиссии об определении им «халдейских древностей кн. А. А. Гагарина» («глиняных конусов Гудеа и 4-х дощечек с надписями») (см.: С. С. Слущкий, Обзор десятилетней деятельно-

сти Восточной Комиссии, — «Древности восточные», т. II, 1901, вып. 2, стр. 188).

⁴⁸ «Обряд отпущения птиц на волю существовал и среди мусульман. Его наблюдал в странноприимном доме («также») по пути из Баальбека в Дамаск Ник. Радзивилл, посетивший Сирию в первой половине XVII в. Мусульманин, совершивший этот обряд, объяснял, что выпускает птиц „за душу покойных родителей“» (M. Krzyszt. Radziwił. Pielgrzymka do ziemi świętej. Kraków, 1628, стр. 37. Цит. по рук. А. Крымского «Обычай у арабов»).

⁴⁹ А. Крымский записал предание о Георгии-змееборце. «Святой Георгий-змееборец, память которого празднуется 23 апреля, — любимый святой в Сирии и Палестине. Географическая топография, приуроченная к преданиям о Георгии, издавна распределяется таким образом. Родился Георгий в местности к востоку от Акки (Акры), где и теперь о нем напоминает крепосца, известная под именем „Святой Георгий“, или „Замок св. Георгия“. Лежит этот замок среди гор в долине. Змёя-дракона убил Георгий в Бейруте над морем... В Раме, на расстоянии 12 миль от Иерусалима, он был сожжен. В Лидде... Георгий погребен, и там показывают его гробницу.

О змееборстве Георгия легенда общезвестна во всей Сирии и Палестине в самой широкой массе. Везде она рассказывается приблизительно одинаково, и мы можем ограничиться записью, сделанной в Бейруте. Содержание ее такое:

Когда-то во времена язычества был в Бейруте свой царь. И вот у моря, там, где в него вливается речка Бейрутинка (Нахр Бейрут), появился огромный змей. Жил он в пещере над морем, и надо было умиловить его тем, что ему на соседнем холме оставляли на съедение девушку. Дошла очередь и до царской дочери. Отвели ее к берегу на холм и оставили одну, чтобы она дождалась своей неизбежной участи. Но раньше страшного змея появился прекрасный всадник на белом коне, весь закованный в латы, с копьем, это был святой Георгий. Он сказал царевне, что защитит ее от чудовища, а тем временем заснул, положивши голову на ее колени. Когда он крепко спал, дракон вылез из пещеры и стал приближаться к своей жертве. Царевна перепугалась, окаменела от ужаса; она не находила в себе сил разбудить Георгия, а проснулся он только оттого, что ее горячие слезы лились ему на щеку и обжигали его. Вмиг витязь вскочил, бросился верхом на коня и помчался навстречу дракону. Тот разинул исполнскую пасть и собрался витязя пожрать; но витязь своим мощным копьем пригвоздил его разверстую пасть к земле и одержал победу. Дракон не имел больше сил сопротивляться. Георгий почувствовал невыносимую жажду и, чтобы добыть ключевой воды, ударил копытом о каменистую землю — и брызнул источник, который и доныне существует. Потом Георгий попросил царевну дать ему один длинный волос из ее роскошной косы и на этом волосе, словно на веревке, притащил сраженного дракона в город. Царь готов был отдать свою дочь ему в жены, и царевна тоже влюбилась в своего спасителя. Георгий объявил ей, однако, что сразил змея не сам он, а единый господь бог, давший ему для этого чудесную силу». (А. Крымский, Обычай у арабов).

Интерес А. Е. Крымского к легенде о Георгии, вероятно, был пробужден докладом М. О. Аттая «Житие св. Георгия у ат-Табари» и оживленным обсуждением его Восточной комиссией в октябре 1894 г., на котором присутствовал и Крымский. (См. М. О. А т т а я, Мусуль-

манское сказание о святом Георгии по ат-Табари, переведенное с арабского языка, М., 1896.)

Параллели рассказов о Георгии в русской литературе еще раньше отмечались А. Кириличниковым («Св. Георгий и Егорий Храбрый», СПб., 1879) и А. Н. Веселовским («Разыскания в области русских духовных стихов», — «Записки Императорской Академии Наук», 1880, № 3, прилож. к XXXVII).

⁵⁰ На прибрежных скалах в устье Нахр ал-Кельб сохранились надписи и барельефы различных завоевателей Ливана — египетских фараонов, ассирийских и вавилонских царей, греческих, римских и арабских полководцев. В XX в., после посещения Ливана Крымским, прибавились надписи английских и французских оккупантов и арабская надпись 1946 г., свидетельствующая о том, что последний иностранный солдат покинул территорию Ливана.

⁵¹ В. А. Клуустон. Народні казки та вигадки, їх мандрівка та переміни. З англ. мови переложив А. Кримський, Львів, 1896.

Работа представляет собой обработанный перевод «Popular Tales and Fiction, their Migrations and Transformations by W. A. Clouston», t. I, II, London, 1887.

⁵² Щекни Михаил Сергеевич, иранист, окончил Специальные классы Лазаревского института восточных языков вместе с А. Е. Крымским в 1892 г., служил в министерстве иностранных дел. Как и А. Е. Крымский, занимался суфизмом, опубликовал в «Древностях Восточных» реферат «О четырех обязанностях дервиша» (т. I, 1893 г., вып. 3). В 1890 г. совершил поездку в Египет, Сирию, Палестину. Будучи членом Восточной комиссии, уделял внимание иранским археологическим находкам.

⁵³ Ч. Мостович, Гомер Востока, — «Книжка „Недели“», 1897, № 5.

«Неделя» — еженедельная газета с ежемесячным приложением «Книжка „Недели“»; издавалась в Петербурге с 1868 по 1901 г.

⁵⁴ Кананов Георгий Ильич (1830—1897), ученик Т. Н. Грановского, преподавал курс истории Востока, с 1881 г. был инспектором, а затем директором Лазаревского института восточных языков.

⁵⁵ Речь идет об «Астир» — переработанном переводе Мухаммеда Османа Джаляля (1829—1898) трагедии Расина «Эсфирь». (См.: А. Е. Крымский, История новой арабской литературы, стр. 640—641).

⁵⁶ «Горации» — трагедия Корнеля — переводилась на арабский язык Мухаммедом Османом Джалялем в Египте, Адибом Исхаком и Салимом Наккашем в Сирии. (См.: А. Е. Крымский, История новой арабской литературы, стр. 556, 641).

Материалами этого письма А. Е. Крымский воспользовался лишь в 30-е годы XX в. при написании своей «Истории новой арабской литературы» (см. стр. 346).

⁵⁷ А. Е. Крымский идеализирует положение Горного Ливана, который пользовался по Органическому статуту 1861 г. лишь автономией в системе Османской империи (см. прим. 61).

⁵⁸ Монастырь известен основанием в 1732—1733 гг. первой в Ливане типографии. Создателем шрифта и печатником был Абдаллах Захир Саиғ, брат игумена монастыря Николая Саиға, тесно связанного с «предтечей новонарабского возрождения» (по словам А. Е. Крымского) Гавриилом (в епископстве Германом) ибн Фархатом (1660—

1732). (См.: А. Е. Крымский, История новой арабской литературы, стр. 122, 132, 133—136).

⁵⁹ **Базили Константин Михайлович** (1809—1884), российский дипломат и историк Сирии. Был консулом в Бейруте с 1839 по 1853 г. (с 1843 г. — генеральным консулом.). Его труд «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении» был издан в Одессе в 1862 г., переиздан в Москве в 1962 г.

⁶⁰ **Наум-паша** — мутасарриф (губернатор) Ливана с 1892 г., по вероисповеданию греко-католик (униат).

⁶¹ Речь идет об Органическом статуте Ливана, выработанном Международной комиссией в 1861 г. и дополненном в 1864 г. Созданию Международной комиссии и выработке статута предшествовали внутренние политические столкновения в Ливане (друско-маронитские конфликты 1841, 1845 и 1860 гг.) и крестьянское антифеодалное движение, вызванные социальными причинами. Органический статут закрепил автономное положение Горного Ливана, ограничил феодальные привилегии господствующего слоя, ввел новую систему управления.

А. Е. Крымский преувеличивает роль мутасаррифа и идеализирует политику держав в ливанском вопросе. (О политике держав в отношении политического устройства Ливана в 1861 г. см.: М. Т. Панченкова, Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860—1861 гг., М., 1966.)

⁶² А. Е. Крымский имеет в виду работу австрийского арабиста Альфреда фон Кремера, посетившего Сирию в 1849—1851 гг. (A. von Kremer, *Mittelsyrien und Damascus. Geschichtliche, Ethnographische und Geographische Studien*, Wien, 1853).

⁶³ Имеется в виду A. Lamartine, *Souvenirs, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient (1832—1833), ou notes d'un voyageur*, t. 1—3, Leipzig — Stuttgart, 1835.

⁶⁴ Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

⁶⁵ Вторжение войск египетского правителя (формально вассала султана) Мухаммеда Али в Сирию в 1833 г. под командованием Ибрагима-паши привело к семилетней оккупации Сирии.

⁶⁶ Имеются в виду друско-маронитские столкновения 1860 г. (См.: И. М. Смиланская, Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в., М., 1965).

⁶⁷ **Беляев Алексей Петрович**, генеральный консул в Дамаске. В 1882 г. окончил Специальные классы Лазаревского института.

⁶⁸ О рукописи см.: «О неисследованном, старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года. Из рукописного собрания А. Е. Крымского. Описание А. А. Олесниченко. Предварительное замечание от А. Е. Крымского», — «Древности восточные», т. IV, 1913.

⁶⁹ **Петкович Константин Дмитриевич** (ум. в 1897 г.), российский генеральный консул. Окончил Петербургский университет, служил в министерстве иностранных дел, после Крымской войны был назначен консулом в Рагузу, затем — генеральный консул в Бейруте. Автор ряда работ по истории и культуре Балкан и Ливана («Черногория», «Дарственный хрисовуд сербского короля Стефана Уроша от 15 марта 1313 г.», — «Записки Академии наук», 1863, т. III, кн. 2; «Ливан и ливанцы», СПб., 1885; «Ансарии», — «Православный палестинский сборник», СПб., 1889, т. 7, вып. 1).

⁷⁰ Характерно, что И. Ю. Крачковский, живший в Шуэyre летом

1908 г., записал в своем дневнике: «Шувейр не на шутку может считаться очагом современной литературы». (См.: В. А. Крачковская, И. Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине. 1908—1911 гг., — «Палестинский сборник», вып. 1 (63), М.—Л., 1954).

⁷¹ Повесть «Лихі люди» вышла в 1877 г. в Женеве без указания автора — П. Мирного. Повесть В. Коховского «Пан-народолюбець» вышла в Женеве в 1878 г. «Хіба ревуть воли, як ясла повні?», роман Панаса Мирного, написанный в соавторстве с братом Ив. Билыком в 1872—1875 гг., впервые был издан в Женеве в 1880 г. М. П. Драгомановым. Чипка — герой романа.

⁷² «Кветка» — иллюстрированный литературный сборник, изданный В. Лукичом во Львове в 1890 г.

⁷³ Речь идет о работе А. Е. Крымского «Мусульманство и его будущность», изданной в Москве в 1899 г.

⁷⁴ Лишин К. Н. — российский генеральный консул, собиратель древностей, нумизмат. В 1902 г. состоял членом Русского археологического института в Константинополе, в музей которого пожертвовал часть своей коллекции.

И. М. Смилянская

ОЧЕРК ВОСТОКОВЕДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А. Е. КРЫМСКОГО

На склоне той эпохи в востоковедении, которую И. Ю. Крачковский назвал «героической» вследствие многосторонности направлений и энциклопедичности знаний, какие совмещали в себе видные ориенталисты XIX в.¹, А. Е. Крымский поражает разнообразием своих научных интересов, исследовательских и общекультурных. Являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире — славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом. Талантливый полиглот, А. Е. Крымский к концу своей жизни владел более чем шестьюдесятью языками.

Несмотря на большое внимание литераторов и ученых, которое привлекает к себе в последнее десятилетие имя Крымского, сделаны только первые попытки рассмотреть его вклад в развитие отечественного востоковедения². Из видных ориенталистов старшего поколения, пожалуй, лишь И. Ю. Крачковский оставил несколько поразительно точных характеристик разных сторон деятельности Крымского, которого он в 1929 г. назвал своим «духовным учителем», чьи первые труды «пробудили» его «интерес к арабскому миру»³. Однако эти оценки беглы, и, к сожалению, они еще более укрепляют представление об А. Е. Крымском как о выдающемся популяризаторе («для популяризации науки он сделал больше, чем все предшествовавшие и современные ему арабисты»⁴). И. Ю. Крачковский полагал, что

¹ И. Ю. Крачковский, Памяти Теодора Нельдеке, — Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958.

² Безусловно, наиболее серьезным является исследование ужгородского историка К. И. Гурницкого (К. І. Гурницький, Кримський як історик, Київ, 1971).

³ Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. I, ед. хр. 23184.

⁴ И. Ю. Крачковский, Итоги изучения арабистики в СССР за двадцать лет, — «Известия АН СССР», М.—Л., 1937, № 5, стр. 1257.

«популяризаторское» направление деятельности Крымского «не могло не оттеснить на второй план исследовательскую работу по арабистике, которая среди его очень многочисленных трудов представлена главным образом мелкими монографиями, экскурсами в различных учебных сводах, статьями в энциклопедиях»⁵. Существует также мнение, согласно которому широта интересов А. Е. Крымского сказалась отрицательно на глубине его исследований. Между тем сам А. Е. Крымский, оценивая творчество своего учителя В. Ф. Миллера, акцентировал внимание на том, какую плодотворную роль в деятельности ученого играют широкие «общекультурные интересы» и одновременная работа в различных направлениях, взаимно обогащающих друг друга⁶.

Для всесторонней оценки вклада Крымского в востоковедение нужны объединенные усилия многих специалистов, потому что при современной дифференциации научных направлений трудно было бы представить в одном лице знатока всех областей науки, где оставил след А. Е. Крымский, который при этом был бы в курсе достижений мировой и русской ориенталистики конца XIX — начала XX в. Вследствие этого автор настоящей статьи отдаст себе отчет в том, что его работа может содержать лишь предварительный общий очерк востоковедного творчества ученого.

Однако прежде чем приступить к рассмотрению вопроса, следует сделать небольшое отступление.

Уже на склоне лет, задумываясь над вопросом о причинах, заставивших его оставить поэтическое творчество, А. Е. Крымский говорил: «Мой аналитический интеллект на тысячи кусков разбивал каждый поэтический замысел. Лирики в стихах или прозе я больше не хотел, а сложить общую какую-то композицию из наблюдений над

⁵ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 169.

⁶ В. Михайловский [один из псевдонимов А. Е. Крымского], Краткий очерк научной деятельности В. Ф. Миллера, — «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», М., 1900. Небезынтересно понимание Крымским творчества В. Ф. Миллера: «Такова многообразная и, если бы судить только по заглавиям трудов, как бы разбросанная ученая деятельность В. Ф., но, вникая в нее, мы видим перед собою единое, цельное, широкое научное мирозерцание. Он не может быть ограниченным специалистом в какой-нибудь одной узкой отрасли знания, игнорируя все остальное, — он должен быть разносторонен. Но все у него направлено к одному центру, все служит к выяснению одной задачи. Нужно воспользоваться всем, что сделано европейской наукой по выработке методов лингвистики, истории культуры, истории литературы, и применить эти методы, построенные на историко-сравнительном начале, к выяснению самосознания русского народа... — вот основная мысль...».

внешним миром не удавалось...»⁷. Борьба между двумя подходами к восприятию мира — научным и художественным — происходила в творчестве А. Е. Крымского в течение, быть может, всей его жизни, и в этом конфликте его аналитический интеллект отнюдь не постоянно одерживал верх. В научных трудах А. Е. Крымского можно наблюдать присутствие образного мышления, свойственного ему как писателю. Вместе с тем при всем разнообразии творчества и при внутренних конфликтах А. Е. Крымский сохранял органическую цельность своих нравственных, общественных и научных исканий. Проникновенный анализ психологии поэтического творчества Крымского сделал Иван Франко в рецензии на его поэтический сборник «Пальмовые ветви». Он писал о сильной печати «субъективного лиризма», лежащей на произведениях А. Е. Крымского, но полагал, что речь могла идти не о каком-то «принципиальном субъективизме», напротив, будучи писателем, «горячо преданным исканию правды», Крымский «старается быть как можно объективнее, правдивее, не утерять ни крупницы той правды, которую постиг душой»; вместе с тем, писал И. Франко, его поиски окрашены «жарким дыханием индивидуальности»⁸. Эти «искания правды» (хотя и иными методами) продолжались и в его научном творчестве, о чем свидетельствуют некоторые высказывания ученого.

В 1910 г. в очень доверительном письме к И. Ю. Крачковскому А. Е. Крымский объяснял причину своей искренности внутренней близостью их поисков, которую он отчетливо видел в научных трудах И. Ю. Крачковского: «Искание идеала Истины, Добра и Красоты всегда будет играть роль в Вашей жизни, на горах ли старого Ливана будете Вы находиться и искать крыльев, в своем ли ученом кабинете будете сидеть и фоллианты переворачивать»⁹. А пять лет спустя в другом письме к И. Ю. Крачковскому А. Е. Крымский сознавался в невозможности для себя заниматься исследованием предметов, далеких от его духовных интересов: «Недавняя диссертация Шмидта была для меня, конечно, поучительна, но... она меня оставила холодным... я органически был бы неспособен посвятить ему (Шаранию. — И. С.) столько лет жизни, сколько посвятил А. Э. Шмидт. Совершенно иное дело Ваша диссертация, в ней все (подчеркнуто А. Е. Крымским. — И. С.), что я читал, вложилось мне в душу»¹⁰. Наконец, в письме-исповеди 1904 г. к В. Ф. Миллеру содержится еще более откровенное

⁷ Цит. по: О. Б а б и ш к и н, Агатагел Крымський, стр. 57.

⁸ И. Ф р а н к о, Сочинения, т. IX, стр. 342.

⁹ Письмо к И. Ю. Крачковскому от 14.XI.1910 (см. А. Ю. К р и м с ь к и й, Твори, т. V, ч. 3, Київ, 1973. Далее издание не оговаривается).

¹⁰ Письмо к И. Ю. Крачковскому от 30.III.1915.

признание А. Е. Крымского о побудительных мотивах научного творчества (о «закулисной стороне или подкладке моих занятий», как он пишет), а именно: он сообщает, что наиболее напряженно работает в моменты душевных кризисов, «чтобы заглушить в себе оскорбленное чувство привязанности и, расширяя свой кругозор, забывать свои личные скорби, обиды и т. п. — мелочные в сравнении с жизнью мировых идей». (Это не означало, что ему было чуждо «побуждение приносить своей научной работой пользу обществу», хотя «пользу историко-филологических наук на аптекарских весах не взвесишь»¹¹.) Таким образом, и в научной деятельности А. Е. Крымский продолжал исследование близких ему философских идей и нравственных норм. Вместе с тем его индивидуальные искания были созвучны идейным устремлениям части российской интеллигенции.

Агафангел Ефимович Крымский родился 15 января 1871 г. во Владимире-Волынском. Его детство протекало в небольших городках Волини и Среднего Приднепровья — в Звенигородке, куда переселились его родители вскоре после рождения своего старшего сына и где он пяти лет поступил в городское училище; в Остроге, где Крымский учился в прогимназии. По происхождению семья Крымских была белорусско-польской («мой отец из белорусского мещанского рода, мать — литовская полька»¹², предки отца, поселившиеся в Литве и крестившиеся в конце XVII в., были выходцами из Крымского ханства. Дед А. Е. Крымского, М. С. Куторга, — известный историк античности. Семья не располагала большими средствами, дочери получили домашнее воспитание, а сыновья учились как стипендиаты. В доме Крымских царил атмосфера, характерная для провинциальной российской интеллигентной семьи, не чуждой общественных интересов просветительского свойства. Отец уделял время общественной и литературной деятельности, тетка заведовала библиотекой в Остроге, что открыло Крымскому широкие возможности для чтения.

С детства А. Е. Крымский овладел простонародными украинскими диалектами («я одинаково сроднился как с речью Киевщины, так и с речью Волины») ¹³, которые позже смело вводил в свои прозаические сочинения (в 1895 г. он напоминал Ивану Франко о советах Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского шире заимствовать из народного языка) ¹⁴. Сознание связи с родной украинской средой («хотя я родом не украинец, но я целиком поукраинился» ¹⁵) он сохранил в течение всей жизни.

¹¹ Письмо к В. Ф. Миллеру от 23.I.1904.

¹² Цит. по: А. К р и м с ь к и й, Вибрані твори, Київ, 1965, стр. 569.

¹³ Цит. по: О. Б а б и ш к и в, Агатангел Кримський, стр. 9.

¹⁴ А. К р ы м с ь к и й, Иоанн Вышенский, его жизнь и сочинения.

¹⁵ А. К р и м с ь к и й, Вибрані твори, стр. 573.

Очень рано проявились блестящие лингвистические способности А. Е. Крымского. В тринадцать лет, будучи учеником 2-й Киевской гимназии, он выполнил переводы нескольких глав «Анабасиса» Ксенофонта и «Энеиды» Вергилия, изданные под псевдонимом. Свои языковые познания он успешно расширял в киевской коллегии Павла Галагана, стипендиатом которой стал с 1885 г. Коллегия сыграла существенную роль в становлении научных и общественных интересов А. Е. Крымского.

Основанная в 1871 г. как частное закрытое учебное заведение, она была рассчитана на обучение юношей в возрасте пятнадцати-семнадцати лет, готовящихся к поступлению в университеты. Цикл обучения включал древние и современные западные языки, литературу, историю, географию, физику, математику. Среди преподавателей, оказавших влияние на А. Е. Крымского, были П. И. Житецкий, известный украинский филолог и этнограф, впоследствии член-корреспондент Российской Академии наук, и будущая жена И. Франко Ольга Хорунжинская. В коллегии получили образование крупнейший русский медиевист Д. М. Петрушевский, окончивший ее за несколько лет до поступления туда Крымского, и будущий участник I съезда РСДРП, друг Крымского П. Тучапский. Наряду со стипендиатами в коллегии обучались так называемые «своекоштные», вносящие высокую плату (750 р.) за обучение. Резкая социальная дифференциация учащихся, повлекшая за собой антагонизм¹⁶, способствовала оформлению социального самосознания А. Е. Крымского, развивая у него обостренное чувство собственного достоинства «ученого-плебея», как он сам себя позже называл. В коллегнатском рукописном журнале «Речі природи» были помещены первые поэтические опыты Крымского, подготовившие его к последующему участию в украинском литературно-просветительном движении. Но литературным украинским языком А. Е. Крымский, по его собственному признанию, овладел лишь летом 1889 г., после завершения учебы в коллегии.

Помимо западных, греческого, латинского и древнееврейского языков А. Е. Крымский изучал в коллегии санскрит и турецкий. Этот факт позволяет предположить, что уже в стенах коллегии он наметил направление своей будущей научной деятельности.

Окончив весной 1889 г. коллегию Павла Галагана с золотой медалью, А. Е. Крымский поступает в Специальные классы Лазарев-

¹⁶ В письме к И. Франко от 1891 г. Крымский писал: «Я, как и другие стипендиаты, очень рано должен был познать, что я „плохого рода“, „неблагородный“, что во мне кровь не такая, как у „высшей породы“... Нетрудно понять, что мы — стипендиаты, возненавидели отъ всей души тот аристократизм» (А. Крымский, Выбрані твори, стр. 570).

ского института восточных языков в Москве. В Лазаревском институте он получил традиционное для западноевропейской и российской ориенталистики широкое востоковедное образование. И хотя директор института Г. И. Кананов решительно ориентировал молодого ученого на занятия исключительно арабистикой (здесь его учителями были М. О. Аттая и И. Н. Холмогоров), А. Е. Крымского в равной мере увлекали арабистика, иранистика и тюркология. (Его ранние переводы сделаны с трех восточных языков.) Кроме того, он предполагал совмещать свои ориенталистические занятия с изучением украинской филологии¹⁷. С этой целью по окончании Лазаревского института А. Е. Крымский, несмотря на рекомендации остаться в институте для подготовки к магистерскому экзамену, поступает в 1892 г. на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Московского университета. В университете он слушает курсы и занимается в семинарах историков и филологов, составляющих цвет российской науки, — В. О. Ключевского, В. Ф. Миллера, медиевиста-историка П. Г. Виноградова, историка В. И. Герье (будущего основателя Высших женских курсов, читавшего историю Востока в Лазаревском институте), слависта Р. Ф. Брандта. Сам А. Е. Крымский в апреле 1900 г. в письме к украинскому фольклористу и этнографу В. М. Гнатиюку подчеркивал роль В. Ф. Миллера в своем становлении как ученого: «В науке я ученик В. Ф. Миллера и больше никого»¹⁸.

Всеволод Федорович Миллер был известен как иранист, кавказовед и славист, он разрабатывал проблемы народного творчества, мифологии, занимался сравнительным языкознанием, этнографией. Методика его исследований, по-видимому, оказала большое влияние на анализ А. Е. Крымским проблемы бродячих сюжетов. Выводы В. Ф. Миллера о влиянии иранских сказаний на русский эпос А. Е. Крымский принял безоговорочно. Будучи ученым разносторонних познаний, В. Ф. Миллер поддерживал стремление А. Е. Крымского работать одновременно в разных направлениях. Профессорская среда, с которой соприкасался Крымский, отличалась широтой интересов: А. Н. Веселовский сочетал занятия славистикой с изучением западноевропейских литератур; В. Ф. Миллер — востоковедение со славистикой, Ф. Е. Корш — востоковедение с классической филологией¹⁹.

¹⁷ См. Письмо к П. И. Житецкому от 22.IV.1897.

¹⁸ См. «Жовтень», 1971, № 1, стр. 129.

¹⁹ 15.XI.1902 А. Е. Крымский писал В. Д. Гринченко, что атмосфера дружеского соперничества между В. Ф. Миллером и Ф. Е. Коршем в овладении новыми языками заражала и его, А. Е. Крымского, и студентов Лазаревского института. К тому времени А. Е. Крымский уже знал более тридцати языков, которые перечислял в письме. Он

Подобное окружение не могло не оказать влияния на формирование широких научных интересов А. Е. Крымского.

Годы учебы в Лазаревском институте и в университете явились периодом активной общественно-политической и литературной деятельности А. Е. Крымского. Он участвует в общественной жизни украинской интеллигенции, борющейся против насильственной русификации на Восточной Украине, колонизации и опемечивания на Западной Украине, за развитие национальной культуры, организует подписку на львовские украинские издания, распространение которых в России было запрещено, сотрудничает в них сам. Собирает библиотеку нелегальной украинской литературы²⁰. В эти годы складываются его дружеские отношения с Лесей Украинкой, Иваном Франко, М. Павликом. Связь с украинскими галицийскими кругами (И. Франко, М. Павлик, А. Барвинский) привлекает к нему внимание полиции. А. Е. Крымский попадает под негласный надзор²¹. В 1891 г. ему отказывают в заграничном паспорте для проезда во Львов²². Кста-

писал, что хорошо знает все славянские разговорные и литературные языки, а также церковнославянский; «очень хорошо» владеет латинским и древнегреческим, читает на новогреческом, но плохо говорит; «филологично» знает санскрит. Из романских языков «совсем хорошо» изучил французский и итальянский, «хуже» — испанский; из германских «совсем хорошо» овладел немецким и английским, «хуже» — голландским и датским, а шведский «пока отложил», поскольку «не быстро укладывался в голове». Крымский сообщал, что из иранских языков «хорошо (с наречиями)» владеет персидским языком, понимает литературную афганскую речь, но «знает только грамматическую часть» остальных иранских языков; из семитских языков «совсем хорошо» владеет староарабским и новоарабским, свободно говорит на сирийских наречиях, а остальные диалекты изучил теоретически, «филологически» знает древнееврейский и арамейский, овладел грамматикой ассирийского и эфиопского (амхарского). Наконец, хорошо знает «турецко-татарский».

²⁰ См.: К. І. Гурницький, Крымський як історик, стр. 17.

²¹ А. Дун в рецензии на книгу О. Бабьшкина «Агатагел Крымский» цитирует секретное донесение московского обер-полицмейстера в департамент полиции от 8 апреля 1891 г.: «Крымский ведет сношения с Галицией, куда на получаемую в институте стипендию ездит на каникулы: участвует в издаваемых там газетах „Народ“ и „Правда“... Экземпляры этих изданий приходят в Москву в заказных письмах, отпечатанные на особой тонкой бумаге, и получают Крымским. Издатель „Народа“ Иван Франко выписывает для Крымского, на свое имя, женевские издания» (А. Дун, Агатагел Крымский — писатель и ученый, — «Вопросы литературы», 1969, № 5).

²² В письме в редакцию журн. «Правды» от 2/14 июня 1891 г. А. Е. Крымский писал: «Собрался я поехать на лето во Львов, но полиция не пустила: выезд за границу мне запрещен. Не знаю, удастся ли хотя бы на следующую осень выехать, что если снова обо мне будет такое „предписание свыше“?» (Рукописный отдел Львовской

ти, демократические и антиклерикальные мотивы в сочинениях А. Е. Крымского приводят его к столкновениям и с австро-венгерскими властями²³.

Общественные идеалы А. Е. Крымского в первые годы пребывания в Лазаревском институте были неустойчивы. Он склоняется к народническим и просветительским идеям, мечется между разными направлениями в украинском движении: либерально-националистическим идеологом которого был редактор львовского журнала «Правда» А. Барвинский, и радикальным — во главе с М. П. Драгомановым и И. Я. Франко. Выбор определился благодаря демократическим настроениям А. Е. Крымского²⁴ и испытанному им влиянию передовой русской общественной мысли. (В 1894 г. А. Е. Крымский публично высказал свое одобрение позиции галицийских радикалов, отличающейся, по его мнению, демократизмом, приверженностью «интересам малорусской литературы и науки, считая эти интересы тождественными с экономическим и интеллектуальным прогрессом широких масс народа, с развитием среди них свободной современной мысли»²⁵, а

государственной научной библиотеки АН УССР, ф. Барвинского, № 4802, л. 28).

²³ Цензурному запрету и конфискации подвергался рассказ А. Е. Крымского «В обіймах старшого брата», который И. Франко издал в серии «Літературно-наукова бібліотека» (1892). Позже этот рассказ под названием «Сирота Захарко» вошел в сб. «Повістки і ескізи з українського життя» (Коломия — Львів, 1895), а в переводе на русский в журнале «По морю и суше», 1895 г. В письме Крымскому от 21 мая 1892 г. Франко сообщал, что повесть конфисковали «из-за монолога Захарки о том, что паны его грабят и что ему тоже следует их грабить, и еще за что-то...» (И. Франко, Сочинения, т. X, стр. 601). Позже А. Е. Крымский подвергся резкой критике со стороны львовского духовенства за проповедь «богохульства» в переводах из Гейне. (См.: С. Шаховський, Поезія — супутниця науки, — А. Крымський, Вибрані твори, стр. 25—26.) Повесть Крымского «Сирота Захарко», «История одной дорожной», «Первые дебюты одного радикала», «Psychopatia nationalis» были запрещены российской цензурой в 1900 и 1904 гг.; см.: О. Купчинський, Ранні твори А. Крымського і царська цензура, — «Архіви України», 1971, № 1 (105).

²⁴ В письме к А. Барвинскому от 27 февраля 1891 г. (ф. Барвинского, № 4802) А. Е. Крымский писал, что он уважает журнал «Народ» за то, что в нем звучит «искренняя любовь к мужику» (л. 23), а несколько месяцев спустя сделал следующее признание: «Всею своею сущностью я горячий слуга своего родного украинского простого народа (из какого и сам происхожу), тому простому народу искренно и ревностно служить — цель жизни...» (л. 31). Об общественно-политических взглядах Крымского этого периода см.: К. І. Гурницький, Про початок громадської діяльності А. Ю. Крымського, — «Український історичний журнал», 1971, № 1.

²⁵ А. Крымський, [Рец.] «Житє і слово, Вістник літератури,

также свойственной им любовью к «передовой русской литературе, русской науке и тому, что видят в России прогрессивного»²⁶.)

Поиски Крымским общественно-политических идеалов явственно отразились в его ранних работах и оказали влияние на формирование его научного мировоззрения. Ученый обратился к исследованию явлений духовной жизни средневекового и современного Востока, имевших «общечеловеческую ценность».

Ранние публикации А. Е. Крымского на восточные сюжеты начали появляться с 1890 г. Это были переводы (предваряемые предисловиями) из турецкой, персидской, арабской литератур, выполненные не без влияния И. Я. Франко и призванные познакомить украинских читателей с восточной литературой. Одним из первых был перевод турецких песен из собрания Гната Куноша. Эта работа была связана с интересом А. Е. Крымского к изучению фольклора. (По его мнению, собранные Гнатом Куношем песни проникнуты «духом народного творчества»²⁷.) Внимание А. Е. Крымского к «Шах-наме» Фирдоуси, переведенному несколькими годами позднее, в значительной степени объяснялось также тем, что он наблюдал влияние народного творчества на это творение²⁸. И позже А. Е. Крымский будет с пристальным вниманием относиться к литературным явлениям, отмеченным воздействием народной словесности.

Рано обозначилось и другое направление интересов А. Е. Крымского: исследование творчества доисламских и раннеисламских арабских поэтов. В конце первого курса Специальных классов он перевел под контролем М. О. Аттая муаллаки Антары, сопроводив их предисловием²⁹.

історії і фольклору». Ред. Франко, 1894, кн. I, — «Этнографическое обозрение», кн. XX, М., 1894, № 1.

²⁶ А. Крымский, [Рец.] «Галицко-русский вестник». Ежемесячный историко-литературный и политический журнал, 1894, № 1, — «Этнографическое обозрение», кн. XXIII, 1894, № 4.

²⁷ А. Хванько (один из псевдонимов А. Крымского), Из турецких народных пісень. Переклад, — «Народ», 1890, № 18. В начале 900-х годов А. Е. Крымский снова вернется к фольклорному собранию Куноша в связи с работами его учеников — В. А. Гордлевского и Б. В. Миллера. (См.: А. Крымский, По поводу сюжета сказки № 94, послужившего темой первого ученого труда В. Ф. Миллера, — «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», А. Е. Крымский, Вступительный критико-библиографический обзор литературы предмета к книге: Б. Миллер, Турецкие народные песни. — «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. XVI, М., 1903).

²⁸ См.: Хв. Кримський, Шаг-наме або іранська книга царів Абуль Касима Фірдовсія Туського.

²⁹ Хв. Кримський, Моаллаки Антара, з арабської мови з передмовою про Антара і староарабську поезію, — «Правда», Львів,

Впоследствии А. Е. Крымский с особой тщательностью будет изучать проблемы раннего ислама, напишет специальный очерк истории древней Аравии³⁰, достаточно подробно разработает курс доисламской поэзии³¹. По-видимому, это направление было связано с поисками истоков и выявлением особенностей арабской национальной культуры.

Параллельно А. Е. Крымский обратился к рассмотрению национальных особенностей персидской культуры: во вступлении к переводу «Шах-наме» он пишет о доисламских истоках этого памятника, отмечает стойкость персидской культуры, сопротивлявшейся исламизации³². (Таким образом, уже в середине 90-х годов XIX в. А. Е. Крымский был близок к выводу, что единой мусульманской культуры не существовало: Иран под оболочкой ислама сохранял и развивал национальную культуру.) Продолжением этой линии научных поисков будет в 900-е годы изучение А. Е. Крымским пехлевийской литературы и истории Ирана до арабского завоевания³³. Подобный подход А. Е. Крымского к проблеме сложился, вероятно, в результате размышлений об исторических судьбах украинской культуры и ее взаимодействии с другими славянскими культурами.

В 1891—1892 гг. Крымский публикует многочисленные переводы на украинский язык сказок из цикла «Тысяча и одна ночь» в львовском журнале «Дзвінок» (1890, № 20; 1891, № 19; 1892, № 13—18) и в черновицкой «Буковине» (1891, № 13).

К этому циклу он вернется в 900-е годы уже как сложившийся ученый. А пока тема привлекает его, по-видимому, с точки зрения исследования судьбы бродячих международных сюжетов, в которых проявляется взаимодействие разных национальных культур. Как и его учитель В. Ф. Миллер, Крымский был сторонником миграционной

1890, т. 3, вып. 8, 9; 1891, т. I, вып. 3. Спустя пять лет в одной из глав переработанной А. Е. Крымским книги Клоустона будет опубликована поздняя обработка Крымского «Арабской повести об Антаре», рассматриваемая им как корректив к более ранней работе (см.: В. А. Клоустон, Народні казки та вигадки...).

³⁰ А. Е. Крымский, Старинная история Аравии Южной, от древнеавилонских времен до подчинения страны пророку Мохаммеду, — «Древности восточные», т. IV, 1913.

³¹ А. Е. Крымский, Арабская поэзия в очерках и образцах с приложением арабского текста части переведенных образцов, М., 1906.

³² См.: Хв. Кримський, Шах-наме або іранська книга царів Абуль Касима Фірдовсія Туського.

³³ См.: А. Е. Крымский, История Сасанидов и завоевание Ирана арабами с указанием главных моментов литературной истории христиан-сириян и политической истории вассальных Ирану арабов и с приложением главы о Парфянском царстве и Аршакидах, изд. 2, М., 1905.

теории развития фольклора. Рассмотрению проблемы заимствований он посвятил в середине 90-х годов XIX в. переработанный перевод на украинский язык глав из книги У. А. Клоустона «Народные рассказы и вымыслы, их миграции и трансформации» (Лондон, 1887)³⁴. Рецензируя фольклорные украинские сборники, А. Е. Крымский обратил внимание на параллели украинским сюжетам в восточных литературных рамах³⁵ и в живой народной традиции, зафиксированной им во время пребывания в Ливане³⁶. (Позднее в сборнике, посвященном В. Ф. Миллеру, А. Е. Крымский приведет несколько вариантов, в том числе и арабских, к одному из бродячих сюжетов, которым занимался В. Ф. Миллер³⁷.) В дальнейшем анализ культурно-исторических взаимодействий на материалах Западной и Южной Азии (индо-ирано-арабских) станет одним из важных направлений его научного творчества.

С первых шагов в науке А. Е. Крымский обратился к изучению неортодоксальных течений религиозно-философской мысли Востока. С этим направлением его интересов были связаны переводы из персидских поэтов-суфиев — Хайяма, привлечшего внимание будущего ученого скептицизмом и антиклерикальными мотивами творчества³⁸ (заметим, что письма А. Е. Крымского из Ливана свидетельствуют о его собственном антиклерикализме), Хафиза³⁹, Саади⁴⁰ — и вы-

³⁴ См.: В. А. Клоустон, Народні казки та вигадки... По поводу этой работы И. Я. Франко, принимавший в ней участие, писал А. Е. Крымскому: «Ваши примечания очень ценны, и я наперед радуюсь, что у нас будет книга, которую не имеют другие славянские литературы — и популярная и полезная, особенно для начинающих» (И. Франко, Сочинения, т. X, стр. 639).

³⁵ См.: А. Крымский, К истории бродячих сказаний о мудрых судьях (По поводу одной малорусской литературной обработки). — «Киевская старина», т. LV, 1896, № 10. (На украинском языке эта работа была издана в сборнике «Розвідки, статті та замітки», Київ, 1928).

³⁶ Так, А. Е. Крымский сопоставил одну из сказок, записанных Б. Д. Гринченко в Черниговской губернии («Сказки об Иване Верном...»), с ливанской сказкой о Садыке, т. е. «Верном» (см.: А. Крымский, Рец. на кн.: Б. Д. Гринченко, Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895 и 1897, — «Этнографическое обозрение», кн. 36, 1898, № 1).

³⁷ См.: А. Крымский, По поводу сюжета сказки № 94...

³⁸ Хв. Кримський, Один із перських протестантів — Хейям, — «Народ», 1890, № 22.

³⁹ См.: А. Кримський, Из Гафіза. Переклад з перського. — «Житє і слово», т. III, 1895. (О переводах Крымским Хафиза см.: Б. Криса, Дослідник перекладач Гафіза, — «Жовтень», 1971, № 1).

⁴⁰ См.: А. Кримський, Голістан (Рожевий квітник), Мосліх од-діна Саадія Шіразького, — «Житє і слово», т. I, 1894, кн. 3; т. II, кн. 4.

пуская работа А. Е. Крымского в Лазаревском институте «Перевод и толкование философского трактата аль-Фараби „Главные вопросы философии“»⁴¹. В 900-е годы Крымский пишет оставшуюся в рукописи работу об исмаилитах, в 10-е годы XX в. он обращается к истории ваххабитов, бабидов и бехаитов⁴².

Итак, уже в годы учебы в Лазаревском институте (1889—1892) определились основные проблемы, над которыми ученый работал в последующие годы. При всем многообразии интересов А. Е. Крымского его творческая мысль развивалась в русле тех вопросов, внимание к которым он обнаружил в начале 90-х годов XIX в.

Занимаясь в университете преимущественно славистикой, А. Е. Крымский продолжал интенсивно расширять свои востоковедные познания, об этом свидетельствовали многочисленные рецензии, которые касались проблем происхождения ислама⁴³, проблем семиологии⁴⁴.

С 1893 г. А. Е. Крымский стал сотрудником «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, вследствие чего оказался в кругу ученых, чьи имена были уже хорошо известны в науке. С 900-х годов он пишет почти все статьи по истории и культуре мусульманского Востока. (В первом издании энциклопедии он поместил около 200 статей, во втором — более 300.) Энциклопедические статьи 90-х годов XIX в. предвосхищали созданные в следующее десятилетие общие курсы. С целеустремленностью и методичностью А. Е. Крымский расширял круг своих занятий, статьи его освещали темы происхождения ислама («Коран», «Мохаммед»), сект в исламе («Мевлевии», «Исмаилиты», «Карматы», «Джелаледдин Руми», «Мистерни», «Махдий», позже

⁴¹ «Тридцатилетие Специальных классов Лазаревского института восточных языков», М., 1903.

⁴² А. Е. Крымский, Бабизм, Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем, — «Древности восточные», т. IV, 1913, стр. 79—90; его же, Ваххабиты, — там же, стр. 56—57.

⁴³ А. Крымский, Рец. на кн.: Иоганн Гаури, Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. Пер. с нем., Ташкент, 1893, — «Этнографическое обозрение», кн. 27, 1895, № 4; его же, [Рец.] А. Мюллер, История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. под редакцией Н. А. Медникова, т. I—II, СПб., 1895 и т. III—IV, СПб., 1896, — «Этнографическое обозрение», кн. 24, 1895, № 1; кн. 35, 1897, № 4.

⁴⁴ А. Крымский, Рец. на кн.: П. Коковцев, К истории средневековой филологии и еврейско-арабской литературы, ч. I. Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима (Исаака) Ибн-Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII века, СПб., 1893, — «Этнографическое обозрение», кн. 24, 1895, № 1; его же, Рец. на кн.: В. Миллер, Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь, СПб., 1892, — «Этнографическое обозрение», кн. 15; 1892, № 4.

«Суфизм»), истории арабов («Омар ибн-Хаттаб», «Осман», «Омейяды», «Ихшиды», «Нуреддин» и др.), персов («Исторический очерк Персии», написанный совместно с В. В. Бартольдом), истории арабской литературы («Моаллака», «Мотенеббий»), персидской литературы («Джами», «Мирхонд», «Персидская литература»). Часть этих статей была впоследствии включена в его общие курсы. Аннотированная библиография, прилагаемая Крымским к энциклопедическим статьям, явилась началом работы над историографическими очерками, которые в совокупности представляют собой общий курс историографии мусульманского Востока, не утративший по сей день научной ценности.

В университетские же годы (1892—1896) А. Е. Крымский совместно с И. Я. Франко, М. Комаром и В. Лукичем осуществляет подготовку первого полного собрания сочинений украинского поэта Степана Руданского (А. Е. Крымский составляет II, III и V тома по принадлежащим ему рукописям), публикует свой сборник рассказов «Повести и эскизы из украинской жизни»⁴⁵, который, по мнению К. И. Гурницького, содержит «размышления писателя об остросоциальных проблемах» и представляет собой многоплановый социально-исторический очерк становления новой украинской интеллигенции, будучи документом общественно-политической мысли Украины последнего десятилетия прошлого века⁴⁶.

Первую исследовательскую работу — «Очерк развития суфизма (تصوف) до конца III века гижры»⁴⁷ — А. Е. Крымский написал на последнем курсе института. Содержание своей работы он изложил на нескольких заседаниях Восточной комиссии Московского археологического общества. Первое сообщение, отчеты о котором были помещены в московских газетах⁴⁸, вызвало оживленные споры и послужило предлогом для вступления А. Е. Крымского в члены общества, секретарем Восточной комиссии которого он будет плодотворно работать с 1901 г.

Чтобы ясно представить развитие исследовательского поиска ученого, нужно понять, почему параллельно с рассмотрением проблем народного творчества и судеб бродячих сюжетов в устной и письменной литературе А. Е. Крымский обращается к изучению философско-религиозной мысли и начинает свои исследования с суфизма. Безусловно, появление работ западноевропейских исламоведов И. Гольд-

⁴⁵ А. Крымський, Повістки і ескізи з українського життя, Коломия — Львів, 1895.

⁴⁶ К. І. Гурницький, Крымський як історик, стр. 16.

⁴⁷ См. «Древности восточные», т. II, 1896, вып. I.

⁴⁸ См. «Русские ведомости», 1892, № 309; «Московские ведомости», 1892, № 302.

циера и А. Кремера способствовало активизации исследований русских ученых в этом направлении. В 90-е годы XIX в. к изучению суфизма подходят в Петербурге В. А. Жуковский⁴⁹ (к тому времени у него позади длительное пребывание в Иране) и в Москве начинающий ученый М. С. Щекин, опередивший А. Е. Крымского своим выступлением в Восточной комиссии⁵⁰. Однако интерес к суфизму на Западе и в России был, как отмечалось в советской историографии, связан с кризисом идеалистической философской мысли Европы конца XIX в., с разочарованием в господствующих религиозных догмах и моральных нормах и с поисками нравственных устоев и философских идей в религиях Индии и Ирана⁵¹. Понять, как все это преломлялось в сфере индивидуальных научных поисков А. Е. Крымского, можно, думается, в связи с его общественно-политическими взглядами и своеобразием его психологии.

А. Е. Крымский меньше всего был академическим ученым, погруженным в узкоспециальные исследования. Напротив, его привлекало то, что имело «общечеловеческий интерес» (как он сам свидетельствовал), что волновало современное ему общество и находило отражение в научных исследованиях и в литературе конца XIX — начала XX в. В суфизме, с точки зрения А. Е. Крымского, «общечеловеческий интерес» имело прежде всего то, что суфизм наложил печать на общественное сознание мусульман, на философию, этику, литературу, на осмысление средневековым мусульманским Востоком понятия свободы. Исходя из анализа символики, сопутствующей понятию «свобода», — лилии (символ чистоты) и кипариса (символ пренебрежения к земному) — А. Е. Крымский делает вывод, что для восточного человека идеал свободы — «спиритуалистический, суфийский».

Выбор А. Е. Крымским примера для раскрытия обусловленности общественного сознания мусульман идеями суфизма, как, впрочем, и для определения исторических предпосылок возникновения суфизма, не может не навести на некоторые размышления. Суфийское понятие свободы смыкалось с идеалом внутренней духовной свободы, который в конкретном историческом осмыслении отвечал нравственным и философским исканиям определенных слоев русской интеллигенции конца XIX в. и нашел отражение в произведениях Л. Н. Толстого и

⁴⁹ В. А. Жуковский, Человек и познание у персидских мистиков, СПб., 1895.

⁵⁰ М. С. Щекин, О четырех обязанностях дервиша, — «Древности восточные», т. I, 1893, вып. 3.

⁵¹ См.: М. А. Батунский, Критика идейных основ буржуазного исламоведения конца XIX — начала XX в., — «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1962; Е. В. Завадская, Альберт Швейцер о восточной философии, — «Альберт Швейцер — великий гуманист XX века», М., 1970.

Ф. М. Достоевского (о влиянии на А. Е. Крымского романа Достоевского «Братья Карамазовы» можно судить хотя бы по нескольким отсылкам к нему в его научных статьях). А. Е. Крымский, очевидно, отдал дань этим поискам, о чем может свидетельствовать его стихотворение «Где настоящая неволя?»⁵².

Петербургский иранист В. А. Жуковский, обратившийся к суфизму, также отдавал себе отчет в той большой роли, которую играл суфизм в современной ему Персии. Но он подошел к этому явлению с нравственно-философской позиции, признав, что суфизм интересовал его с точки зрения попыток и усилий человека разрешить мучительную загадку — «мир и творение», и обстоятельно излагал идеи суфиев «о человеке и его назначении»⁵³.

Пожалуй, только анализ поэзии А. Е. Крымского 900-х годов (сб. «В неволе. Вариации на свои и чужие темы. Из прелюдии к автобиографическому мистико-аскетическому циклу „Книга одиночества“») позволяет говорить о влиянии на него философских представлений суфиев. На первых же порах суфизм привлекал его преимущественно как явление социальное. Это становится очевидным, если обратиться к первому, еще незрелому варианту работы Крымского «Очерк развития суфизма», который известен нам по кратким отчетам в газетах и «Древностях восточных». Ученый сосредоточивает здесь внимание на анализе исторической обстановки, породившей суфизм, и на его социальном значении. По мнению Крымского, суфизм — продукт социальных⁵⁴ (или даже социально-экономических)⁵⁵ явлений, о чем свидетельствует популярность этого мусульманского течения в периоды больших народных бедствий. Человек, полагает А. Е. Крымский, наблюдая превратности судьбы, привык видеть благо в отрешении от мирской жизни, и в этом отрешении — сопротивление тиранни. Суфизм, продолжает молодой ученый, явление глубоко демократичное, ибо, согласно суфийским доктринам, самый «последний нящий с его бессмертной душой столь же велик, как сам шах»; суфии нередко выступали в защиту обездоленных и притесняемых масс. Вместе с тем мистицизм суфиев, т. е. поиски общения с богом без посредничества духовенства, подрывали авторитет последнего. «В общем, — заключает А. Е. Крымский, — в суфизме практическая сторона играет первостепенную роль, искание же идеала, хотя и является в суфизме чертою очень важной, но не первой»⁵⁶.

⁵² А. Ю. Крымский, Твори, т. I, стр. 120—121.

⁵³ См.: В. А. Жуковский, Человек и познание у персидских мистиков, стр. 1, 5.

⁵⁴ См. «Русские ведомости», 1892, № 309.

⁵⁵ См. «Московские ведомости», 1892, № 302.

⁵⁶ А. Крымский, Очерк развития суфизма...

Эта прямолинейная и наивная попытка А. Е. Крымского связать социально-экономические и идейные явления отражает, как нам представляется, его общественно-политические искания. Сочувствие к униженным и оскорбленным соединилось в его сознании с настроениями российского интеллигента, не приемлющего решения социальных проблем революционным путем, близкого к идее непротивления злу насилеием.

Аналогичный образ мыслей А. Е. Крымского отметил в 1902 г. Иван Франко, разбирая программное стихотворение цикла «Пальмовые ветви», в котором поэт утверждает, что поэзия для него — животворное начало, но в моменты жизненных превратностей она скрывает все под «фантастическим флером». Франко видел в этих строках проявление душевной дисгармонии А. Е. Крымского⁵⁷. Письма ученого также свидетельствуют о переживаемых им внутренних борениях, о постоянной смене жажды деятельности разочарованием в ней, уходом в себя, обращением к жизни «анахорета» (его излюбленное выражение). Мы бы сказали, что отмеченный образ мыслей был свойствен А. Е. Крымскому и психологически.

Попытка самостоятельного осмысления А. Е. Крымским сущности суфизма вызвала, по-видимому, непонимание и решительный отпор профессорской среды⁵⁸. В законченном варианте работы «Очерк развития суфизма» он сохранил свою точку зрения по поводу социального смысла суфизма, но использовал ее в качестве одного из аргументов в системе доказательств автохтонности происхождения этого религиозного течения — проблемы, живо интересовавшей востоковедов. В разделе «Насколько суфизм может считаться явлением исламским и вообще арабским?» Крымский доказывал, что аскетизм как реакция низших слоев общества на угнетение имел историческую почву в Сирии и Месопотамии, особенно в годы правления Хаджаджа.

В противовес А. Кремеру, видевшему в суфизме по преимуществу буддийские напластования, А. Е. Крымский отстаивал тезис, разделяемый и его учителем И. Н. Холмогоровым, о влиянии на суфизм и неоплатонизма. Концепция идейных истоков суфизма, его состава и этапов эволюции, излагаемая А. Е. Крымским, сохранила свое зна-

⁵⁷ И. Франко, Рец. на кн.: А. Крымский, Пальмовые ветви, — Сочинения, т. IX.

⁵⁸ См. «Русские ведомости», 1892, № 309. Два года спустя Крымский, участвуя в написании хрестоматии по истории средних веков, настаивал на учете экономического развития и снова вступил в научный конфликт с частью профессуры (см.: К. И. Гурницкий, Крымский як историк, стр. 46).

чение и до сих пор⁵⁸, предвосхитив отчасти взгляды Р. Никольсона и Л. Массиньона.

Уже в работе о суфизме А. Е. Крымский проявил свободную ориентацию в сложных проблемах религиозной догматики ислама и христианства и их различных разветвлений. Небезынтересны ближневосточные, западноевропейские и славянские лингвистические и культурные параллели, на которые обращает внимание А. Е. Крымский.

В 1896 г. А. Е. Крымский окончил университет, блестяще сдал экзамены и получил приглашение от трех кафедр (русской литературы, народной словесности, славистики) славяно-русского отделения остаться при университете. Одновременно перед ним открылась перспектива возвращения в Лазаревский институт для подготовки к магистерскому экзамену и последующему чтению лекций по арабской словесности. А. Е. Крымский намеревался совместить два направления научной деятельности — славистику и востоковедение, однако предстоящая командировка на Арабский Восток заставила его сделать выбор в пользу востоковедения⁶⁰.

Осенью 1896 г. А. Е. Крымский уехал на два года на Арабский Восток. Предполагалось, что он направится в Египет, но из-за эпидемии холеры в Египте молодой ученый выбрал для себя в качестве места пребывания Бейрут (зимой) и Горный Ливан (летом), откуда совершал поездки во внутреннюю Сирию и Палестину. К концу пребывания на Востоке выяснилось, что в план командировки входило посещение Западной Европы, но времени и средств на это уже не оставалось. А. Е. Крымский так и не получил возможности познакомиться с западноевропейскими востоковедными центрами.

О своих занятиях в Бейруте А. Е. Крымский кратко отчитывался в письме к В. Ф. Миллеру: «Здесь в Сирии я занимаюсь и с к л ю ч и т е л ь н о арабским языком: изучаю язык народный, чтобы сознательно относиться к языку литературному; изучаю лексику староарабского языка, которая есть океан; изучаю грамматику литературного языка в ее тонкостях и спорных вопросах; читаю те произведения арабской словесности, которые еще не прочитал (а это тоже океан); учусь разбирать рукописи»⁶¹. Как видим, отчет строился по программе академических занятий. Между тем, находясь на Востоке, А. Е. Крымский вышел далеко за рамки традиционной ориенталистики. В кругу

⁵⁸ В 1960 г. В. А. Минорский перевел статью Крымского на английский язык (А. Е. К р ы м с к ы, A Sketch of the Development of Sufism down to the End of the Third Century of the Hijra, — «The Islamic Quaterly», London, vol. V, 1960, № 3—4; vol. VI, 1961, № 3—4).

⁶⁰ См. Письма к Б. Д. Гринченко от 7.VII.1896; к П. И. Житцкому от 7.VIII.1896 и 20.IX.1896.

⁶¹ Письмо к В. Ф. Миллеру от 27.X.1897.

его интересов оказались вопросы современного фольклора, диалектологии, новой арабской литературы. В силу демографических перемен, происходивших в Сирии, Бейрут предоставил А. Е. Крымскому прекрасные возможности для наблюдений над процессами, происходящими в разговорном народном языке⁶². К концу своего пребывания на Востоке он принял решение писать диссертацию «О народной словесности сирийских арабов»⁶³ и полагал, что материала он собрал «не только на магистерскую, но, должно быть, и на докторскую диссертацию»⁶⁴. В 1899 г. Крымский еще работал над этой темой, для завершения исследования необходимо было снова побывать в Сирии. «Неделю пребывания среди арабов, говорящих разными диалектами, я мог бы прекрасно употребить на то, чтобы безошибочно формулировать различные накопившиеся у меня диалектологические вопросы», — писал А. Е. Крымский в июле 1899 г. В. Ф. Миллеру⁶⁵. Однако новая поездка не состоялась и ученый отложил работу.

В 1913 г. Крымский готовился опубликовать собранные им диалектологические и фольклорные материалы, пополнив их материалами своих учеников Б. Э. Блума и О. О. Аверкиева, но и на этот раз не представилась возможность побывать в стране и проверить данные на месте.

Материалы по новой арабской литературе, собранные в Сирии, А. Е. Крымский дополнял в течение последующих десятилетий и только в 30-е годы XX в. создал монографическое исследование по истории новой арабской литературы. По возвращении из Сирии он ограничился лишь совместной с Б. В. Миллером публикацией статьи о египетском университете ал-Азхар⁶⁶.

Было бы, однако, ошибочно думать, что занятия Крымского нетрадиционными для академической науки дисциплинами прошли бесследно для русской ориенталистики начала XX в. Он перестроил процесс преподавания востоковедных курсов в Лазаревском институте, включив в них вопросы новой истории и литературы. Для выпускных работ А. Е. Крымский предлагал студентам Лазаревского института темы по сирийскому фольклору и литературе XVIII в., с докладами на эти темы они выступали на заседаниях Восточной комис-

⁶² Языковую ситуацию в Бейруте А. Е. Крымский кратко описал в рассказе «Шейх Жяммель».

⁶³ См. Письмо к Б. Д. Гринченко от 28.III.1898.

⁶⁴ См. Письмо к П. И. Житецкому от 5.VIII.1898.

⁶⁵ См. Письмо к В. Ф. Миллеру от 22.VII.1899.

⁶⁶ А. Е. Крымский и Б. В. Миллер, Всебусульманский университет при мечети Азхар в Каире, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная деятельность, — «Древности восточные», т. II, 1903, вып. 3.

сия Московского археологического общества. Наконец, письма И. Ю. Крачковского свидетельствуют о том, что его интерес к новой арабской литературе и современному языку возник не без влияния А. Е. Крымского⁶⁷.

Работу И. Ю. Крачковского об Университете св. Иосифа в Бейруте, являющуюся отчетом о командировке в Сирию, можно рассматривать как ответную реплику на статью А. Е. Крымского об университете ал-Азхар в Каире.

Еще одним направлением работы А. Е. Крымского в Сирии было собирание рукописей арабских сочинений XVII—XIX вв. (начало этому положили в России К. М. Базили и Порфирий Успенский). А. Е. Крымский вывез в Россию несколько ценных для истории культуры рукописей⁶⁸.

В конце пребывания в Сирии А. Е. Крымский написал небольшую монографию — «Мусульманство и его будущность»⁶⁹. Книга была доброжелательно встречена прогрессивной общественностью, вызвала

⁶⁷ 25 декабря 1905 г., по окончании Петербургского университета И. Ю. Крачковский сообщает А. Е. Крымскому о предстоящей ему командировке в Сирию и добавляет: «Перед отъездом позволю себе обратиться за указаниями к Вам, как к единственному в России строго научному знатоку живого языка». А 9 февраля 1910 г. пишет из Сирии, что, возвращаясь в Петербург, заедет в Москву к Крымскому за «научным благословением» (Рукописный отдел ЦНБ, архив А. Е. Крымского, ф. I, ед. хр. XXXVI, л. 319; ф. I, ед. хр. XXXVI, л. 320).

⁶⁸ Сокращенный список путешествия Антиохийского патриарха Макария, по времени один из старых (см.: «О неисследованном, старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года. Из рукописного собрания А. Е. Крымского. Описание А. А. Олесницкого. Предварительное замечание от А. Е. Крымского», — «Древности восточные», т. IV, 1913); рукопись бейрутской церковной летописи XVI—XVIII вв. — источник по истории Горного Ливана и прибрежной Сирии (см.: А. Крымский, Из бейрутской церковной летописи XVI—XVIII в., — «Древности восточные», т. III, 1907, вып. I); антихристианскую полемическую работу шейха Заяда ибн-Яхьи, творчеству которого в конце 20-х годов XX в. посвятит свои работы А. Э. Шмидт, и несколько других рукописей и документов (см.: «К описанию арабских рукописей собрания А. Е. Крымского», — «Древности восточные», т. III, вып. I; В. Чирков, Два любопытных арабских документа из коллекции А. Е. Крымского, — «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера»).

⁶⁹ В 1904 г. во Львове вышло переработанное издание на украинском языке («Мусульманство і його будучність»), а в 1904 г. в «Этнографическом обозрении» (кн. 63) была опубликована по-русски не вошедшая в издание 1899 г. глава из украинского текста — «Школа, образованность и литература у российских мусульман». Книга была издана также в переводах на армянский и сербский языки.

множество откликов. Его успех, как нам представляется, был обусловлен не только увлекательной и общедоступной формой изложения известных данных о происхождении ислама, о личности Мухаммада, принципах вероучения (в этой части книги А. Е. Крымский популярно передал содержание своих же энциклопедических статей «Мохаммед» и «Коран»), но и пафосом просветительства, каким была проникнута вся работа. В книге (как и в написанной в Сирии части статьи об университете ал-Азхар) ученый коснулся проблемы культурного возрождения мусульманских народов, которую он рассматривал как процесс взаимодействия современной культуры Запада и средневековой восточной культуры. Вследствие такого подхода А. Е. Крымский выделяет в культурном движении арабских стран два главных направления: западническое, стремящееся к усвоению европейской цивилизации на базе национального наследия, и исламофильское, нетерпимое к западному влиянию. По этому принципу ученый систематизирует египетскую журналистику, полагая, что деление журналов и газет на консервативные, либеральные и умеренные менее удобно⁷⁰. В этом вопросе Крымский прав постольку, поскольку к арабскому миру конца XIX в. неприменимы были общественно-политические оценки, выработанные политическим опытом буржуазной Европы.

Полемика между А. Е. Крымским и его другом, украинским писателем Б. Д. Гринченко, по поводу «Мусульманства и его будущности» свидетельствовала не только о современном политическом звучании работы, но и о том, что интерес А. Е. Крымского к литературному возрождению мусульманских народов был связан с его литературным и публицистическим творчеством как деятеля украинского культурного подъема. Полемизируя с Б. Д. Гринченко по вопросу о культурной миссии России на мусульманских окраинах, А. Е. Крымский настаивал, что необходимо различать положительную роль общерусской культуры в приобщении национальных окраин к достижениям мировой современной цивилизации и национальном возрождении и отрицательную роль официальной российской культуры и русификаторской политики правительства.

Возвратившись из Сирии, А. Е. Крымский с осени 1898 г. начал преподавательскую деятельность в Лазаревском институте восточных языков, где с 1900 г. руководил кафедрой арабской словесности, а с 1901 г. и кафедрой истории Востока; позже он неоднократно читал курс персидской литературы. Весной 1899 г. А. Е. Крымский сдал магистерские экзамены при Восточном факультете Петербургского университета, что позволило ему познакомиться с В. Р. Розеном

⁷⁰ См.: А. Е. Крымский и Б. В. Миллер, Всемиусульманский университет при мечети Азхар в Каире...

и петербургскими востоковедами⁷¹. Позже Крымский сдал магистерские экзамены также в университете, это позволило ему, по его же словам, делать в «Истории Турции» свободные экскурсии в область русской истории и древнерусской литературы⁷².

900-е годы начались для А. Е. Крымского тяжелым духовным кризисом, о котором он позже упомянет в письме к И. М. Гревсу⁷³. (Кризис был осложнен болезнью сердца, мыслями о приближающейся смерти. В это время был создан поэтический цикл «Предсмертные мелодии».) Ученый отходит от активной общественной деятельности, тяготеет профессорской средой⁷⁴, отдаляется от друзей, пренебрегает блестящей академической карьерой⁷⁵, живет уединенно в комнате, предоставленной ему в здании Лазаревского института. «Живу я анахоретом, редко когда кого вижу в Москве, — пишет он В. М. Гнатьюку⁷⁶. В 1911 г. А. Е. Крымский как бы подводит итог этому периоду своей жизни: «С 1901 г. я спрятался в своей келье, зарылся в книгах и исчез для людей»⁷⁷. Казалось бы, его целиком поглотила сфера духовных интересов. Кстати, это было время интенсивной писательской деятельности Крымского. Выходят в свет две части его романа «Андрей Лаговский», несколько поэтических циклов. Поэзия, по собственному признанию Крымского, облегчает ему тяжелое душевное состояние:

А нудота — боа; заціпила — й держить.
Ти б мовчав, — та не можна!.. щемить!
Вірші — вигуки з болю, бо легше стає,
Як вигукуєш ними боління своє⁷⁸.

Впрочем, временами Крымский мучительно раскаивается в своей пассивности, ему кажется, что он отдался личным чувствам и ушел «от жизненной борьбы в тот момент, когда борцы нужны»⁷⁹.

⁷¹ В письме к В. Ф. Миллеру от 22 июля 1899 г. А. Е. Крымский писал: «Я не перестаю сознавать, что в научном отношении для меня было в высшей степени полезно знакомство с петербургскими ориенталистами вообще, а с бароном Розеном в особенности».

⁷² См. Письмо к И. Ю. Крачковскому от 6.I.1910.

⁷³ См. Письмо к И. М. Гревсу от 28.II.1911.

⁷⁴ См. Письмо к В. Ф. Миллеру от 15.XI.1904.

⁷⁵ В письме к В. Ф. Миллеру от 23.I.1904 г. А. Е. Крымский замечает: «Но той карьеры, ведущей прямо в академию, той карьеры, которую Вы для меня, как мой учитель и как начальник института, считали бы наиболее желательной, я не сделаю, надо полагать».

⁷⁶ Письмо к В. М. Гнатьюку от 24.VIII.1899.

⁷⁷ Письмо к И. М. Гревсу от 28.II.1911.

⁷⁸ А. Ю. Кри м с ь к и й, Твори, т. I, стр. 118.

⁷⁹ Письмо к И. М. Гревсу от 28.II.1911.

Однако в таком признании содержалась лишь часть правды, подобно тому как приобретенная им репутация «ученого-отшельника» отражала лишь внешнюю сторону его бытия.

Из переписки Крымского известно, что он по-прежнему «волновался гражданскими чувствами»⁸⁰, имел неоднократные столкновения с властями. В 1903 г. объяснялся с цензурой по поводу разрешения студентам пользоваться его правом бесцензурного получения книг из-за границы в адрес Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии⁸¹. В 1904 г. был вызван в жандармское управление и предупрежден, что рискует потерять кафедру истории и право чтения лекций в высших учебных заведениях, если не изменит политическое направление своих курсов⁸². В 1905 г. он считает своим гражданским долгом спешно предоставить студентам, отвлеченным от учебы участием в революционных событиях, учебное пособие для сдачи экзаменов по непослушанному полностью курсу лекций⁸³. В 1907 г. в рукописном нелегальном журнале «Оковы» появляются сатирические стихи А. Е. Крымского, направленные против Думы⁸⁴, и т. д. и т. п.

А. Е. Крымский очень серьезно относится к своей педагогической деятельности. «Только одно меня радует, — пишет он Б. Д. Гринченко, — я вижу, что мои лекции не падают на бесплодную почву, а оставляют свой след в душах молодежи»⁸⁵. И. Ю. Крачковский отмечал способность А. Е. Крымского вовлекать своих учеников в научную работу⁸⁶. Эта способность была следствием душевной и научной щедрости и трудолюбия А. Е. Крымского. Известно, что ранние работы его учеников созданы в соавторстве с учителем, часто это соавторство вообще не оговаривалось. Немало работ учеников А. Е. Крым-

⁸⁰ См. Письмо к В. Ф. Миллеру от 23.I.1904.

⁸¹ См. Письмо к В. М. Гнатиюку от 14.VIII.1903 («Жовтень», 1971, № 1, стр. 131).

⁸² Об этом сам ученый писал: «1904 г. Я был вызван в жандармское управление в Москве, где мне показали литературный курс моих лекций. Там почеркано было много страниц, дающих право истолковывать как осуждение монархической власти по сравнению с республикой. Меня предупредили, что в дальнейшем я рискую потерять кафедру и право читать в высших школах... Политического характера я имел неприятности и в 1909 г., когда духовная цензура привлекла меня к судебной ответственности за безбожие и богохульство в моих востоковедческих сочинениях». (Цит. по: О. Килимник, Выдающийся деятель культуры, — «Радуга», 1971, № 1).

⁸³ См.: А. Е. Крымский, Арабская поэзия в очерках и образцах, М., 1906, стр. 1.

⁸⁴ См.: К. I. Гурницький, Кримський як історик, стр. 25.

⁸⁵ Письмо к Б. Д. Гринченко от 4.VII.1899.

⁸⁶ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, стр. 169.

ского написано на материалах, вывезенных им из Сирии. С 1902 г. он руководит студенческим научным кружком. Активизируется деятельность Восточной комиссии после того, как Крымский становится ее секретарем, на заседаниях комиссии присутствуют и выступают с докладами студенты Лазаревского института ⁸⁷.

А. Е. Крымский был, по его собственному признанию, лишен честолюбия («если, быть может, и были какие-нибудь жалкие задатки, то и те я искоренил» ⁸⁸), ревнивого авторского чувства, склонности к соперничеству. С неизменным доброжелательством он наблюдал за первыми шагами в науке своих младших коллег и искренне их поддерживал ⁸⁹. Сам Крымский пережил в свое время период внутренних колебаний, сомнений в правильности избираемого пути, нуждался в поддержке и получал ее от своего учителя В. Ф. Миллера. Поэтому в зрелые годы он очень чуток к своим студентам и начинающим ученым ⁹⁰.

Итак, жизненная позиция А. Е. Крымского даже в период «отшельничества» остается активной. Почему же он тяготится некоторыми дружескими связями, откуда сознание одиночества? В письме к И. М. Гревсу от 28 февраля 1911 г. Крымский сообщает о каком-то событии в личной жизни, которое и было первым толчком, заставившим его «скрыться в четырех стенах». Трудно сказать, было ли это крушение надежд на личное счастье или разочарование в близких друзьях — и то и другое пережито А. Е. Крымским в начале 900-х годов. О своем стремлении к уединению он писал и раньше, причиной было, вероятно, не только нервное перенапряжение, но и мотивы общественного характера. По-видимому, не без основания находит Н. А. Кузнецова причину разлада Крымского с буржуазно-либеральной профессурой в политических разногласиях ⁹¹. Poleмика с Б. Д. Гринченко свидетельствовала о том, что А. Е. Крымский не разделял и узконационального подхода части участников украинского движения к событиям политической жизни в России.

Подобно тому как в начале 90-х годов XIX в. он метался в поисках общественно-политических идеалов, теперь он был поглощен научно-философскими исканиями. «То я бросался на старохристиан-

⁸⁷ См. протоколы заседаний Восточной комиссии 900-х годов с № 72, — «Древности восточные», т. II, 1903, вып. 3.

⁸⁸ Письмо к В. Ф. Миллеру от 23.I.1904.

⁸⁹ См. письма к И. Ю. Крачковскому от 22.IX.1908; 14.XI.1910; 30.III.1915.

⁹⁰ См. Письмо к И. Ю. Крачковскому от 30.III.1915.

⁹¹ Н. А. Кузнецова, Работы А. Е. Крымского в области иранистики (доклад на Юбилейной научной сессии АН УССР, посвященной 100-летию со дня рождения А. Е. Крымского 14 января 1971 г.).

скую литературу и упивался Ефремом Сириным, аввой Исайей, Тертуллианом и др., то занимался „Семитскими языками и народами“, интересными для меня, как Grundriss своих собственных познаний, то обрабатывал себе такие же Grundriss'ы по „Истории мусульманства“ и „Истории арабов“, то вдруг перескакивал на малорусскую филологию, то на английскую литературу и т. д. и т. д., причем иногда перепрыгивал очень резко из области науки в область общественной жизни, волновался гражданскими чувствами и пр., — пишет Крымский в письме к В. Ф. Миллеру от 23 января 1904 г. Видимо, его не удовлетворяла полностью ни одна из предложенных современной ему наукой систем научного обобщения, отсюда стремление к созданию «всяких резюмирующих сводов», в которых он подводил итог развитию классической ориенталистики XIX в., намереваясь создать картину исторического развития Ближнего Востока, отвечающую его научным представлениям.

Что же это за «резюмирующие своды», которые составили, по словам И. Ю. Крачковского, «целую библиотеку» учебных пособий не только по арабистике, но по исламоведению, семитологии, иранистике и тюркологии? Следует иметь в виду, что своды эти были порождены и потребностями педагогической деятельности А. Е. Крымского.

Спешно, в недоработанном виде, отпечатанное литографским способом выходит учебное пособие «Лекции по истории Ирана: Арсакиды, Сасаниды и завоевание Ирана арабами» (М., 1900); второе, более тщательно подготовленное издание появляется в 1905 г. под названием «История Сасанидов и завоевание Ирана арабами с указанием главных моментов литературной истории христиан-сирийян и политической истории вассальных Ирану арабов и с приложением главы о Парфянском царстве и Аршакидах».

Почти одновременно (также отпечатанная литографским способом) выходит работа «Ислам, его возникновение и старейший период его истории (пособие к лекциям)» (М., 1901). В доработанном виде она увидела свет в 1903 г. под названием «История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из Дози и Гольдциера» (ч. I и II); дополненным типографским изданием «История мусульманства» вышла в 1904 г., а третья ее часть — «Очерки религиозной жизни» — в 1912 г. В качестве приложений к этому пособию А. Е. Крымский выпустил работы: «Источники для истории Мохаммеда и литература о нем» (ч. I, М., 1902), «Арабский текст избранных глав из ибн-Хишама» (ч. III, М., 1906), «Пособие к лекциям проф. А. Е. Крымского: I. Источники для истории Мохаммеда, II. Из книги „Житие посланника божия ибн-Хишама“» (М., 1910), «Лекции по Корану. Суры старейшего периода» (студенческая

запись вышла в 1902 г., а разработанный курс 1905 г. был издан литографским способом в 1906 г.).

Следующий цикл пособий относился к семитологии. Первый вариант «Семитских языков и языка арабского» увидел свет в 1901 г. Затем, в 1903 г. появились «Семитские языки и народы Теодора Нельдеке в обработке А. Крымского (с участием академика П. К. Коковцева)» и в 1905 г. — «Лекции и пособие к лекциям по истории семитских языков. Вып. 2. Классический арабский язык». Обе работы, значительно дополненные, были переизданы под общим названием «Семитские языки и народы» (ч. I, М., 1905; ч. II, разделы IV—VIII, М., 1910; ч. III, разделы VIII—X, М., 1912).

Далее последовали три курса лекций, посвященных истории и литературе арабов, персов, турок. Они также выходили несколькими изданиями. «Предварительные» издания появились в начале 900-х годов⁹². В завершеном виде «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» вышла в свет в 1912—1917 гг.; «Арабская литература в очерках и образцах», тт. I—III — в 1911 г. и «История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фикха, сунны и проч.)», ч. I—III — в 1911—1913 гг.; «История Турции и ее литературы» (т. I, «От возникновения до начала расцвета») — в 1916 г. В 20-е годы работы по истории Персии и Турции и их литератур были изданы на украинском языке.

Так было осуществлено издание полного курса истории мусульманских народов, основанного на идее, высказанной А. Е. Крымским еще в «Мусульманстве и его будущности»: «Никакой единой, однородной и оригинальной мусульманской культуры мы не знаем». То, что принято называть «мусульманской культурой», имеет, по мнению ученого, различные культурные истоки и конкретные национальные проявления⁹³.

⁹² «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии», т. I. «От эпохи халифов», М., 1903; т. II. «От разложения сельджукидского царства до монголов», М., 1906; т. III. «От эпохи монголов до настоящего времени», М., 1906. Третье издание этой работы: т. I, вып. I, «Критико-библиографический обзор источников и пособий по политической и литературной истории Персии», М., 1909; вып. II, т. I. «Расцвет персидской литературы», М., 1909; т. III. «От разложения сельджукидского царства до монголов с приложением многочисленных образцов в русском переводе», М., 1912.

«История арабов, их халифат, их дальнейшие судьбы и краткий очерк арабской литературы», М., 1903. Второе дополненное издание: «История арабов и арабской литературы, светской и духовной», II, ч. I—III, М., 1909—1910.

⁹³ См.: А. Крымский. Мусульманство и его будущность, стр. 39.

Мы позволим себе если не оспорить утверждение И. Ю. Крачковского о том, что впервые в «Культуре мусульманства» (1918) у В. В. Бартольда «находим формулировку преемственности культурной жизни и по отношению к выработанным предшествующими эпохами ценностям: к миру античной древности и христианской культуры Востока»⁹⁴, то по крайней мере заметить, что для утверждения подобной формулировки в русской науке подготовил почву своими работами А. Е. Крымский. В его работах дана широкая картина доисламской истории и культурной жизни стран Переднего Востока (история древней Аравии, Парфии, Сасанидской империи, пехлевийской и арамейской литератур, доисламской поэзии). Крымский тщательно и подробно разработал тему происхождения ислама, источниковедение и историографию этого вопроса. Наконец, с особой полнотой представил историю арабской, персидской и турецкой литератур.

Не всегда издаваемые курсы и пособия были целиком оригинальными трудами А. Е. Крымского. Часто он привлекал переводы классических сочинений западноевропейских ориенталистов (выполненные его учениками). В общей сложности он составил целую хрестоматию из классиков мирового востоковедения: Р. Дози, Т. Нельдеке, И. Гольдциера, Х. Гримме. (К этому надо добавить его ранний перевод У. А. Клоустона и разработку исследования датского ученого И. Эструпа, в переводе Т. Ланге, о «Тысяче и одной ночи»). Следуя практике издания У. А. Клоустона, А. Е. Крымский подвергает публикуемые им сочинения основательной переработке: его примечания и дополнения намного превышают объем собственно переводов.

В изданных курсах и пособиях Крымский не только излагал известные концепции и аргументировал их материалами, почерпнутыми из научной литературы. Будучи знатоком первоисточников, он вводил в научный оборот новые данные, уточнял даже общепринятые факты; основываясь на своих обширных познаниях, оспаривал те или иные суждения; сопровождал анализ собственными переводами литературных образцов.

Можно отметить безусловно оригинальные исследовательские аспекты этих работ: в первую очередь фольклорные сюжеты, вопросы диалектологии, проблемы культурных индо-ирано-арабских взаимосвязей и влияний, отчасти вопросы коранического экзегеза. Немалый интерес представляют содержащиеся в работах параллели восточным явлениям в культуре западноевропейского и славянского миров.

Учебные пособия А. Е. Крымского усовершенствовали систему русской ориенталистической подготовки. Они развивали широкий востоковедный кругозор и готовили к более узкой специализации в со-

⁹⁴ И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд в истории исламоведения, — Избранные сочинения, т. V. М., 1958, стр. 356.

ответствии с требованиями времени. Талантливые ученики А. Е. Крымского работали преимущественно в одной конкретной области: В. А. Гордлевский — в области тюркологии, В. Ф. Минорский, Б. В. Миллер — иранистики, Х. К. Баранов — арабистика.

По своим историко-методологическим взглядам, нашедшим выражение в трудах 900-х годов, А. Е. Крымский ближе всего стоял к И. Гольдциеру с его преобладающим вниманием к истории развития идей. Однако А. Е. Крымский стремится преодолеть односторонность подхода венгерского ориенталиста, рассматривая взаимодействия эволюции идей с политической и экономической историей при учете социальной сущности некоторых идейных явлений; тем самым он солидаризируется с А. Кремером⁹⁵. Вместе с тем А. Е. Крымский отдал дань распространенным в ориенталистике начала XX в. взглядам, якобы расовые факторы влияют на историческое развитие. А. Е. Крымский проявлял интерес к психологическим мотивам поведения исторических деятелей, но ему не было свойственно преувеличивать роль выдающихся личностей, он скорее подчеркивал, как справедливо заметила Н. А. Кузнецова, роль малых социальных групп в этом процессе⁹⁶ и, добавив, уделял внимание проблемам (применяя современную терминологию) социальной и этнической психологии и общественного сознания.

Исторические воззрения А. Е. Крымского безусловно заслуживают специального рассмотрения, начало которому положил своей монографией К. И. Гурницкий. Не оспаривая исходной позиции этого автора, полагающего возможным говорить о взглядах А. Е. Крымского как об оригинальной системе, оговорим, что А. Е. Крымский не предлагал новых концепций. Будучи всесторонне и глубоко осведомленным обо всех сколько-нибудь заслуживающих рассмотрения точках зрения по проблемам, какие оказывались в поле его зрения, он отнюдь не всегда отдавал предпочтение новейшим построениям. Его отбор был подчинен логике собственного представления об истории мусульманских народов.

В курсах лекций, учебных пособиях А. Е. Крымского, общественное звучание которых создавало им большой успех, отражались и его гражданские искания. В академической среде эти курсы одобрялись, «История мусульманства» была введена в 1903 г. как обязательное пособие на Восточном факультете Петербургского университета⁹⁷. Но от А. Е. Крымского ожидали специальных исследований. Однако

⁹⁵ См.: М. А. Батунский, Критика идейных основ буржуазного исламоведения конца XIX — начала XX в.

⁹⁶ Н. А. Кузнецова, Работы А. Е. Крымского в области иранистики.

⁹⁷ См. Письмо к В. Ф. Миллеру от 31.XII.1903.

к систематическому изданию оригинальных работ он приступил лишь в 10-е годы XX в., исполнив свой долг педагога и завершив вместе с тем обработку собственных гравюр. Это, впрочем, не означает, что в 900-е годы ученый не занимался собственно исследовательской деятельностью⁹⁸. В письме к В. Ф. Миллеру он упомянул о нескольких незавершенных работах, положенных «на особой полке вместе со множеством других... рукописей, ждущих окончательной отделки, которая откладывается до более спокойного времени»⁹⁹.

В 900-е годы А. Е. Крымский ограничился изданием двух небольших специальных работ, созданных в соавторстве с его учениками В. Ф. Минорским¹⁰⁰ и А. К. Горстером¹⁰¹. В своем собственном разделе исследования об ориенталистике «Первые шаги западноевропейского востоковедения» А. Е. Крымский нарисовал исторический фон, на котором происходило развитие западноевропейского востоковедения XVI в., охарактеризовал его практические цели, коснулся психологических импульсов, побуждавших ранних ориенталистов заниматься Востоком, и акцентировал внимание на их религиозном вольнодумстве.

Цикл «Тысяча и одна ночь» заинтересовал А. Е. Крымского еще со студенческих лет. Сама работа Эструпа (вступительный очерк к ее изданию на русском языке написал А. Е. Крымский) привлекла его главным образом тем, что автор представил «прямое и логическое завершение, или формулировку», всего того, что сделали его предшественники (в этом также проявилась склонность А. Е. Крымского к «резюмирующим» работам). Ученый дополнил исследование Эструпа историографическим обзором, включавшим и более поздние работы, сообщив читателям о последних достижениях науки по этой проблеме. Ему удалось пролить дополнительный свет на вопрос об эстетической оценке цикла в арабской литературной и фольклорной традициях.

Активнее исследовательский элемент проявляется во второй статье вступительных чтений А. Е. Крымского, сопровождающих книгу Эструпа, посвященной бродячим сюжетам, — повестям: «Кали-

⁹⁸ Известное представление об этом можно получить из перечисления докладов А. Е. Крымского на заседаниях Восточной комиссии (см. протоколы в «Древностях восточных»).

⁹⁹ См. Письмо к В. Ф. Миллеру от 23.I.1904.

¹⁰⁰ А. Е. Крымский и В. Ф. Минорский, Очерки из истории ориенталистики в XVI и XVII в., — «Древности восточные», т. II, вып. 3.

¹⁰¹ «Исследование о „Тысяче и одной ночи“, ее составе, возникновении и развитии Эструпа. Со вступительным историко-литературным очерком А. Крымского», — «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. VIII, М., 1904.

ла и Димна», «Варлаам и Иоасаф», «Синдибадова книга», «Сорок визирей», «Акир премудрый». (К некоторым из этих произведений А. Е. Крымский обратился вновь в 10-е годы XX в.) Ученого интересует путь кочевания сюжетов из пехлевийской литературы в арамейскую, а затем и в арабскую. О рассматривает также проблему «нравственного влияния» восточной литературы (через бродячие повести) на западное общество.

В конце 900-х годов А. Е. Крымский кроме востоковедных работ создает и публикует получившую известность первую синтетическую работу в области исторической грамматики украинского языка — «Граматику украинского языка»¹⁰², участвует в переиздании сочинений С. Руданского.

Начало 10-х годов XX в. оказалось более «спокойным временем», и А. Е. Крымский смог обратиться к своим специальным исследованиям. Нравственные и философские искания ученого в этот период, по-видимому, уже завершены, а колебания преодолены. Отсутствие семьи, вероятно, эмоционально компенсируется теплыми отношениями со студентами. Он поддерживает многочисленные научные и литературные связи (к 1916 г. относится, в частности, его контакт с М. Горьким), чутко реагирует на явления современной жизни стран Востока¹⁰³, дает газетные интервью¹⁰⁴, редактирует «Древности восточные», ведет заседания Восточной комиссии (в качестве секретаря), выполняет долг перед покойными своими учителями — В. Ф. Миллером, Ф. Е. Коршем и Г. А. Муркосом, — публикуя некрологи с подведением итогов их научной деятельности¹⁰⁵, выпускает в свет (со своим предисловием) переводы Ф. Е. Корша из персидской лирики¹⁰⁶.

«Я, к сожалению, в Москве мало принадлежу себе, да еще перед отъездом, когда я множеству людей нужен, — пишет А. Е. Крымский И. Ю. Крачковскому в 1915 г., — я, положим, очень упростил свои отношения тем, что лично стараюсь ни с кем не видаться и предо-

¹⁰² Об исследованиях А. Е. Крымского в области украинского языка см.: И. О. Дзендзелівський, А. Ю. Кримський — дослідник української мови, — «Українська мова і література в школі», 1971, № 2.

¹⁰³ А. Крымский, Аравийское восстание и его перспективы, — «Проблемы великой России», 1916, № 10.

¹⁰⁴ См. «Столичная молва», 1912, № 276.

¹⁰⁵ «В. Ф. Миллер [некролог]», — «Голос минувшего», 1913, № 12; «Утро России», 1913, № 257; «Ф. Е. Корш». — «Национальные проблемы», 1915, май, № 1; «Академик Ф. Е. Корш как украиннолюбивый украинновед», — «Украинская жизнь», 1915, № 3—4; «Г. А. Муркос [некролог]», — «Древности восточные», т. IV, 1913.

¹⁰⁶ См.: Ф. Корш, Персидские лирики X—XV вв., М., 1916.

ставляю все телефону: но зато от телефона приходится почти не отходить, потому что дела все „неотложные“. Кончается, впрочем, „неотложность“ тем, что я исчезаю из Москвы»¹⁰⁷. И в этой утомительной «московской сутолоке» ученый одно за другим издает свои исследования. В 1912 г. он публикует работу об Абу-Теммаме, продолжая исследования доисламской и раннеисламской поэзии¹⁰⁸. Работа свидетельствовала о превосходном знании А. Е. Крымским арабских первоисточников и представляла образец научной добросовестности. Он напечатал по существу лишь начало исследования: тщательное критическое сопоставление источников по биографии Абу-Теммама и историю изучения «Хамасы» в Европе с XVIII в. Арабской средневековой поэзии была также посвящена совместная работа А. Е. Крымского и М. О. Аттая об Абу-Фирасе и Мутанаббие¹⁰⁹.

В 1913 г. появляются работы А. Е. Крымского о Башшаре Бурде и Абане Лахыкье¹¹⁰. Ученый обращается и к деятельности литературного кружка в Басре в середине второй половины VIII в., сыгравшего важную роль в перенесении в арабскую культуру персидских литературных традиций. Он делает специальный акцент на религиозном вольнодумстве членов кружка, на популярности в их среде мутазилитских и манихейских идей. А. Е. Крымский поддерживает гипотезу относительно существенного значения деятельности манихеев при переходе буддийских повестей из индийской литературы в пелевийскую и далее — в арабскую. Вместе с тем он не чуждается изучения проблемы влияния античной и иудейской культур на арабскую мусульманскую культуру, рассматривая ее на материале повести «Семь спящих отроков эфесских» и ее литературной судьбы. Вместе с М. О. Аттая Крымский изучил и перевел на русский язык многочисленные варианты повести, встречающиеся в произведениях арабских писателей. Таким образом, в новых исследованиях соединились различные линии научных поисков ученого в области изучения бродячих сюжетов, христианских и мусульманских ересей и их воздей-

¹⁰⁷ Письмо к И. Ю. Крачковскому от 30.III.1915.

¹⁰⁸ А. Крымский, «Хамаса» Абу-Теммама Тайского, М., 1912.

¹⁰⁹ А. Е. Крымский и М. О. Аттая, Художественные представители пограничной Сиро-Месопотамии времен византийского героя X в. Дигениса Акрита: поэт-витель Абу-Фирас и панегирист Мутанеббий, — «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского», М., 1914.

¹¹⁰ А. Крымский, Башшар ибн-Бурд, — «Древности восточные», т. IV, 1913; его же, Абан Лахыкий, манихействующий поэт (ок. 750—815). Очерк из истории арабской повествовательной литературы индо-персидского характера VIII—IX в., — «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. XXXVII, М., 1913.

ствия на нравственно-философские идеи мировых литературных памятников.

Во время своих поездок по России А. Е. Крымский проявляет интерес к изучению восточных рукописей, мусульманских памятников культуры. Летом 1917 г. Российская Академия наук направляет его в составе археологической экспедиции в оккупированный русской армией Трапезунд для изучения и упорядочения рукописных собраний монастырей и мечетей города и его окрестностей.

Октябрьская революция изменила направление научной деятельности А. Е. Крымского. Он переключился преимущественно на украинистику и научно-организационную деятельность. А. Е. Крымский приветствовал революцию. «Когда в Москве произошла Октябрьская революция 1917 г., — писал он в своей автобиографии, — я был секретарем профессорского совета Лазаревского института. В это время ученые высших школ Москвы, начиная с университета, приняли постановление бойкотировать новую Советскую власть. Я, наоборот, искренне ее приветствовал и в первый же день, когда пушки успокоились, созвал заседание профессорского совета института, склонил своих коллег послать поскорее делегацию к представителям Советской власти... Главою приветственной делегации я и был»¹¹¹. В 1918 г. А. Е. Крымский вернулся в Киев, где вместе с акад. В. И. Вернадским приступил к созданию украинской Академии наук, членом которой он был избран.

20-е годы XX в. — пора активной общественной, научной, педагогической деятельности А. Е. Крымского. Он непреходящий секретарь украинской Академии наук (1918—1928), глава историко-филологического отдела Академии, кабинета арабо-иранской филологии, комиссии по созданию словаря живой украинской речи, с 1920 г. — директор Института украинского языкознания, профессор кафедры всеобщей истории и заведующий кафедрой востоковедения Киевского университета. По инициативе ученого в Киеве, Харькове, Одессе создаются филиалы Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. С 1926 г. А. Е. Крымский состоял членом правления Всеукраинской научной ассоциации востоковедов; в 1920 г. входил в состав Киевского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, а в 1926 г. он был членом Всеукраинского центрального исполнительного комитета. В эти же годы он издает на украинском языке в переработанном и дополненном виде «Историю Персии и ее литературы»¹¹²

¹¹¹ См.: С. Шаховський, Світове ім'я — «Літературная Україна», 15.1.1971.

¹¹² А. Ю. Крымський, Історія Персії та її письменства, Київ, 1923.

и «Историю Турции и ее литературы»¹¹³. Появляются новые работы Крымского из области персидской литературы¹¹⁴ и театра¹¹⁵, турецких языков и литературы¹¹⁶, арабского просвещения¹¹⁷. Ученый обращается к проблеме арабских источников по истории древней Руси¹¹⁸. Научная деятельность Крымского имеет резонанс в арабском мире¹¹⁹.

Помыслы А. Е. Крымского сосредоточены на развитии украинской Академии наук, он стойко сражается за издательскую базу академии, заботится о пополнении иностранной периодической библиотеки Академии наук. Однако его угнетает «ужасное сознание, что и самой жизни скоро не будет и что огромное множество работ, которые именно теперь, на закате лет хотелось бы довести до конца, останутся не доведенными», и он дважды подает прошение об освобождении от обязанности неперемного секретаря, «желая запереться в кабинете и отдаться исключительно науке»¹²⁰. Отставка пришла в 1928 г. в связи с реорганизацией Академии наук.

В 30-е годы труды А. Е. Крымского почти не публикуются. В эти годы, работая только в Киевском университете, он создает в значительной части сохранившиеся в рукописях исследования по истории и культуре народов СССР¹²¹. Существенный вклад сделан ученым в

¹¹³ А. Ю. Кримський, Історія Туреччини та її письменства, Київ 1924—1927.

¹¹⁴ А. Ю. Кримський, Хафиз та його пісні (бл. 1300—1389) в його рідній Персії XIV в. та в новій Європі, — «Збірник Іст.-філ. від. ВУАН», 1924, № 9. Одновременно А. Е. Крымский готовит книгу о Джами (см.: А. З. Дун, Творчество Джами в оценке А. Е. Крымского, — «Вопросы литературы и методики ее преподавания», Ленинград, 1970).

¹¹⁵ А. Кримський, Перський театр, звідки він узявся, як розвивався, — «Збірник Іст.-філ. від. ВУАН», 1925, № 6.

¹¹⁶ А. Ю. Кримський, Тюрки, їх мови, та літератури. Тюркські мови, — «Збірник Іст.-філ. від. ВУАН», 1930, № 105.

¹¹⁷ А. Кримський, Ол. Боголюбський, До історії вищої освіти у арабів та дещо про арабську Академію наук, — «Збірник Іст.-філ. від. ВУАН», № 83.

¹¹⁸ А. Ю. Кримський, Арабський історик Абу-Шоджа Рудраверський (1045—1095) і відношення його літопису до праць історика Гіялоас-Сабія (пом. 1056) та Ях'ї; Антіохійського (пом. бл. 1066), — «Ювілейний збірник на пошану акад. Багалія», Київ, 1927.

¹¹⁹ Каирский журнал «Ал-Иха'а» опубликовал в 1929 г. статью о Крымском и библиографию его трудов (см.: Ю. Кочубей, Агатагел Кримський, — «Всесвіт», 1971, № 1).

¹²⁰ См. Письмо к В. Ф. Минорскому (без даты).

¹²¹ В архиве А. Е. Крымского хранятся его рукописи «История Кавказского Азербайджана», «Башкирский язык», «Источники для истории Грузии», «Хазары», «Джамий», «Низами», «Литература Казахстана».

изучение истории и культуры Азербайджана¹²². О его серьезном интересе к вопросам языкознания, этнографии и культуры народов СССР свидетельствуют соответствующие разделы собранной им личной библиотеки, подаренной накануне войны украинской Академии наук. В эти годы А. Е. Крымский возвращается к своим материалам, собранным в Сирии, и готовит к изданию письма из Сирии¹²³.

Наконец, в 30-е годы он создает самое замечательное свое исследование — «Историю новой арабской литературы», доведенную до 80-х годов XIX в. Это произведение до сих пор остается уникальным, не имеющим параллелей в мировой науке. А. Е. Крымский блестяще проследил процесс зарождения и становления новых тенденций в арабской литературе, всесторонне охарактеризовал выдающихся деятелей литературного возрождения, используя мемуары и устные воспоминания современников. Он осветил влияние устной словесности на развитие литературы, показал взаимосвязанность литературного процесса и общественного сознания.

Широкое признание заслуг А. Е. Крымского в области украинской литературы, его научной деятельности пришло в конце 30-х годов, когда после долгого перерыва в публичных выступлениях он принял участие в научной сессии во Львове и произнес речь на могиле своего учителя и друга юности И. Я. Франко. В 1940 г. А. Е. Крымский был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1941 г. в Киеве торжественно отмечался 70-летний юбилей ученого. А год спустя, в январе 1942 г., А. Е. Крымский умер в Кустанае.

Рассмотрение огромного, еще не до конца выявленного востоковедного наследия А. Е. Крымского опровергает сложившееся представление о нем как преимущественно о популяризаторе. Помимо создания общих трудов, подводящих итоги развития мирового востоковедения XIX в. и поднявших уровень востоковедной подготовки в России, А. Е. Крымский проделал огромную исследовательскую работу, которая в одной своей линии продолжала русские и западноевропейские исследования культурных национальных взаимодействий, в другой — утверждала нетрадиционные для академической ориентали-

¹²² А. Е. Крымский, Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании) [г. Кабала], — сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932», Л., 1934; его же, Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки, — сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934)», М.—Л., 1938. Уже после смерти ученого была опубликована часть работы о Низами (А. Е. Крымский, Низами и его изучение, — сб. «Низами Гянджеви», Баку, 1947).

¹²³ Об этих годах жизни и творчества А. Е. Крымского см. Т. Грунин, Агатангел Крымский, — «Архіви України», 1971, № 1 (105).

стики дисципліни — історію нових літератур і фольклора, нову історію. Глибина і всесторонність знань А. Е. Кримського во всіх областях, куди оказувались в сфері його інтересів, нерідко дозволяли йому предвидіти пути дальніших пошуків і висказувати інтересні догадки, приходити к частним выводам, підтвердженим більш поздніми дослідженнями.

* * *

Внимание к личности А. Е. Кримського, его научному и літературному наслідю пробудилося на Україні с конца 1950-х годов. Увидел свет том его «Избранных сочинений» и сборник поэтических произведений «Поезії»; были осуществлены первые опыты изучения творческой биографии А. Е. Кримського в работах О. Бабышкіна, О. Килимника, С. М. Шаховського, К. И. Гурницького и др.¹²⁴.

Важным вкладом в дальнейшее изучение творчества ученого и писателя была Юбилейная научная сессия Академии наук УССР, посвященная 100-летию со дня рождения А. Е. Кримського¹²⁵. (Включение ЮНЕСКО дня рождения ученого в календарь знаменательных дат 1971 г. свидетельствовало о международном признании его заслуг¹²⁶). Киевское издательство «Научная мысль» («Наукова думка») предприняло в 1972 г. издание пятитомного собрания сочинений А. Е. Кримського. Благодаря выходу в свет первого тома этого собрания востоковеды получили возможность ознакомиться с многочисленными поэтическими переводами на украинский язык произведений турецкой, арабской, персидской классики и фольклора, с «Бейрутскими рассказами», содержащими фольклорные материалы и диалектные записи. Помещенный во втором томе (1972) роман А. Е. Кримського «Андрей Лаговский», включающий ранее не публиковавшиеся части,

¹²⁴ О. Бабышкін, Агатангел Кримський; А. Дун, Агафангел Кримський — писатель и ученый, — «Вопросы литературы», 1969, № 5; О. Килимник, Агатангел Юхимович Кримський (До 90-річчя з дня народження), — «Вітчизна», 1961, № 1; С. Шаховський, Поезія — супутниця науки, — А. Кримський, Вибрані твори; К. І. Гурницький, Роки навчання А. Ю. Кримського в Київській колегії Павла Галагана. Вплив П. Г. Житецького, — «Матеріали ХХІ наукової конференції Ужгородського ун-ту. Серія історії», Ужгород, 1967; е го ж е, Про початок громадської діяльності А. Ю. Кримського, — «Український історичний журнал», 1971, № 1; е го ж е, А. Ю. Кримський в радянській історіографії, — «Історіографічні дослідження в Українській РСР», вып. 4, Київ, 1971.

¹²⁵ См.: «Народы Азии и Африки», 1971, № 5.

¹²⁶ См.: Ю. Кочубей, У виданні ЮНЕСКО, — «Літературна Україна», 1971, 30 березня.

проливает свет на духовный склад писателя и ученого¹²⁷. Опубликована подготовленная к изданию ленинградским арабистом А. Б. Халидовым «История новой арабской литературы. Третий том (1973) содержит по преимуществу работы А. Е. Крымского в области украинского языкознания, фольклора и этнографии, изданные между 1891 и 1929 гг.; в их числе написанная им в Сирии известная работа «Филология и погодинская гипотеза. (Дает ли филология малейшие основания поддержать гипотезу г. Погодина и г. Соболевского о галицково-волынском происхождении малоруссов?)», свидетельствующая о незаурядных познаниях еще молодого ученого в исторической лингвистике, о его блестящем даре острого полемиста. Опередившие четвертый том востоковедных трудов А. Е. Крымского два выпуска пятого тома (1973) впервые публикуют эпистолярное наследие ученого; его письма (1890—1917) к деятелям украинской и русской науки и литературы (И. Я. Франко, Б. Д. Гринченко, М. И. Павлику, В. М. Гнатюку, П. И. Житецкому, В. Ф. Миллеру, В. А. Гордлевскому, И. Ю. Крачковскому и др.) и письма из Сирии.

Исследователи располагают теперь полной библиографией опубликованных трудов А. Е. Крымского, составленной Н. М. Деркач, Н. М. Исаевой, Г. М. Мартыненко и К. И. Скокан¹²⁸. (Об объеме работы, проделанной составителями, свидетельствует само количество трудов ученого, писателя, переводчика — 1275 наименований опубликованных произведений.)¹²⁹

Вслед за общими обзорными работами о А. Е. Крымском и его творчестве появились исследования специального характера, предназначенные привлечь внимание к различным сторонам научной деятельности ученого. Возник цикл статей, характеризующих А. Е. Крымского как лингвиста, этнографа и фольклориста, ираниста, арабиста, тюрколога¹³⁰. Основательно, с привлечением архивных материалов,

¹²⁷ В письме к И. Ю. Крачковскому от 14.XI.1910. А. Е. Крымский, отрицая автобиографичность изданного тогда «Андрея Лаговского», сообщает, что в ненапечатанном продолжении романа — повести «За святым Ефремом Сирийским» действительно оказалось много личных переживаний, которые «затушевать не удалось бы».

¹²⁸ А. Ю. Крымський, *Бібліографічний покажчик* (1889—1971), Київ, 1972.

¹²⁹ См. рецензию: Н. К., А. Крымський. Твори в п'яти томах, т. I—II; А. Ю. Крымський, *Бібліографічний покажчик* (1889—1971); К. І. Гурницький, *Крымський як історик*, — «Народы Азии и Африка», 1973, № 6, стр. 194—196.

¹³⁰ И. О. Дзєндзелівський, А. Ю. Крымський — дослідник української мови, — «Українська мова і література в школі», 1971, № 2; І. Г. Матвіяс, Питання української діалектології в працях А. Ю. Крымського, — «Мовознавство», 1971, № 1; П. М. Попов, Академік А. Ю. Крымський, як дослідник народної поетичної творчості, — «Народна творчість та етнографія», 1961, № 3; Н. Ішчина, Ага-

была изложена творческая биография ученого и подвергнута анализу его исторические взгляды К. И. Гурницким в работе «Крымский как историк». И тем не менее обширное востоковедное наследие А. Е. Крымского, составившее важный вклад в востоковедение и русскую культуру, еще ожидает специального изучения.

фангел Кримський [як фольклорист], — «Народна творчість та етнографія», 1971, № 1; О. Дун, Невідома стаття А. Ю. Кримського про Гафіза, — «Прапор», 1968, № 7; е г о ж е, Творчество Джами в оценке А. Е. Крымского, — «Ученые записки Ленинабадского пед. ин-та», 1970, вып. 36; Г. Г. Зибіна, Академік А. Кримський і Арабський Схід, — «Український історичний журнал», 1971, № 1; І. Ф. Черніков, Питання історії Туреччини в творах А. Ю. Кримського, там же.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Предисловие. <i>И. М. Смилянская</i>	6

ПИСЬМА

1. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 1 октября [13 октября] 1896 г., Одесса	25
2. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 2 октября [14 октября] 1896 г., пароход «Одесса»	26
3. <i>М. Е. Крымской</i> . От 5/17 октября 1896 г., пароход «Одесса»	27
4. <i>М. Е. Крымской</i> . От 6/18 октября 1896 г., пароход «Одесса»	29
5. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 20—22 октября [1—3 ноября] 1896 г., Бейрут	29
6. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 23 октября [4 ноября] 1896 г., Бейрут	35
7. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 25 октября [6 ноября] 1896 г., Бейрут	37
8. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 25 октября [6 ноября] 1896 г., Бейрут	37
9. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 4 ноября [16 ноября] 1896 г., Бейрут	39
10. <i>М. Е. Крымской</i> . От 6/18 ноября 1896 г., Бейрут	50
11. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 9 ноября [21 ноября] 1896 г., Бейрут	53
12. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 20 ноября [2 декабря] 1896 г., Бейрут	62
13. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 22 ноября [4 декабря] 1896 г., Бейрут	63
14. <i>М. Е. Крымской</i> . От 23 ноября [5 декабря] 1896 г., Бейрут	65
15. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 4 декабря [16 декабря] 1896 г., Бейрут	66
16. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 7 декабря [19 декабря] 1896 г., Бейрут	67
17. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 9 декабря [21 декабря] 1896 г., Бейрут	68
18. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 9/21 декабря 1896 г., Бейрут	69
19. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 11 декабря [23 декабря] 1896 г., Бейрут	70
20. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 15/27 декабря 1896 г., Бейрут	71
21. <i>М. Е. Крымской</i> . От 16/28 декабря 1896 г., Бейрут	75
22. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 16 декабря [28 декабря] 1896 г., Бейрут	77
23. <i>Е. Е. Крымскому</i> . От 24 декабря 1896 г. [5 января 1897 г.], Бейрут	85
24. <i>Е. С. Крымскому</i> . От 25 декабря 1896 г. [6 января 1897 г.], Бейрут	86

25. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 26 декабря 1896 г. [7 января 1897 г.], Бейрут	87
26. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 31 декабря 1896 г. [12 января 1897 г.], Бейрут	91
27. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 2 января [14 января] 1897 г., Бейрут	92
28. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 5/17 января 1897 г., Бейрут	94
29. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 7 января [19 января] 1897 г., Бейрут	95
30. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 7 января [19 января] 1897 г., Бейрут	97
31. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 14 января [26 января] 1897 г., Бейрут	100
32. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 17/29 января 1897 г., Бейрут	101
33. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 21 января [2 февраля] 1897 г., Бейрут	102
34. <i>М. Е. Крымской.</i> От 21 января [2 февраля] 1897 г., Бейрут	103
35. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 26 января [7 февраля] 1897 г., Бейрут	106
36. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 29 января [10 февраля] 1897 г., Бей- рут	107
37. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 31 января [12 февраля] 1897 г., Бей- рут	109
38. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 1 февраля [13 февраля] 1897 г., Бей- рут	110
39. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 4 февраля [16 февраля] 1897 г., Бей- рут	111
40. <i>М. Е. Крымской.</i> От 4/16 февраля 1897 г., Бейрут	114
41. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 19 февраля [3 марта] 1897 г., Бейрут	117
42. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 25 февраля [9 марта] 1897 г., Бейрут	118
43. <i>М. Е. Крымской.</i> От 2 марта [14 марта] 1897 г., Бейрут	119
44. <i>М. Е. Крымской.</i> От 16 марта [28 марта] 1897 г., Бейрут	120
45. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 17 марта [29 марта] 1897 г., Бейрут	121
46. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 21 марта [2 апреля] 1897 г., Бейрут	122
47. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 26 марта [7 апреля] 1897 г., Бейрут	123
48. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 7 апреля [19 апреля] 1897 г., Бейрут	123
49. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 9 апреля [21 апреля] 1897 г., Бейрут	126
50. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 10 апреля [22 апреля] 1897 г., Бейрут	128
51. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 10 апреля [22 апреля] 1897 г., Бейрут	129
52. <i>М. Е. Крымской.</i> От 10 апреля [22 апреля] 1897 г., Бейрут	130
53. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 24 апреля [6 мая] 1897 г., Бейрут	131
54. <i>М. Е. Крымской.</i> От 26 апреля [8 мая] 1897 г., Бейрут	132
55. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 27 апреля [9 мая] 1897 г., Бейрут	133
56. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 29 апреля [11 мая] 1897 г., Бейрут	134
57. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 29 апреля [11 мая] 1897 г., Бейрут	134
58. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 2 мая [14 мая] 1897 г., Бейрут	136
59. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 7 мая [19 мая] 1897 г., Бейрут	136
60. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 22 мая [3 июня] 1897 г., Бейрут	137
61. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 23 мая [4 июня] 1897 г., Бейрут	138
62. <i>Е. С. Крымскому.</i> Май 1897 г., Бейрут	138
63. <i>М. Е. Крымской.</i> От 28 мая [9 июня] 1897 г., Бейрут	139
64. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 1/13 июня 1897 г., Бейрут	140
65. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 16 июня [28 июня] 1897 г., Бейрут	142
66. <i>М. Е. Крымской.</i> От 17 июня [29 июня] 1897 г., Бейрут	143
67. <i>М. Ф. Крымской</i> [От 24 июня/6 июля] 1897 г., Бейрут	144
68. <i>М. Е. Крымской.</i> От 28 июня [10 июля] 1897 г., Бейрут	146
69. <i>Е. Е. Крымскому</i>	147
70. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 30 июня [12 июля] 1897 г., Бейрут	150
71. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 5 июля [17 июля] 1897 г., Шуэйр на Ливане	152

72. <i>М. Е. Крымской.</i> От 16 июля [28 июня] 1897 г., Шуэйр . . .	161
73. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 17 июля [29 июля] 1897 г., Шуэйр	178
74. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 23 июля [4 августа] 1897 г., Шуэйр на Ливане	186
75. <i>М. Е. Крымской.</i> От 24 июля [5 августа] 1897 г., Шуэйр	187
76. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 5 августа [17 августа] 1897 г., Шуэйр	189
77. <i>М. Е. Крымской.</i> От 5 августа [17 августа] 1897 г., Шуэйр	190
78. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 16 августа [28 августа] 1897 г., с. Алей на Ливане	193
79. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 25 августа [6 сентября] 1897 г., Шу- эйр на Ливане	212
80. <i>М. Е. Крымской.</i> От 2 сентября [14 сентября] 1897 г., Шу- эйр	213
81. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 6 сентября [18 сентября] 1897 г., Шуэйр	215
82. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 10 сентября [22 сентября] 1897 г., Шуэйр	217
83. <i>М. Ф. Крымской.</i> От 20 сентября [2 октября] 1897 г., Шуэйр	226
84. <i>М. Е. Крымской.</i> От 24 сентября [6 октября] 1897 г., Шуэйр	227
85. <i>М. Е. Крымской.</i> От 30 сентября [12 октября] 1897 г., Шуэйр	228
86. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 2 октября [14 октября] 1897 г., Шуэйр	229
87. <i>М. Ф. Крымской.</i> От 3 октября [15 октября] 1897 г., Шу- эйр на Ливане	231
88. <i>Е. Е. Крымскому</i> От 5 октября [17 октября] 1897 г., Шуэйр	232
89. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 7 октября [19 октября] 1897 г., Шу- эйр на Ливане	232
90. <i>М. Е. Крымской.</i> От 10 октября [22 октября] 1897 г., Шуэйр	233
91. <i>М. Е. Крымской.</i> От 14 октября [26 октября] 1897 г., Шуэйр	234
92. <i>М. Ф. Крымской.</i> От 14 октября [26 октября] 1897 г., Шу- эйр на Ливане	235
93. <i>М. Ф. Крымской.</i> От 16 октября [28 октября] 1897 г., Шу- эйр на Ливане	236
94. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 24 октября [5 ноября] 1897 г., Бейрут	240
95. <i>М. Ф. Крымской.</i> От 30 октября [11 ноября] 1897 г., Бей- рут	240
96. <i>М. Е. Крымской.</i> От 4 ноября [16 ноября] 1897 г., Бейрут	241
97. <i>М. Е. Крымской.</i> От 8 ноября [20 ноября] 1897 г., Бейрут	243
98. <i>М. Ф. Крымской.</i> От 18 ноября [30 ноября] 1897 г., Бейрут	245
99. <i>Е. С. и М. Е. Крымским.</i> Кажется, от 24 ноября [6 декаб- ря] 1897 г., Бейрут	245
100. <i>Е. С. Крымскому.</i> От 1 декабря [13 декабря] 1897 г., Бей- рут	246
101. <i>М. Е. Крымской.</i> От 5 декабря [17 декабря] 1897 г., Бейрут	247
102. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 8 декабря [20 декабря] 1897 г., Бейрут	247
103. <i>Е. Е. Крымскому.</i> От 17 декабря [29 декабря] 1897 г.	249
104. <i>М. Е. Крымской.</i> От 28 декабря [9 января] 1897 г., Бейрут	249

105.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 31 декабря [12 января] 1897 г.,	Бейрут	251
106.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 12 января [24 января] 1898 г.,	Бейрут	252
107.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 28 января [9 февраля] 1898 г.,	Бейрут	254
108.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 3 февраля [15 февраля] 1898 г.,	Бейрут	255
109.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 5 февраля [17 февраля] 1898 г.,	Бейрут	259
110.	<i>Е. С. Крымскому.</i>	От 11/23 февраля 1898 г.,	Бейрут	260
111.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 20 февраля [4 марта] 1898 г.,	Бейрут	261
112.	<i>М. Ф. Крымской.</i>	От 23 февраля [7 марта] 1898 г.,	Бейрут	263
113.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 24 февраля [8 марта] 1898 г.,	Бейрут	265
114.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 12 марта [24 марта] 1898 г.,	Бейрут	268
115.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 18 марта [30 марта] 1898 г.,	Бейрут	270
116.	<i>Е. С. Крымскому.</i>	От 19 марта [31 марта] 1898 г.,	Бейрут	275
117.	<i>Е. С. Крымскому.</i>	От 25 марта [6 апреля] 1898 г.,	Бейрут	276
118.	<i>М. Ф. Крымской.</i>	От 27 марта [8 апреля] 1898 г.,	Бейрут	277
119.	<i>Е. С. Крымскому.</i>	От 2 апреля [14 апреля] 1898 г.,	Бейрут	278
120.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 16 апреля [28 апреля] 1898 г.,	Иерусалим	280
121.	<i>Е. С. Крымскому.</i>	От 22 апреля [2 мая] 1898 г.,	Бейрут	286
122.	<i>М. Ф. Крымской.</i>	От 27 апреля [9 мая] 1898 г.,	Бейрут	287
123.	<i>Е. Е. Крымскому.</i>	От 2 мая [14 мая] 1898 г.,	Бейрут	287
	Примечания			290
	<i>И. М. Смилянская.</i>	Очерк востоковедной деятельности		
	А. Е. Крымского			303

*Асафангел Ефимович
Крымский*

ПИСЬМА
ИЗ ЛИВАНА
(1896—1898)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Я. Северина*

Младший редактор

<i>А. М. Попова</i>

Художник *А. И. Гольдман*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Э. С. Телякова*

Корректоры *М. К. Киселева* и

Л. И. Письман

Сдано в набор 16/XI 1973 г.
Подписано к печати 30/I 1975 г.
А-09454. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2.
Печ. л. 10,75+0,06 п. л. вкл. Усл. п. л. 18,16.
Уч. изд. л. 19,06. Тираж 4000 экз.
Изд. № 3160. Зак. 1272. Цена 1 р. 24 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома.
Москва, ул. Макаренко, 5/16.

Главная редакция
восточной литературы
издательства „Наука“

Вышли в 1973 г.

Арабские страны: Турция. Иран. Афганистан. 264 стр.

История и экономика стран Арабского Востока, 304 стр.

Медведко Л. И. Ветры перемен
в Персидском заливе. 207 стр.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами
книготоргов и «Академкнига», а также по адресу:
117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12,
магазин № 3 («Книга-почтой») «Академкнига».

Цена 1 р. 24 к.